

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2020 № 3 (17)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 3 (17). 2020

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2020. № 3 (17)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Владислав Александрович Резвый (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Зоя Сергеевна Закружная (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоскари, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

he journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Vladislav A. Rezvy (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia), Zoya S. Zakruzhnaya (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Alena E. Isakhanyan (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St.
Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute
of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic
Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA,
USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia),
Mikhail V. Stroganov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Scienc-
es, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great
Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky*
(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University,
Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin*
(University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi*
(University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3,
Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *La-
zar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan University,
Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- Е.Р. Обатнина.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг.
Часть первая. «Эстетическое разложение» 8
- А.М. Ремизов.* «На вечерней заре». Глава из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926. Комментарии *Е.Р. Обатниной*;
Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной* 54

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

- А.Л. Соболев.* Общество свободной эстетики (1906–1917).
Материалы к хронике. Часть II (1912–1917) 88

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

- Н.А. Богомолов.* К истории русской потенциальной журналистики.
Несостоявшийся журнал группы «Лирика» 158
- Е.В. Антонова.* Главлит и судьба литературно-художественных журналов
в 1931–1932 гг. («Красная новь», «Новый мир» и др.) 180
- А. Устинов.* Addenda ad volumen:
из «неизданного» выпуска журнала «Гермес» 203

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- Е.Н. Строганова.* Материалы о потомках М.Е. Салтыкова
из архива С.А. Макашина 237
- В.В. Шадульский.* И.С. Тургенев в восприятии М.А. Алданова 265
- Б.М. Горелик.* «Неназванная» муза Валерия Брюсова. Южноафриканский эпилог 281
- Р.Д. Тименчик.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой:
А. Эфрос 292

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

- К.Ю. Лаппо-Данилевский.* Н.И. Новиков – издатель поэзии А.П. Сумарокова 304

ДОПОЛНЕНИЯ, ОТКЛИКИ, ОБЗОРЫ

- М.В. Орлова, А.В. Лавров.* Два письма В.Я. Брюсова к П.И. Баргенову 343
- А.Г. Мец, Л.М. Видгоф, Е.И. Лубяникова, С.И. Субботин.* Дополнения
к Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама 350
- Вадим Беспрозванный.* «Большая книга ошибок»
(новое собрание сочинений В.И. Нарбута) 366

IN MEMORIAM

- Вячеслав Анатольевич Кошелев (1950–2020)
В.А. Кошелев. Предисловие к Автобиографии 387

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

- Elena R. Obatnina*. Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927.
Part 1. "Aesthete-Degenerate" 8
- Alexey Remizov. "At the Evening Dawn." A Chapter from the Manuscript;
Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926", comm. by *E.R. Obatnina*,
text prep. by *E.R. Obatnina* and *A.S. Uryupina* 54

LITERARY SOCIETIES AND INSTITUTIONS

- Alexander L. Sobolev*. Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials.
Part 2: 1912–1917 88

FROM THE HISTORY OF JOURNALISM AND PERIODICALS

- Nikolay A. Bogomolov*. On the History of Potential Russian Journalism.
Unrealized magazine project of the group "Lirika" 158
- Elena V. Antonova*. Glavlit and the Fate of Literary and Art Magazines
in 1931–1932 (*Krasnaya Nov'*, *Novy Mir*, etc.) 180
- Andrei Ustinov*. Addenda ad volumen:
From the Unpublished Issue of the Magazine *Hermes*. 203

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

- Evgenija N. Stroganova*. Materials on M.E. Saltykov-Shchedrin's
Descendants from S.A. Makashin's Archive. 237
- Vladimir V. Shadursky*. Turgenev as Perceived by Mark Aldanov. 265
- Boris M. Gorelik*. Valery Bryusov's "Unnamed" Muse.
A South African Epilogue. 281
- Roman D. Timenchik*. From the Index
to Akhmatova's "Notebooks": A. Efros. 292

TEXTUAL CRITICISM ISSUES

- Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii*. Nikolai Novikov as a Publisher of
Aleksandr Sumarokov's Poetry. 304

SUPPLEMENTS. RESPONSES. REVIEWS

- Monika V. Orlova*, *Alexander V. Lavrov*. Two Letters
from V. Bryusov to P. Bartenev 343
- Alexander G. Mets*, *Leonid M. Vigdof*, *Ekaterina I. Lubyannikova*,
Sergei I. Subbotin. Supplement to the Chronicle
of Osip Mandelstam's Life and Work 350
- Vadim G. Besprozvanny*. "The Big Book of Errors"
(New Collected Works of Vladimir Narbut) 366

IN MEMORIAM

- Professor Vyacheslav Koshelev (1950-2020).
V.A. Koshelev. A Foreword to the Autobiography 387

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая. «Эстето-разложенец»

© 2020, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00035.

Аннотация: Биографический очерк посвящен литературной ситуации, сложившейся вокруг Ремизова в 1926 г. в связи с его деятельностью в новых журналах «Благонамеренный» и «Версты». Автор на основании неизвестных материалов личного архива писателя, а также с опорой на опубликованную переписку и мемуары участников событий того времени объективирует позицию Ремизова как активного участника литературного процесса. В статье выявлены творческие задачи писателя, реализованные на страницах двух изданий, и его особая миссия в продвижении молодых литературных сил советской России и русского зарубежья. Детальное рассмотрение аргументации критических статей, обвинявших редакторов двух журналов, а также ближайшего их сотрудника Ремизова в разрушении не только идеологического единства русской литературной диаспоры, но и эстетических канонов, позволило описать основные противоречия литературной жизни эмиграции, накопившиеся к 1926 г. В очерке представлены ранее неизвестные эпизоды истории журналов «Благонамеренный» и «Версты», опирающиеся на впервые введенные в научный оборот материалы эпистолярного наследия Ремизова, Д.А. Шаховского, Л. Шестова и Н. Берберовой.

Ключевые слова: эмиграция, литературная критика, евразийство, журнал «Благонамеренный», журнал «Версты», А.М. Ремизов, литературная личность, идеология, новаторство, литературный консерватизм.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, наб. Макарова, 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>

В биографии Ремизова 1926 и 1927 годы прошли под знаком литературных баталий эмиграции. Рукопись «На вечерней заре», созданная писателем на основе авторской редакции собственных писем к жене¹, содержит «отзвуки» редакционной деятельности двух новых периодических изданий — журналов «Благонамеренный» (1926) и «Версты» (1926–1928), появление которых на авансцене парижской литературной жизни вызвало громкий общественный резонанс и спровоцировало обострение политических и эстетических разногласий в профессиональном цеху. Именно эти события обнаружили «теневое» присутствие Ремизова, одного из активных участников новых изданий, и обозначили проекции его литературного поведения в течение последующих пяти лет (до 1931 г. включительно).

В мемуаристике сохранилось лишь несколько свидетельств, выхватывающих из вспышек памяти встречи с Ремизовым. В эссе биографии писателя, посвященной литературной ситуации 1926 г., нашими провожатыми по Елисейским полям прошлого станут представители младшего поколения первой волны эмиграции. Это проживавший в то время в Брюсселе поэт и редактор журнала «Благонамеренный» князь Дмитрий Алексеевич Шаховской, один из ремизовских «спутников» первой половины года, и две хрупкие музы русского Монпарнаса — «сестра Благонамеренного», княжна Зинаида Алексеевна, исполнявшая в Париже обязанности «поверенного» в литературных делах брата², и поэтесса Нина Николаевна Берберова.

Как известно, издательское поприще 24-летнего Шаховского оказалось ошибочной попыткой найти мирское призвание. Однако именно в этот краткий период Ремизов стал его старшим товарищем и советником по редакционной работе. Шаховская и Берберова среди ремизовских друзей не числились и к его поклонникам себя не относили. Их круг общения локализовался вокруг оппонентов писателя. Между тем биография и эпистолярное наследие всех избранных нами «действующих лиц» позволяют сделать вывод, что именно в 1926 г. образовалось три центра, или «очага», воспитания литературных сил: вокруг Мережковских, Бунина и, как это ни удивительно, учитывая непубличность нашего героя, — вокруг Ремизова.

Участница двух новых журналов Марина Цветаева как представительница старшей возрастной категории молодых литераторов-эмигрантов оказалась хоть и не среди учеников и друзей

¹ См. публикацию главы из рукописи, посвященной 1926 г.: Наст. изд., с. 54–87.

² Ср. воспоминания: [21, с. 121–122].

Ремизова, но на «его стороне». Наравне с писателем она стала мишенью критических стрел, выпущенных в их адрес в 1926 г. Характеризуя состояние молодежной литературы, Цветаева в печатном выступлении конца 1925 г. с присущей ей внятностью определила значение для поколения постреволюционной культуры литературной личности писателя, отношение к которому сложилось независимо от границ и идеологических противоречий:

Здесь, за границами державы Российской, не только самым живым из русских писателей, но живой сокровищницей русской души и речи считаю — за явностью и договаривать стыдно — Алексея Михайловича Ремизова, без которого, за исключением Бориса Пастернака, не обошелся ни один из современных молодых русских прозаиков. Ремизову, будь я какой угодно властью российской, немедленно присудила бы звание русского народного писателя...³

Среди зарубежных молодых бытовали и другие мнения, согласно которым в расстановке литературных сил «фигура» Ремизова едва обозначалась на периферии жизни эмиграции. По впечатлениям Берберовой, посещавшей парижскую квартиру писателя во второй половине 1920-х, скорее из любопытства к его «чудачествам», он был мало приспособлен к наставничеству, заботясь лишь о неприкосновенности собственного художественного мира. Характер его взаимоотношений с близким окружением, состоявшим, как ей казалось, не из учеников, а всё больше из друзей-помощников по быту, был камерным, лишенным деятельного потенциала. Эта пассивность выставляла его в невыгодном свете для той части молодежи, которая группировалась вокруг других, более авторитетных литературных лидеров:

Мережковский и Гиппиус искали отношений с людьми, которые «интересуются интересным», и других не ценили, Дмитрий Сергеевич называл их «обывателями». Ремизов жил среди «статиков», «динамиков» не искал, хотел главным образом подводного течения человеческой теплоты. Он любил людей, любивших его, помогавших ему, ограждавших его от жизни заботами о нем, тех, которые с благоговением слушали его бредни о чертенятах, обезьяньих палатах, все его фантазии (искусно «заделанные», но почти всегда — сексуальные), и среди таких людей он жил, постепенно отрезав себя от тех, которых нужно было познавать. Читателей у него было мало,

³ Цветаева М. Русские писатели о современной литературе и о себе [ответ на анкету] // Своими путями (Прага). 1925. № 8–9. С. 8.

они все помещались у него в квартире за чайным столом, и между читателями-друзьями-гостями этими не было ничего общего, кроме их доброго отношения и расположения к хозяину дома [2, с. 253].

Эпистолярный роман Ремизова «На вечерней заре», который вместе с сохранившимися оригинальными письмами мы избрали в качестве основного источника для создания научной биографии писателя, и воспоминания современников представляют собой сложный и отягощенный стратегией авторов результат переосмысления пройденного пути. Однако, сопоставляя документальные источники, есть возможность восстановить реальное содержание двух лет жизни Ремизова, не упуская из вида разнообразные ракурсы восприятия его спутников.

Оба журнала — «Благонамеренный» и «Версты» — воспринимались современниками в русле евразийского течения, идеология которого была близка каждому из редакторов новых журналов — Д.А. Шаховскому, Д.П. Святополк-Мирскому и П.П. Сувчинскому. Согласно заданной эмигрантскими критиками парадигме идеологических оценок, эти преимущественно литературные издания вошли в историю русского зарубежья как просоветские проекты, направленные на разрушение монолитного эмигрантского противостояния власти большевиков в России⁴. Вместе с тем рассмотрение начальных этапов деятельности трех редакторов в контексте ремизовской биографии позволяет раскрыть не только трансформацию их редакционных стратегий (от литературного нейтралитета к литературной борьбе, от литературы к идеологии), но и на момент 1926 г. более значительную роль этих периодических изданий, чем осуществление функции рупора идеологического течения, не нашедшего в эмиграции широкого общественного признания. Привлечение имен начинающих писателей эмиграции, наряду с авторами молодого творческого поколения, заявившими о себе в советской печати, позволило этим «толстым» журналам продемонстрировать зарождающийся в условиях изгнания процесс формирования нового модуса творческого сознания. Пишущая молодежь испытывала острую потребность обретения собственного места в национальной культуре, которая, по их представлениям, могла жить и развиваться независимо от географических координат. Иными словами, картина эмигрантского мира,

⁴ Об идеологических основах журнала и литературно-общественной реакции на его появление см.: [17, с. 62–64].

построенная на непримиримом противостоянии России Советской и России Зарубежной, с появлением «Благонамеренного» и «Верст» утратила внешнюю однозначность и пропорциональность. В начале своей деятельности учредители двух журналов сформулировали новую концепцию современной литературы, которая ориентировалась на критерии исторической и национальной самобытности, осмысленной во взаимодействии традиции и новаторских тенденций.

Проблема модернизации эстетических канонов подспудно созревала в умах творческой молодежи. Многие ее представители нуждались в учительстве старших, но одновременно не находили в их эстетике и жизненных установках ответов на собственные запросы. Не имея симпатий к большевистскому режиму, они искали собственные пути создания национальной общности, независимо от сложившихся политических условий. Тесными стали для них и рамки безупречной русской прозы, за образцами которой они способны были почувствовать не столько продолжение традиций классической литературы, сколько консервацию этой традиции. Об этом «прокрустовом ложе» эмигрантского консерватизма Н. Берберова писала как об основном скрытом конфликте безвестных молодых и неизменно анагажированных именитых писателей:

Было также усиленное давление со стороны тех, кто ждал от нас продолжения бунинско-шмелевско-купринской традиции реализма (их термин, не мой). Попытки выйти из него никем не понимались, не ценились. Проза Цветаевой — едва ли не лучшее, что было в эти годы — не была понята. Поплавский был прочтен после его смерти, Ремизова никто не любил... [2, с. 339].

Как подтверждает поэтесса, во второй половине 1920-х для Ремизова создалась неблагоприятная литературная ситуация. Несмотря на зрелый возраст и опыт, его положение, до известной степени схожее с положением начинающих писателей, было незавидным. В парижских редакциях он чувствовал постоянное ущемление собственных творческих интересов. Почти всегда ему приходилось выполнять «заказ» редакций на конкретные жанры, упрощавший архитектуру его собственного художественного макрокосма. В редколлегиях его эксперименты с автобиографическим дискурсом встречались неприязненно⁵. Например, требования редакторов «Современных

⁵ Этой теме посвящены наши статьи: [10, с. 208–217]; *Обатнина Е.Р.* Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) (в печати).

записок» к Ремизову носили откровенно ограничительный характер, как в письме М.В. Вишняка, адресовавшего писателю запрос, касающийся планирования номеров 1926 г.: «Что Вы готовите для “Современных” Записок»? Думаете ли вообще? Помните о нас и наших вкусах: реалистическое (Поле блакитное⁶) мы предпочитаем снам (La Matière⁷). Если что готово, сообщите, — мы возьмем в запас»⁸.

Берберова, разворачивая экспозицию литературного Парижа в интересующий нас временной отрезок, отмечала не только гегемонию политики над творчеством, но и общую атмосферу, характеризующуюся разряженным воздухом эстетического уравнения вкусов и стилей⁹. Неудивительно, что в подобной ситуации литературное поведение Ремизова обращало на себя внимание молодых, в глазах которых он представлял интерес как писатель, демонстрирующий широкий спектр художественных возможностей. Для небольшого круга он был единственным из старших, кто в общественной позиции проявлял крайний индивидуализм, а в личном творчестве последовательно осуществлял собственную программу, сочетавшую с обновлением авторской стратегии усилия по сохранению живой культурной традиции, понятной как в образах, так и в языковом звучании. Его методы обработки памятников бытовой письменности («Россия в письменах») провоцировали отклик на историю, понимаемую как часть национального бытия. Политическая независимость, формотворчество, интерес к исканиям литературных новичков — вот три основных мотива, которые создали «магнитные поля» притяжения молодежи к личности писателя, известного своим маргинальным образом жизни.

⁶ Повесть «В поле блакитном» издана в Берлине в 1922 г.

⁷ Глава из повести «По карнизам» — «La Matière», опубл.: Современные записки. 1926. Кн. 27. С. 101–157.

⁸ Amherst. Series 1. B. 4. F. 3; письмо от 23 декабря 1925 г.

⁹ Ср.: «Не вопрос тем, не вопрос языка был для эмигрантской литературы роковым. Роковым был для нее вопрос стиля. “Старшие” откровенно признавались, что никакого обновления стиля им не нужно, были старые, готовые формы, которыми они так или иначе продолжали пользоваться, стараясь не замечать их изношенности. Те из “младших”, которые были талантливы, только могли модулировать эти формы»; «Эстетических идей не было почти ни у кого, словно из века символизма мы шагнули назад, когда считалось, что для писания стихов нужны известные правила, а проза пишется самотеком. Их не было в “Современных записках”, потому что ни Фондаминский, ни Руднев, ни Вишняк не имели ничего общего с литературой» [2, с. 338, 339].

В конце марта 1926 г. Ремизов в сопровождении Серафимы Павловны отправляется в Брюссель по приглашению бельгийской Академической группы для участия в авторском литературном вечере¹⁰. Еще осенью 1925 г. инициатором этой поездки выступил поэт, член местного Пен-клуба князь Д.А. Шаховской. Его знакомство с писателем произошло в сложный период экзистенциального выбора жизненного призвания, обстоятельства которого были тесно связаны с рефлексией относительно собственной национальной и культурной идентификации. Впоследствии архиепископ Иоанн Сан-Францисский писал об этом внутреннем процессе: «Во мне созревала и всё более осознавалась радостная для меня с детства языковая русская стихия...» [7, с. 85].

Переписка молодого князя с Ремизовым зафиксировала доверительный диалог представителей двух поколений, заинтересованных друг в друге¹¹. Основной темой этого общения, которое началось осенью 1924 г., по всей вероятности, после личной встречи в Париже, стало первое и последнее литературное предприятие Шаховского — журнал «Благонамеренный». К «статикам», по определению Берберовой, молодого редактора можно отнести лишь в том смысле, что человек религиозный, философского склада мышления, оттого и назвал свой журнал патриархальным словом *благонамеренный*, что вознамерился войти в историю литературы с «пацифистским» настроем, создав платформу для развития пишущей молодежи, свободной от гнета авторитарных мнений литературных мэтров.

Хотя брюссельское издание и было придумано Шаховским для реализации собственных творческих исканий, на самом деле в них отразились настроения пишущей эмигрантской молодежи, как и он, прошедшей горнила гражданской войны и покинувшей Россию, едва достигнув 20-летнего возраста. Для многих из этого поколения литературное творчество стало способом обретения «ментальной» территории для выражения образа мыслей средствами родной речи¹².

¹⁰ Намеченная в конце минувшего года аналогичная поездка, организацией которой занимались Г.В. Цебриков и его супруга, сорвалась по болезни Серафимы Павловны (см. об этом: [7, с. 38–39]).

¹¹ См. публ. писем Ремизова: [11, с. 219–230]. Письма Шаховского (1924–1929) сохранились в американском архиве Ремизова: Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 2. F. 5. Далее ссылки на материалы архива приводятся сокращенно: Amherst, с указанием шифра.

¹² В большинстве случаев литературные дебюты этого поколения вследствие слабой языковой «прикоренности» угасли после кратковременных творческих взлетов. Ср. воспоминания о Д. Кнуге: [2, с. 264].

Вместе с тем им хотелось найти собственное место не только в эмигрантском хронотопе, но и в европейском культурном пространстве. Для молодежи, быстро улавливающей «иностранные» веяния, но вместе с тем имевшей основания для глубоких ностальгических переживаний, жизнь в изгнании была, несомненно, лишена «стержня», в отличие от писателей-политиков, которые осознали свое творчество культурной ценностью и поставили целью отстаивать свое право на родину. Основной смысл деятельности старшего поколения состоял в защите личных политических убеждений и возвращении в Россию «без большевиков»: исходя из ситуации революционных лет, по-прежнему разобщаясь по партийным признакам, они объединялись лишь на почве единодушной ненависти к победившей власти. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн на склоне лет, описывая взгляды молодого князя Шаховского, воспроизвел характерную для его сверстников отчужденность от пафоса борьбы старших. В этом ракурсе политическое состояние эмигрантского общества на момент 1926 г. находилось в стадии вялотекущего процесса:

...«правые» и «левые» не имели для меня уже тогда <...> никакого нравственного значения. Я уже ясно видел, что они потеряли всякий смысл после Октября. К тому же, у литераторов, в кругу которых я стал бывать, *левое* и *правое* располагалось как-то иначе <...>. Ив. Бунин, Бор. Зайцев, Марк Алданов, Владислав Ходасевич, в те дни, вполне могли быть отнесены к «правым». А Ал.М. Ремизов, Марина Цветаева, Д.П. Святополк-Мирский, ряд евразийцев, могли быть отнесены к «левым». Но и эти «правые» печатались в эс'эр'овской «левой» пражской «Воле России», и тоже в эс'эр'овских, но консервативных парижских «Современных Записках», смыкающихся — через Фундаминского-Бунакова и Степуна — с православными мыслителями парижских кругов... [7, с. 91–92].

Общение и дружеская переписка с Ремизовым для молодого князя, выпускника историко-филологического факультета Лёвенского католического университета, состоялись, по всей вероятности, из чувства симпатии к демонстративно аполитичной позиции писателя, для которого эстетический критерий ни в коей мере не зависел от идеологических установок, приобретающих в условиях эмиграции самые категорические формы¹³. Интерес к литературе и ее возмож-

¹³ Шаховской в воспоминаниях привел случай своего эпистолярного диалога с Буниным, который, узнав, что новоявленный редактор князь Шаховской посетил в 1925 г. Капри, где в то время находился на лечении Горький, чуть было не отказался

ностям отражать жизнь без политических мотиваций был поставлен молодым филологом во главу угла задуманного им издательского предприятия.

«Благонамеренный», несомненно, стал явлением новым и независимым от влиятельных литераторов и политиков. Впервые заявку на «толстый» литературный журнал выдвинул не общественный деятель, как это было заведено в литературном хозяйстве эмиграции, а поэт-филолог¹⁴. В противовес молодежному проекту редколлегия парижских «Современных записок» была представлена известными в недавнем прошлом политиками. Именно их решения определяли и стратегию журнала, и литературный мейнстрим современности. Лишь немногие молодые, пройдя политическое и эстетическое сито редакции, допускались на страницы «Современных записок», сотрудничество с которым, по словам Берберовой, «было своего рода знаком эмигрантского отличия». Дистанцируясь от прожитых лет, к объективной характеристике этого безусловного «памятника эмигрантской печати» она всё же добавила впечатления молодости, припомнив и ядро редакции, представители которого «ничего в литературе не понимали», и насаждавшиеся критерии отбора произведений «при отсутствии свободы для большинства авторов, придавленных старомодными вкусами и требованиями редакторов» [2, с. 286].

В переписке с Ремизовым Д.А. Шаховской, обдумывая задачи и цели своего «журнала русской литературной культуры», обозначил основное направление редакционной стратегии. Обратим внимание на его эпистолярное высказывание, очевидно, подстроенное под ремизовское отношение к сложившейся в Париже «централизации» литературной жизни:

от участия в первом номере «Благонамеренного», а согласившись, не устал напоминать о своем условии сотрудничества: «если Вы не были у Горького» [7, с. 83]. Между тем в планах молодого редактора такая встреча была, и ее целесообразность обсуждалась в переписке с Д.П. Мирским, который как человек, настроенный, в отличие от Шаховского, более экстремистки по отношению к парижским литераторам-политикам, советовал: «Горького я на Вашем месте посетил бы и написал бы об этом в Звене» [7, с. 202].

¹⁴ Ср. также реплику Шаховского-критика, рекомендующего другой эмигрантский журнал: «“Воля России” имеет перед “Современными Записками” то несомненное преимущество, что один из их официальных редакторов — человек непосредственно относящийся к Литературе. Не от этого ли “Воля Россия” <sic!> более “живой” журнал, несмотря на то, что в нем не появилась бы “Митина любовь” Бунина, и там не родился бы — во весь рост — Алданов» (Д.А. <Шаховской>. [Рец. на:] «Современные записки». Кн. XXV. 1925 г. Париж // Благонамеренный. 1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 160). Рецензия была написана «в духе» идей Мирского, развернутых позднее в лекции «Культура смерти в русской предреволюционной литературе» и его рецензии к пятилетнему юбилею «Современных записок» (см. примеч. 87).

Мыслью «Благонамеренный» как отображающего лучшую молодую литературу... пока, только, за рубежом, — hiles! Быть подголоском «Современных записок» или «Окна» — нет сил, лучше совершу детоубийство¹⁵.

Отчасти «Благонамеренный» составил конкуренцию парижским газетам «Дни» и «Звено». Значительное место в журнале, как и в названных литературно-политических изданиях, было посвящено обзору творчества и публикаций писателей из советской России в рецензиях раздела «Библиография», которые на страницах двух первых книг начали раздвигать «горизонт» интересов редакции. Как следует из приведенного выше письма Ремизову, Шаховской предполагал создание единого, не регламентированного границами и политическими взглядами литературного пространства русскоязычной литературы. Эта позиция подкреплялась даже приемами оформления журнальных номеров, где каждая публикация завершалась типографской маркой зарубежных или советских издательств, поставленных безотносительно к местоположению автора — будь он в диаспоре или метрополии.

Редакторские задачи Шаховского сблизили его с Ремизовым, при содействии которого в журнале были напечатаны стихи, проза и критические заметки парижских молодых авторов — В. Диксона, Б. Сосинского, Д. Резникова, К. Мочульского. Нет сомнений, что в период формирования идеи «Благонамеренного» Ремизов для Шаховского исполнил роль Вергилия, не только открыв неизвестные слои русской культуры и звучание подлинного языка, но и укрепив в мысли учредить печатный орган, свободный от политического соперничества. Разумеется, писатель видел и собственный практический смысл в деятельности нового журнала. Личные интересы в его сотрудничестве с Шаховским были облагорожены гуманитарной задачей, которая вполне органично согласовывалась и с творческой программой. В августе 1926 г., предлагая для первого номера рассказ из цикла «Россия в письменах», Ремизов, обращаясь к молодому редактору, наметил свою миссию в будущем журнале: «Посылаю № 1 “Рос. в пис.” — “Купчая”. Прочитав, вы еще больше убедитесь в необходимости завести в журнале такой уголок, где бы Россию поминали, вспоминая, по русским словам. Это нужно особенно для попавших сюда русских» [7, с. 221]. Осенью, в ожидании первой книги из типографии, он раскрыл свои личные планы еще более

¹⁵ Amherst. Series 1. B. 2. F. 5; письмо от 5 января 1926 г.

конкретно: «Мне очень хочется, чтобы “Благонам.” жил, а я бы из № в № рассказывал о России» [7, с. 222].

Мысль о сохранении культурной памяти, актуальной для соотечественников по обе стороны границ, Ремизов повторил и в очерке, напечатанном в первой книге журнала:

Чтобы знать свой язык, мало знать, как пишется слово и выговаривается, надо знать, как писалось и выговаривалось. А для этого необходимо ходить по письменным русским векам — читать старинные грамоты, памяти и изучать памятники литературы. Это и для России, где живут русские люди, и для заграницы, куда попали жить русские люди¹⁶.

В содержании дебютного номера, вышедшего из печати в первую декаду января 1926 г., мы находим и другие признаки неявного присутствия Ремизова. В «Философическом обосновании» идеи *благонамеренности* литературного творчества Шаховской сформулировал мысль о тождественности жизни и литературы, в это время осуществлявшейся писателем в авторской прозе¹⁷. Концепция нового журнала не исключала «литературной борьбы», которая выражалась в преодолении заданного в парижской периодике редакционного принципа «общего знаменателя». Отказ от усредненного уровня литературного самовыражения представлялся начинающему редактору залогом развития гармоничного литературного сообщества.

Как профессиональный филолог Шаховской определенно имел амбициозные планы создать в своем журнале некий срез современной русской литературы. В этом целеполагании молодой редактор вскоре приобрел союзника в лице равного ему по сословному происхождению Д.П. Святополк-Мирского. Именно Ремизов познакомил князей, предполагая объединение новых литературных сил¹⁸. Между тем настроения старшего из них выражались в определенно более радикальных действиях, направленных не к консенсусу разнообразных литературных тенденций, о котором мечтал Шаховской, а на де-

¹⁶ Ремизов А. Россия в письменах: Купчая. 1742–1746 // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 136. См. также: [14, т. 13, с. 639].

¹⁷ Благонамеренный. 1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 3–10.

¹⁸ Ср.: «С Д.С. <sic!> Святополк-Мирским мы встретились в Париже у Ремизова. По-видимому, это было в конце 1925 г.» [7, с. 206].

монстративное размежевание с литературными консерваторами. Эту «ложку дегтя» Мирский сумел пронести на страницы «Благонамеренного»¹⁹. Применяя опыт историка литературного процесса современности, он также взялся ориентировать своего младшего коллегу, в частности, в выборе литературных «флагманов». Соответственно, по выходе первого номера брюссельского журнала в письме Шаховскому были высказаны критические наблюдения и рекомендации:

Не одобряю я в Благонамеренном: <...> некоторый дух просвещенного консерватизма (Бунин — Ходасевич — Алданов) писатели почтенные, но импотентные. Ориентируйтесь более определенно на творческую левую часть «зарубежной литературы» — Цветаева, Ремизов, положим, вот и обчелся [7, с. 205].

Выступления Мирского в духе революционного борца с литературной рутинной продолжились и на площадках парижских объединений. В зале Общества молодых писателей и поэтов на avenue Denfert-Rochereau 5 апреля 1926 г. лондонский гость прочел доклад «Культура смерти в русской предреволюционной литературе»²⁰, в котором был очередной фехтовальный выпад против парижского литературного бомонда. Главными субъектами его критических оценок были выбраны хранители «петербургской культуры» в эмиграции — З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин, М.А. Алданов. На это выступление Ремизов отправился в сопровождении З.А. Шаховской и ее жениха — евразийца С.С. Малевского-Малевича. Юная княжна Шаховская очень подробно запомнила все обстоятельства того вечера:

Раз я с Ремизовыми и с мужем²¹ пошла на какое то очередное собрание, имевшее место на рю Данфер-Рошро. Лекция Д. Святополк-Мирского о культе смерти в русской литературе; позднее появилась его статья на эту тему, но уже без некоторых вводных фраз²². Рядом с лектором, на подиуме, Сувчинский. Я мало знала Мирского, взгляд его казался мне издевающимся, а голос «носатым», и он меня отпугивал чем-то. Говорил отменно умно, в одном месте подчеркнув

¹⁹ См. критические выступления Мирского в «Благонамеренном»: «О нынешнем состоянии современной литературы» (1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 90–97); «О консерватизме» (1926. Кн. 2, март–апр. С. 87–93).

²⁰ Подробнее о лекции: [15, с. 340–341].

²¹ Весной 1926 г. Шаховская еще не была замужем. Венчание молодоженов состоялось осенью — 21 ноября [21, с. 124].

²² См.: *Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе* // Версты. 1927. № 2. С. 247–254.

«как сказал выдающийся русский писатель Кундышин». Вышли мы на улицу целой группой. <...> Мирский принимал похвалы. В.Н. Ильин вздымался и падал в метафизические дебри. Наконец кто-то в замешательстве спросил, с редким для него смущением: «Прости, Дима, я что-то не могу вспомнить, кто был Кундышин». Святополк-Мирский важно: «Совсем не был, я его выдумал» [21, с. 24–25].

Судя по рассказу очевидицы, тесное общение с Ремизовым раскрепостило академический стиль профессора, успешно применившего в своей риторике его художественный прием, благодаря которому в историко-литературную реальность проникали мифические имена²³. Иронический настрой лектора вовсе не способствовал конструктивной дискуссии о литературе, поскольку историк современного литературного процесса буквально «опустил занавес» над дореволюционной «петербургской» эстетикой, непосредственно адресуя свой вердикт внимающим ему из зала известным писателям — представителям эпохи. Вопреки замыслу ниспровергателя кумиров его выступление не повергло аудиторию в уныние. Во всяком случае, присутствовавшие в зале Ходасевич, Бунин и Алданов сочли его лекцию «белибердой» и отпраздновали ее «провал» в соседнем кабачке²⁴. Однако эти впечатления, переданные письмом, по-видимому, сильно встревожили Шаховского²⁵. Нетрудно представить настроение неопытного редактора, который взял на себя миссию миротворца, прокладывающего молодым путь в большую литературу, а оказался втянутым в борьбу за литературное и идеологическое влияние. Отнюдь не благополучную печатную судьбу предвещали и критические отклики на первые два номера его журнала²⁶.

²³ О подобных прецедентах см.: [4, с. 191–199].

²⁴ См. письмо Вл. Ходасевича Шаховскому: [7, с. 193–194]. Ср. запись от 5 апреля (понедельник): «Вечером» Союз поэтов (Докл<ад> Святополк-Мирского: “Культура смерти в предреволюционной рус<ской> литературе”. Бунин, Алданов, Потресов-Яблон<овский>, Бахрах, Терапиано, Даманская). В кафэ (Бунин, Алд<анов>, Бахр<ах>, Вейдле). В старин<ный> кабачок (они же)» [18, с. 84].

²⁵ Ср. также письмо С.Я. Эфрона Шаховскому: «В понедельник устраиваем диспут. Докладчик Мирский. Тема: “Культура смерти в предреволюционной русской литературе”. Будет бой» [7, с. 391].

²⁶ См. рецензии Н.Н. Кнорринга, поставившего под сомнение положения, выдвинутые в редакционной статье Шаховского (Последние новости. 1926. № 1772, 28 янв. С. 3; подпись: Н. К-г); Н.Ф. Мельниковой-Папоушек, посчитавшей «случайностью» публикацию очерка Ремизова «Купчая» в составе первого номера (Воля России. 1926. № 3. С. 200–202); Мих. Осоргина, который отметил во второй книге изменения первоначальных редакционных интенций к худшему, «что журнал, созданный литературной молодежью, поэтами и писателями, еще не признанными

Минорные нотки, свидетельствующие об охлаждении Шаховского к своему издательскому начинанию, впервые прозвучали в письме, отправленном Ремизову 24 мая. В частности, возникла оговорка, отменяющая срочность доставки в редакцию долгожданных рукописей для следующей книги. Послание молодого князя едва скрывало глубокую обиду на критиков и растерянность перед будущим:

...спешки сейчас никакой нет, решили малость подождать с 3-м № (и со вторым следовало бы подождать, как советовал Ф.А. Степун!²⁷). Всё из-за финансовых обстоятельств. Чистое мучение Соколову²⁸ с книготорговцами. Человек он неопытный, да горячий! Те холодны... как сама статья о Благонамереном в «Днях» под крылом Ходасевича²⁹. <...>

Что это Версты не выходят. Пора бы им³⁰.

Огорчения молодого князя были вызваны не только холодным приемом парижской критики, но и обманутыми ожиданиями: Мирский заверял его в личной переписке о намерении выпустить «Версты» не позднее 15 мая, чтобы выступить с «Благонамеренным» «единым фронтом» на защиту литературы от консерваторов и политиков³¹. Известно, что к началу июня был собран третий номер

и не утвержденными в этом звании, — этой молодежи и будет принадлежать», а также иронично отозвался о восхвалении молодыми авторами их кумира Ремизова (Дядя и тетя // Последние новости. 1926. № 1863, 29 апр. С. 2–3); Ю. Айхенвальда, усомнившегося в «серьезности» диалога Мирского «О консерватизме» (Руль. 1926. № 1647, 5 мая. С. 2–3); Ф.А. Степуна, начавшего свою критику с констатации: «Второй номер “Благонамеренного” и лучше (цельнее) и хуже (беднее) первого» (Современные записки. 1926. Кн. 28. С. 483–486).

²⁷ Ср. письмо Ф.А. Степуна Шаховскому от 19 февраля 1926 г.: «Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич, давно собирался написать Вам и приветствовать № 1 “Благонамеренного”, который меня поразил своей не только благонамеренной типографской внешностью, но и превращенностью намерения в действительность. Удивляюсь Вашей мужественности. Мне казалось бы, что с появлением 2-го надо было бы повременить, или Вы уже распродали первый?» [7, с. 385].

²⁸ Григорий Соколов — директор журнала «Благонамеренный».

²⁹ Статья Ходасевича о «Благонамеренном» в «Днях» не зарегистрирована в библиографии критических статей поэта [19]. Однако в письме Шаховскому от 17 января поэт предполагал такую рецензию. Ср.: «В “Днях”, конечно, будет сочувственная рецензия о “Благонамеренном”. А на мою ворчню не гневайтесь: она продиктована искренним доброжелательством. Если б я промолчал о том, что мне не нравится, я бы чувствовал себя перед Вами неправдивым» [7, с. 186].

³⁰ Amherst. Series 1. В. 2. F. 5.

³¹ См. письмо Мирского от 21 апреля [7, с. 212], а также письмо Эфрона от 2 февраля, в котором в той же риторике выражалась надежда на организацию союза журналов: «Вы, верно, уже знаете из газет, что мы (Мирский, Сувчинский и я) задумали издавать в Париже Литературный журнал. Думаю — направление

брюссельского журнала, включавший текст нашумевшей лекции его лондонского «союзника»³². По предложению редактора, именно Ремизов должен был создать в книге «вторую ось», чтобы «уконтробалансировать»³³ остро полемические выступления Мирского и разностилье прозаических произведений молодых авторов.

Мирский после скандальной лекции ожидал ответную реакцию критики. Очевидно, в свете безрадостной перспективы он в ответном письме Шаховскому нарисовал неприглядное будущее для журнала «евразийцев», которые спешили нажать себе врагов: «<...> “Версты” когда-нибудь выйдут. (Мало веры у меня, что будет продолжение их), хряснутся на 1-ой кн.» (письмо от 27 мая 1926 г.) [7, с. 226].

Однако, вопреки высказанному прогнозу, срыв произошел именно с политически безвредным «Благонамеренным». Как впоследствии вспоминал архиепископ Сан-Францисский Иоанн, в начале июня с ним произошло одно из первых мистических событий, заставивших переоценить избранное им мирское дело. Видение о «Книге Книг Соблазна», посетившее его июньским днем 1926 г. в брюссельской редакции, решило судьбу и князя Шаховского, и его журнала [7, с. 86]³⁴. Ремизову известие о завершении издания «Благонамеренного» пришло 24 июня. Первая реакция писателя зафиксирована в письме к жене: «Получилось письмо от Шаховского. Благонамерен<ного> не будет. Очень грустное. Он едет в Грецию, а потом поступит в Академию здесь. Это хорошо»³⁵.

С закрытием «Благонамеренного» Ремизов в очередной раз ощутил свое литературное одиночество: его представления об авторской свободе — праве на индивидуальный, не «усредненный» стиль — мало согласовывались с запросами парижских редакций. Оглядывая приготовленные для брюссельского журнала рукописи, он обреченно подвел итог своим усилиям: «В Совр<еменные> Зап<иски> такого не примут»³⁶. В журнале Шаховского Ремизов предпринял первые шаги

его будет Вам близким, хотя по темпераменту может Вас испугать (левый). Верю, что “Благонамеренный”, наши “Версты” и литературная часть “Воли России” образуют единый литературный фронт. Тем более, что наши сотрудники (исключая российских) в большинстве своем и Ваши. Но Вы-то сами несомненно наш. Так, по крайней мере, я Вас чувствую» [7, с. 390].

³² Третий номер не вышел из печати. См. публикацию: *Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. № 2. С. 247–254.*

³³ Amherst. Series 1. B. 2. F. 5; п. от 1 июня 1926.

³⁴ Ср. также хронологию событий: «Начало июня 1926 г. это уже было время окончания моего внутреннего переворота, вернее процесса, когда я уже вставал на путь монашества» [7, с. 217].

³⁵ См. текст оригинального письма: Наст. изд., с. 75.

³⁶ Там же, с. 76.

в литературно-критической деятельности³⁷, которая, по справедливому замечанию Осоргина, была отчасти рекламой собственных произведений³⁸, однако причина ее состояла в неудовлетворенности освещением его творчества в эмигрантской прессе и желании сформулировать свой взгляд на литературные процессы современности.

В главе эпистолярного романа «На вечерней заре» приведенный нами выше фрагмент оригинального письма к Серафиме Павловне *post factum* увязывался с публикацией статьи З.Н. Гиппиус «Мертвый дух», появившейся буквально через неделю после получения от Шаховского известия о завершении литературной деятельности. Название этой первой «бомбы», полетевшей в сторону «евразийцев»³⁹, напрямую было ассоциировано с лекцией Мирского, а содержание обращено на два номера журнала Шаховского, о прекращении издания которого критик еще не могла знать⁴⁰. Разгромная статья только готовилась к печати, а все худшие предположения Гиппиус-политика, узревшей в «Благонамеренном» начальные признаки большевистской проказы, проникающей в жизнь эмигрантского мира, уже сбылись: из печати вышел наконец первый номер журнала «Версты» под редакцией Святополк-Мирского, «при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова».

Даже в редколлегии журнала, опубликовавшего статью Гиппиус, это печатное выступление не решились назвать «литературной критикой», дав жанровое определение «открытое “обличение”»⁴¹. В характерной манере категоричных суждений здесь была вскрыта причастность всех ближних и дальних участников краткой истории «Благонамеренного» к худшему из «зол» эмигрантского мира — спекуляции на патриотических чувствах, которыми пользовались просоветски настроенные идеологические движения — и сменовеховцы, и евразийцы. Гиппиус, выступившая от лица своего литературного

³⁷ См. блок рецензий, подписанных криптонимом «А.Р.»: Благонамеренный. 1926. № 2, март–апр. С. 164–167.

³⁸ См. примеч. 26.

³⁹ Ср. письмо Мирского от 22 июля 1926 г.: «Говорят, бомба Зин<аиды> Гиппиус против меня вылетела. Пока не видал» [15, с. 384].

⁴⁰ Ср. письмо Гиппиус к Н. Берберовой от 13 июля 1926 г.: «Бунин верит, что Шаховской вправду уехал на Афон в монахи, как написал ему, а я, грешным делом, считаю это авантюрой» [3, р. 3].

⁴¹ Ср.: «Мы с удовольствием даем место открытому “обличению”, принадлежащему перу Антона Крайнего. Не во всем редакция солидарна с талантливым автором, считая, например, излишними проникновения в мотивы литературной деятельности обличаемых писателей» (*Антон Крайний* [Гиппиус З.Н.]. Мертвый дух // *Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы* / под ред. С.П. Мельгунова и Т.И. Полнера. 1926. № 4. С. 257 (примеч. ред.)).

alter ego Антона Крайнего, предупреждала о покушении на единство антибольшевистских сил эмиграции: «Даже самыми ничтожными с виду, и теми не надо пренебрегать»⁴², — писал этот литературный ригорист, усматривая в журнале «маленького Шаховского» грозный симптом изменения политического климата эмиграции. «Пора бы понять, что эмиграция, в известном смысле, есть цельность, и в какой бы из ее областей ни появлялись знаки разложения — это имеет одинаковую важность»⁴³. По логике Гиппиус, упоминание советских писателей на страницах «Благонамеренного» было достаточным поводом забить тревогу. Предметом обвинений стала эстетика, нарушающая черно-белую картину мира, в которой источником зла

во всех проявлениях оставалась советская Россия, а выразителем добродетели и жертвенного служения потерянной родине — эмиграция. «Разлагателями-эстетами я и намерен заняться»⁴⁴, — объявил Антон Крайний, нацеливая свое перо на конкурентов, заявивших о новых целях и задачах писателей зарубежья, и пояснял принципиальность своих действий: «Пора бы понимать, что область эстетики, искусства, творчества — не придаток и что нет разницы, с какого конца начинает гнить рыба: с хвоста или с головы»⁴⁵.

Ф. Рожанковский. Эмигрантские карты. Дамы II. Фрагмент: З.Н. Гиппиус.
 Опубл.: Иллюстрированная Россия. 1926. № 28 (61), 10 июля. С. 3.

F. Rozhankovsky. *Émigré cards. Dames II. Fragment: Z.N. Gippius.*
 Publ.: *Illustrirovannaiia Rossiia*, no. 28 (61), July 10, 1926, p. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 258.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 263.

Самого опасного в этом ансамбле «провокаторов» Гиппиус распознала безошибочно: Святополк-Мирский, один из критиков «Благонамеренного» и недавний разоблачитель «петербургской эстетики», в приемах которого она нашла соответствие тактике напостовцев, также объявлявших писателей-эмигрантов отжившим прошлым русской культуры. Ремизову в предъявленном Гиппиус обвинительном акте был отведен отдельный пассаж, изобразивший писателя едва ли не литературным оборотнем, «эстето-разложенецем» эмигрантской молодой литературы:

Ремизов, соседствующий с Цветаевой справа, слева, со всех сторон, — в несколько ином положении. Он, хотя и сам великий обманщик, но обманщик невинный, бескорыстный, — мистификатор. Если он очутился в данном течении, попустил воспользоваться собою, своим именем, то частью по вечным: «да что ж?», «да все люди хорошие», а «печатают да хвалят — слава Богу»; частью же потому, что потерял меру притворства и уже не всегда знает, что можно, чего нельзя. Я его, однако, не оправдываю. Именно, с большого писателя, каков Ремизов, — спросится ответ и за это (пусть лично невинное) содействие разложению⁴⁶.

При редактировании собственных писем к Серафиме Павловне в 1940-х гг. Ремизов, вспоминая свои публикации в журнале «Благонамеренный» (исторические документы прошлых веков в очерках цикла «Россия в письменах» и несколько легенд), саркастически прокомментировал критические инвективы в свой адрес, по-прежнему считая нападение Гиппиус курьезным доказательством того, что в эмигрантской критике образца 1926 г. политика заместила не только литературные критерии, но и здравый смысл: «З.Н. Гиппиус убеждена, что <...> дяки XVII в. подсланы “большевиками” — “разлагать эмиграцию”»⁴⁷.

Основной вывод Ремизова, переживавшего бесславную «кончину» брюссельского молодежного журнала, заключался в объективации основных мотивов литераторов-политиков, не допуская конкуренции и идеологического разброда: «Думал, читая Шаховского: ведь до чего злости тут наелись, ведь съели журнал! “На большевицкие деньги”. “Мертвый дух”. И пошлó. И останутся — “Современные > Записки”»⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 260.

⁴⁷ Письмо от 5 июля 1926 г.; полный текст готовится к публикации.

⁴⁸ Ср. текст оригинального письма: Наст. изд., с. 75.

Шаховской перед отбытием на Афон, поспешно обрывая мирские связи, сожалел о немногих утратах. Как передавал Ремизов Серафиме Павловне, в несохранившемся письме будущий инок на прощание пожелал «сказать *личное* нам и если <...> увидеть тут в Париже, то только нас»⁴⁹. Отчасти это «личное» было высказано публично — в рецензии Шаховского на третий номер журнала «Воля России», практически полностью посвященной главам из романа «Взвихренная Русь». Однако, на наш взгляд, особенность этой заметки состоит не в том, что она написана с искренним пиететом к творческой личности Ремизова, а в симптоматичном для нового поколения пересмотре эстетических критериев литературного творчества. В новом ракурсе Шаховского и его «сочувственников» Ремизов представлял собой явление, не укладывающееся в каноническую норму. Он был выразителем многослойного художественного повествования, в котором семантическая нагрузка распределялась не только на вербальное выражение, но и на знаки препинания и графику текста. Именно этим он был так притягателен для пишущей молодежи:

Тончайший писатель — Алексей Ремизов. Это к Минцлову <С.Р. Минцлов. — *Е.О.*> подходить не надо, он сам подойдет. А к Ремизову надо подойти. И не просто, а осторожно. Ремизов огромный писатель, но не литературный писатель.

Всякий принимающий ремизовские черточки и кавычки за «литературу» — не понимает Ремизова. В эти-то черточки — провалы безмолвия — опускает Ремизов всё, что требует от него «литература», — оставляя в полных строчках ценнейших свой дух, простой, добрый, чуткий. Ремизов один из самых редких писателей — современник большевизма. — Он подходит к нему с громаднейшей печалью, беззлобно, и смиренно несет свою судьбу»⁵⁰.

Несомненно, отчуждение Шаховского от круга литераторов было продиктовано не только монашеской аскезой, но и сгустившейся весной 1926 г. общей грозовой атмосферой поколенческих разногласий, которые лишь укрепили князя Димитрия Алексеевича в решении бежать от «соблазнов» и распрей литературного мира.

⁴⁹ Там же. С. 76.

⁵⁰ Д. <Д.А. Шаховской> [Рец. на:] Воля России (журнал политики и культуры). № III. Прага // Благонамеренный. 1926. № 2, март–апр. С. 177.

Итак, практически одновременно с выходом первого номера брюссельского «Благонамеренного»⁵¹, в середине января 1926 г. возник сходный в основных тенденциях «евразийский» проект, ставший в некотором смысле частью научной деятельности историка русской литературы, критика, профессора славистики королевского колледжа Лондонского университета Д.П. Святополк-Мирского⁵². После завершения «Благонамеренного» Ремизов, опасавшийся идеологической направленности «евразийцев», был обнадежен сформировавшейся к этому времени программой нового внеполитического издания⁵³. Казалось, что Мирский и его товарищ П.П. Сувчинский поставили перед собой задачу реорганизовать литературную ситуацию эмиграции, учредив в поддержку брюссельской молодежи еще один «толстый» журнал, открытый новым творческим тенденциям.

Скоро Ремизов смог убедиться, что «евразийцы» отвели ему в своих планах отнюдь не эпизодическую роль. В 1925–1926 гг. отношения писателя с солидными периодическими изданиями становились всё сложнее. В ограничительных мерах редакций,

⁵¹ Вышел из печати не позднее первой декады января 1926 г.

⁵² История отношений Ремизова с редактором «Верст» и подробное описание истории литературной дискуссии вокруг этого издания см. в статье и комментариях Р. Хьюза: [15, с. 335–401].

⁵³ Еще в начале решения организационных вопросов, связанных с будущими «Верстами», С. Эфрон, в конечном счете занявший должность заведующего редакцией, 4 марта в письме В.Ф. Булгакову сообщал о новом журнале, имевшем целью литературный переворот в эмиграции: «В Париже зачинается толстый двухмесячник (литература, искусство и немного науки), вне всякой политики. <...> первый в эмиграции свободный журнал без всякого “напостовства” в искусстве и без признака “эмигрантщины”. <...> тон журнала очень напористый, и в Париже он произведет впечатление разорвавшейся бомбы» (цит. по: [22, с. 343]). Ср. письмо Мирского Шаховскому от 21 апреля 1926 г.: «Версты не будут евразийским органом, несмотря на участие нескольких Евразийцев (к числу коих я себя не причисляю, хотя отчасти сочувствую). Что касается до Евразийского номера Благонамеренного, я не особенно буду Вас поддерживать. Евразийство сейчас переживает острый кризис, и возможно его расхождение на “правое” и “левое”...» [7, с. 212]. Между тем в воспоминаниях современников бытовали и противоположные оценки деятельности Мирского, соответственно, подвергающие первоначальный «литературный» профиль «Верст» сомнению. Ср. оценку исследователя, полагающегося на воспоминания, записанные со слов престарелой современницы в 1974 г.: «Мирский в то же время легко манипулировал своими литературными оценками, как того требовала прагматика его политических увлечений. Ближе его знавшая во второй половине 1920-х годов Вера Сувчинская (Трейл) в своих поздних устных мемуарах утверждала, что литература как таковая вообще не представлялась Мирскому серьезной областью приложения умственных сил и весь он внутренне был занят политикой» [23, с. 328].

не приветствующих его творческие эксперименты, писатель был склонен видеть посягательство на эстетику индивидуального творчества. В этих обстоятельствах он пытался отстоять собственное «право печатать всё, что хочешь безо всякой редакционной цензуры»⁵⁴. Естественно, что проект Мирского–Сувчинского вызвал в нем оживление угасшего было интереса к коллективной деятельности⁵⁵. Из почти ежедневной переписки писателя с Сувчинским следует, что в начале января в задуманном новом евразийском издании, предварительно называвшемся «Русские сборники»⁵⁶, литературный отдел еще не был утвержден. Именно на этом этапе от Ремизова, не разделявшего идеологических интересов своих друзей, но чутко улавливавшего их литературные пристрастия, поступило предложение:

Дорогой Петр Петрович!

<...> я всё с той же своей мыслью о введении в евразийский сборник «художеств<енных>» произвед<ений>, но без всяких примечаний и без всяких вступлений и толкований. Это оживит книгу. Это даст «стиль» и именной и словесный. Вот французы это поняли и у себя так делают в “Philosophies” (в теперешнем “Esprit”) — такой журнал философский.

Ну что бы вам для начала взять меня и Марину Цветаеву. Мой «Свиток» про Илью и ее стих, всё равно какой. Мысль у вас сначала была верная, когда вы и обложку к книге сделали.

Сделайте теперь опыт⁵⁷.

Ремизовская инициатива вскоре была поддержана, и в феврале — начале марта идея сборника преобразовалась в формат литературного журнала, в обсуждении названия которого писатель принял самое горячее участие. Очевидно, подразумевая евразийскую подоплеку будущего органа печати, он настойчиво советовал редакторам близкие по исторической этимологии

⁵⁴ Цит. по воспроизведению фотографии с «обезьяншей» юбилейной грамоты Б.К. Зайцева: [5, с. 318].

⁵⁵ Последний раз такая заинтересованность была связана с образованием петербургского издательства «Сирин» в 1912 г. См. об этом: [8, с. 229–232].

⁵⁶ См. упоминание этого названия в письме Мирского от 11 февраля 1926 г.: [29, p. 47].

⁵⁷ Bibliothèque nationale de France (FR BNF) 39609744; письмо от 8 января 1926 г.

словосмыслы — «Орда» или «Ясак». Первое название писатель считал находкой, заключающей в себе комплекс символично-эμβлематических значений, одно из которых — день именин Сувчинского, названного в честь преподобного Петра Ордынского, царевича; он, не пропускавший символических совпадений, с восторгом подчеркивал в очередном письме:

Дорогой Петр Петрович,
очень боюсь, что вы передумаете заглавие и <на> «Орду» не согласитесь. Это звучнейшее слово и с крепью и твердостью, а мало бы что под него не подставляли! Дезорганизованность будто ордынская это потом, как и многое потом наговорено.

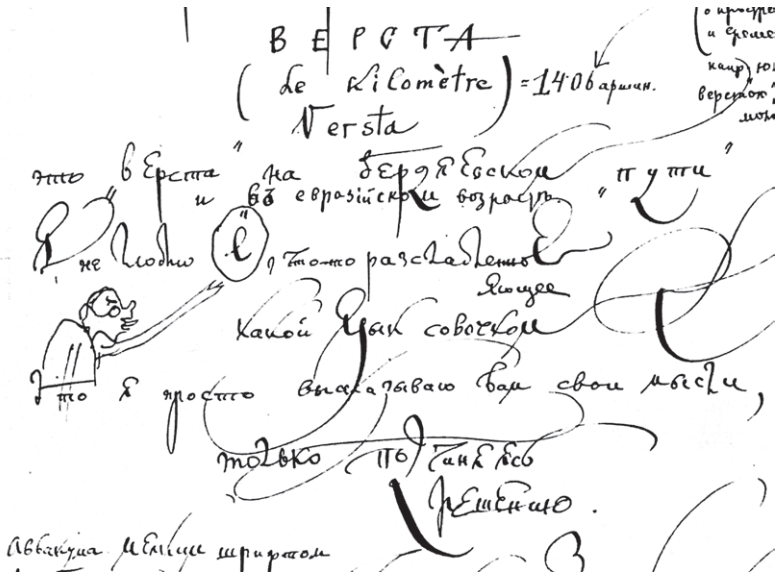
Тем более ОРДА
что ангел-то ваш Петр Царевич Ордынский!
и в Москве Петровский монастырь стоит высокий красный там в революцию какое-то пристанище чеки было устроено. А в случае, как расположить участников, я думаю так

ОРДА
под редакцией ПЕТРА Сувчинского
при участии: МАРИНЫ Цветаевой — ДМИТРИЯ Сувчинского

ЛЬВА И* (Шестов)
АЛЕКСЕЯ Ремизова → если, конечно,
непременно
понадобится мое имя

зав. редакцией: СЕРГЕЙ Эфрон⁵⁸

⁵⁸ FR BNF; письмо от 12 февраля 1926 г. Ср. также интерпретацию Цветаевой принципа отбора ближайших участников журнала: «Вчитайтесь и вдумайтесь и поймите, что “ближайшее участие” так и останется на обложке, следовательно на обложке оставаться не должно. Вот как бы я поступила, если бы не сознание, что сняв себя с обложки, несколько расстраиваю общий замысел (Ремизов — прозаик, Шестов — философ, я — поэт). В России бы Вы меня заменили. Здесь не Россия» [20, с. 318–319]. О предлагаемых Ремизовым названиях см. также: [24, р. 187; 15, с. 375].

Ремизов А.М. Фрагмент письма П.П. Сувчинскому от 23 февраля 1926 г.
с автопортретом.

Bibliothèque nationale de France

Remizov A.M. Fragment of the letter to P.P. Suvchinsky dated February 23,
1926 with a self-portrait. Bibliothèque nationale de France

Как видим, Ремизов даже подготовил эскиз обложки, обозначив основной «костяк» издания. К имени Цветаевой, талант которой в это время пестовался обоими редакторами, он уже уверенно подставлял имя своего друга Льва Шестова⁵⁹. В конечном счете не без тактических усилий Ремизова был сотворен «материк» новой литературной эстетики, держащийся, по выражению Мирского, на «трех китах» — Ремизов–Цветаева–Шестов⁶⁰.

Вечерние разговоры с редакторами в квартире Ремизовых на авеню Мозар нередко продолжались в утренней переписке, раскрывающей живой интерес писателя к будущему изданию и его

⁵⁹ См. обсуждение вопросов по организации журнала с Л. Шестовым, которому Ремизов «гарантировал» привилегии: «...в этом журнале ты можешь писать как вздумается: с конца или из сер(е)дки» [12, с. 136]. См. также о «Верстах»: [12, с. 138–142].

⁶⁰ См. письмо Мирского от 9 марта 1926 г. [29, p. 51].

желание не только самому печататься в «Верстах», но и влиять на перспективный план журнала. Например, еще 12 февраля он писал Сувчинскому:

Дорогой Петр Петрович,
вчера оставили меня в раздумье.
<...> мне пришло в голову, если бы начать с первой книги «Орды» (вот, как скажешь, так и чувствуется, насколько Орда хорошо склоняется, Ясак хуже).
С первой же книги «Орды» начать регистрировать с краткой характеристикой книги Розанова, находящиеся в Париже.
Это надо поручить смышленому человеку.
Ну если бы этим вы занялись или
С<вятополк->Мирский <...>⁶¹

Таким образом, в дружеском общении с редакторами Ремизов взял на себя обязанности «старшего» консультанта, намечавшего темы публикаций, посвященных истории русской литературы. Буквально в эти две недели (между 8 и 25 февраля) положение писателя в кругу избранных «китов» современной эмигрантской литературы существенно укрепилось, потому что в Лондоне была достигнута договоренность о финансовой поддержке будущего журнала с двумя «ученицами» Ремизовых — Дж.Э. Харрисон и Х. Мирлиз⁶². Сообща ученые дамы перечислили на счет издания сумму, равную половине всех предполагаемых расходов, — 100 фунтов стерлингов. И, как писал Святополк-Мирский своему соредктору, «большая часть денег дана нам именно за Ремизова, из любви к нему»⁶³.

Задача укрепления национальной культуры (неделимой по политическим признакам), развивающейся в равноправном сосуществовании с европейской культурой, прочитывается в замыслах Мирского, который ко времени формирования редакционного портфеля занял в журнале ведущие позиции. Его первоначальные планы располагались исключительно в сфере литературного процесса, поэтому, во избежание корреляций с идеологией евразийского движения, было отклонено ремизовское предложение «татарского

⁶¹ FR BNF; письмо от 12 февраля 1926 г.

⁶² См. упоминание о них: [11, с. 21–22]. См. также: [26; 27].

⁶³ Письмо от 9 марта 1926 г. [29, с. 51].

имени» для журнала⁶⁴, в конечном счете названного по цветаевскому поэтическому сборнику «Версты» (1921). Выбор редакции подчеркивал идею преодоления дистанции между эмиграцией, Россией и Европой (во всех диспозициях этого треугольника).

Однако к голосу Ремизова редакторы продолжали прислушиваться, полагаясь на его интерес и чуткость к неизвестным талантам как в эмигрантской, так и в советской литературе. Разница взглядов состояла лишь в том, что вкусовые пристрастия Мирского явно склонялись в пользу последних, которые, по его оценкам, были значительно колоритнее и «живее» своих сверстников-эмигрантов; имена некоторых из них оказались на страницах «Верст» в результате рекомендаций писателя: «Действительно, — вторя Ремизову, убеждался Мирский, — надо новых, и молодых, и никому неизвестных. Мы и так Вам благодарны за Сельвинского, которого Вы нам открыли (да и Бабеля в свое время тоже)» [15, с. 378].

Взаимоотношения с Ремизовым, несмотря на укреплявшуюся в процессе создания первого номера «Верст» дружбу, полностью были подчинены концепции развития литературы, выработанной Мирским, в основе которой лежала мысль о новой России как колыбели новой культуры. В этом ракурсе не все новейшие произведения писателя были пригодны для формирования необходимого образа национальной литературы на страницах журнала. В частности, отдавая дань его таланту стилиста и археолога литературных источников, к ремизовской художественной прозе модернистского толка Мирский испытывал откровенное недоверие, а разнообразие его творческой палитры расценивал скорее негативно — как проявление нестабильности. Догадываясь о причинах скрытых конфликтов Ремизова с парижскими редакциями, которые в основном возникали из-за навязываемых писателю шаблонов читательского восприятия, редактор «Верст» опасался нежелательных отклонений от ожидаемой творческой траектории и не исключал, что «Ремизов может подложить свинью» [29, р. 51–52].

Щекотливый вопрос о согласовании редакционных задач с «неумеренностью» ремизовского таланта был разрешен благодаря условиям, поставленным лондонскими вкладчицами. История умалчивает, насколько Ремизов был в курсе их переговоров с редактором «Верст» в Лондоне, но мисс Харрисон, поддерживавшая с писателем

⁶⁴ Ср. письмо Мирского от 8 февраля 1926 г., касающегося будущего названия журнала, в частности предложений Ремизова (Орда / Ясак): «Между прочим, я все-таки не хотел бы давать журналу слишком подчеркнутый Евразийский характер. Поэтому лучше бы без татарского имени» [29, р. 45].

и его женой теплые отношения, совершенно отчетливо сформулировала собственную мотивацию помощи новому русскому журналу, иронически сожалая, что не в состоянии покрыть всю необходимую сумму (200 фунтов стерлингов):

Как было бы весело быть миллионером и финансировать действительно достойные вещи. Просто невыносимо, что такие люди, как Ремизов, должны зависеть от капризов и глупой политики людей менее значительных⁶⁵.

В результате достигнутых договоренностей в редакции будущих «Верст» была утверждена лучшая из привилегий, о которой писатель прежде мог только мечтать: «Одно из главных оснований нашего журнала, — декларативно утверждал Мирский в письме к соредактору, — освобождение его <Ремизова. — Е.О.> (и Шестова, М.Ц.) от редакторской цензуры» [29, р. 51].

Нельзя не признать успешным замысел редакторов, сумевших при подготовке первого номера отвлечь Ремизова от его авторской прагматики: опубликовать в «Верстах» не востребовавшийся издательствами роман «Ров львиный»⁶⁶. Взамен Сувчинский предложил ему исключительный по культурной значимости персональный «заказ» — создать новейший список «Жития протопopa Аввакума». Пожалуй, на всем литературном пространстве эмиграции, да и советской России, не было другого художника, который бы смог, как Ремизов, справиться с научной подготовкой публикации, одновременно наполнив содержанием собственной творческой личности миметический в своей основе процесс переписывания [13, с. 68]. Опираясь на три печатных редакции, писатель, подобно древнерусскому мастеру-доброписцу⁶⁷, создал рукописный список основного текста этой первой в истории русской литературы автобиографии, в практическом делании открыв современному читателю духовный подвиг писателя позднего русского Средневековья.

В примечаниях к «Житию» Ремизов лаконично описал историю рукописи, которая в печатном виде представляла собой семидеся-

⁶⁵ Впервые: [28, р. 86]. Перевод приводится по: [15, с. 377].

⁶⁶ О негативном восприятии романа, который, по всей вероятности, ломал концепцию «смерти петербургской культуры», см.: [29, р. 51–52].

⁶⁷ Ср. из примечания Ремизова к «Житию», опубликованного в Приложении к журналу (с самостоятельной пагинацией): «Списки Жития делались еще при жизни Аввакума, и после издания Жития (1861 г.) московские доброписцы не раз трудились, списывая “добрым письмом”» (Версты. 1926. № 1. С. 73).

тистраничное Приложение к первому номеру «Верст», и в поддержке писцовой традиции⁶⁸ упомянул основного заказчика и датировку создания:

«Парижский» список сделан в 1926 г. по замыслу П.П. Сувчинского: 33 часа переписывал я «Житие», не только глазом следя, а и голосом выговаривая слово за словом и храня каждую букву протопопа «всея России»⁶⁹.

Актуализация образа Аввакума в контексте эмигрантской литературы не вызвала вопросов у ценителей литературных шедевров, как например, у М.А. Осоргина, письмо которого мы приведем ниже. Однако даже сочувственные критики выразили недоумение по поводу этой редакционной «интриги». В частности, М. Слоним с позиций современника расценил публикацию «Жития» как «тайное стремление, сокрытое от непосвященных»⁷⁰. Толкование идеи Мирского–Сувчинского не сохранилось в документальном выражении, однако, с точки зрения редакционной политики «Верст», размещение «Жития» в первой книге журнала предполагало своего рода манифестацию национальной аксиологии, в системе которой личность и автобиография «огнепального» протопопа расценивалась как субстрат культуры, в частности, укоренивший специфически русское отношение к роли писателя в обществе⁷¹. Лично для Ремизова обращение к литературному наследию Аввакума послужило основанием для оригинальной концепции «русского лада»⁷² и ориентиром для формирования литературного «Я» в границах собственной автобиографической прозы. По крайней мере, на страницах первых «Верст», в очерке, посвященном

⁶⁸ См. об этом: [13].

⁶⁹ Версты. 1926. № 1. С. 73.

⁷⁰ Слоним М. Литературные отклики. (Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах») // Воля России. 1926. № 8/9. С. 102.

⁷¹ Ср. также высказывание Мирского: «На Аввакуме закаливали свой революционный героизм русские эс-эры» (*Святополк-Мирский Д., князь*. О нынешнем состоянии современной литературы // *Благонамеренный*. 1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 93).

⁷² Наблюдения о природе «русского лада», отразившиеся в стилистической манере Аввакума, впервые прозвучали в рецензии Ремизова на перевод «Жития» Харрисон и Миррлиз (*The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky. Publ. by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavistock Square, London W.C. 1924*), опубликованной во второй книге журнала «Благонамеренный» (1926, март–апр. С. 164). О концепции в целом см. также: [13, s. 66].

В.В. Розанову, Ремизов продемонстрировал свой опыт погружения в аввакумовское «вяканье». Эту тенденцию к пересмотру эстетических канонов литературного языка распознал Г. Адамович, впоследствии один из постоянных ремизовских оппонентов. В рецензии на «Версты» критик писал:

Ремизов запальчиво отстаивает в послании к Розанову его, розановский, а заодно и свой, ремизовский стиль, т.е. разговорно-бессвязную, неупорядоченную речь в противоположность языку книжно-холодному, мертвенно-канцелярскому, ученому, «высокому». Интереснейший и сложный вопрос! Хотелось бы когда-нибудь «поднять перчатку», брошенную Ремизовым с усмешечкой, с лукавством, будто бы с благодушием, но на самом деле с гневом и раздражением, как отстаивают свое, самое дорогое⁷³.

В то же время «парижский» список возник pendant английскому переводу «Жития» Харрисон и Миррлиз. Британские лингвисты, посвящая лондонское издание супругам Ремизовым, и сами понимали, что «Аввакум заговорил по-английски»⁷⁴ в значительной степени благодаря усилиям писателя и Серафимы Павловны, открывшим для них исторический контекст и стилистическое своеобразие уникального памятника агиографии. Таким образом, «Версты» выступили в унисон с английским проектом, продвигая идею русского культурного потенциала, востребованного в Европе.

Содержание первого номера с очевидностью демонстрирует стратегию редакции выделить Ремизова на фоне писателей старшего поколения как выразителя квинтэссенции русской национальной культуры, избранного новой литературной генерацией. Три объемных ремизовских публикации представляли собой развитие устойчивых локусов его творчества — словесную археологию (житие Аввакума, грамота XVII в. в очерке «Россия»), феномен личности В.В. Розанова (очерк «Воистину», написанный к 70-й годовщине со дня рождения философа) и цикл византийских легенд «Из книги о Николае Чудотворце», адаптированных к реалиям современной советской и русской зарубежной жизни.

⁷³ Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1926. № 186, 22 авг. С. 1–2. Цит. по: [1, с. 56–57].

⁷⁴ Цитата из очерка Ремизова «Аввакум. 1920–1682» (впервые: Последние новости. 1939. № 6548, 2 марта. С. 3; см. также: [14, т. 14, с. 268].

А.М. Ремизов. Фото П. Шумова. 1926.

Опубл.: Версты. № 1. С. 84.

A.M. Remizov. Photo by P. Shumov.

1926. Publ.: Versty, no. 1, p. 84.

В начале июня 1926 г. тираж журнала вышел из типографии. Мирский спешил воздать Ремизову дань благодарности:

Дорогой Алексей Михайлович,

Сейчас получил *Версты*, и мне хочется Вам написать о том, в какой мере мы Вам обязаны — тем, что они окажутся лучшей русской книгой последнего времени. Как хорошо это именно из Ваших рук получение Аввакума и что именно Вы напоминаете о Розанове. А Николай чудотворец, мне кажется, вещь совершенно огромная, даже для Вас [15, с. 381].

Успешный дебют журнала был приветственно встречен многими корреспондентами Ремизова. Историограф «обезьяньей палаты» С.Я. Осипов, состоявший на службе в советском полпредстве в Германии, обнаружил явное влияние ремизовской игровой «политики»:

Версты уже пробежал. Очень содержательны и интересны. Это несомненно версты ближайшего пути в Россию. И почти вся редакция и главные сотрудники — обезвельволпал!⁷⁵

Одним из первых среди парижских литераторов на «Версты» откликнулся М.А. Осоргин, известный своей независимой позицией, противопоставленной «эмигрантскому хору»⁷⁶. В письме от 6 августа он пронизательно угадал один из основных мотивов появления нового журнала:

⁷⁵ Amherst. Series 1. B. 4. F. 6.

⁷⁶ *Вишняк М.В.* Современные Записки: воспоминания редактора. Indiana University Publications Graduate School, 1957. С. 197.

Вот, Алексей Михайлович, читаю я «Версты» и должен сказать — с удовольствием. Как раз всё то, что никак не уместить в «Современных Записках». Очень интересно.

С особым удовольствием прочел «Житие протопопа Аввакума»...⁷⁷

В это время над Парижем уже закручивался «смерч» критических возмущений. Ремизов в письме Шестову кратко охарактеризовал настроения в литературных кругах, обозначив противостояние по политическим партиям — между кадетами и левыми эсерами: «На “Версты” нападают. “Дни” взъерошились. Но “Воля России” за» [12, с. 161]. Напечатанная в «Днях» статья Н. Макеева «Эмигрантский снобизм»⁷⁸ на самом деле послужила первой «ракетой», подавшей сигнал к бою. Несмотря на скептический настрой, автору не удалось умалить производивший впечатление потенциал журнала, который претендовал «обосновать новое общественно-политическое течение» в эмиграции. Впрочем, никто из «ближайших участников» литературного журнала и не сомневался, что ввиду запальчивых выступлений Мирского художественные особенности произведений, собранных на страницах нового издания, будут оцениваться критикой исключительно с точки зрения идеологии и политики. Однако довольно неожиданно эстетизированный литературный бомонд, представленный именами И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, В.Ф. Ходасевича и Вл. Злобина, воспользовался в характеристиках литературного конкурента стилем и аргументацией, обычно присущей скандальной хронике бульварной прессы⁷⁹. Началась расправа, опиравшаяся на авторитарность мнений как основной принцип литературных взаимоотношений парижской творческой эмиграции. Имя Ремизова, еще в 1922 г. написавшего о своей «школе» литературных преемников в России⁸⁰, принялись склонять с особым пристрастием.

Очень скоро в «Крестовом походе против “Верст”»⁸¹ были использованы силы парижской молодежи, до сего момента удостоен-

⁷⁷ Amherst. Series 1. В. 4. F. 6. Письмо также содержит библиографические дополнения к изданиям «Жития».

⁷⁸ Дни (Париж). 1926. № 1072, 5 авг. С. 2–3.

⁷⁹ Подробную реконструкцию хода дискуссии и публикацию фрагментов статей, рецензий, направленных против «Верст», см. в статье и комментариях Р. Хьюза: [15, с. 359–389].

⁸⁰ См.: Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская [14, т. 7, с. 19–25].

⁸¹ Выражение М. Слонима из его статьи «Литературные отклики. (Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О “Верстах”»)» (Воля России. 1926. № 8/9. С. 90).

ной лишь благосклонного разрешения исполнять функцию «свиты» признанных авторитетов. Теперь, когда стало очевидным, что вокруг Ремизова сформировался хоть и небольшой, но активный оппозиционный по эстетическим и политическим взглядам круг литераторов, возникла необходимость в формировании противодействующей молодежной коалиции. Летом Общество молодых писателей и поэтов учредило свой первый журнал. Название «Новый Дом» отражало мировоззрение поколения, стремившегося преодолеть чувство изгнанничества, сохранив национальные корни и приняв европейскую культуру как часть своей жизни⁸². Берберова, один из редакторов нового издания, взяла на себя миссию обеспечить преемственную связь с корифеями и пригласила к сотрудничеству Мережковских. Ответная реакция была крайне благожелательной. Гиппиус в переписке с начинающим редактором даже приняла сторону, по ее выражению, «мальчиков и девочек», раскритиковав консервативную политику редакции «Современных записок» по отношению к творчеству молодежи, похвалила их настрой на идеологическую определенность и скоро, приняв на себя обязанности опытного наставника, занялась организацией редакционного портфеля [3, р. 3–10].

В октябре вышел первый номер «Нового Дома», содержательная доминанта которого, при искусной расстановке сил, пришлась отнюдь не на творчество молодых, а на статью признанного мэтра литературы — Антона Крайнего, опубликованную под многозначительным названием «Прописи». Здесь зазвучал учительный тон напутствий молодежи, позвавшей старших, выработать общую идеологическую платформу новой эмигрантской литературы. Используя тезис редакционной заметки — «Пора литературе и критике вновь стать идейными...», Гиппиус объявила идеологию основой литературного бытия и виртуозно срежиссировала «преемственность идей», востребованную «Новым Домом» на пути к обретению утраченного «искусства духа»⁸³. Острая «идейная» критика была изготовлена секретарем Мережковских Вл. Злобиным, который, еще только сообщая о согласии всех троих принять участие в новом издательском проекте,

⁸² Ср. редакционную заметку: «Пора литературе и критике вновь стать идейными, отбросив как нигилизм, так и эстетизм. На этих основаниях и строится “Новый Дом”. <...> Живя на чужбине и не забывая России, мы, однако, не тоскуем по ее “березкам” и “ручейкам”. Она с нами, в нас самих, — поскольку ее язык, ее литература, ее культура навсегда унесены нами и живы в нас, где бы мы ни были. Но и Европа — старая сокровищница мировой духовности, дорога нам» (Новый Дом. 1926. № 1. [С. 2]).

⁸³ Ср. редакционную заметку: «Основанный молодыми силами, он зовет всех, кто хочет вернуться к подлинному искусству духа: в единении поколений возникает непрерывная преемственность идей» (Новый дом. 1926. № 1. [С. 2]).

обрисовал, отвечая Берберовой на приглашение, якобы собственные представления о задачах молодежного периодического органа: «На этих днях я как раз говорил Мережковским о необходимости <...> издавать листок хотя бы на гектографе, где бы можно было отводить душу и не стесняясь высказываться о Святополках и прочей дряни, с таким упоением разлагающейся у всех на глазах»⁸⁴.

Таким образом, исподволь, под давлением авторитетных руководителей литературное направление будущего издания было переориентировано на политическое и задана риторика откровенной ненависти к оппонентам. Характерно, что роль Ремизова как тайного и явного соратника «евразийцев» подверглась в злобинском дивертисменте, исполненном «по нотам» Мережковских, особо пристрастному рассмотрению⁸⁵. Если в статье «Мертвый дух» Гиппиус, начавшая кампанию против «Святополка Окаянного»⁸⁶, уже заподозрила Ремизова в «двойной игре», то теперь Злобин, по сути, объявил писателя *persona non grata* эмигрантской антисоветской печати. Упоминая высказывания из предшествующих критических выступлений о связи «Верст» «с растлителями России», молодой критик с прилежностью ученика обозначил поставленные перед ним цели и задачи «творческого» задания. Одна из них, едва ли не основная, состояла в разоблачении эстетических оксюморонов Ремизова:

Остается только одно — рассмотреть, в чем эта связь выразилась наиболее ярко, какое разлагающее начало соединяет «Версты» с той «Россией», на которую они так пристально устремили взор. Но сперва несколько слов о Ремизове. На нем всего яснее видно, как старательно приспособливают себя «Версты» для обращения в С.С.С.Р. <...>, с каким знанием выбирают они материал⁸⁷.

Далее следовал тенденциозный анализ легенд о Николае Чудотворце, в котором ремизовская контаминация историзмов византийского мира и реалий советского быта интерпретировалась

⁸⁴ Цит. по: [6, с. 133].

⁸⁵ Личное знакомство Злобина с Ремизовыми по рекомендации Гиппиус состоялось в 1922 г. в Берлине. В американском архиве Ремизовых сохранилось его письмо к Серафиме Павловне, написанное в самом доверительном тоне (Amherst. Series 2. B. 20. F. 2).

⁸⁶ Ср. письмо Мережковского Ходасевичу как редактору газеты «Дни», поддержавшей борьбу против «Верст» и, в частности, ответившей на выступления Святополк-Мирского против авторов «Современных записок»: «...очень благодарю Вас и “Дни” за прекрасную статью М.О. Цетлина о “Верстах”, где они меня защитили от Святополка Окаянного» [6, с. 131].

⁸⁷ Злобин Вл. «Версты» // Новый Дом. 1926. № 1. С. 35.

как намеренная адаптация, «приспособленная» к менталитету советского читателя. В издательских эзекерсисах, направленных на унижение творческой личности Ремизова, Злобин даже превзошел своих предшественников и наставников — Бунина и Гиппиус.

Рецензия, помещенная в библиографическом разделе журнала «Новый Дом», вызвала раскол в Обществе молодых писателей и поэтов. На вечере, состоявшемся предположительно около 10 ноября, В.Л. Андреев и Б.В. Сосинский как члены объединения, печатным органом которого являлся новый журнал, инициировали обсуждение этической позиции редколлегии, допустившей оскорбительные высказывания в адрес двух авторов «Верст» — Марины Цветаевой и Алексея Ремизова⁸⁸. По выражению Гиппиус, «скандал молодых большевикантов»⁸⁹ имел продолжение и в уличной драке Сосинского с Ю.К. Терапиано, и в дуэли с ним же в защиту чести Цветаевой. Тогда же В. Диксон, не смирившись с публичным унижением Ремизова, объявил о желании вызвать на дуэль автора скандальной статьи. По косвенным источникам, С.П. Ремизова-Довгелло отговорила поэта от столь решительных действий⁹⁰, так что протест друзей писателя в наиболее завершенном виде запечатлелся в печатном выступлении Сосинского на страницах ноябрьского номера журнала «Воля России»⁹¹. В своей рецензии на новое издание он, по сути, обвинил молодежную редакцию в незрелости этических принципов и несамостоятельности литературных и политических взглядов. Как он заметил, первая, заглавная страница «Нового Дома» «принадлежит писателям младшего поколения, а почти все остальные — писателям старшего поколения», которые, «взяв своим благородным щитом политику, факты и фактики друг о друге <...> в своих разоблачениях выходили далеко за пределы — и литературы и литературности»⁹².

⁸⁸ Подробный отчет об этом заседании см. в заметке: В.Н. Среди молодых поэтов // Дни. 1926. № 1156, 11 нояб. С. 1; републ.: [15, с. 383–384].

⁸⁹ См. также реакцию Гиппиус на скандал в Обществе и заметку в «Днях»: [3, р. 13].

⁹⁰ Ср. письмо Гиппиус к Ремизовой-Довгелло от 14 октября 1930 г., в котором содержится реакция на несохранившееся письмо Серафимы Павловны и обстоятельства скандальной истории лета 1926 г. (упомянутый Диксон скорострительно скончался в 1929 г.): «Диксона я не знала, но стихи его помню, он был талантливый. Вы правы, что уговорили его не драться, зачем, что это доказывает? Очень возможно, что Злобин был неправ относительно А.М., но он бы и признал это, если б Диксон сказал, что он ошибается. В том журнальчике у нас была полная свобода мнений...» [25, с. 180].

⁹¹ См.: [16, с. 121–125].

⁹² *Сосинский Б.* Новый дом. Литературный журнал под редакцией Н. Берберовой, Д. Кнута, Ю. Терапиано и В. Фохта. № 1. Париж, 1926 // Воля России. 1926. № 11. С. 187–188.

Оставаясь не только поклонником таланта Ремизова, но и его литературным учеником, Сосинский встал на защиту писателя от профессиональной невежественности редколлегии журнала и лично Злобина, цитатами проиллюстрировав низкопробные критические приемы и прямые случаи этической неряшливости. Несомненно, статья молодого поборника литературных нравов была спроецирована на всю историю гонений, включая статью Гиппиус о «Благонамеренном», в которой молодой редактор этого журнала уничижительно именовался «маленький Шаховской». Не случайно Сосинский вспомнил этот неуместный в публичной дискуссии эпитет:

«Новый дом», такой маленький по своему значению, сумел совершить огромное преступление. (Не все же преступники — великие люди). И не одно, а несколько:

Алексей Ремизов в «Николае Чудотворце», используя прием параллелизма — той эпохи злодеяний и нашей, — употребляет новые слова: «продналог», «взять на учет», «реквизировать» и т.д. «Новый дом» называет это «приспосабливанием для обращения в СССР». Преднамеренная лживость или абсолютная неспособность к чтению. Наличие этих качеств не позволяет прикасаться к литературе.

<...> вслед за этим «Новый дом» печатает фразу, по цинизму и кощунству редкую даже на задворках печати. Имена Розанова и Ремизова много говорят каждому. А вот что о них говорит «Новый дом»: «...Ремизов с некрофильским влечением к Розанову, с которым он, воистину, как с мертвым телом делает, что хочет»⁹³.

Угар враждебности, распространившийся в результате каскада разгромных статей, направленных на «Версты», приобрел в эмигрантской литературной жизни опасную концентрацию. В противовес деятельности «кукловодов» и отдельных молодых бунтарей, вступивших в схватку под разными знаменами, старшие — второстепенные участники скандала — смогли подать пример политической толерантности и эстетической лояльности. Улаживать конфликт пришлось мудрейшему из мудрых — Льву Шестову, имя которого как участника «Верст» упоминалось в критике, однако, в отличие от Ремизова, осталось неприкосновенным. Старинный друг писателя сумел создать условия для переговоров между редактором «Верст» Сувчинским и редактором «Современных записок» Фондаминским, признавшим от лица других редакторов ошибочность публикации

⁹³ Там же.

статьи другого непримиримого оппонента «евразийцев», Вл. Ходасевича, в которой все участники «Верст» были обвинены в сочувствии большевистскому режиму, направленному, в частности, на насильственное подавление свободного творчества литераторов в России⁹⁴. Несомненно, именно этот тезис задел Ремизова более, чем почерпнутые на одесском Привозе присказки Бунина⁹⁵, сильнее, чем тактика Гиппиус, натравившей на него своих молодых воспитанников⁹⁶, и стал причиной серьезных переживаний.

Литературно-политические события второй половины 1926 г. не только нанесли травмы писательскому достоинству Ремизова, но и сказались на узком дружеском круге Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, которая, судя по косвенным подтверждениям, после выхода в свет «Нового дома» выступила в защиту мужа, написав гневное письмо своей давней подруге З.Н. Гиппиус⁹⁷. Письмо не сохранилось, но не сказать чтобы равнодушную реакцию на него мы находим в переписке Гиппиус с основным участником развернувшихся батальных сражений — В.Ф. Ходасевичем. Ироническое описание разрыва с Серафимой Павловной читаем в ее письме от 11 ноября 1926 г.:

...я «пострадала», и, как я соображаю, на 80% из-за вас. Вы не знаете (а, мож. б., и знаете), что Сер. П. Ремизова «обожала» меня 22 года. Ничто не могло поколебать ее, и нигде. Первая трещина была — после моей сочувственной статьи о вас, первой⁹⁸. Но я тогда просто сказала, что таково мое литературное мнение, лично же вас я никогда не видывала в глаза, не знаю — увижу ли, а тем, что говорят о вас — не интересуюсь, ибо не могу судить, что правда, что неправда. Затем прошло много времени. С весны было всего: и моя статья о Благ., и моя статья о Верстах. И даже Новый Дом

⁹⁴ Ходасевич В. О «Верстах» // Современные записки. 1926. Кн. 29. С. 438–439.

⁹⁵ Ср.: «А уж про Ремизова и Цветаеву и говорить нечего: тут любой дурачок на пятак угадает, что именно дал в сотый, сто тысячный раз, Ремизов насчет Николая Чудотворца и Розанова и чем опять блеснула Цветаева...» (Бунин Ив. «Версть» // Возрождение. 1926. № 429, 5 авг. С. 3).

⁹⁶ Ср.: «Никто не будет отрицать, что в таланте Ремизова и раньше замечалось больше тяготения к звериному, нежели к человеческому...» (Антон Крайний. О «Верстах» и прочем // Последние новости. 1926. № 1970, 14 авг. С. 3).

⁹⁷ В готовящейся к публикации переписке корреспонденток письмо Гиппиус к Ремизову от 20 января (по поводу состояния здоровья Серафимы Павловны) единственное, относящееся к 1926 г. (ГЛМ). Письмо не учтено в публикации фрагментов этого эпистолярия: [25].

⁹⁸ Антон Крайний. «Современные записки». Кн. XXIX // Последние новости. 1926. № 2059, 11 нояб. С. 3.

с Володей⁹⁹. И всё ничего. Но вот еще мое печатное замечание о вас и Верстах, затем перфидная заметка Дней о скандале большевицких «молодцов» (чуть не в один день!)¹⁰⁰ — и записка многолетней моей обожательницы: «Заявляю, что не подам вам руки». И точка. Убила. Она — может!¹⁰¹ [3, р. 74]

О том, как удалось призвать редакторов «Современных записок» отказаться от круговой поруки идеологических преследований инакомыслящих, Шестов рассказал супругам Ремизовым в письме от 30 ноября:

Leon Shestov / Л.И. Шестов. Рис. А.М. Ремизова. 1926. Опубл.: Своими путями. 1926. № 12/13. С. 3,

вместе с очерком «Лев Шестов: 1866–1926 (шестидесятилетие)»

Leon Shestov / L.I. Shestov. Drawing by A.M. Remizov. 1926. Publ.: Svoimi putyami, no. 12/13, 1926, p. 3,

with the essay “Lev Shestov: 1866–1926 (60th Anniversary)”

⁹⁹ Речь идет о статье Злобина (см. примеч. 87).

¹⁰⁰ См. примеч. 88.

¹⁰¹ Подразумевается категоричность Ремизовой-Довгелло, сохранившаяся с революционной молодости, которая была отмечена руководителями левых эсеров как ценное качество для привлечения ее в экстремистское крыло партии. Ср. воспоминания Ремизова о юности его супруги: «...на С.П. смотрели, как на Софью Перовскую: она и вправду, не дрогнула б с бомбой в руке» [9, с. 156]. Подробнее об истории взаимоотношений Ремизовой с Гиппиус см.: [14, т. 15, с. 628–634].

Дорогие Серафима Павловна
и Алексей Михайлович!

Вчера был у меня Ф<ондаминский> — вовремя его вызвал, он сегодня уезжает. Разговаривали обо всем — и, кажется, всё уладится. Сейчас у них с С<увчинским> идут разговоры о напечатании писем; сойдутся они или не сойдутся на этот счет — еще неизвестно, но *во всяком* случае, если не сойдутся, всё равно в ближайшем номере будет редакционная заметка, составленная в том смысле, что всё одиозное (насчет большев<иков>, погромов и т.д.) в статье Ходасевича будет объявлено как досадное недоразумение. Так что, в этом отношении, очевидно, всё будет улажено и тревожиться не о чем.

Что же до статьи З<лобина> — то, само собой разумеется, реагировать на нее никак нельзя: ни З<лобин>, ни его статья этого не стоят. И никто — по крайней мере в литературных кругах — кроме тех, кому хочется сражаться, ей никакого значения не придают.

Всего вам доброго,
Ваш ЛШ¹⁰²

Абсурдность нападений на Ремизова и Цветаеву заставила публично выступить в их защиту другого представителя молодежного крыла литературного Парижа — Глеба Струве, который в связи с неудачным дебютом «Нового Дома» стремился описать не политические, а творческие тенденции современной литературы:

Новый журнал уже успел нажить себе литературных врагов, успел взбаламутить литературное болото. Некоторых молодых сотрудников его можно упрекнуть в чрезмерном полемическом задоре. Критиками-друзьями уже была отмечена грубость выпадов против А. Ремизова и М. Цветаевой. Я бы сказал, что эти выпады не только грубы, но и беспредметны, поскольку они направлены лично против

¹⁰² Amherst. Series 1. B. 21. F. 5. В первом номере «Современных записок» за 1927 г. (Кн. 30) было опубликовано письмо в редакцию А. Лурье с протестом, адресованным Ходасевичу, в статье против «Верст» высказавшему ряд оскорбительных оценок (в частности обвинение в антисемитизме) в адрес композитора, опубликовавшего статью «Два ренессанса» в первом номере журнала. Как писал Лурье, его «отношение к редакции «Верст» определяется не чем иным, как общим моральным сочувствием направлению журнала и обычным сотрудничеством по предложению редакции» (С. 599). Здесь же было помещено заявление редколлегии: «Давая место настоящему письму редакции «Верст», редакция «Современных Записок» заявляет, что она против журнала «Версты» никаких обвинений специфического, указываемого в письме, характера не поддерживала и не поддерживает. Редакция «Современных Записок» не может, однако, не видеть в отдельных высказываниях, имевших место в № 1 «Верст», проявления того упадочно-примиренческого отношения к большевикам, идейную борьбу с которыми наш журнал считает и своим литературным правом, и своим общественным долгом» (Там же).

двух несомненно крупных, высокоталантливых писателей, которые уже вошли в русскую литературу и останутся в ней. Бороться надо не с Ремизовым и Цветаевой, а с «цветаевщиной» и «ремизовщиной», с худшими сторонами и того и другого, возводимыми в школу¹⁰³.

По справедливому наблюдению ремизовского благородного защитника Бронислава Сосинского, с тех пор как русская литература раскололась на зарубежную и советскую, началась «неслыханная в литературе бойня», в которой политика вытеснила эстетические и нравственные ценности. Этот «театр военных действий», развернутый литераторами старшего поколения, не затрагивал жизненных интересов молодежи. Нина Берберова впоследствии вспоминала свой опыт редактора:

«Новый дом» оказался нам не под силу: Мережковские, которых мы позвали туда (был позван, конечно, и Бунин), сейчас же задавили нас сведением литературных и политических счетов с Ремизовым и Цветаевой, и журнал очень скоро перешел в их руки под новым названием («Новый корабль») [2, с. 264].

В 1931 г. Берберова, следуя личным мотивам, написала Ремизову письмо, в котором она, осознававшая литературный процесс как часть своей биографии, вернулась к событиям, залегшим в памяти тяжелым осадком, чтобы подтвердить ценность нравственного урока, извлеченного ею из истории, связанной с травлей писателя:

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

П.М. Костанов передаст Вам это мое письмо, цель которого распутать один узел, навязанный мне пять лет тому назад.

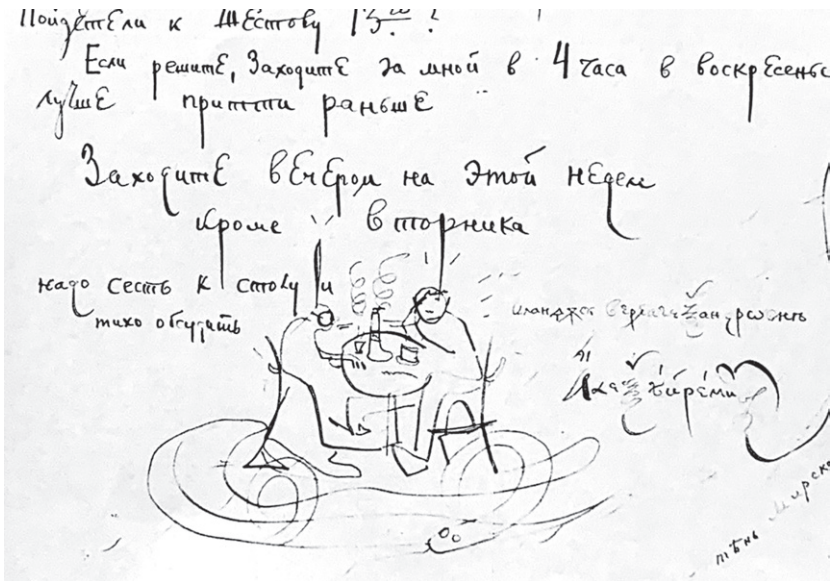
О Вас в журнале, кот<орый> я (в числе 4 других литераторов) редактировала, появилась рецензия, за грубый тон которой, а также бессовестное ее содержание позвольте, хотя бы с опозданием, принести Вам мои извинения. Я не могу оправдываться перед Вами в том, что было сделано — ответственность за напечатание этой рецензии я несу и буду продолжать нести, — но я должна сказать Вам, что помещена она была потому, что в противном случае ушли бы из журнала не только автор ее, но и два других сотрудника, которых я в то время считала людьми высокой честности и бескорыстия. Этот уход должен был повлечь за собой гибель журнала, которая мне тогда,

¹⁰³ Струве Г.П. Литературные «реакционеры» // Возрождение. 1926. № 541, 25 нояб. С. 3.

по молодости и непростительной глупости, казалась в<ещью-?>¹⁰⁴ более страшной, чем то, что было сделано — оскорблением <sic!> Вас. Могу заверить Вас, что 2 из моих соредкторов (Терапиано и Кнут) также смотрят на всё это, как и я, и также не отказываются от ответственности и не боятся ее.

Прошу Вас показать это письмо Серафиме Павловне и передать от меня поклон и уважение.

НБерберова¹⁰⁵

А. Ремизов. Фрагмент письма П.П. Сувчинскому от 2 февраля 1927 г. с подписью: «надо сесть к столу и тихо обсудить». Bibliothèque nationale de France

Remizov. Fragment of the letter to P.P. Suvchinsky dated February 2, 1927 with an inscription:

“We should sit down to table and discuss calmly.” Bibliothèque nationale de France

Сотрудничество Ремизова с «Верстами» довольно быстро потеряло актуальность для каждой их сторон. Одной из причин

¹⁰⁴ Утрата фрагмента текста.

¹⁰⁵ Amherst. Series 1. B. 6. F. 8.

взаимного охлаждения стали противоречия Мирского и Ремизова в отношении к парижской молодежи. Ремизов вновь оказался между молотом политических установок и наковальной идеологической тенденциозности. Если Гиппиус не признавала советских, то Мирский раздражался на желание Ремизова привлечь к сотрудничеству в «Благонамеренном» и «Верстах» молодых парижан. В 1927 г. это противоречие дошло до конфликтной стадии, которая упоминалась в письме Мирского от 19 февраля 1927 г. [29, р. 74–75]. Писатель, несомненно, напомнил редактору, какую принципиальную и благородную поддержку редакции «Верст» оказали его литературные протезы в схватках с «Новым Домом». Ответная реакция Мирского, высказанная в переписке с Сувчинским, была цинической: «Если они дерутся за нас, это их частное дело — услужливый дурак опаснее врага. Но ведь вся наша позиция как раз, что эмигрантская молодежь импотентна, не так ли?» [29, р. 75]

Насколько твердую позицию Ремизов занял в своем отношении к творчеству молодежи, подтверждает заявление писателя, сделанное в печати в 1931 г. Отвечая на анкету «Новой газеты», предложившей тему «Самое значительное произведение русской литературы последнего десятилетия», он, несомненно, мысленно обращаясь к истории своего участия в журналах «Благонамеренный» и «Версты», вместо установленного редакцией временного диапазона, составил отзыв о прошедшем пятилетии:

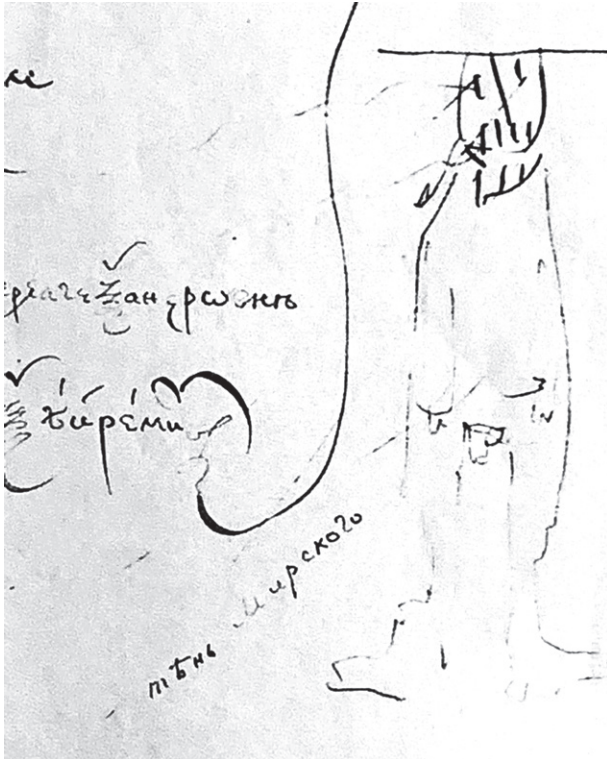
Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиция передается не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут в один прекрасный день по-французски и канут в тысячах французской литературы¹⁰⁶.

«Художественным» отражением перемены в отношениях с главным редактором «Верст», очевидно, является рисунок Ремизова из его письма Сувчинскому от 7 февраля 1927 г., на котором изображены их совместные посиделки на авеню Мозар — в клубах папиросного дыма (на столе графин)¹⁰⁷. Слева от этой композиции подпись: «надо

¹⁰⁶ Новая газета. 1931. № 3, 1 апр. С. 1. См. также: [14, т. 14, с. 235].

¹⁰⁷ С П.П. Сувчинским сохранялся постоянный дружеский контакт вплоть до 1955 г., когда Ремизов, потерявший зрение, едва писал самостоятельно.

сесть к столу и тихо обсудить», а справа — отграниченная волнистой линией мужская фигура в полный рост с натуралистично выписанным «мужским достоинством» и подписью: «тень Мирского»¹⁰⁸.

А. Ремизов. «Тень Мирского». Фрагмент письма П.П. Сувчинскому
от 2 февраля 1927 г.
Bibliothèque nationale de France

A. Remizov. "Mirsky's Shadow." Fragment of the letter to P.P. Suvchinsky dated
February 2, 1927. Bibliothèque nationale de France

Появление в 1926 г. двух журналов с активным участием Ремизова, несмотря на пережитые писателем личные потрясения, а также разрыв отношений с З.Н. Гиппиус, всё же сыграло определенно положительную роль в истории эмигрантской литературы. Застой-

¹⁰⁸ Bibliothèque nationale de France.

ная атмосфера «литературного болота» была нарушена приходом молодой литературной смены, значительно активизировавшейся после дебютов «Благонамеренного» и «Верст». Не являясь идейным лидером, писатель стал ключевой фигурой в проектах новых участников литературной жизни, конкурентоспособных по отношению к авторитетным органам печати. Эмигрантская молодежь наконец обратила на себя внимание старших, которым также пришлось пересмотреть свои взгляды на модус творческого бытия в изгнании. В конце 1926 г. по инициативе Мережковских было учреждено общество «Зеленая лампа» — объединение двух поколений, поставившее во главу угла задачи современной литературы и проблему целостности национальной культуры, то есть во многом те узловые мотивы, которые послужили основой для возникновения журналов Шаховского и Мирского–Сувчинского. Жизнь эмигранта-литератора стала приобретать новое наполнение, однако эти перемены, разумеется, не привели к изменению убеждений оппонентов, тем более что «Версты», ставшие поводом для большой литературной войны, действительно, с течением времени переродились в журнал просоветской политической направленности.

Спустя четыре года Гиппиус в «примирительном» письме к жене Ремизова первым делом вернулась к истории 1926 г.:

16 Сент<ября> <19>30

Villa Tranquille

La Cannel (A. M.)

Милая Серафима Павловна.

Вы пишете о «нашем» примирении. Но я с вами и не ссорилась, я никогда не ссорюсь с моими настоящими друзьями. <...> Вы, помнится, рассердились на меня за упреки А<лексею> М<ихайлови>чу, что он участвует в полу-больш<евецком> издании «Версты». Но, милая Серафима Павловна, я не хочу скрывать, что соединись сейчас А<лексей> М<ихайлович> с Верстами (кстати, даже не «полу», а почти совсем б<ольшевеи>цкими они оказались) — я опять бы то же сказала. Но не «поссорилась» бы от этого, — я, — ни с А<лексе-ем> М<ихайловичем>, ни тем менее — с вами. Ибо вас-то я «знаю», да и А<лексея> М<ихайловича> тоже немножко «понимаю». <...>¹⁰⁹

Творческая биография Ремизова в течение ближайшего пятилетия обнаруживает далеко не равнодушное отношение писателя

¹⁰⁹ Обсуждение ситуации разрыва продолжилось и в следующих письмах конца сентября-первой декады октября 1930 г. См. фрагменты: [25, s. 176–181].

к истории литературы и собственной роли в ее событиях. Начатая им в 1926 г. «подпольная» деятельность, направленная на «местоблюстителей» парижской печати, была шире, чем об этом догадывались его оппоненты, и в реальности развивалась по вектору трансформации канонов эстетики.

(Продолжение следует.)

Список литературы

1. *Адамович Г.* Собр. соч. Литературные беседы. Кн. 2: «Звено». 1926–1928 / вступ. ст., сост., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. 596 с.
2. *Берберова Н.Н.* Курсив мой: автобиография / под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 526 с.
3. *Гиттиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / ed. by E. Freiberger Sheikholelami. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 p.
4. *Грачева А.М.* Литературные мистификации А.М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199.
5. *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
6. Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими / вступ. ст., публ. и коммент Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 115–147.
7. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, [1977]. 420 с.
8. *Лавров А.В.* «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 229–232.
9. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Eugora Orientalis*. 1985. IV. P. 149–190.
10. *Обатнина Е.Р.* Избранные страницы из альбома А.М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.
11. *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44.
12. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.
13. *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и Житие протопопа Аввакума: воссоздание текста культуры в эмиграции // *Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann* / S.K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov (Hrsg.). München, 2001. S. 64–71.
14. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Ростов, 2000–2003, 2015–.
15. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.
16. *Сосинский В.Б.* Рассказы и публицистика. М.: Профиздат, 2002. 430 с.
17. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании / сост. и вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. М.; Париж; Русский путь; YMCA-Press, 1996. 446 с.
18. *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 478 с.

19. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927) / сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступ. ст. Р. Хьюза. М.: Русский путь, 2010. 720 с.
20. *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Письма / вступ. ст. А. Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.
21. *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения / вступ. ст. П. Алешковского. М.: Книга, 1991. 319 с.
22. *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. 538 с.
23. *Шевеленко И.* Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
24. *Kliukine J., Kozovoï V., Mnoukhine L.* Письма М.И. Цветаевой из архива П.П. Сувчинского // *Revue des études slaves*. 1992. Т. 64. Fasc. 2. P. 183–221.
25. *Lampl H.* Zinaida Hippus and S.P. Remizova-Dovgello // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd. I. S. 155–194.
26. *Robinson A.* The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford, 2002. 360 p.
27. *Smith A.* Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s // *A people passing rude: British responses to Russian culture* / Ed. by A. Cross. Cambridge, 2012. P. 175–188.
28. *Smith G.S.* Jane Ellen Harrison: Forty-Seven letters to D.S. Mirsky // *Oxford Slavonic Papers (New Series)*. 1995. Vol. 28. P. 62–97.
29. *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26). 238 p.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. "Aesthete-Degenerate"

© 2020, Elena R. Obatnina

Acknowledgement: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no 18-012-00035.

Abstract: The biographical essay is dedicated to the literary situation with Alexei Remizov in 1926 connected with his activities for the new journals — *Blagonamerenny* and *Versty*. Based on previously unknown materials from Remizov's personal archive, correspondence and memoirs of his contemporaries involved in the events, the paper interprets Remizov's position as an active participant of literary process. The paper describes the writer's creative tasks that were realized in the above-mentioned periodicals, and his mission as a promoter of young talents in Soviet Russia and in emigration. Detailed analysis of the critical articles that accused the editors of both journals as well as their co-worker Remizov of destroying the Russian literary diaspora ideological integrity and aesthetic canons, allows to define the main contradictions in the émigré literary life that had accumulated by 1926. The essay also reconstructs previously unknown episodes in the history of *Blagonamerenny* and

Versty using letters of Remizov, D.A. Shakhovskoy, L. Shestov, N. Berberova that are being introduced into scholarly discourse.

Keywords: emigration, literary criticism, Eurasianism, journal *Blagonamerenny*, journal *Versty*, A.M. Remizov, literary personality, ideology, literary conservatism.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. “Studies on A.M. Remizov’s Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>

References

1. Adamovich, G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye besedy* [Collected Works. Literary Conversations], book 2: “Zveno”. 1926–1928, introd., comp., notes by O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 596 p. (In Russ.)
2. Berberova, N.N. *Kursiv moi: avtobiografiia* [Italics Are Mine: Autobiography], ed. by L.M. Suris. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2017. 526 p. (In Russ.)
3. Gippius, Z. *Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu* [Letters to Berberova and Khodasevich]. ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor, Ardis, 1978. 120 p. (In Russ.)
4. Gracheva, A.M. “Literaturnye mistifikatsii A.M. Remizova 1940-kh godov” [“A.M. Remizov’s Literary Hoaxes of the 1940s”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 191–199. (In Russ.)
5. Zaitsev, B. *Na Afon* [Up the Mount Athos], introd. by A.K. Klement'ev. Moscow, Indrik Publ., 2013. 414 p. (In Russ.)
6. “Iz perepiski V.F. Khodasevicha s Merezhkovskimi” [“From V.F. Khodasevich’s Correspondence with the Merezhkovskys”], introd., publ. and comm. by N.A. Bogomolov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 90, 2008, pp. 115–147. (In Russ.)
7. Ioann (Shakhovskoi), archbishop. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva* [Biography of Youth: Establishing Unity]. Paris, YMCA-PRESS, [1977]. 420 p. (In Russ.)
8. Lavrov A.V. “‘Sirin’ — dnevnikovaia tetrad' A. Remizova” [“‘Sirin’ — A. Remizov’s Diary Notebook”]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Alexei Remizov: Studies and materials], ex. ed. A.M. Gracheva and A. d’Amelia. St. Petersburg, Salerno, 2003, pp. 229–232. (In Russ.)
9. “Na vechernei zare: Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello” [“At the Evening Dawn: Correspondence Between A. Remizov and S. Remizova-Dovgello”], text prep. and comm. by A. d’Amelia. *Europa Orientalis*, IV, 1985, pp. 149–190. (In Russ.)
10. Obatnina, E.R. “Izbrannnye stranitsy iz al'boma A.M. Remizova ‘Zarubezhnaia tsenzura’: politika i etika” [“Selected Pages from A.M. Remizov’s Album ‘Foreign Censorship’: Politics and Ethics”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 208–217. (In Russ.)
11. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: ‘La vie’, ili zhizn' ‘chudesnym obrazom’.” Parizh, 1924–1925” [“Studies on Alexey Remizov’s Creative Biography: ‘La vie’, or Living ‘Miraculously’. Paris, 1924–1925”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 8–44. (In Russ.)
12. “Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym” [“Correspondence Between L.I. Shestov and A.M. Remizov”], text prep. and notes by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 1994, pp. 136–185. (In Russ.)

13. Poliakov, F. “Aleksi Remizov i Zhitie protopopa Avvakuma: vossozdanie teksta kul'tury v emigratsii” [“Alexei Remizov and ‘The Life of the Archpriest Avvakum’: Reconstruction of the Culture Text in Emigration”]. *Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann*, S.K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov (Hrsg.). München, 2001, s. 64–71. (In Russ.)

14. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–. (In Russ.)

15. “...s Vami beda — ne perevesti’: Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)” [“...You Are the Awkward One — Untranslatable’: D.P. Sviatopolk-Mirski’s Letters to A.M. Remizov (1922–1929)”], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora. New Materials], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

16. Sosinskiĭ, V.B. *Rasskazy i publitsistika* [Short Stories and Journalism]. Moscow, Profizdat Publ., 2002. 430 p. (In Russ.)

17. Struve, G.P. *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile], comp. and introd. by K.Iu. Lappo-Danilevsky. Moscow, Paris, Russkii put' Publ., YMCA-Press Publ., 1996. 446 p. (In Russ.)

18. Khodasevich, V.I. *Kamer-fur'erskii zhurnal* [Chamber Fourier Journal], introd., text prep., indexes by O.R. Demidova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2002. 478 p. (In Russ.)

19. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.], vol. 2: Kritika i publitsistika [Criticism and journalism] (1905–1927), comp., text prep., comm. by J. Malmstad and R. Hughes, introd. by R. Hughes. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 720 p. (In Russ.)

20. Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 6: Pis'ma [Letters], introd. by A. Saakiant, comp., text prep. and comm. by L. Mnukhin. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 800 p. (In Russ.)

21. Shakhovskaia, Z. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia* [In Search of Nabokov. Reflections], introd. by P. Aleshkovsky. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p. (In Russ.)

22. Shveitser, V. *Byt i bytie Mariny Tsvetaevoi* [Life and Being of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Interprint Publ., 1992. 538 p. (In Russ.)

23. Shevelenko, I. *Literaturnyi put' Tsvetaevoi: Ideologiia — poetika — identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Tsvetaeva’s Literary Path: Ideology — Poetics — Author’s Identity in the Context of the Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 464 p. (In Russ.)

24. Kliukine, J., Kozovoĭ, V., Mnoukhine, L. “Pis'ma M.I. Tsvetaevoi iz arkhiva P.P. Suvchinskogo” [“M.I. Tsvetaeva’s Letters from the Archive of P.P. Suvchinsky”]. *Revue des études slaves*, t. 64, fasc. 2, 1992, pp. 183–221. (In Russ.)

25. Lampl, H. “Zinaida Hippus and S.P. Remizova-Dovgello”. *Wiener Slavistischer Almanach*, bd. I, 1978, s. 155–194. (In English)

26. Robinson, A. *The Life and Work of Jane Ellen Harrison*. Oxford, 2002. 360 p. (In English)

27. Smith A. “Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s”. *A people passing rude: British responses to Russian culture*, ed. by A. Cross. Cambridge, 2012, pp. 175–188. (In English)

28. Smith, G.S. “Jane Ellen Harrison: Forty-Seven letters to D.S. Mirsky”. *Oxford Slavonic Papers (New Series)*, vol. 28, 1995, pp. 62–97. (In English)

29. Smith, G.S. *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26). 238 p. (In English)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.09.2020

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Глава из рукописи. Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926

Комментарии *Е.Р. Обатниной*

Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной*

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук,
Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
Санкт-Петербург, Москва, Россия

Благодарности: Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00035.

Аннотация: Очередная глава из рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре», дополненная корпусом оригинальных писем писателя к жене — С.П. Ремизовой-Довгелло, представляет собой авторскую версию биографии, отраженной в эпистолярных документах. Первая часть главы посвящена эпизодам творческой жизни 1926 г., связанным с участием Ремизова в журнале «Благонамеренный». Эпистолярные документы и поздние авторские комментарии содержат малоизвестные сведения, дополняющие историю русской эмиграции.

Ключевые слова: эмиграция, литературная критика, евразийство, журнал «Благонамеренный», журнал «Версты», А.М. Ремизов, С.П. Ремизова-Довгелло.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, наб. Макарова, 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина — кандидат филологических наук, хранитель, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля (Гослитмузей), Трубниковский пер., д. 17, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: urupina1409@gmail.com

Для цитирования: А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 54–87. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-54-87>

Глава из рукописи «На вечерней заре» публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея [далее — ГЛИМ]. Ф. 156. Оп. 2. № 299)**. В рукописи Ремизов использовал квадратные скобки для собственных позднейших комментариев и вставок. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1926 г. (ГЛИМ. Ф. 156. Оп. 2. № 340), подвергшиеся редактированию в составе рукописи в 1945–1948 гг. Оригиналы собраны Ремизовым в отдельную тетрадь, на страницах которой писатель подклеил дополнительные материалы (открытки, билеты, объявления и др.) и оставил пояснительные надписи к хронологии 1926 г. Описание этих дополнений, а также фамилии лиц, упомянутых в оригиналах, приводятся в угловых скобках; авторские подчеркивания в тексте выделены курсивом. Все тексты воспроизводятся с преимущественным сохранением авторской пунктуации, некоторых особенностей авторской или дореволюционной орфографии. Без дополнительных конъектур исправлены случаи описок и грамматических ошибок в словах и фамилиях. Отдельные слова, названия, топонимы на французском языке приведены в соответствие с нормами правописания. Публикаторы выражают сердечную благодарность коллегам доктору Жервез Тассис (Женевский университет), Марии Классен (Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете) за помощь в комментировании отдельных эпизодов.

1926

27.III. Bruxelles

28. III. Bruxelles

29. III. Bruxelles¹

23.VI. — 17.VII. Vichy²

14.VIII. — 14.IX. Kerbellec³

Vichy, Allier, Hotel de Lisbonne, 7 Bd. De Russie

Paris 1926

22 июня

½ 12-го

№ 82

В вагон села дама, розовый цветок, я сразу его увидел и вспомнил Пасху в Москве. Дождик, я слоняюсь по комнатам, мне хочется куда-нибудь пройти, а некуда. Жду, когда пойдем к вечерне — вечерня ранняя в 3 ч<аса>, только в Пасху, а не в 4, как обыкновенно.

Всю пасхальную неделю мы ходим в церковь: не только к 2-м обедам, ранней и поздней, а и всякий день ко всенощной.

** См. предшествующие главы: [13–17].

А в куличе вот точно такая роза, как на этой для меня пасхальной даме.

С мыслью о Пасхе и мельчайшими воспоминаниями о нашей детской «цветной» неделе доехал я до дому. Опустил pneu Шестову⁴. И идя по Rue Poussin, подумал:

«Вера это чувство — вот ты уехала, а я чувствую — я верю, ты вернешься. Так и на том свете будет встреча. И наша здешняя жизнь не переезди это куда-то и там, может быть, переходы? И что значит не верить? Верить это чувствовать».

С этой мыслью о непропадающем чувстве — вере вошел в дом.

Спрятал шарф и в нафталин что отложено. А капот — его, должно быть, не надо было? Ну, все равно, не завалиется. Выпил кофею. И очнулся.

Ревность — цветное чувство — бесцветных чувств не может быть, разве что равнодушие — но и до чего колкое, пронзающее. Я устал от ревнивых глаз, обращенных на тебя — они искололи тебя. Я это видел, а видеть для меня — чувствовать. И только когда поезд скрылся, глаза, следившие за тобой, обволоклись болью⁵.

Еще я думал о «ненормальных», о себе. Моя ненормальность в моем слухе, в чересчурной чувствительности: мне больно, когда фальшивят.

Но ведь это ужасно: иметь слух и петь «стройно». А соловей поет во всем разнообразии своей песни и очень ладно. И почему соловей — указка «человеку»? Соловьиное — разве это высшая ступень. И наша ладная уменьшающая музыка — последний звуковой цвет? И что такое «звездная» музыка, что в ней общего с Бетховеном? Нормальность моего слуха в том, что я перешел и соловьиное и Бетховена — пока меня только не трогает, а жду, будет раздражать.

Вижу, как ты едешь. Что-то завтра? Только помни, на новом месте первое время всегда тяжело. Я бы никуда не уехал, так мне трудно привыкать.

Еще попробую поищу Amicie. Нашел! 62 Rue St. Andre des Arts. И еще нашел, Шестов рекомендует: Villa du Rocher, Mme Caumont⁶.

Paris 1926

23 июня

среда

12 ч<аса> н<очи>

№ 83

Только газета. И 143 frs. из «Перезвонов» (Рига), о которых писал Белоцветов⁷.

Был Denis Roche⁸. Ходил провожать его до А 25 (трамвай). Странный он человек, он думает, что я могу сделать что-то с изданием. Читал свой перевод о St. Sulpice⁹, что заняло много времени: с 9-ти и до 12-и. У меня глаза заболели от напряжения, хотя я ему отвечал по-русски.

С утра писал («По карнизам»)¹⁰ и все-таки не кончил. Если бы не по-французски эти часы, я еще посидел. А то пишу, подпершись рукой, так легче глазу¹¹.

Проснулся я в пять и подумал: «подъезжаешь» и как тебе не хочется вставать. Нет, ехать это не удовольствие. Как-то новое жилище. Пробовал восстановить сон, но из памяти все улетело.

Когда шел за папиросами, встретил В.А. Зайцеву. Только Б.К. Зайцев уехал, а она с Наташей тут¹². Даша (Тэффи)¹³ ей расхваливала Виши, и ей захотелось ехать. Про тебя знает весь Париж, что ты в Виши, и я молчал.

Очень я ушел в «По карнизы», и все мысли не «карнизные» ушли¹⁴. Завтра я должен непременно получить деньги, и успеть бы кончить. От Шаховского ничего, стало быть, надо ему послать¹⁵.

Какое бездумное вышло!

Paris 1926

24 июня

№ 84

«Н.К. Рерих вернулся в СССР»

(Известия — Послед<ние> Нов<ости>. 24. VI. 1926)¹⁶.

При таких деньгах можно «взад и вперед» возвращаться!

У нас такая тишина, точно я один во всем доме. Около 12-ти раздался звонок. Думаю, кого принесло в такой час? А пришел не Вишняк [А.Г. Вишняк сосед, на Rue Raffet]¹⁷, а вроде: хотел свет пустить на лестнице и ткнул в звонок¹⁸. И опять тишина.

Холодно по вечерам. Сижу в фуфайке.

День показательный: «старица» от Сеземанов¹⁹ натирала пол 2 часа в твоей крохотной комнате. Застелил пол газетами. Если кто придет, посидит у меня, а к тебе никого не пушу.

Письмо от Д.А. Шаховского, очень грустное: «Благонамеренного» больше не будет²⁰. И я подумал: и до чего злости наелись, ведь съели журнал! Помнишь: «на большевицкие деньги!» — «мертвый дух!» — все старались, подхватывая карк Мережковских²¹. И останутся «Современные записки»²². Всякая эмиграция несет в себе зло, но русская и польская — до иступления. Именно, «наелись».

Шаховской едет в Грецию — на Афон? — а вернется и поступит в Духовную Академию²³.

С письмом и «Гагаринская рукопись» [Рос<сия> в письм<енах>. II т.]²⁴.

Кончил «Заветы» (памяти Л.М. Добронравова) — 9 страниц.

Не умею я некрологи писать. Если не так, то с куриный носок²⁵.

Завтра еще раз перепишу.

Опять не уловил сна. Помню только очень яркую картину — «для Рыкова»²⁶.

Твоя открытка с султаном. Вот видишь, как! Ничего-то не знаешь: а ведь «couchette» — одна подушка (la couchette — кушетка; le lit — постель).

А денег ни из «Дней», ни из «Воли России».

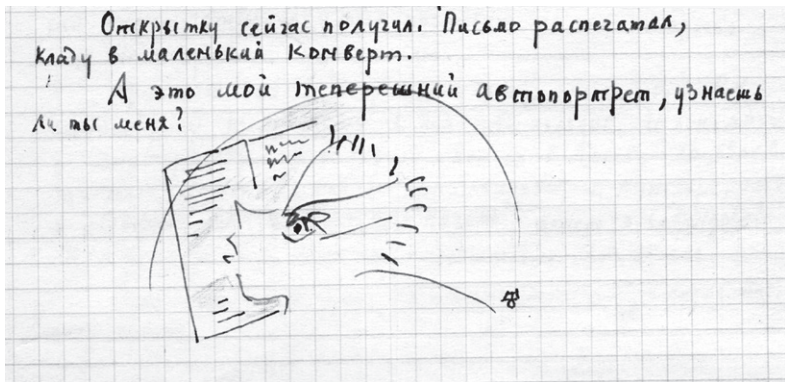
Из «В<оли> Р<оссии>» оттиски. На одном надпись: «изумительная по прелести вещь». В.Л. (Вл. Ив. Лебедев)²⁷. Искал, судя по такому отзыву денежного «талона» внутри оттисков. А нет ничего.

А теперь и вспомнишь «Благонамеренного». И вот «Заветы» и «Библиография»²⁸ и «Россия в письменах», все бы пошло. Я пишу, как хочу. В «Современные записки» не примут. Как много может «злое» сделать, эта отрав.

Все хочу выйти на прогулку воздухом подышать. Пиши. Первые дни, повторяю, тяжело. Я б никогда никуда не поехал. И так довольно.

Открытку сейчас получил. Письмо распечатал, кладу в маленький конверт.

А это мой теперешний автопортрет, узнаешь ли ты меня?

Paris 1926

25 июня

№ 85

Купил на St. Michel'е синий блокнот — это тебе на все Виши.

Я с Наташей [Чернова-Резникова]²⁹ условился: пятница 2. VII. А она сегодня неожиданно. Я совсем растерялся. Неподготовленный. Хорошо еще, что побрился. А переодеться так и <не> пришлось.

Очень дорого стоит — 395 frs. Дал 200 frs. В среду будет готово. Сколько надо дать Mme Amicie? — 10 frs.?

А во сне видел воду: “Wasser Glück und Segen”³⁰. А пришлось столько денег ухлопать.

Книгу Шаховского послал тебе бандеролью³¹.

Твоя открытка с источниками. И письмо о докторе³².

Не надо ли тебе теплое? Можно послать. Теперь с Диксоном все сообразить можно.

Из Брюсселя вернулась В.Л. Вишнячка³³. Оба заходили.

На звонок я думал, что Диксон, но услышал знакомый, как носом птица стучит, и догадался: Вишнячка! — пустил.

[В болезнь С.П. в декабре 1925 Вишнячка приходила всякий день с кормом для меня. Так целый месяц. Без нее я пропал бы].

Они, оказывается, приходили в день твоего отъезда.

Так сидели. Я «упразднил» чай, не хочется на кухне возиться.

Вишнячка пошлет тебе щетку — брюссельская, а мне брюссельские бритвы забыла. Она видела Цебрикова³⁴. По его словам, Шаховской пойдет в монахи. Вишнячку Шаховской не захотел видеть.

Из письма Шаховского: «он хотел бы сказать нам *личное*» и еще и «если кого хотел бы увидеть в Париже, то только нас»³⁵. Не нас, конечно, а тебя и «личное» тебе. Я ведь с ним всегда только о литературе.

Неприменно напишу ему. Я ему верю. А у Цебрикова авантюрное увлечение.

Диксона мне жалко. Была надежда напечататься и с «Благонамеренным» пропала.

Когда я ездил на St. Michel с Наташей за дурацким костюмом, был Диксон и оставил 2 ящика. Сказал консьержке, что придет. Но не пришел. А может, и приходил, а я еще не вернулся: очень долго ждали Mme Amicie.

Диксоновские ящики хорошие. Весь вечер красил. Всю краску извел, какая от Пасхи осталась, яичная. К твоему приезду они будут готовы. И у тебя поставлю для книг и архива. Если не понравится, переставлю.

Красил и думал. Исправлял «Плачужную канаву» («Ров львиный»)³⁶. О Шаховском. И как тебе холодно. И о комнате у Винтерфельда³⁷. И о Рерихе, как он в Москве со своим таинственным «указано» разговаривает с Луначарским³⁸. И о «Северных Афинах» — с чего начать? Может, о Савинкове?³⁹ И о рассказе [«По карнизам»] — продолжение «Без хвоста»⁴⁰.

Испачкался, крася, руки не отмываются. И в кухне на полу краска.

Потерпи, пей воду и не тревожься. Верь! Верую.

Paris 1926

26 июня

суббота

№ 86

Видел во сне Милюкова⁴¹.

Думал, из «Последних новостей» рукопись вернут. Нет.

Сварил рисовой каши большую кастрюлю в две чашки, есть и просто-кваша: придет Диксон — ему кушанье: «велено»!

11 ч<асов> — нет, не придет. Потихоньку доел кашу. Пью чай. Окно открыто. Свежо. В доме тишина, но легче (бывает «тяжелая»), не такая, как последние дни.

Вечером я отворил на звонок, очень уж был жалобный: Фрида Лазаревна (Шрейбер) зашла узнать⁴².

Все следят по «Посл<едним> Новостям» о твоих лекциях⁴³, а теперь не печатают, — не случилось ли чего? Я сказал, что экзамены, а тебя дома нет. Потом я ей скажу — о Виши «весь Париж» знает. Что поделаться, хоть этим питаться: кто и где? Надо придумать о каком-нибудь невероятном происшествии и на «где» рассказывать истории — до зимы будет пропитание.

А денег я так и не получал. Напишу В.И. Лебедеву.

Я.С. Шрейбер на «моторе сидит» (такси) учителем. «Ничего не зарабатывает, только худеет». — «Одно, что занят». Приезжает из Берлина М.М. Гуревич⁴⁴.

Мучаюсь со «старницей». Опять полы натирала, и ванну мыла, и кухню. Её часы для меня извод.

Еще поднялось: ½ фунта ветчины — 10,20 frs.

Поправлял «Ров львиный» («Плачужную канаву»). Завтра к 3-м зайдет К.В. Мочульский⁴⁵. И все думаю о «Северных Афинах».

Откуда у меня такое отвращение к «естественным законам» или против «нормального»? Круг, из которого не выскочишь: родился, значит, проходи «естественной» дорогой: пей и ешь и болезни. Против сна я ничего, потому что «спится» — я со своими законами природы не участвую. Через сновидение человек прорывается на тот свет — единственная дверь туда⁴⁶.

Боюсь, завтра услышу скрёб в дверь: Вишнячка (В.Л.) по старой памяти. Но мне ничего не надо, а так, разговаривать никакой охоты, а для меня даже вредно: слова спугивают или путают мысли.

Если бы я не ждал Диксона⁴⁷, пошел бы на всенощную. Летняя служба — с детства любил. И погода хорошая. Зимой затаённо и трепетно, а летом необыкновенно легко и свечи особенные на западе.

До свидания.

Не пойма, чей тебе адрес послать? Помочи купи.

Paris 1926
27 июня
воскресенье
№ 87

Шестов, где Ехтиазавр: Châtel Guyon, Pension Kremer, Puy de Dôme⁴⁸.

А Балдахал (Корсак-Завадский)⁴⁹, Laboratoire Arago. Banyuls s/mer Руг-Orles — восточный на Средиземном море, на границе с Испанией. А Лисевна (О.Е. Чернова) у океана⁵⁰.

Пересылаю тебе от Д.А. Шаховского.

Когда я вышел (в 3-и, а вернулся в 5-ть), в дверях записка: Диксон: «был и не застал». Чудак, в воскресенье в этот час, когда всякий может прийти. Я написал: «когда вздумается вечером, 3-и звонка».

Сегодня скачки и в Париже пусто. В St. Sulpice почти никого. Только много детей. Поэтому я и получил «молитву» и образок: «ангел хранитель, сохрани!» [Это было предзнаменование: надвигалась катастрофа — у остановки № 25 Rue d'Auteuil попаду под автомобиль и выйду из-под колес: ничего, только ссадины да от внезапности перепархивает сердце]⁵¹.

Купил того хлеба, который все покупают, на наш «Ситный» похож — pain fendu (от fendre) — 200 грамм — 50 см. Завтра куплю 400, а то мало. Баранок не покупаю: в последний раз были черствые и подгорелые. Это всегда так, в начале ничего, а потом съехало.

Сочувствую твоей муке с исследованием, я бы возроптал.

А знаешь, я поднялся только в 11-ь. А завтра за бельем придут: разбудят. Вместо «Северных Афин» (Рос<сия> в письм<енах>. П т.)⁵² почему-то стал писать продолжение «Без хвоста», называю «С дыркой» («По карнизам»)⁵³. Должно быть, устал и вот откладываю. Опять холодно.

Все думаю, не начать ли с Савинкова, как он пришел к нам и затеяли старину вспоминать, и будет «занятно»⁵⁴.

Отложил «Иллюстрированную Россию» с портретом Горького⁵⁵.

Берегись, будь осторожна. И не тревожься. Варил картошку и ел с маслом: сам себе: «велено».

Жду откуда-нибудь денег.

Адрес Проскуряковой⁵⁶ узнаю.

Paris 1926

28 июня

№ 88

Чудесная погода. Выбегаю под всякими предложениями нос подставить солнцу.

Разбудил меня прачечник. Ничего, пересыпать тоже не годится. Заходил В.И. Лебедев. Очень ему «Про любовь» («Плачущая канава») понравилось⁵⁷. Просит для № 6 («Воля России») — печатается в Париже — апокрифы, как в «Благонамеренном»⁵⁸. Я о деньгах, конечно. 2-го пойдет Россель⁵⁹ — и клянется — числа 8-го обязательно. Я подсчитал: они должны 549,50 frs.

И вот я гадаю и пересматриваю, что бы им дать из книги «Страды мира». Выбрал «Покажу вам дьявола», а надо три⁶⁰.

Заплатил молочнице.

Ждал «Караима» (К.В. Мочульский)⁶¹. Не пришел. Я это где-то «внутренно» знал хорошо, что не придет. Да и некогда ему: шляется по дансингам⁶². А взять для чтения «Плачущую канаву» («Ров Львиный»), значит написать о нем. «А можно ли напечатать?» Вот тут-то все и есть.

Мне хочется, чтобы только отметили б, как теперь сделано о «Оле», что есть «Плачужная канава» («Ров львиный»)⁶³. Может, спросил бы кто: «где прочитать?» Отвечает: «Да негде: не издано». Пусть будет «не издано», а не то, что как теперь, просто как нет ничего.

Заходил Сувчинский⁶⁴, три звонка, я думал, Диксон.

Разговаривал сам с собой, я потерял способность говорить на людях, с людьми: я заметил, что когда говорил с В.И. Лебедевым, у меня было такое ощущение, точно зубы вываливаются.

Много аэропланов летало: не видишь, а слышно такое — «воздух поет!»

Сувчинского поил чаем. Он очень сердился на Д.А. Шаховского: зачем «Благонамеренный» закрыл? Говорит, какой же из него монах будет — как вынесет подвиг, если взяв на себя дело, бросил, не докончив, — рукописи собраны.

Сувчинский виделся с Цебриковым⁶⁵. Извольский (Брюссельский протопоп) не благословляет Шаховского в монахи: сначала Академия⁶⁶.

«В монахи!» Просто затравили, и не выдержал. Княжеская порода или нет упора? Взял и плюнул, вот и монастырь. Чтоб с глаз скрыться — твой порыв! — совсем, как исчезнуть. А рукописи взял, за это отвечать должен, да и не только за рукописи, а за свою мысль. Сувчинский прав.

Как Диксон надеялся, как уверился, а ему говорят: «в монахи!»⁶⁷ Хорош будет монах. Сувчинский прав: малодушие. А я говорю: да и совесть не громка.

№ 2 «Версты» будут. Ну куда бы мне о Добронравове, ведь, никто не примет, даже «Воля России», как сейчас ко мне повернула. А ведь я писал и предупредил для «Благонамеренного». Хорошо, что «Версты»⁶⁸.

Тут надо было, прежде чем решать «в монахи», посоветоваться, тебя бы спросил: пускай монах, но *3-ий-то № должен был быть*. Было б что-то закончено и перед собой и перед другими чист.

Сбиваю Сувчинского ехать в августе к Винтерфельду⁶⁹ [Никогда не ездили, только гадали]. В июле он в Вену. Я говорил ему и напишу о своих планах для № 2-го Верст: Библиографию, которую приготовил для Шаховского⁷⁰; о «Ваньке Каине», прочитав Бартеневский «Осьмнадцатый век», кн. 3⁷¹; о Добронравове («Заветы»)⁷², и то, что вчера написал: «С дыркой» («По карнизам»), но чтобы все напечатали — и «С хвостом» и «Без хвоста»⁷³ и попрошу аванс.

Смотрю на календарь: выходит, что 14-го июля — срок. Это, как раз праздник⁷⁴. Проверь, так ли — 14-го или 15-го? Все надо приготовить — «К пришествию»⁷⁵.

Ты записывай, я понимаю, как тебе тоскливо. С людьми надоедливо, а одному тоскливо. А когда записываешь, в себя входишь и «тоскливость» уйдет, буквы уведут.

Завтра буду корпеть для «Воли России». Шестову напишу⁷⁶.

Paris 1926

29 июня

№ 89

Марья Дмитриевна Проскуракова: Villa Valude, 6 Rue Callou⁷⁷.

Был Ю. Балтрушайтис [не Юргис]⁷⁸ принес Буслаева⁷⁹, а другие книги в воскресенье.

Paris 1926

29 июня

вторник

St. Pierre et St. Paul

1 ч<ас> н<очи>

№ 90

Здесьшний Петров день. Песни орут и безобразничают.

Ничего нет. Я даже приуныл, но, как говорят мудрецы, «взял себя в руки» и ожидаю: не завтра, так послезавтра получу деньги.

Когда я готовил кофий, узнал звонок (пожарный) Ек<атерины> Вл<а-димировны> Селевиной⁸⁰. Отдал ей 14 frs. Теперь жду — за электричество и газ. К твоему приезду будет все заплачено.

Целый день ушел на новую редакцию «Страд мира» для «Воли России»⁸¹. В пятницу 2-го VII придут.

Покажу вам дьявола,

Адам,

Солнце,

На землю,

В мир.

8 страниц — 150 frs. Охота пуще неволи!

Если не Россель, а В.И. Лебедев, поговорю о «России в письменах» за 150 frs. без счета строчек. Вот «Гагаринская рукопись»⁸², что Шаховской вернул, она и пригодится.

Отрываюсь я все от дела, надо писать «Северные Афины» и «С дыркой» хочется.

Я понял, кого я тогда в подушке нашел: это «чур». Самый настоящий «чур». Он живет на меже в поле, но водится и по домам. Надо его повесить к “Esprit” [«По карнизам»]. «Чур» — охранитель, а “Esprit” может и попугать, «чур» — никогда⁸³.

Скучно переписывать и редактировать старое! Докрасил ящики. Один — лиловый-красный-зеленый, спину оклеил оранжевым, а к полу из-под папирос голубое⁸⁴. Другой — весь голубой. Что-то Диксон не идет; темно, огорчен.

Пока я не начну, как следует, писать — а хочется до твоего возвращения кончить — буду, как сейчас: лениво идут мысли: о Bernerie (Fleury)⁸⁵, о Винтерфильде (Juan les Pins)⁸⁶, а дорого: 50 frs. за одного, о Каркалоне

(«альбигойцы»)⁸⁷ — около Тулузы, на перепутье между Лисевной и Балдахалом, старинный город⁸⁸.

Печалит меня («кутает печаль»), что ничем не возьмешь — мир безумий! — останутся глухи. Удивительная это вещь в мире: огороженность.

Разговор о *femme de ménage* и открытом окне, каждый раз неизменно, Е.В. Селевина:

«Вы с открытыми окнами спите?»

«Вот еще, для мух что ли открывать?»

«А я и зимой с открытым».

Paris 1926

30 июня

№ 91

«Старицу» наряжу⁸⁹ кухонные полотенца мыть в субботу.

Стало быть, твое лечение кончается 14 июля. Праздник начинается 13-го — самый съезд, 14-го танцы всю ночь, а 15-го, как 13-го до 2-х часов ночи. Ты выедешь из Виши 15-го? Потому я пишу про это, что когда съезд, очень будет народу много и в поезде, наверное, и с автомобилями, конечно, затор. Относительно проверки будто бы посланных тебе денег принял меры: узнаю точно.

А что ты скажешь, если я тебе «на случай» 500 frs. пошлю. «На случай», потому что в обещанных не уверен: «благотворители» никогда не торопятся и вне всяких «сроков». А мне хватит тех, что у меня. Сегодня, наконец, получил из «Дней» 195 frs. Могу и по телеграфу, это пустяки стоит.

А ведь какая ерунда, только не смешная, послать деньги в два приема. Два напоминания о благотворении с промежутком неуверенности и беспокойства. То же «на случай»: на почте могут спросить, от кого деньги? Леонид Николаевич, L. Reigrodsky, 47 Rue du Parc, Jury s/seine⁹⁰.

Материал для моего «Воровского самоучителя»⁹¹:

«Одно из верных средств вызвать беспокойство у неимущего больного на курорте: надо пообещать ему денег и, не предупреждая, перевести в два приема «товарной скоростью», чтобы тот о тебе помнил и ждал».

Что до М.Ив. Цветаевой: в Праге [при переезде ее в Париж]⁹² ее «сняли», так это называется, а она получала 900 frs⁹³. Это не имеет отношения к получающим здесь, в Париже: и Зайцев, и Мережковский продолжают получать по 500 frs.

Не тревожся, веруй — и все будет.

Начал «Северные Афины» про Б.В. Савинкова. Очень выходит такое, что «Современные записки», пожалуй, не возьмут.

На счет «отчаянного письма» С.Я. Ефрона, тут надо понимать кроме «сняли» и еще: П.П. Сувчинский получил деньги на № 2 «Верст», достал он их в Бельгии: у Ефрона глаз на Сувчинского попользоваться «Верстами».

Я тоже — я «лягаться ногой научился» — могу получить. Сувчинский зайдет на днях — три звонка. Но он и сам понимает.

Диксону написал, но чего-то не идет.

Началась жара. Я уж подумал, как-то ты будешь? И о себе подумал: пожалуй, ветчины не стоит покупать — «чувствуется», а лучше овощи.

Притерпи. Я думаю, польза будет.

Напиши Нат<алье> Вас<ильевне> Григорьевой⁹⁴: Як. П. Гребенщиков⁹⁵ может справиться, в какой книге из XXIII — XXIV — XXV — XXVI «Записок Археографической комиссии» находится послание Аввакума к царю Алексею Михайловичу, 1669 г.⁹⁶ И что «Николины сказания» я получил.

Окно раскрыто, и я не в теплом.

¹ Поездка вместе с С.П. Ремизовой-Довгелло в Брюссель по приглашению бельгийской Академической группы. 28 марта в помещении “Club de la Fondation Universitaire” (11, rue d’Egmont) состоялся вечер чтения, в котором вместе с Ремизовой участвовала Тэффи.

² Виши — французский город и коммуна, расположенный в департаменте Алье (Allier) региона Овернь–Рона–Альпы (Auvergne-Rhône-Alpes), к юго-востоку от Парижа. Серафима Павловна останавливалась в Hôtel de Lisbonne (7 Bd. de Russie, Vichy).

³ Деревня, в которой Ремизовы жили во время летних поездок в Бретань с 1924 по 1939 гг., в доме m-me Jeanne Huguenet-Fleury. Почтовый адрес: Villa Kerbellec, Le Clion (Loire Inferieure).

⁴ Вероятнее всего, недатированное письмо, в котором Ремизов жаловался на сбой в доставке почты, сообщил адрес Серафимы Павловны в Виши и упоминал о своей работе над воспоминаниями о Л.М. Добронравове для третьего номера журнала «Благонамеренный». См.: [10, с. 156]. См. также примеч. 25.

⁵ Подразумевается Нина Григорьевна Львова.

⁶ По-видимому, адрес в Виши.

⁷ Николай Алексеевич Белоцветов (1863–1935) — директор Акционерного общества печатного дела «Саламандра» в Риге, владелец одноименной типографии, в 1925–1929 гг. издавал газету «Слово» и литературно-художественный журнал «Перезвоны». Об учреждении журнала Ремизов узнал от Тэффи, которая в недатированном письме сообщала адрес будущего редактора Белоцветова (Amherst. Series 1. B. 2. F. 5). Первый номер журнала вышел 8 ноября 1925 г. К весне 1926 г. Ремизов уже стал постоянным автором этого издания. Здесь речь идет о письме Белоцветова от 15 июня, в котором упоминался расчет за публикации Ремизова 1926 г.: 1) Из книги «Страды Мира»: Слово Адама. Кресту Твоему (№ 19. С. 585–588); 2) Неугасимые огни (№ 20. С. 628–631).

⁸ Дени Рош (Roche Denis, лит. псевдоним Maurice George; 1868–1951) — французский искусствовед; писатель, переводчик-русист. С начала 1900-х гг. часто бывал в России, войдя в круг художественно-литературной элиты; был знаком с И.Е. Репиным и княгиней М.К. Тенишевой. Благодаря переводам произведений А.П. Чехова считался во Франции авторитетным переводчиком русской литературы и знатоком русского искусства. Его знакомство с Ремизовым завязалось 19 февраля 1926 г., когда Рош впервые побывал у писателя в гостях (дата устанавливается по письму от 20 февраля, в котором Рош благодарил писателя за проведенный у него в гостях «такой теплый и дружеский вечер»: Amherst. Series 2. Series 1. B. 2. F. 3).

⁹ Речь идет о рассказе «Белое знамя» (1913), в котором описывается посещение всенощной в церкви St. Sulpice во время приезда Ремизовых в Париж в 1911 г. О намерении предложить перевод рассказа в “*Revue des Jeunes*” Рош писал Ремизову 23 апреля. Для окончательной авторской редакции они встретились ровно через два месяца — 23 июня. Предваряя свой визит, Рош писал: «Я был бы очень рад прочитать Вам весь перевод очаровательного рассказа, который я хочу окончательно разработать вместе с Вами, со всеми необходимыми нюансами» (Amherst. Series 2. Series 1. B. 2. F. 3; пер. с фр. Ж. Тассис).

¹⁰ Повесть «По карнизам» (Белград, 1929).

¹¹ Затянувшаяся с весны невралгия. Ср. письмо Шестову от 8 апреля: «Вернулись из Брюсселя бодро, сел писать <...> а тут горе: опять невралгия. И грелка, и от всякого шороха вздрагиваю» [10, с. 150].

¹² Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова; 1878–1965) — жена Б.К. Зайцева. Наталья Борисовна Зайцева (в замуж. Соллогуб; 1912–2008) — дочь Б.К. Зайцева.

¹³ Надежда Александровна Лохвицкая (в замуж. Бучинская; 1872–1952), литературное имя Тэффи; прозвище *Даша* вписано при редактировании писем в 1940-х гг. Ср. оригинал письма: Наст. изд., с. 74.

¹⁴ Подразумевается основная тема повести «По карнизам» — фантазии на тему чудесных явлений жизни, растворенных в повседневности.

¹⁵ Д.А. Шаховской. См. о нем.: [17, с. 170].

¹⁶ В парижских «Последних новостях» это событие было освещено одной строкой со ссылкой на московские «Известия»: «Акад. живописи Рерих вернулся в СССР (Изв.)» (1926. № 1919, 24 июня. С. 2). Речь идет о заключительном этапе Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха, стартовавшей в предгорьях Кашмира в марте 1925 г. Одной из основных задач экспедиции была религиозно-идеологическая миссия объединения буддизма и коммунизма, создающего предпосылку для образования великого восточного союза Республик («Новой Страны»). После переговоров с советским правительством экспедиция получила разрешение на пересечение границы РСФСР 16 мая 1926 г. для посещения «Московии». Приезд в столицу руководителя экспедиции, выполнявшего миссию посла Махатм Востока, состоялся 10 июня. В этот день он встретился с Г.В. Чичериным и немного позднее с А.В. Луначарским. Подробнее: [19, с. 133–152].

¹⁷ Абрам Григорьевич Вишняк (см. о нем: [14, с. 69]). После закрытия берлинского издательства «Геликон» (1924) Вишняк с женой переехал в Париж; здесь он работал редактором в различных русских издательствах.

¹⁸ Подразумевается электрик. Ср. оригинал письма: Наст. изд., с. 75.

¹⁹ Речь идет об уборщице. Сеземаны — семья Антонины (Нины) Николаевны Сеземан (урожд. Насонова; в замужестве Клепинина; 1894–1941).

²⁰ Письмо, о котором идет речь, в подборке писем Д.А. Шаховского не сохранилось. Вероятно, при формировании альбома под названием «Письма здешние» Ремизов представил на открытку, отправленную из Брюсселя месяц назад (24 мая), помету о получении: 24 июня. В майской открытке Д.А. Шаховской как редактор созданного им в конце 1925 г. журнала русской литературной культуры «Благонамеренный» (к этому времени вышло два номера) еще ничего не писал о завершении своей деятельности. Напротив, он обращал к Ремизову повторные просьбы о присылке продолжения серии библиографических заметок (см.: Благонамеренный. 1926. № 2. Март–Апрель. С. 161–167) и сочинений поэта В. Диксона. См. о журнале: [8, с. 77–79].

²¹ Подразумевается статья З.Н. Гиппиус «Мертвый дух» (Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4. С. 257–266; см. также: [3, с. 237–247]). Статья вскрывала «евразийскую» идеологию и была направлена лично против Д.П. Святополк-Мирского, который, по мнению критика, привнес в журнал Шаховского идею

возвращенчества под лозунгом патриотизма. О бурном обсуждении статьи Гиппиус в редколлегии журнала «Голос минувшего» см.: [7, с. 119].

²² Речь идет о «монополии» «Современных записок» (1920–1940) в парижском литературном пространстве. Подробнее о политике журнала см.: [1].

²³ См. о мировоззренческом перевороте, приведшем к монашескому постригу: [8, с. 86–87]. Датировки путешествия Шаховского на Афон в 1926 г. уточняются по очерку Б.К. Зайцева, который вскоре отправляется в свой паломнический путь (*Зайцев Б.* Вновь на Афоне // *Возрождение*. 1929. № 1655, 13 дек. С. 3). Князь прибыл в монастырь 16 июля 1926 г.; 23 августа он был пострижен в первый иноческий чин; по возвращении с Афона 1 ноября поступил в парижскую Духовную академию (Свято-Сергиевский православный богословский институт). Подробнее см.: [6, с. 8–9].

²⁴ Речь идет о возвращенной рукописи, предназначенной для третьего номера журнала «Благонамеренный». Очерк под названием «Сговорная. 1707 г.» был опубликован в том же году в журнале «Воля России» (1926. № 10. С. 51–57) и включен во второй том «России в письменах», не изданный при жизни писателя. См.: [18, т. 13, с. 643–648].

²⁵ Некролог Л.М. Добронравову (см. о нем: [17, с. 71]), в котором Ремизов вспоминал круг литературных товарищей, собравшихся вокруг журнала «Заветы» (Пг., 1912–1914). Очерк «“Заветы”: Памяти Леонида Михайловича Добронравова. 1887 — † 26.5.1926», предназначенный в 1926 г. для неизданного третьего номера журнала «Благонамеренный», был опубликован позднее в журнале «Версты» (1927. № 2. С. 122–128) с датировкой: «7.6.1926». См. также: [18, т. 10, с. 362–368]. По своему содержанию текст был значительно шире жанровых особенностей некролога. О творческой задаче, осуществленной в очерке, Ремизов писал Л. Шестову не позднее 24 июня: «Это не некролог, а итог с 1905–1914 о русской прозе» [10, с. 156].

²⁶ Алексей Иванович Рыков (1881–1938) — революционер, советский политический деятель; с 1918 г. руководитель Высшего Совета народного хозяйства РСФСР, после смерти Ленина поддержал Сталина в борьбе с Троцким. В американском архиве Ремизова сохранилось письмо Рыкова от 27 марта 1922, написанное в связи с благополучным розыском рукописей Ремизова, пропавших при транспортировке в Эстонию в составе багажа эстонского консула А.Г. Орга, которое завершается словами: «... надеюсь, что при обратном возвращении в Россию Вы не будете прибегать к содействию сомнительных лиц» (Amherst. Series. 1. B. 1. F. 9).

²⁷ Владимир Иванович Лебедев (см. о нем: [15, с. 67]). Речь идет о главе из романа «Плачущая канава» (первоначальное название «Ров львиный»), которая была опубликована в редактируемом Лебедевым журнале «Воля России» (см.: *Ремизов А.* Про любовь: Из романа «Ров львиный» [1–5] // *Воля России*. 1926. № 5. С. 37–74). См. также биографические сведения о Лебедеве и его деятельности в журнале «Воля России»: [22, с. 111–113].

²⁸ Речь идет о серии рецензий Ремизова на современные издания, включая собственные книги. Первая серия этих библиографических заметок уже была опубликована во второй книге «Благонамеренного» (см. примеч. 20). Вторая, предназначенная для третьей книги, была опубликована в конце лета в журнале «Воля России» (см. примеч. 30).

²⁹ Наталья Викторовна Чернова (см. о ней: [16, с. 79]), а также в статьях А.М. Грачевой и Е.Д. Резникова [12, с. 3–28]); вышла замуж за поэта Д.Г. Резникова в 1923 г.

³⁰ Glück und Segen (*нем.*) — счастье и благоволение. Ремизов использует символику немецких народных примет, собранных в «Сонниках», в соответствии с которыми видеть во сне воду предвещает счастье и благоволение. В 1926 г. в круге чтения Ремизова оказался «Восточный сонник» — издание, иллюстрированное миниатюрами в ориенталистском стиле (Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis. Postdam: Müller Verlag, 1925), рецензию на которое он поместил в журнале «Воля России» (1926. № 8/9. С. 232–233), скорее для того, чтобы изложить собственный

взгляд на природу сновидений и их символику (см.: [18, т. 14, с. 241–243], под названием «Сонник»).

³¹ По-видимому, речь идет о втором поэтическом сборнике: *Шаховской Д.А., кн. Песни без слов*. Брюссель: Изд-во русских писателей в Бельгии, 1924. 30 с.

³² Имеется в виду лечащий доктор в бальнеологической лечебнице на курорте в Виши.

³³ Вера Лазаревна Вишняк — жена А.Г. Вишняка. См. о ней: [13, с. 73].

³⁴ Георгий Владимирович Цебриков. См. о нем: [16, с. 39].

³⁵ Строки из утраченного письма. См. примеч. 20.

³⁶ Роман «Плачущая канава», главы из которого печатались при жизни писателя в повременных изданиях эмиграции. См.: [18, т. 4, с. 283–454].

³⁷ Речь идет о съемном жилье в популярном среди русской литературно-художественной элиты пансионе “Chrysanthèmes”, расположенном на Лазурном берегу, в городке Жуан-ле-Пен (Juan-les-Pins) и территориально принадлежащем коммуне Антиб (Antibes), департамент Alpes-Maritimes (Приморские Альпы, *франц.*). Владелец пансиона Василий (Вильгельм) Георгиевич Винтерфельд (1878–1937) был уроженцем Санкт-Петербурга, до революции успешный предприниматель, имел звание Коммерции советника, занимал должность председателя правления Общества Российской бумагопрядильной мануфактуры, состоял членом правления банка «И.В. Юнкер и К^о»; во Франции жил в Жуан-ле-Пен; похоронен в г. Антиб. Отвечая на запрос Ремизова о возможности поселиться в его пансионе, Винтерфельд (подписывавший письма на бланке пансиона «Д-р Ф. Винтерфельд»), очевидно, довольный расширением клиентуры, вкратце рассказал о своих постояльцах и условиях проживания: «Многоуважаемый Алексей Михайлович, очень рад был получить Ваш запрос и приложу все силы, чтобы выкроить к 3-му августу комнату. Сейчас все занято и занято прочно, т<ак> что из 24-х комнат лишь 5–6 самое большее сменят жильцов до 1-го октября. Ведь у нас действительно хорошо и приехавшие чудно поправляются. За примером ходить недолго. С.С. Юшкевич вот у меня дней 8, чувствует себя значительно лучше, бодрее, купается. М.П. Лилина прямо молодеет. Надеюсь, что и Конст<антин> Серг<еевич> Станиславский, который приедет к нам в августе, тоже быстро наберется сил. Пианист А. Боровский прямо цветет, да и другие не отстают. Итак, сделаю для Вас все возможное, чтобы достойно Вас принять. Если не смогу у себя, сниму комнату поблизости. Это на крайний случай <...>» (Amherst. Series. I. B. 4. F. 6; письмо от 15 июня 1926 г.). Месяц спустя, 15 июля, Винтерфельд вновь ответил на ремизовское письмо, в котором, кроме всего прочего, выражалось сочувствие по поводу пережитой писателем автомобильной аварии (см. примеч. 51). Однако содержание его письма было неутешительным: по запросу на 15 августа все комнаты на вилле оказались заняты (Там же). Ср. также заметку из светской хроники колумниста журнала «Иллюстрированная Россия» Я.М. Цвибака, скрывававшегося под псевдонимом «Железная маска»: «Жуан Ле Пен — очаровательное местечко в 20 км. от Ниццы стало местом паломничества русских писателей. В этом году на вилле “Хризантема” встретились Бунин, Б.К. Зайцев, Шмелев, Поляков-Литовцев, Осоргин, Юшкевич и пианист Боровский...» (1926. № 37 (70), 11 сент. С. 22).

³⁸ См. примеч. 16.

³⁹ Подразумеваются воспоминания о вологодской ссылке (1901–1903), в течение которой Ремизов и его будущая жена были связаны с кругом ссыльных эсеров и прежде всего с Б. Савинковым и его семьей. См. также очерк «Савинков» (Последние новости. 1932. № 4008, 13 марта. С. 2–3), первоначально предназначавшийся для второго тома книги «Россия в письменах» (см. публ. тома по архивным источникам: [18, т. 13, с. 677–709]). Позднее очерк был перемещен в книгу «Иверень» [18, т. 8, с. 498–506].

⁴⁰ Речь идет о переработке главы «Без хвоста» из повести «По карнизам», уже опубликованной в газете «Дни». (1926. № 995, 2 апр. С. 3). В книжное издание (Белград, 1929) глава вошла без изменений.

⁴¹ Павел Николаевич Милкоков (1859–1943) — историк, публицист, лидер Конституционно-демократической партии (партии Народной свободы), в марте–мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1940 — редактор газ. «Последние новости»

⁴² Ф.Л. Шрейбер — супруга Я.С. Шрейбера. См. о них: [15, с. 65].

⁴³ Подразумеваются страницы объявлений в газете «Последние новости», среди которых периодически размещались сообщения о предстоящих лекциях С.П. Ремизовой-Довгелло по курсу палеографии в Институте восточных языков (École nationale des langues orientales vivantes).

⁴⁴ Марья Моисеевна Гуревич — знакомая Ремизовых с 1921 г.; до февраля 1937 г. жила в Берлине, затем переехала в Лондон; поддерживала дружеские отношения с соотечественниками в Берлине и имела репутацию очень заботливого человека, обладала способностями к остеопатии и лечебному массажу. Подробные воспоминания о ее добродетели оставил младший сын С.Л. Франка — Василий Семенович Франк. См.: [23, с. 130–131].

⁴⁵ См. о нем: [17, с. 75].

⁴⁶ Размышления из круга тем, раскрытых в повести «По карнизам».

⁴⁷ Владимир Васильевич Диксон (см. о нем: [16, с. 74]).

⁴⁸ Речь идет о летнем адресе Л. Шестова. Ехтиазавр — прозвище жены философа, Анны Елеазаровны Березовской (см. о ней: [17, с. 79]). Прозвище, возможно, вошло в употребление в 1940-х. Ср. текст оригинального письма: Наст. изд., с. 78.

⁴⁹ Корсак Вениамин Валерианович (наст. фамилия Завадский; 1884–1944) — юрист, писатель, мемуарист; в 1920 г. эмигрировал в Египет, с 1922 г. жил в Париже.

⁵⁰ Лисевна — прозвище Ольги Елисеевны Черновой-Колбасиной (см. о ней: [14, с. 40]).

⁵¹ Ремизов связывает события 27 июня с происшествием, случившимся 1 июля, когда он был сбит автомобилем. Описание тех дней перенесены в текст повести «По карнизам»: «... в St. Sulpice за вечерней какой-то женщина дала мне образок: “St. Ange soyez mon guide!”» [18, т. 11, с. 554]. Уличное происшествие с участием Ремизова нашло отражение в сводке новостей. В архиве писателя сохранилась газетная вырезка: «Случай с А. Ремизовым. А. Ремизов попал под такси, к счастью, отделался легкими ушибами» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Кн. 13. Л. 74). См. также газетную вырезку, приложенную Ремизовым к оригинальным письмам, которая адресует к публикации легенд под общим заголовком «Покажу вам дьявола» в журнале «Воля России» (1926. № 6/7. С. 46–52) и указывает на спонтанно возникшую в тексте заключительного рассказа («В мир») рефлексии происхождения 1 июля («И когда после странных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобилем раздавит)»). Ср. заметку, составленную по парижскому источнику, которая появилась в ревельской газете «Последние известия», в рубрике «Мировая жизнь»: «С писателем А. Ремизовым, живущим, как известно, в Париже, произошел на днях необыкновенный случай несколько мистического свойства. А. Ремизов приготовил к печати сборник своих рассказов, в одном из которых есть такие строки: “И когда после страдных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобилем раздавит!)”... и т.д. На следующий же день после сдачи рукописи в редакцию “Воля России” А. Ремизов действительно попал на улице под автомобиль, по счастью отделавшись легкими ушибами» (Последние известия. 1926. № 155 (1878), 16 июля. С. 3).

⁵² См. примеч. 39.

⁵³ Вскоре глава «С дыркой» была опубликована: Последние новости. 1926. № 1964, 8 авг. С. 2–3.

⁵⁴ Первоначальный замысел претерпел значительные изменения. Упоминания о парижских кратких встречах включены в очерк, опубликованный в 1932 г. См. также примеч. 39.

⁵⁵ Журнал «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939; ред. М.П. Мионов). Подразумевается фотография с подписью «Максим Горький. Последний портрет», опубликованная вместе с очерком барона Н.В. Дризена «Театральные воспоминания» (1926. № 26 (59), июнь. С. 16).

⁵⁶ Мария Дмитриевна Проскурякова — знакомая С.П. Ремизовой-Довгелло по Петербургу; врач; публиковалась в профессиональных журналах, в том числе «Русский врач» (1908–12) под криптонимами «М.П.» и «М-ва».

⁵⁷ См. примеч. 27.

⁵⁸ Подразумевается публикация легенд: *Ремизов А.* Страды Богородицы: Из книги «Страды мира» // *Благонамеренный*. 1926. № 2, март–апр. С. 47–57.

⁵⁹ Леонид Владимирович Россель (1891–1942; в немецком концентрационном лагере) — редакционный сотрудник журнала «Воля России»; в годы Второй мировой войны участник Сопротивления.

⁶⁰ Публикация под общим заголовком «Покажу вам дьявола» состоялась в № 6/7 «Воли России» за 1926 г.

⁶¹ Биографические сведения о Мочульском см.: [17, с. 75]. Тесное общение Ремизова с К.В. Мочульским начинается в 1924 г., в марте молодой критик уже подписывал свои письма «кавалер К. Мочульский» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 7), соответственно обезьяньей грамоте, полученной в начале февраля 1924 г. Прозвище «Караим», очевидно указывающее на уникальность личности Мочульского, известного своей широкой эрудированностью и блестящим знанием языков, дало также основание для возведения его Ремизовым не позднее 1929 г. в «полпреды Византии и караимский каган» Обезьяньей Палаты (подробнее о статусе Мочульского в Обезьянвопале: [9, с. 352]).

⁶² Поздняя приписка. Ср. оригинал письма: *Наст. изд.*, с. 80–81.

⁶³ Встреча с Мочульским как с сотрудником и ведущим критиком газеты «Звено» предполагала его ознакомление с романом «Ров львиный» (впоследствии переименован в «Плачужную канаву») и последующую публикацию статьи, посвященной этому неизданному произведению. Такой прием «анонса» неопубликованного текста, инспирированный Ремизовым, уже был осуществлен в статье Мочульского «Новый роман А. Ремизова» (Звено. 1926. № 177, 20 июня. С. 1–2), которая знакомила читателя с неопубликованной повестью «Оля», издание которой состоялось только в 1927 г. В течение своего путешествия по Савойе и Швейцарии, начавшегося ранней осенью, Мочульский прочел роман «с огромным удовольствием». Об этом он сообщил Ремизову 22 сентября, обещая по возвращении написать отзыв (Amherst. Series 1. B. 4. F. 7). Статья, посвященная фрагменту «Рва львиного», вскоре появилась в авторской рубрике Мочульского «Литературные беседы» (Звено. 1926. № 197, 7 нояб. С. 1–2).

⁶⁴ Петр Петрович Сувчинский. См. о нем: [16, с. 25–27, 75].

⁶⁵ Георгий Владимирович Цебриков. См. о нем: [16, с. 39]. Контакт Сувчинского с Цебриковым, как представителем журнала «Благонамеренный», подтверждает влияние евразийцев на брюссельский проект литературного журнала, организованного Д.А. Шаховским (см. также примеч. 21).

⁶⁶ Петр Петрович Извольский, о. Петр (1863–1928) — действительный статский советник, обер-прокурор Святейшего Синода (1906–1909); в эмиграции — настоятель Никольской церкви в Брюсселе (с 18 февраля 1922), первый духовный пастырь Д.А. Шаховского. См. о роли о. Петра в духовном становлении будущего инока Иоанна: [8, с. 90–93]. Очевидно, о. Петру было известно наставление, полученное Шаховским от его духовника — епископа Вениамина (Федченкова), который в 1926 г. был инспектором Духовной академии преп. Сергия: «...приняв постриг на Афоне, вернуться на служение Церкви в мир, в Париж, в Духовную Академию» [8, с. 101].

⁶⁷ Ср. письмо Диксона, написанное Шаховскому несколько дней спустя, 2 июля 1926: «Дорогой Дмитрий Алексеевич, как я рад за вас, что вы будете в Церкви. Вне

Христа — гибель; но не мне вам это говорить. Я сам томлюсь ужасно: но нет еще во мне благодати, чтоб отречься от всего, чем спутан. И не правы вы, говоря, что уходите от “литературы” по слабости; — по благодати уходите. Не бегство — а исход» [8, с. 274].

⁶⁸ См. примеч. 25.

⁶⁹ См. примеч. 37.

⁷⁰ Подразумевается библиографический обзор книг, выпущенных на иностранных языках, в том числе перевод на чешский Л. Рышавого романа «Пруд»: Ремизов А. О разных книгах // Воля России. 1926. № 8/9. С. 230–234. См. также примеч. 28, 30.

⁷¹ Речь идет об исследовании Г.В. Есипова, установившего по документам Сысского приказа биографические данные легендарного Ивана Осипова Каина (*Есипов Г. В. Ванька-Каин (из подлинных бумаг Сысского приказа) // Осьмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Баргеновым. Кн. 3. М., 1869*). Собственные проекции на образ Ваньки Каина Ремизов осуществил в рассказе «Под мостом» (впервые: *Ремизов А. Пляшущий демон. Париж, 1949*), в котором автор предстает как один из «подельников» Каина. К теме похождений литературно-исторического персонажа Ремизов подступался еще в 1912 г., когда обдумывал так и не осуществленный замысел драматического произведения «Действо о Китоврасе» с прологом «Ванька Каин на Москворецком мосту» (см. упоминание в письмах А.А. Блоку: [11, с. 108]). Несомненно, интерес к феномену Каина в русской литературе и истории был частью подготовки к предстоящей встрече с Д.П. Мирским, намеченной на 14 июля (см.: [20, с. 381]).

⁷² См. примеч. 25.

⁷³ Речь идет о главах из повести «По карнизам», публикация которых в «Воле России» не состоялась, очевидно, по той причине, что глава «Без хвоста» уже появилась в газете «Дни» в мае (см. примеч. 40). Глава «С дыркой», состоящая из 8 новелл, увидела свет в газете «Последние новости» (1926. № 1964, 8 авг. С. 2–3).

⁷⁴ 14 июля — День взятия Бастилии — национальный праздник Франции.

⁷⁵ Имеется в виду возвращение С.П. Ремизовой-Довгелло из Виши.

⁷⁶ Лев Исаакович Шестов. Комментарии к истории взаимоотношений см.: [15, с. 62]. Письмо к нему касалось оплаты лечения С.П. Ремизовой-Довгелло, которую необходимо было везти до отъезда 14 июля. О получении части денег, добытых через спонсоров Шестовым, Ремизов написал 2 июля. См.: [10, с. 157].

⁷⁷ См. примеч. 56.

⁷⁸ Позднейший комментарий в квадратных скобках указывает на то, что Ремизов встречался не с поэтом Юргисом Казимировичем Балтрушайтисом (1873–1944), в это время исполнявшим миссию чрезвычайного посла и полномочного министра Литвы в Советской России, а с его сыном — Юргисом Юргисовичем (Baltrušaitis Jurgis; 1903–1988), который после окончания московской немецкой гимназии в 1923 г. был отправлен отцом в Париж для учебы в Сорбонне; впоследствии он стал известным искусствоведом, медиевистом, культурологом.

⁷⁹ Федор Иванович Буслаев (1818–1897) — лингвист, фольклорист, историк литературы и этнограф, глава русской мифологической школы. Подразумеваются сочинения ученого, необходимые для курса С.П. Ремизовой-Довгелло по палеографии в Институте Восточных языков.

⁸⁰ См. о ней: [14, с. 31].

⁸¹ См. примеч. 58.

⁸² См. примеч. 24.

⁸³ Рассказ о неожиданной находке в перьевой подушке — деревянной чурке — лег в основу новеллы «Клад» из повести «По карнизам». «Чур» пополнил коллекцию мифологических персонажей, которую Ремизов собирал с 1900-х гг. См.: [18,

т. 11, с. 547–548]. Ср. также упоминание о подобного рода мифологическом артефакте («ягиной черпалке»): [2, с. 133].

⁸⁴ Подразумевается обустройство книжных полок в кабинете писателя.

⁸⁵ Курортный городок в департаменте Атлантическая Луара — La Bernerie-en-Retz, где неподалеку в деревне le Clío sur mer располагался дом Jeanne Huguenet-Fleury, у которой с 1924 г. Ремизовы снимали комнату для летнего отдыха.

⁸⁶ См. примеч. 37.

⁸⁷ Carcassonne (*франц.*) — город-крепость — центр религиозной ереси альбигойцев (катаров), сочетавших в своем учении манихейство и зороастризм. Название секты, вызвавшей недовольства в католической церкви, происходит от соседнего города Альби. Каркасон же вошел в историю как осажденный город, павший под натиском крестоносцев в 1209 г.

⁸⁸ Упоминаются прозвища О.Е. Черновой-Колбасиной и В.В. Корсака, а также их местоположение летом 1926 г. См. примеч. 49, 50 и с. 82 наст. публ.

⁸⁹ Здесь используется старославянское значение глагола «нарядить» — дать поручение.

⁹⁰ См. примеч. 76. Леонид Николаевич Райгородский — бывший товарищ городского головы в Екатеринодаре; в Париже — директор-распорядитель фабрики по производству мыла и парфюмерии; муж Елизаветы Яковлевны Буровской; родственник другого мецената — М. Эйтингона по линии жены.

⁹¹ Собрание житейских «максим» парадоксального содержания появилось в печати на страницах юмористического журнала «Ухват» (1926. № 5, 1 июля. С. [10]). Эмоциональную реакцию на человеческое равнодушие к проблемам людей, поставленных в зависимое положение, Ремизов выразил и в письме Л. Шестову. Ср.: «Господи! Даже таких пустяков — действительно помочь человеку, <отор>ый лечится, и, стало быть, волноваться не должен... » [10, с. 158].

⁹² 1 ноября 1925 г. Цветаева с девятимесячным сыном Георгием и 13-летней дочерью Ариадной прибыла в Париж. Поселились они на окраине, в семье О.Е. Колбасиной-Черновой.

⁹³ Речь идет о стипендии от Чехословацкого правительства, которую получала Цветаева в Праге, и денежных пособиях, поддержанных парижским Комитетом помощи русским писателям и ученым. Подробнее о денежных вспомоществованиях Комитета см.: [5, с. 87–88].

⁹⁴ Петербургская знакомая Ремизовых. См. о ней: [16, с. 73].

⁹⁵ Яков Петрович Гребенщиков (1887–1935) — друг Ремизова, библиофил, сотрудник Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. См. о нем: [21]. Речь идет о первой публикации так называемой «пятой» челобитной протопопа Аввакума.

Приложение

Paris – Vichy

22.6 – 30.6

№ 1

22.6.26

Paris

вторник

к полночи

№ 82

Деточка, вернулся $\frac{1}{2}$ 12-го. Села какая-то дама, розовый цветок, это я сразу увидел и вспомнил Пасху в Москве, дождик и я слоняюсь по комнатам, хочется куда-то пройти, а некуда, жду, когда пойдем к вечерне – всю неделю мы ходим не только к 2-м обедам, а и всякий день к вечерне. А в куличе вот точно такая роза. С мыслью о Пасхе доехал. Опустил рнеу Шестову. А идя по Roussin подумал: вера это чувство – вот ты уехала, а я знаю (верю = чувствую), как ты вернешься. Так и на том свете встреча. Что такое наша здешняя жизнь, не *проезд* ли это и там тоже, м<ожет> б<ыть>, переходы.

Не верить – это не чувствовать.

С этой мыслью вернулся домой. Убрал шарф и в нафталин что отложено. И д<олжно> б<ыть> лишнее положил капот. Ну все равно. Я устал очень. Выпил кофею, и я только в норме.

Ревность м<ожет> б<ыть> очень ценное чувство (с<тало> б<ыть> есть чувство, не безразличие), но и до чего это тяжелое. Пожалуй, я устал от присутствия ревнивых глаз, обращенных на тебя. Когда поезд скрылся, ничего подобного.

И еще думал: о нормальных. Я, наверно, ненормальный. Я так ненормален, как мой слух.

Но ведь это ужасно иметь слух и петь стройно. А соловей поет очень ладно, но это соловей, почему соловей – пример «человеку»? Я думаю, наоборот. Соловьиное – это низшая ступень. И ладная «умиляющая» музыка низшая ступень. «Звездная музыка» это ничего общего с Бетховеном.

Стараюсь писать отчетливо.

Около часу. Спать. Вижу, как ты едешь. Что-то завтра. Жду известий. Только попомни: первое время тяжело всегда, везде, а потом.

Я бы никогда никуда не уехал, так трудно привыкать.

Ну, вот.

Еще попробую, поищу Amicie.

Нашел: 62, Rue Saint André des Arts.

И еще нашел письмо из Vichy 5.6.24 (Д<олжно> б<ыть> это Шестов рекомендовал).

Villa du Rocher,

Rue du Rocher et Bd des Etat-Unis

Maison de Régime

Mme A. Caumont.

А. Ремизов.

№ 2

23.6.26

Paris

(Среда)

12 ч<асов> н<очи>

№ 83

Деточка, ничего, только газеты. И 143 frs. из Перезвонов, про которые писал Белоцветов.

Только недавно ушел Roche. Ходил провожать его до № 25. Станный он человек: думает, что я могу что-то в смысле издания. Читал мне про St. Sulrice свой перевод. Это заняло много времени. С 9-и почти до 12-и. У меня глаз заболел от напряжения: он ведь по-французски, а я отвечаю по-русски. С утра писал, и все-таки не кончил. А сейчас очень устал. Если бы не французская речь, я бы мог сидеть, а чувствую, что лучше лечь. Пишу, подпершись рукой, так легче глазу.

Проснулся в 5 ч<асов>. Думал: подъезжаешь. И как не хочется вставать. Нет, деточка: как это ужасно ехать! Завтра жду письма. Как-то новое жилище? Пробовал восстановить сон, но все улетело.

Когда шел за папиросами, встретил Зайцеву <В.А. Зайцева>. Только Б.К. <Зайцев> уехал, а она с Наташей <Н.Б. Зайцева> тут. Тэффи ей расхваливала Vichy. И ей тоже захотелось ехать.

Про тебя знает весь Париж, что ты в Vich'ах.

Я так ушел в писание, что у меня и мыслей нет. Завтра я должен непременно получить деньги. И успеть бы кончить. От Шаховского нет известий – стало быть, послать надо.

Ну, вот, детяточек,

какое бездумное

вышло. (а писал 1/2а)

А. Ремизов.

24.6.26

1 от час<а> н<очи>

№ 84

«Н.К. Рерих вернулся в СССР»

(Известия – Послед<ние> Новости. 24. 6. 26. Paris).

При таких деньгах можно «взад и вперед» вернуться.

Это мой теперешний автопортрет: узнаешь ли ты, деточка, меня? (без очков).

<Изображение отсутствует (было перенесено в текст рукописи). Его место заклеено почтовыми марками.>

Деточка, у нас такая тишина в доме, точно я один во всем доме. Около двенадцати раздался звонок. Думаю, кого принесло? Погрешил на Вишняка <А.Г. Вишняк>. Ошибка: хотел свет пустить, а позвонил. Я ему посочувствовал. И опять тишина.

А холодно у нас по вечерам. Вчера и сегодня сижу в фуфайке. Сегодня был день показывания: пришла «старлица» от Сеземанов: терла и натирала пол 2 часа. Я застелил газетами. Если кто придет, у меня будет.

Получилось письмо от Шаховского. Благонамерен<ного> не будет. Очень грустное. Он едет в Грецию, а потом поступит в Академию здесь. Это хорошо. И рукопись Гагаринская. А я кончил «Заветы» (памяти Л.М. Добронравова). Вышло ведь 9 стр<аниц>, да и не умею я некрологи писать или тогда с куриный носок. Завтра буду переписывать еще раз.

Опять не уловил сна. Только помню: очень яркую картину красную «для Рыкова».

Жду от тебя письма. Открытку с султаном получил. Вот, видишь, как. Ведь ничего не знаешь, что такое “couchette” – одна подушка!

(la couchette – кушетка, le lit – постель).

Думал, читая Шаховского: ведь до чего *злости тут наелись*, ведь съели журнал! «На большевицкие деньги». «Мертвый дух». И пошлó. И останутся – «Сов<ременные> Зап<иски>».

А денег ни из Дней, ни из В<оли> Р<оссии>.

Из В<оли> Р<оссии> оттиски получились с надписью на одном: «изумительная по прелести вещь. В.Л.».

Это Лебедев <В.И. Лебедев>. Искал, судя надпись, внутри какого-нибудь талона. Нету. 5 оттисков. Небывалое!

Ах, деточка, деточка! А теперь и вспомнишь «Благонам<еренного>». И вот это «Заветы» и Библиография и Рос<сия> в пис<ьменах>.

все бы пошло. И ведь я пишу, как хочу. В Совр<еменные> Зап<иски> такого не примут.

Много может злое сделать.

Зло – отрава.

Ну, детяточек, спать.

Все хочу выйти на прогулку. Воздухом подышать. Пиши. Первые дни тяжело. Я б никуда не поехал.

А. Ремизов.

Сейчас получил, распечатал, чтобы переложить в маленький конверт и посылаю. А.Р.

25.6.26

Paris

№ 85

Это ты не узнаешь? – это Dixon <В.В. Диксон>. Сегодня, когда я ездил костюм покупать, он был и оставил 2 ящика. Сказал консьержке, что придет. Но не пришел. А, может, приходил, а я еще не вернулся: очень долго пришлось ждать Mme Amicie.

<Изображение заклеено>.

Деточка, пишу на блокноте, купил на St. Michel'e.

Ах, деточка, я с Н<аташей> <Н.В. Чернова-Резникова> условился: пятница на буд<ушей> нед<еле> (т.е. 2.7). А она сегодня. Неожиданно. Я совсем растерялся. Сидел неподготовленный, занимался. Хорошо, что еще побрился. А переодеться так и не пришлось.

Очень дорого стоит 395 frs. Дал 200 frs. В среду будет готово. Сколько надо дать Madame Amicie? 10 frs.?

Вот! А во сне видел воду: Wasser: Glück und Segen.

А пришлось столько денег отдать.

Книгу Шаховского послал тебе бандеролью (в конверте).

От тебя – открытка с источником и письмо о докторе.

Деточка, не надо ли тебе теплого. Можно послать. Теперь и с Dixon'ом сообразить можно. Вернулась Вишнячка <В.Л. Вишняк>. Заходили оба. (Признать, я думал, что это Диксон, но потом услышал: знакомый, как носом птица стучит, и догадался, пустил – оба были, оказывается, в день твоего отъезда).

Посидели немного. Без чаю. Я это упразднил. Виш<нячка> тебе пошлет щетку. А мне бритвы забыла. Видела Цебр<икова>. Он говорит, что Шахов<ской> пойдет в монахи. (Шах<овской> едет в Грецию – на Афон? – а потом сюда). Он пишет, что он хотел бы сказать личное нам и если хотел бы увидеть тут в Париже, то только нас. А м<ожет> б<ыть> это еще что-нибудь. Я ему напишу,

поблагодарю за книгу. (А Виш<нячку> он не захотел видеть). Вот видишь как, Шах<овской> я верю, а на счет Цеб<рикова> боюсь, не увлечение ли? И если в Академию, это хорошо. Мне жалко Dixon'a <В.В. Диксон>: только что была надежда напечататься и кончилось.

Ящики хорошие. Весь вечер красил. Всю краску извел, какая от Пасхи осталась. Эти ящики к твоему приезду будут отделаны. И у тебя будут стоять: для архива и книг. Я поставлю, а если тебе не понравится, ты переставишь.

Красил – о чем думал? Я урывками исправляю «Ров львиный»: некоторые фразы нехорошо. Думал об этом. И о Шаховском. И как тебе холодно. (По себе сужу – в вечера). И что там у Винтерфельда комары. И о Рерихе, как там с «указано» разговаривает с этой балдой – Луначарским. И о «Северных Афинах»: с чего начать. Может, о Савинкове. Какое-то надо вступление. И том рассказе, какой – продолжение «Без хвоста». – Испачкался, крася, руки не отмываются. И в кухне на полу.

Вот деточек мой, потерпи: пей воду и не тревожься. Верь! Верь!

Алексей Ремизов.

№5
26.6.26
Paris
суббота
№ 86

Деточка, писем никаких. Видел во сне Милукова. Думал, рукопись вернется, – нет. Сегодня делаю рисовую кашу. И есть простокваша. Если придет Д<иксон> – ему кушанье: «велено».

11 часов. Нет. Не придет. Потихонечку доел кашу. Пью чай. Окно закрыто. Свежо. В доме тишина, но легче, не такая, как последние дни.

В 8-м часу я отворил на звонок – очень уж звонок был жалостный. Фрида Лазаревна <Шрейбер>. Зашла узнать. Все следят по «П<оследним> Н<овостям>» о лекциях: а теперь не печатают. Не случилось ли чего. Я сказал: экзамены. «А тебя нету». Потом можно сказать, когда «весь Париж» знает. (Делать-то нечего, хоть этим питаться: кто, где?). Надо выдумать о каких-нибудь невероятных путешествиях. А денег я так и не получил. Напишу открытку Лебедеву. Посидела немного и пошла. А Яша <Я.С. Шрейбер> теперь на моторе сидит учителем. «Ничего не зарабатывает, только худеет!». «Одно, что занятие». Приезжает Мария Моисеевна <Гуревич>.

Для меня это такая мука, когда f<emme> d<e> m<énage> приходит. Сегодня была уборка в твоей спальне: полы натирала. И ванную мыла. И кухню.

Все очень подорожало. ½ livre'a ветчины – 10 frs. 20 cu.

Поправлял «Р<ов> л<ьвиный>»: в понедельник в 3-и зайдет за ним Мочульский. И все думаю о Сев<ерных> Афинах. Надо-надо-надо!

Думал о моем отвращении к «естественным законам» или не так: о возмущении. Против: «нормально». И главное – это такой круг, из которого не выйдешь: родился, значит, проходи – пей и ешь и болезни. Это ужасно! Против сна ничего не имею: потому что снится. И только через сон человек проникает на тот свет – это единственная дверка.

Боюсь, что завтра раздастся скрѐб в дверь (Вишняки). Но я не хочу – мне ничего не надо, а разговаривать не хочется.

Если бы я не ждал Dixon'a, я бы пошел сегодня ко всеобщей. Я очень люблю всеобщую летом. Досадно, что так вышло. И погода хорошая.

Ну, до свиданья, деточка, никаких писем вечером.

Алексей Ремизов.

Не пойму, чей тебе адрес послать?

Помочи купил.

№ 6

27.6.26

Paris

воскресенье

№ 87

Деточка, адрес Шестова? Где Елеазаровна <А.Е. Березовская-Шестова>: Châtelguyon на карте вместе, а Шестов пишет отдельно (Puy de Dôme, это департамент соседний с Alier), Pension Kremer.

Письмо от Балдахала <В.В.Корсак>: M-me Dr. Zuvadsky, Laboratoire Arago, Banyuls-sur-mer (Puy-Orles) – это на Средиземном море, на самой границе с Испанией.

Лисевна <О.Е. Чернова> на противоположном конце у океана (а это Восточные Пиринеи).

Посылаю от Шаховского.

Когда я сегодня вышел (в 3-и вернулся в 5-ь), в дверях записка: «был и не застал» от Dixon'a. Вот чудак. В воскресенье, этот час, когда всякий может придти.

Я ему написал: когда вздумается вечером 3 звонка.

А днем вообще неудобно.

Сегодня скачки и в Париже пусто. В St. Sulpice почти никого нет. Только много детей. Поэтому я и получил. Эти молитвы и образок.

Попробовал купить того хлеба, который все покупают, на ситный похож: наз<ывается> fendu (от fendre), а может, не так пишется? Купил 200 грамм – 50 см. На завтра куплю 400. А то мало. Баранок не покупаю – последний раз очень плохие: черствые и обугленные (Это всегда так, в начале ничего, а потом).

Сочувствую твоей муке с исследованием. Я бы возроптал.

А знаешь, я встал сегодня в 11 ч<асов> утра! Завтра за бельем придет, разбудит. Никого не было.

Вместо Сев<ерных> Афин почему-то стал писать продолжение «Без хвоста» – «С дыркой». Наверно, утомление. И вот отлыниваю. Опять сегодня холодно.

Я все думаю, м<ожет> б<ыть> начать с Савинкова, как он пришел и затеяли вспоминать. Надо чтобы это было «занятно».

Отложил тебе Иллюстр<ированную Россию> с портретом Горького.

Деточка, берегись, будь осторожна. И не тревожься. Сегодня варил картошку и ел *с маслом*.

Сейчас 1 ч<ас> ночи.

Лягу. Завтра разбудят.

И жду денег.

А. Ремизов.

Адрес Поскуряковой узнаю.

№ 7

28.6.26

Paris

№ 88

Деточка, какая стоит чудесная погода. Несколько раз выбегаю под всякими предложениями нос подставить солнцу. Разбудил меня прачечник. Ну, ничего. А то пересыпать тоже не годится. Заходил В.И. Лебедев. Очень ему «Про любовь» понравилось. Просит для 6 № (печатается в Париже). Просит апокрифич<еское>, как в Благонамерен<ном>. Я о деньгах, конечно. 2-го зайдет Россель. И клянется Лебедев, что числа 8-го обязательно. Я подсчитал: они должны 549,50.

И вот я гадаю и пересматриваю: чего бы им. Из книги «Страды мира». Одно знаю: «Покажу вам дьявола». А надо 3-и.

Заплатил молочнице. Ждал Караима <К.В. Мочульский>. (Записано). Не пришел. Я это знал хорошо (внутренне), что не придет.

«Взять читать Ров Льв<иный>, значит, надо написать. А можно ли напечатать?» Вот тут-то все и есть. Мне, собственно, вот чего хочется: чтобы только отметить бы, ну как теперь сделано о Оле, что есть «Ров львиный». Может, спросил бы кто: «где прочитать?» Отвечает: «Да негде, не издано». Пусть будет «не издано», а не то, что (как теперь) просто, как нет ничего. Ну, ничего. Вечером заходил Сувчинский (три звонка дал: я думал, Dixon!). Я раз говоря с собой, потерял как-то способность говорить, я заме<ти>л, что когда говорил с Лебедевым, у меня было такое ощущение, точно зубы вываливаются.

Да хотел тебе сказать: сегодня много аэропланов летало. Не видишь, а такое – «воздух поет!» – только слышно.

Сувчинского поил чаем. В своей комнате. Он очень сердился на Шаховского, что «Благонам<еренного>» закрыл. Говорит: какой же монах будет (как вынесет подвиг), если взяв дело, бросил, не докончив – рукописи собраны!

Сувчинский виделся с Цебриковым. И от него слышал, что Извольский не благословляет сейчас в монахи, а сначала – Академия.

Я же думаю, затравили. И не выдержал. Все-таки, это ведь из другого, не я, княжеская порода. Взял и плюнул и дальше – в монастырь, чтобы скрыться совсем (твой порыв). Но тут прав С<увчинский>: рукописи взял, отвечать должен.

Ну, хоть вот Dixon: надеялся, уверился, и, пожалуйста, хорошо еще № 2 Версты будут (так С<увчинский> говорит, д<олжно> б<ыть> достал) ну куда бы мне о Добронравове.

Ведь никто не примет (Даже «В<оля> Р<оссии>»), как сейчас ко мне повернули – о Добронравове не примут).

А ведь я писал и предупредил – для Благонамеренного. Ну, я себя выключаю. А вот Dixon.

Тут вот, наверно, надо посоветоваться прежде, чем решать. Ну, хотя бы тебя спросил. № 3 должен был быть. Сбиваю С<увчинского> ехать в августе к Winterfeld'у <В.Г. Винтерфельд> всем вместе. Он поедет в Вену в июле. Хочу ему написать, говорил ему, о своих планах на № 2. Вот библиографию, которую приготовил Шаховск<ой> затем. [о Ваньке Каине – прочитав бареневск<ий> сбор. № 3] о Добронравове («Заветы»). И что вчера писал. «С дыркой» (но чтобы все напечатали и с хвостом и без хвоста).

Надо аванс.

Деточка, я смотрю на календарь: выходит, что 14-го июля – срок. Это как раз этот праздник. Проверь, так ли – 14-го или 15-го. Все надо приготовить «К пришествию». Ты, деточка, что-нибудь записывай,

я понимаю, как тебе тоскливо. Вот, с людьми надоедливо, а одному тоскливо. А когда записываешь, то это не так.

Час. Пора, завтра буду корпеть для В<оли> Р<оссии>.

А. Ремизов.

Шестову напишу.

№ 18

29.6.26

№ 89

Спешу уведомить адрес: Марья Дмитриевна Проскурякова.

Villa Valude, 6 Rue Callou, chambers meublées – Vichy.

Иду на почту. Был Ю. Балтрушайтис <Ю.Ю. Балтрушайтис>, принес Буслаева, а другие две книги в воскресенье. Пока.

А.Р.

Шестову написал.

№ 8 bis

открытка № 8 (продо<лжение>)

29.6.26

Paris

вторник

S. Pierre S. P.

Петра и Павла

и поэтому песни орут и

безобразничают

теперь затихли

первый час.

№ 90

Деточка, еще раз пишу: Марья Дмитр<иевна> Проскур<якова>. 6 Rue Callou, Villa Valude.

Ничего нет, я даже приуныл, но, как говорится, взял себя в руки, и ожидаю: не завтра, послезавтра получу деньги.

Когда я приготавливал кофе (на кухне) узнал звонок Е<катерины> Вл<адимировны> <Селевиной>. Отворил. И отдал ей 14 frs. (Не завтра, послезавтра жду – за электр<ичество> и за газ).

К твоему приезду будет все заплачено.

Целый день сегодня ушел на нов<ую> редакцию для В<оли> Р<оссии> (В пятницу придут – 2-го). Я сделал.

1) Покажу вам дьявола

2) Адам

3) Солнце

4) На землю

5) В мир.

И выйдет-то всего стр. 8, т.е. 150 frs.

Вот охота пуше неволи!

Хочу еще – если будет Лебедев – поговорить с ним о «Рос<сии> в пис<ьменах>» за 150 frs. (без счета строчек). Вот Гагарины на *руках* теперь – что Шаховской вернул.

Отлыниваю я все от дела – надо писать Северн<ые> Афины. И «с дыркой» хочется. Я теперь понимаю, кого я в подушке нашел: это, деточка, «чур» – самый настоящий. Как он по-франц<узски>. Это тот, что живет на меже на поле. Но водится и по домам. Надо его подвесить к Esprit. Чур – охранитель. Esprit может и поугасть, чур – никогда.

Отрываясь (очень скучно, когда передельываешь!) докрасил ящик. Один – лиловый-красный-зеленый, а спина оклеена оранжевым, а к полу – из-под папирос голубое. Другой – голубой. Что-то Dixon не идет. Наверно, огорчен.

Пока я не начну – а хочется до твоего возвращения кончить – вот буду так, как сейчас: лениво идут мысли – думаю и о Bernerie, и о Winterfeld'e (а *дорого* – 50 frs., 100 в день за перевод), и о Каркассоне, это около Тулузы, на перепутье между Лисевной и Балдахалом, самый тут старинный город.

И опять, как бывает, печалит меня (кутает печаль), что ничем не возьмешь и останутся глухи (мир безухий!). (Удивительная это вещь на свете – эта огороженность). Пойду спать.

А. Ремизов.

Старуха: Вы с открытыми окнами спите?

Я: Ну вот еще, для мух что ль?

Старуха: А я и зимой и с открытым.

Femme de ménage и открытое окно – любимейшая тема.

№ 9

30.6.26

Paris

№ 91

Деточка, Старицу наряжу кухон<ные> полотенца мыть в субботу.

Стало быть, леченье кончается 14-го июля. (праздник начинается 13-го – самый съезд. 14-го танцы всю ночь, а 15-го, как 13-го до 2-х часов ночи). Ты выедешь 15-го? Это я потому пишу, что когда съезд (как 13-го и 14-го) очень будет народу много, и наверно в поезде

и, конечно, с автомобилями. Относительно проверки о посланных тебе деньгах *принял меры*.

А что ты скажешь, если я тебе, на случай, 500 frs. пошлю? Мне хватит тех, что есть. Сегодня я получил, наконец, из Дней: 195 frs.

Могу по телеграфу (ей Богу, это, наверно, пустяки стоит). А ведь какая ерунда (только не в хорошем смысле): послать в два приема.

Между прочим: могут спросить, от кого деньги: Леонид Николаевич, L. Reigorodsky, 47 Rue du Parc, Jury (s/seine).

Это надо в воровской самоучитель занести:

«Одно из средств вызвать беспокойство у того, который лечится на курорте, пообещать ему денег и послать, не предупреждая, в два приема, при этом еще перевести «товарной скоростью», чтобы тот ждал».

Что касается М<арины> Иван<овны> <&>– «сняли» (это называется), то, мне кажется, это к получавшим здесь в Париже, не касается. Я думаю, что как Зай<цев>, так и наверно и Мереж<ковский> – все получают по 500 frs. (семейный или бессемейный). А тут ведь 900 frs.

Не тревожься, деточка, веруй – и все будет!

(а придет срок – это от нас).

Начал сегодня писать С<еверные> А<фины> про Б<ориса> В<икторовича> <Савинкова>, только очень выходит такое, что «С<овременные> З<аписки>», пожалуй, и не возьмут.

(а насчет «отчаянного письма» Ефрона <С.Я. Эфрон>, тут понимаю и еще: Сувч<инский>, как я тебе писал, получил деньги на № 2, это я из его разговоров понял. Достал он в Бельгии. Я ведь тоже – «я лягаться ногой научил» – я тоже мечу получить. Он должен зайти на днях (три звонка), тут я его атакую.

Диксону я написал. Но чего-то не идет.

Деточка, жара началась. Я уж подумал сегодня, как ты будешь? (И о себе подумал: пожалуй, ветчины не стоит покупать «чувствуется»). Лучше овощи.

Деточка, претерпи. Я думаю, польза будет.

Алексей Ремизов.

Деточка, будешь писать Нат<алье> Вас<ильевне> <Григорьевой>: напиши ей: Яков Петров<ич> <Гребенщиков> может справиться, в какой книге из XXIII, XXIV, XXV, XXVI находится послание к ц<арю> Ал<ексею> Мих<айловичу> (1669 г.) «Записок Археографической комис<сии>» и что Николины сказания получены.

Сегодня так тепло: окно раскрыто и сижу не в теплом.

Список литературы

1. Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 545 с.
2. Воспоминания А.М. Ремизова о Блоке / публ. Н.А. Кайдаловой и Н.Н. Примочкиной // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 129–142.
3. *Гиппиус З.Н.* Неизвестная проза: в 3 т. СПб.: Росток, 2002. Т. 2: Чего не было и что было. Неизвестная проза 1926–1930 гг. / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николокина. 591 с.
4. Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб.: РНБ, 1999. Т. 2. С. 211–214.
5. *Евдошенко Н.В.* Финансовые взаимоотношения между И.А. Бунным и Комитетом помощи русским писателям и ученым во Франции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 87–98.
6. *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
7. Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими / вступ. ст., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 115–147.
8. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, [1977]. 420 с.
9. *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьяня Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 383 с.
10. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.
11. Переписка с А.М. Ремизовым (1905–1920) / вступ. ст. З.Г. Минц; публ. и коммент. А.П. Юловой // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 63–128.
12. *Резникова Н.А.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / подгот. текста, сопров. ст. А.М. Грачевой. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 271 с.
13. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.
14. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.
15. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 11. С. 36–91.
16. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108.
17. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114.
18. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000–2003, 2015–.

19. *Росов В.А.* Николай Рерих. Вестник Звенигорода: Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 1: Великий план. СПб.: Алетея, 2002. 270 с.

20. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // *Дiaspora: Новые материалы*. V. Париж: Athenaem; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

21. *Суворова В.П.* Я.П. Гребенщиков — библиотекарь, библиофил, человек // *Книга: Исследования и материалы*. Сб. 70. М.: Терра, 1995. С. 157–167.

22. *Федоров М.В.* Редакция журнала «Воля России» в 1922–1932 гг. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2015. № 21. С. 105–118.

23. *Франк В.* Русский мальчик в Берлине / пер. с англ. В. Михайлина, Е. Зотовой; предисл. Г. Гусейнова, К. Павловской // *Волга*. 1998. № 10. С. 108–168.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Scientific Publication of Archival Materials

Alexei Remizov “At the Evening Dawn”. A Chapter from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926

Commentaries by Elena R. Obatnina

Text prepared by Elena R. Obatnina and Anna S. Uryupina

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no 18-012-00035.

Abstract: The authors continue to introduce into scientific circulation chapters from A.M. Remizov's manuscript “At the Evening Dawn”, which form a series of publications devoted to the émigré period of the writer's life and work. The main part contains Remizov's letters to S.P. Remizova-Dovgello for 1926, which in 1945–1948 were edited by the author and included in the planned book. The Appendix contains original letters of the same period. Such a juxtaposition of a particular chapter with its primary sources opens up the prospect of exploring motivations that guided the writer in creating autobiographical works in the late 1940s and early 1950s. The corps of epistolary documents for 1926 contains information related to Remizov's position in the literary environment of Parisian emigration, his friendly and professional contacts, his work in the journal *Blagonamerenny* and also reveals unknown facts of the creative and publishing history of his works. The publication is accompanied by detailed comments based on previously unknown archival materials which supplement the history of the Russian Diaspora. Historical and literary surveys of the authors made it possible to introduce significant refinements into the biographical data, and into the chronology of the writer's life and work as a whole.

Keywords: Russia Abroad, literary critique, Eurasianism, journal *Blagonamerenny*, journal *Versty*, Alexei Remizov, Serafima Remizova-Dovgello.

Information about the authors: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.co@mail.ru

Anna Uryupina, PhD in Philology, Curator, Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature (State Literary Museum), Trubnikovskiy Alley, 17, 121069 Moscow, Russia. E-mail: urana1409@gmail.com

For citation: Alexey Remizov. “‘At the Evening Dawn.’ A Chapter from the Manuscript: Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1926”, comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 54–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-54-87>

References

1. Korostelev O.A., and Schrubka M., editors. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapiskov” (Parizh, 1920–1940): Sb. statei i materialov [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940): A Collection of Essays and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 545 p. (In Russ.)
2. “Vospominaniia A.M. Remizova o Bloke” [“A.M. Remizov’s Memoirs on Blok”], publ. by N.A. Kaidalova and N.N. Primochkina. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 129–142. (In Russ.)
3. Gippius, Z.N. *Neizvestnaia proza: v 3 t. [Unknown Prose: in 3 vols.]*, vol. 2: Chego ne bylo i chto bylo. Neizvestnaia proza 1926–1930 gg. [What Didn’t Take Place and What Did Unknown prose 1926–1930], comp., introd., comm. by A.N. Nikolyukin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2002. 591 p. (In Russ.)
4. “Grebenshchikov Iakov Petrovich”. *Sotrudniki Rossiiskoi natsional’noi biblioteki — deiateli nauki i kul’tury: Biograficheskii slovar’ [Employees of the National Library of Russia — Academic and Cultural Figures: Biographical Dictionary]*, vol. 2. St. Petersburg, RNB Publ., 1999, pp. 211–214. (In Russ.)
5. Evdoshenko, N.V. “Finansovye vzaimootnosheniia mezhdru I.A. Buninym i Komitetom pomoshchi russkim pisateliam i uchenym vo Frantsii” [“Financial Relationships between I.A. Bunin and the Committee for Assistance to Russian Writers and Scientists in France”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, series: History and Political Sciences, no. 1, 2019, pp. 87–98. (In Russ.)
6. Zaitsev, B. *Na Afon [Up the Mount Athos]*, introd. by A.K. Klement’ev. Moscow, Indrik Publ., 2013. 414 p. (In Russ.)
7. “Iz perepiski V.F. Khodasevicha s Merezhkovskimi” [“From V.F. Khodasevich’s Correspondence with the Merezhkovskys”], introd., publ. and comm. by N.A. Bogomolov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 90, 2008, pp. 115–147. (In Russ.)
8. Ioann (Shakhovskoi), archbishop. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva [Biography of Youth: Establishing Unity]*. Paris, YMCA-PRESS, [1977]. 420 p. (In Russ.)
9. Obatnina, E. *Tsar’ Asyka i ego poddannye: Obez’ian’ia Velikaia i Vol’naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh [Tsar Asyka and His Subjects: A.M. Remizov’s Monkey Great and Free Chamber in Persons and Documents]*. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2001. 383 p. (In Russ.)
10. “Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym” [“Correspondence between L.I. Shestov and A.M. Remizov”], text prep. and notes by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 1994, p. 136–185. (In Russ.)
11. “Perepiska s A.M. Remizovym (1905–1920)” [“Correspondence with A.M. Remizov (1905–1920)”], introd. by Z.G. Mints, publ. and comm. by A.P. Yulova. *Literaturnoe nasledstvo*

[*Literary Heritage*], vol. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 63–128. (In Russ.)

12. Reznikova, N.A. *Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove* [*Fiery Memory: Memoirs of Alexei Remizov*], text prep., accomp. art. by A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2012. 271 p. (In Russ.)

13. Remizov, A.M. “‘Na vecheinei zare.’ Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg.” [“‘At the Evening Dawn.’ Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922”], introd. and comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 7, 2018, pp. 46–81. (In Russ.)

14. Remizov, A.M. “‘Na vecheinei zare.’ Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg.” (okonchanie) [“‘At the Evening Dawn.’ Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922” (conclusion)], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 8, 2018, pp. 8–67. (In Russ.)

15. Remizov, A.M. “‘Na vecheinei zare.’ Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1923 g.” [“‘At the Evening Dawn.’ Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 11, 2019, pp. 36–91. (In Russ.)

16. Remizov, A.M. “‘Na vecheinei zare.’ Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1924” [“‘At the Evening Dawn.’ Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1924”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 45–108. (In Russ.)

17. Remizov, A.M. “‘Na vecheinei zare.’ Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1925” [“‘At the Evening Dawn.’ Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1925”], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 42–114. (In Russ.)

18. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–. (In Russ.)

19. Rosov, V.A. *Nikolai Rerikh. Vestnik Zvenigoroda: Ekspeditsii N.K. Rerikha po okrainam pustyni Gobi* [*Nicholas Roerich. The Herald of Zvenigorod: N.K. Roerich's Expeditions Along the Outskirts of the Gobi Desert*], book 1: Velikii plan [Great Plan]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 270 p. (In Russ.)

20. “‘...s Vami beda — ne perevesti’: Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)” [“‘... You Are the Awkward One — Untranslatable’: D.P. Sviatopolk-Mirski's Letters to A.M. Remizov (1922–1929)”], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora. New Materials*], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

21. Suvorova, V.P. “‘Ia.P. Grebenshchikov — bibliotekar’, bibliofil, chelovek” [“Ya.P. Grebenshchikov — Librarian, Bibliophile, Person”]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], issue 70. Moscow, Terra Publ., 1995, pp. 157–167. (In Russ.)

22. Fedorov, M.V. “Redaktsiia zhurnala ‘Volia Rossii’ v 1922–1932 gg.” [“The Editorial Board of the Journal ‘Volya Rossii’ in 1922–1932”]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 21, 2015, pp. 105–118. (In Russ.)

23. Frank, V. “Russkii mal'chik v Berline” [“Russian Boy in Berlin”], transl. from English by V. Mikhaylin and E. Zotova, introd. by G. Guseynov and K. Pavlovskaya. *Volga*, no. 10, 1998, pp. 108–168. (In Russ.)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.09.2020

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная публикация архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-88-157>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917*

© 2020, А.Л. Соболев

Аннотация: История московского «Общества свободной эстетики» (1906–1917), основанная на недостаточно полно и неравномерно изученных источниках, остается на периферии исследовательского интереса. Основной целью публикации является восполнение этой лакуны. Хроника основана на широком круге источников: собственные отчеты общества (рукописные и печатные), в том числе финансовые; повестки и протоколы заседаний Комитета и общих собраний; тетрадь посещений заседаний гостями в 1910–1912 гг., сохранившаяся в отделе рукописей РГБ; переписка участников; издававшиеся с 1913 г. «Известия литературно-художественного кружка», а также газетные отчеты. Публикуемая Хроника учитывает все датированные официальные мероприятия «Общества свободной эстетики», прежде всего — литературные и музыкальные вечера, но также организационные собрания самого Общества и его Комитета, за исключением партикулярных встреч членов Общества. Для выявленных заседаний указываются дата, статус (общее, закрытое и т.д.), место проведения, тема, время начала, условие присутствия гостей, прочие сведения, включая число участников и финансовые результаты. Далее следует очерк основных источников: повестка (если она разыскана), отчет и т.д. После этого приводятся документы, относящиеся к подготовке мероприятия, его проведению и последствиям, цитируются письма и воспоминания участников заседаний. Вторая часть публикации посвящена последним годам работы Общества (1912–1917).

Ключевые слова: «Общество свободной эстетики», литературные объединения, хроника, архивные источники, газетные отчеты, футуристы, В. Брюсов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.Л. Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917 // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 88–157. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-88-157>

* Начало см.: [24].

1912

19 января 1912 (четверг).

Девятое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК¹.

«В.Я. Брюсов прочтет IV книгу “Энеиды” Вергилия (“Любовь Энея и Дидоны”) в своем новом переводе».

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 29 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 51 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 3 (А.А. Шестеркиной).

Анонс: «19 января в заседании общества свободной эстетики в Москве Валерий Брюсов прочтет отрывки из своего нового перевода “Энеиды” Вергилия. Над этим переводом г. Брюсов работает уже около 12-ти лет и в настоящее время успел окончательно отделать первую его половину (книги I–VI), которая появится вскоре в свет в издании М.С. Сабашникова, в предполагаемой им серии переводов античных классиков» (Обозрение театров. 1912. № 1632, 14 янв. С. 15).

Согласно отчету, присутствовали 86 человек (*Отчет 11/12*). Данные переписи существенно расходятся — согласно журналу, было 129 человек (*Журнал посещений*. Л. 38об.–40). Выручено от продажи входных билетов 39 руб. (*Финотчет*. 11/12).

17 января В.Ф. Ахрамович, делясь с Э.К. Метнером сомнением по поводу рукописи Брюсова, сданной им в журнал «Труды и дни», среди прочего сообщал: «Завтра в “эстетике” Борис Николаевич <Бугаев> хочет поговорить с Брюсовым по поводу полемического тона его фрагментов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 4).

В газетах писалось: «Вчера в собрании Общества свободной эстетики В.Я. Брюсов познакомил с частью своей громадной литературной работы — перевода “Энеиды” Вергилия. В собрании была прочитана поэтом вся четвертая песнь, рассказывающая о бегстве из Карфагена Энея и о самоубийстве влюбленной царицы Дидоны. Чтение 700 с лишком стихов — перевод сделан стих в стих — заняло больше часу, и, несмотря на такую продолжительность, слушатели, наполнившие залу, следили за ним с неослабным вниманием, так ярки краски перевода, хотя бы в описании Атласа, и так силен его язык, хотя бы в последнем проклятии Дидоны. Труд-

¹ Указания на место собраний даются сокращенно: в помещении Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковых) — ЛХК; в помещении картинной галереи К. Лемерсье (Салтыковский, 8) — галерея Лемерсье; в помещении ресторана «Альпийская роза» (Софийка, 4/6) — «Альпийская роза»; в помещении Юридического собрания (Мал. Никитская, 25) — Юридическое собрание. Систему сокращений основных источников см.: [24, с. 395–397].

но оценивать достоинства сделанной художественной работы по первому беглому знакомству, но несомненно, что русская переводная литература получает ценный вклад» (Русские ведомости. 1912. № 16, 20 янв. С. 3).

Это заседание описано К. Липскеровым в поэме «Другой»:

Блестит над сумрачным сукном
 Лоб острый Брюсова. Кругом
 Маячат призрачные лица,
 Недвижной бабочкой лучится
 Взор Белого. Среди седин
 Классиковедающих шорох
 Усталых юношей, которых
 Воспел насмешливо Кузмин.
 И в черном, в желтом и в лиловом,
 Превознесенные Серовым, —
 В строках упорных и тугих,
 Москвы отобранные жены
 Внимают ропоту Дидоны,
 Из мглы доплывшему до них.

(Липскеров К. Другой:

Московская повесть. М., 1922. С. 15).

26 января 1912 (четверг).

Десятое собрание сезона 1911–1912 гг.

Lieder-abend (нем. Вечер песен).

Исполнялись романы Яворского на слова А.Я. Брюсова, В.Я. Брюсова, А. Белого и М. Метерлинка. Исполнители: М.А. Дейша-Сионицкая, А.М. Ян-Рубан и Н.Г. Райский.

Отчет 11/12. Перепись не велась. Выручено от продажи входных билетов 19 руб. (Финотчет. 11/12).

9 февраля 1912 (четверг).

Одиннадцатое собрание сезона 1911–1912 гг.— ЛХК.

Андрей Белый прочтет отрывки из своего нового романа «Злые Тени». Выставлены будут офорты Огюста Данса.

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 51 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 4 (А.А. Шестеркиной).

Вопреки повестке, согласно отчету, на вечере В.Я. Брюсов читал свой перевод «Баллады Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда. О предстоящей замене сам Брюсов сообщал А.А. Курсинскому в письме от 8 февраля 1912 г.: «Завтра, 9 февр., в Общ. Свободной Эстетики должен был читать Андр. Белый отрывки своего нового романа “Тени снов”. Но оказалось, что Белый приехать не может (он в Петербурге). Поэтому читать буду я, — свой новый перевод “Баллады Рэдингской тюрьмы” Оскара Уайльда» (РГБ. Ф. 389. Карт. 1. Ед. хр. 25. Л. 10; при публикации корпуса оно было опущено).

Присутствовало 142 (*Отчет 11/12*) или 124 (*Журнал посещений*. Л. 40об.–42) человека. Выручено от продажи входных билетов 36 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12).

16 февраля 1912 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

На собрании будут оглашены результаты Конкурса поэтов, объявленного Обществом, прочитаны (авторами) стихотворения, доставленные на Конкурс, и выданы премии, назначенные Комитетом за лучшие из них.

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 56 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 5 (А.А. Шестеркиной).

Первый конкурс стихотворений был объявлен в конце 1911 г. (последний срок представления стихотворений — 25 декабря), см.: Известия книжного магазина Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1912. № 2, февр., обложка, с. 2. Печатный экземпляр условий конкурса отложился, в частности, в архивах Садовского (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 55) и Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 9):

«Комитет Общества Свободной Эстетики приглашает членов Общества и его посетителей принять участие в первом конкурсе стихотворений на тему:

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

1. Стихотворения должны быть присланы на имя члена Комитета В.Я. Брюсова (Москва, 1 Мещанская, 32), переписанные не рукой автора (желательно на машине) и подписанные избранным девизом. К стихотворению должен быть приложен запечатанный конверт, под тем же девизом, содержащий имя, отчество и фамилию автора и его адрес.

2. Стихотворения должны иметь не менее 20 и не более 60 стихов. Разработка предложенной темы, выбор размера, строфической или а-строфической формы — предоставляются авторам.

3. Присланные стихотворения будут рассмотрены Комитетом Общества. Те стихотворения, которые будут признаны комитетом заслуживающими внимания, будут прочтены на очередном собрании Общества — авторами или артистами. Остальные будут уничтожены, причем приложенные к ним конверты с именами авторов вскрыты не будут.

4. Автору того стихотворения, которое будет найдено Комитетом лучшим, будет предложен от Общества Свободной Эстетики на память подарок.

5. Последний срок для доставления стихотворений 25 декабря 1911 года.

6. Конкурс будет считаться состоявшимся, если будет доставлено не менее 5 стихотворений под разными девизами.

7. Комитет оставляет за собой право не признать никого из авторов доставленных стихотворений достойными предполагаемого подарка от Общества или выдать их несколько, если несколько стихотворений будут признаны равными по своему художественному достоинству».

Накануне вечера объявления итогов Общество разослало всем участникам конкурса письма-приглашения; цитируем по черновику рукой Брюсова, отложившемуся в его архиве:

«М. Г.

В четверг ___ февраля на собрании Общества Свободной Эстетики (Москов. Литер. Худ. Кружок, Б. Дмитровка д. Востряковых), в 9 ½ час. веч. состоится выдача [подарков] премий присужденных Комитетом Общества за лучшие стихотворения из числа доставленных на объявленный Конкурс Общества. На том же собрании все доставленные на Конкурс стихотворения будут прочитаны членам Общества. Будьте любезны известить Комитет (по адресу: Москва, 1 Мещанская д. 32, члену Комитета И.М. Брюсовой), желаете ли Вы сами прочесть доставленное Вами стихотворение или поручаете это кому-либо другому.

Настоящее письмо служит входным билетом на собрание ___ февраля. Комитет».

(РГБ. Ф. 386. Карг. 114. Ед. хр. 39. Л. 1; известен беловой вариант, отправленный Е.Л. Янтареву: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1).

Согласно отчету, выданы были три премии за три признанные лучшими стихотворения. «Премии (медали с эмалевым изображением марки Общества и именем лауреата с обратной стороны) получили М.И. Цветаева, Л. Зилов и А.А. Сидоров. Затем были прочитаны авторами все доставленные на конкурс произведения (всего 16). Стихотворения вне конкурса были прочитаны С.П. Бобровым, В.Я. Брюсовым, М.А. Воло-

шиным, Б.А. Садовским, С.Я. Рубановичем и В.Ф. Ходасевичем. Присутствовало 154 человека» (*Отчет 11/12*); перечислены: *Журнал посещений*. Л. 42об.–44. Выручено от продажи входных билетов 51 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12).

Ср. также: «Именно за высокое художественное мастерство Лев Николаевич Зилов был награжден весной 1912 года “Обществом свободной эстетики” под председательством Валерия Брюсова Золотым жетоном с изображением Пегаса, символа поэтического вдохновения» [17, с. 60]; см. также ниже упоминание Пегаса в мемуарах М. Цветаевой. Знаки были изготовлены прославленной фирмой К. Фаберже (среди расходов вечера значится оплата его счета на 65 руб.).

В газетном отчете говорилось:

«Первую премию не получил никто. Вторая была разделена между г. Зиловым и г-жой Цветаевой. Третью, добавочную, получил А. Сидоров.

Самое же замечательное и беспремерное в этом конкурсе стихов было то, что все остальные стихотворения были признаны комитетом “достойными прочтения на заседании общества свободной эстетики”.

В прошлый четверг поэты читали свои стихи.

Сначала прочли их “лауреаты” — Цветаева, Зилов, Сидоров.

Затем, в порядке алфавита, — остальные участники конкурса. Комитет воистину проявил и беспристрастие, и несомненный вкус.

Действительно, из того, что было прислано на конкурс, стихи лауреатов — лучшие.

Но мало в этом радости для судеб русской поэзии. Конкурс не только не дал ничего значительного, яркого, но ярко показал, как много людей умеют писать стихи и как мало среди них поэтов.

Бледность и ничтожность результатов конкурса в особенности ярко подчеркнули лица, читавшие стихи на ту же тему вне конкурса.

Из них прекрасные образцы поэзии дали В. Брюсов, С. Рубанович и Вл. Ходасевич, в особенности последний, блеснувший подлинно прекрасным стихотворением.

Как-то странно, непонятно проскочил вне конкурса некий г. Курлов, проявивший беспремерную наглость в трактовке темы великого поэта, позволивший себе занять внимание серьезно настроенной публики поразительным по бездарности, исключительным по безвкусию стихотворением.

Ропот негодования пронесся по зале при первых строках этого, с позволения сказать, стихотворения, и когда г. Курлов кончил, не раздалось не только ни единого хлопка, но явственно послышался свист наиболее возмущенных.

В.Я. Брюсов поспешно встал и разъяснил собравшимся, что г. Курлов не участвовал в конкурсе и участие его вне конкурса объясняется

недоразумением» (*Е. Я<нтарев>. У эстетов // Московская газета. 1912. № 176, 20 февр. С. 4).*

Ср. в воспоминаниях А.И. Ходасевич: «Однажды в “Литературном кружке” на вечере “Свободной эстетики” Валерий Яковлевич объявил конкурс на слова Дженни из “Пира во время чумы”: “А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах”. Владя как будто бы и не обратил на это внимание. Но накануне срока конкурса написал стихи “Голос Дженни”.

На другой день вечером мы поехали в “Литературный кружок”, чтобы послушать молодых поэтов на конкурсе. Результаты были слабые. Если мне не изменяет память, — всё же лучшим стихотворением конкурса признаны были стихи Марины Цветаевой. Владя не принимал участия в конкурсе, но после выдачи первой премии Цветаевой подошел к Брюсову и передал ему свое стихотворение. Валерий Яковлевич очень рассердился. Ему было досадно, что Владя не принимал участия в конкурсе, на котором жюри, конечно, присудило бы первую премию ему, так как его стихи Брюсов нашел много лучше стихов Марины Цветаевой» [28, с. 396].

См. также в мемуарном очерке Цветаевой «Премированный шенок»:

«Получать призы нужно было в “О-ве Свободной Эстетики”. Подробности стерлись. Помню только, что когда Брюсов объявил: “Первого не получил никто, первый же из двух вторых — г-жа Цветаева”, — по залу прошло недоумение, а по моему лицу усмешка. Затем читались, кажется Брюсовым же, стихи, после “премированных” (Ходасевич, Рафалович, я) — “удостоившиеся одобрения”, не помню чьи. Выдача самих призов производилась не на эстраде, а у входного столика, за которым что-то вписывала и выписывала милая, застенчивая, всегда все по возможности сглаживавшая и так выигрывавшая на фоне брюсовской жестокости — жена его, Жанна Матвеевна.

Приз — именной золотой жетон с черным Пегасом — непосредственно Брюсовым — из руки в руку — вручен. Хотя не в рукопожатии, но руки встретились! И я, продевая его сквозь цепочку браслета, громко и весело:

— Значит, я теперь — премированный шенок?

Ответный смех залы и — добрая — внезапная — волчья — улыбка Брюсова» [29, т. 4, с. 29].

На фоне многочисленных свидетельств труднообъясним следующий отрывок из письма В.Ф. Ахрамовича Э.К. Метнеру от 30 января / 12 февраля 1912 г.: «Слышали ли Вы о том, что Маргарита Васильевна <Сабашникова> получила на конкурсе поэтов в “эстетике” вторую (первая никому не была присуждена) награду, Ал. Сидоров — третью. Тема конкурсная стихотворение “А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах” (“Пир во вр<емя> чумы”))» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 8). Может быть, здесь речь шла о предварительных итогах, которые стали известны Ахрамовичу

приватным образом? Или он перепутал Цветаеву с Сабашниковой? Но как быть с переменной датой?

23 февраля 1912 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

Вечер будет посвящен современным русским композиторам (Петербург): г-же Ю. Вейсберг и гг. Ю. Винклеру, И. Стравинскому и М. Штейнбергу. Исполнителями выступят г-жи Е.А. Бекман-Щербина, П.Ж. Доберт и Е.А. Римская-Корсакова и гг. А.Г. Мец и П.И. Тихонов. Аккомпанировать будут Н.С. Жилиев и Ю.Н. Померанцев.

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 р.

В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 57 (Б.А. Садовскому).

Согласно отчету, присутствовали 88 человек. — *Отчет 11/12; Журнал посещений.* Л. 45об.–46. Выручено от продажи входных билетов 37 руб. (*Финотчет.* 11/12). Среди расходов — «музыка» (60 руб.), ужин артистов (15 руб.), аккомпанемент (5 руб.).

8 марта 1912 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

«Витольд Ахрамович прочтет отрывки из своего перевода (с рукописи) нового романа Станислава Пшибышевского “Сильный человек”.

Ю. Балтрушайтис прочтет ряд своих новых стихотворений.

С. Головачевский прочтет свои переводы стихов Шарля ван Лерберга».

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 28 (И. С. Остроухову).

Согласно отчету, присутствовало 105 человек. — *Отчет 11/12.* Выручено от продажи входных билетов 25 руб. (*Финотчет.* 11/12).

Ср. в письме В.Ф. Ахрамовича Н.П. Киселеву от 7 марта 1912 г. (помета получателя): «Какая досада! Так мне хотелось быть в Спиритуалистическом обществе, и не могу. Я думал, что заседание будет в пятницу. Завтра эстетика, и я имею несчастье читать там свой перевод Пшибышевского» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 1. Ед. хр. 37. Л. 1).

15 марта 1912 (четверг).

Пятнадцатое собрание сезона 1911–1912 гг.

Вечер современных французских и немецких композиторов. Исполнители: А. Эль-Тур, А. Могилевский. В. Пакельман, В. Эмме, В. Кубацкий.

Присутствовал 81 человек. — *Отчет 11/12*. Выручено от продажи входных билетов 27 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12). Среди расходов — «Колос Ржи» (10 руб.), «аккомпанемент» (10 руб.), «артистам» (100 руб.), «служащим» (3 руб.), «ужин артистов» (2 руб.).

В этот день И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Сегодня у нас на Эстетике музыка, повестку я Вам послала» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 17об.).

26 апреля 1912 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1911–1912 гг.

Clavier-abend <нем. Сольный фортепианный концерт> К.Н. Игумнова.

Присутствовало 65 человек (*Журнал посещений*. Л. 47). — *Отчет 11/12*. Выручено от продажи входных билетов 9 руб. (*Финотчет*. 11/12). Среди расходов — «по счету Ларионова» (5 руб. 69 коп.).

4 октября 1912 (четверг).

Собрание комитета. Присутствовало 7 человек. Постановили отложить общее собрание на ноябрь. Решено сделать в октябре 2–3 собрания, из которых одно исполнительное. Договорились просить М.С. Неменову-Лунц устроить музыкальный вечер, посвященный Скрябину или Вагнеру или группе московских молодых композиторов. Выбор новых членов.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 71.

18 октября 1912 (четверг).

Первое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Вечер, посвященный произведениям Р. Вагнера. Исполнители П.Ж. Доберт и А.Я. Могилевский.

Присутствовало 60 человек. — *Отчет 12/13*.

25 октября 1912 (четверг).

Второе собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

А.Н. Толстой прочел 1 и 2 действия своей комедии «Лентяй».

Присутствовало 81 человек. — *Отчет 12/13*.

8 ноября 1912 (четверг).

Третье собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Гр. А.Н. Толстой прочел отрывки из своей новой повести.

Присутствовало 75 человек. — *Отчет 12/13*.

15 ноября 1912 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Н.А. Клюев прочел ряд своих стихотворений.
Присутствовало 64 человека. — *Отчет 12/13.*

22 ноября 1912 (четверг).

Пятое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
В.А. Лукин исполнил на арфе свои сочинения.
Присутствовало 70 человек. — *Отчет 12/13.*

27 ноября 1912 (вторник).

Шестое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
В.Я. Брюсов прочел серию своих ненапечатанных юношеских и новых стихотворений.
Присутствовало 128 человек. — *Отчет 12/13.*
Не исключено, что в печатном отчете опечатка и вечер все-таки был назначен на традиционный четверг, 29-го.

7 декабря 1912 (пятница).

Заседание Комитета.
Присутствовало 9 человек. Решено пригласить С.П. Боброва исполнять обязанности секретаря. Обсуждение художественного конкурса. Планы устроить вечер музыкальной пантомимы с участием Ф. Коммиссаржевского. Планы инсценировать «Три разговора» В. Соловьева при участии А.М. Кожебаткина. План устройства вечера о Н. Сапунове и вечера И. Северянина.
Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 73

13 декабря 1912 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
Вечер, посвященный произведениям Л.Л. Сабанеева и А.А. Крейн.
Исполнители: П.Ж. Доберт, Е.А. Бекман-Щербина, М.С. Неменова-Лунц, Л.Л. Сабанеев, Д.С. Крейн и А.А. Крейн.
Присутствовало 96 человек. — *Отчет 12/13.*

20 декабря 1912 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
Игорь Северянин прочел ряд своих стихотворений. В.Я. Брюсов прочел два своих стихотворения, посвященных Игорю Северянину.
Присутствовало 94 человека. — *Отчет 12/13.*
Брюсов пригласил Северянина выступить в Москве в начале декабря 1912 г. Северянин отвечал: «Я очень признателен Вам за честь мне оказанную, и, с истинным удовольствием, теперь же принимаю первое из Ваших любезных предложений: читать поэзы в "Обществе Свободной Эстетики".

Гонорар, Вами означенный, я, конечно, нахожу достаточным, но Вы простите меня за откровенность, я хотел бы просить половину его авансом — для дороги в Москву: у меня постоянное безденежье. Если аванс возможен, я каждый день в Вашем распоряжении, ожидая указания Вами свободного четверга» (письмо от 17 декабря 1912 г. Цит. по: [10, кн. 1. с. 626–627]. Брюсов выслал ему аванс, и 20 декабря, утром дня выступления, Северянин приехал в Москву.

В.Ф. Ходасевич писал в хронике: «Имя первого русского футуриста, основателя целой поэтической школы, собрало в минувший четверг на собрание О-ва Свободной Эстетики огромную толпу слушателей. Здесь были поэты всех толков, от невзыскательных поклонников Ивана Белоусова до прилежных ритмистов из “Мусагета”. Были художники, молодые философы, нарядные дамы, не чуждые решительно ничему. Были почетные граждане скетинг-ринка, молодые утонченники с хризантемами в петлицах. Но вряд ли мы ошибемся, сказав, что поэзия Игоря Северянина до этого дня всем им была одинаково мало известна» (В.Х. Игорь Северянин // Русская молва. 1912. № 17, 25 дек. С. 7).

Известен отзыв Б. Пастернака в письме К.Г. Локсу от 23 декабря 1912 г.: «Как мало обещает сочетание слов: “Игорь Северянин”».

Между тем после двусмысленностей, колеблющихся между косметикой и акосмизмом, следует поэма, развернутая во всем великолепии ритмики и мелодичности, которая составлена из названий мороженого, пропетых гарсоном на площади под нестройный плещущий гомон столиков. В этом стихотворении при всей его вычурности на уровне первобытных наблюдений — схвачена печаль разнообразия — всякого разнообразия, — непокоренного целостностью. Что же касается дальнейших стихотворений, то в них уже — открытое море лирики. Пришлось забыть об Эстетике, ее серой обивке, ее мертвенности. Как жаль, что Вы не успели побывать на этом “четверге”» [14, т. 7, с. 134].

Об этом вечере вспоминал П.Н. Зайцев:

«Зимой 1913 года Брюсов пригласил Северянина выступить со стихами в Москве. Северянин явился. В “Эстетике” был устроен вечер его стихов. Не очень большой зал кружка, отведенный под вечер, не мог вместить всех желающих послушать поэта. Слушать модного лирического поэта-тенора собралась “вся Москва”, “цвет” и “сливки” буржуазной, художественной и литературной Москвы: поэты, эстеты, художники, фельетонисты из “Русского слова” и “Раннего утра” и — миллионерши Москвы... В зале благоухало духами, лучилось бриллиантами, модилось модами утонченных эстетических дам, любительниц всякой эстетики, и дендилось тоном и вкусом эстетов и денди с Чистых прудов и Собачьей площадки, затянутых тонко в визитки.

Брюсов открыл вечер и дал слово поэту. Игорь Северянин зачитал, да не зачитал, а запел свои стихи, которые он называл “поэзами”, и нужно сказать, исполнял он свои “поэзы” артистически, с блеском и мастерством.

Дамы были в упоении, они сидели и млели, и таяли от стихов и от голоса поэта, от его внешности, от его тонкой, в рюмочку стянутой талии. Поэт облачен был в ладно сшитый сюртук. Дам пленяло его “вдохновенное” чело, осененное гривой иссиня-черных волос.

Поэты желтели от зависти:

Хорошо, собака, читает! — говорком северянина (не поэта Северянина, а жителя северных губерний) окал цыганистый, жилистый, длиннорукий, седой Сергей Клычков, крестьянский поэт.

Игорь Северянин читал “Ананасы в шампанском”, “Шампанское в лилии”, “Мороженое из сирени” и “Под пудрой молитвенник в будуаре тоскующей, нарумяненной Нелли, а над ней — Поль де Кок”. Читал он, впрочем, и другие стихи, простые, хорошие, человеческие... Но маловато их было среди его будуарно-ликерно-парфюмерной поэзии “Крем де виолет”!..

Брюсов слушал и, вероятно, думал: “Накипь!” Накипь сойдет, поэт вырастет как человек и будет писать неплохие стихи» [5, с. 202–203].

Ср. в воспоминаниях Северянина: «<...> припомню кстати эпизод, происшедший в 1912 году в Москве за ужином после моего концерта в “Эстетике”. Присутствовавший на этом ужине ныне покойный профессор С.А. Венгеров, говоря о Надсоне, всячески его восхвалял и защищал от нападок моих и Валерия Брюсова, читавшего на моем вечере стихи, мне посвященные.

“Понимаете ли, — говорил Венгеров, — что, читая Надсона, чувствуешь не только тоску, но и ужас”. Тогда Брюсов саркастически заметил: “Если в темноте меня схватят за горло, я тоже почувствую ужас. Следует ли, однако, что этот ужас художественного происхождения?”» [22, т. 5, с. 20]. Ср.: «Мой дебют в “Эстетике” при лит.худ. кружке, состоявшийся на другой день после описанного мною визита к Брюсову, собрал много избранной публики, среди которой вспоминаю художников Гончарову и Ларионова, проф. Венгерова и др. Я прочел около тридцати стихотворений и был хорошо принят. После меня выступил Брюсов, прочитав свои стихи, мне посвященные. Читал он резким, неприятным и высоким голосом, как-то выкрикивая окончания строк. Но это было своеобразно, очень просто, и, конечно, исполнение его мне понравилось больше, чем замысловатое и пафосное чтение многих весьма именитых актрис и актеров, которого, откровенно говоря, я не выношу. После стихов дирекция кружка пригласила нас к ужину, во время которого мне пришлось быть объектом речей и то-стов» и далее [22, т. 5, с. 32].

1913**10 января 1913 (четверг).**

Девятое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

А.К. Топорков прочел доклад «Лесной царь Вольфганга Гете». После доклада состоялись прения, в которых приняли участие М. Поливанов, Ф. Степун и др.

Присутствовало 53 человека. — *Отчет 12/13.*

Рукопись доклада сохранилась: РГБ. Ф. 190. Карт. 50. Ед. хр. 2. Текст напечатан: *Топорков А.* Лесной царь // Труды и дни. 1913. № 1/2. С. 8–18.

17 января 1913 (четверг).

Десятое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Закрытое собрание, посвященное обсуждению дальнейшей деятельности Общества.

Присутствовало 14 человек. — *Отчет 12/13.*

Через день А.П. Трояновская, жена И.И. Трояновского, писала отсутствовавшей на заседании И.М. Брюсовой: «Очень мы боимся без Вас Валерия Брюсова. И в Эстетике без Вас скучно» (письмо от 19 января 1913 г. (дата по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 386. Карт. 156. Ед. хр. 38. Л. 7).

24 января 1913 (четверг).

Одиннадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

В.И. Мозалевский прочел свой рассказ «Вивея».

Присутствовало 43 человека. — *Отчет 12/13.*

На следующий день А.П. Трояновская писала И.М. Брюсовой: «Дорогая Жанночка Матвеевна, вчера была эстетика, и Вас не было, и даже “Ваш” сказал, что он не знает, когда Вы вернетесь. Очень скучно. А “мой” все время прилипал к <М.С. Неменовой->Лунц; ходил с ней и сидел с ней. Каков мерзавец — с жидовкой связался! Читал Мозалевский — так себе» (письмо от 25 января 1913 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 18. Л. 1).

31 января 1913 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Ф.А. Степун прочел свои переводы из «Люцинды» Фридриха Шлегеля и сделал краткую характеристику его творчества. Докладчику возражал С.В. Лурье.

Присутствовало 88 человек. — *Отчет 12/13.*

7 февраля 1913 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Собрание было посвящено памяти Н. Н. Сапунова. Ф. Ф. Комиссаржевский прочел доклад о жизни и творчестве покойного художника. После доклада состоялся обмен мнениями, в котором приняли участие В.Я. Брюсов, А. Грищенко, М.Ф. Ларионов, В.В. Маяковский и др.

Присутствовало 108 человек. — *Отчет 12/13.*

Об этом вечере вспоминал В.И. Мозалевский: «В 1913 (или в начале 1914 г.) в “Обществе свободной Эстетики” был вечер памяти театрального художника Сапунова, утонувшего совсем молодым в море в 1912 году.

Не помню, кто делился воспоминаниями об этом так мало успевшем раскрыть свой талант художнике (в Третьяковской галерее имеются его работы), но хорошо помню, что у стола президиума рядом с правленцами общества В.Я. Брюсовым, И.И. Трояновским внезапно появилась шумливая группка и просила (или требовала?) слова... Это были — “футуристы”, так вещал прошуршавший по собравшимся на “вечер” шепот.

Но кто же? Было, помнится, нескольких их. Маяковский и некий Грищенко (художник?), остальные — тогда были мало известны, проשמели их имена позднее, ненадолго. Слово, разумеется, было дано, ибо никто и нигде на всяких литературных собраниях и диспутах футуристам говорить не мешал, а, наоборот, кое-где кричали “просим!”.

Прошло сорок с лишним лет и мало правдиво звучали бы мои воспоминания, если бы я вздумал точно повторять, что говорил тогда оглушающе Маяковский. Но твердо помню, что он как и другие с ним из группы начал с извинения: “Сапунова, мол, мы не знали, к вечеру его памяти никакого отношения не имеем, но... долой “Мир искусства”, долой маркиз, XVIII век, долой таких художников, как Бенуа, Сомов, да и Сапунов... Новое искусство это мы...” далее следовала в пересказе платформа “Пощечины”, а потом выпятился Грищенко — обругал ряд современных художников (досталось впрочем не только художникам из “Мира искусств”, но и другим, не позабыты им были и Суриков, и Репин, и Серов и передвижники, конечно). Грищенко предлагал современным художникам учиться живописи у русских иконописцев XI–XIII веков и даже показывал принесенные им какие-то репродукции с икон.

Обладавший исключительным тактом мудрый В. Я. Брюсов дал этому выступлению быстро пролететь, как дыму от фейерверочной ракеты. Никто никому не оппонировал, собрание рассосалось. Кто-то упрекнул выступавших: “глупо порочить память Сапунова!”

Но другой кто-то, хорошо знавший Сапунова, как остряка и “эпататора” буржуа, возразил: “полноте! если бы Сапунов был в публике, он аплодировал бы им, эта эскапада как раз в духе покойного» [12, с. 73–74].

14 февраля 1913 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Закрытое собрание.

«Предполагается участие действительных членов, Д.Г. Шварц и Э.А. Гизико».

Начало в 9 ½ ч. веч.

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 27 (И.С. Остроухову).

В отчете подтверждается участие Э.А. Гизико (скрипка) и сообщается, что присутствовало 30 человек. — *Отчет 12/13.*

21 февраля 1913 (четверг).

Пятнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Собрание, посвященное произведениям Валерия Брюсова, положенным на музыку. В музыкальном отделе участвовали: Е.Г. Озерская, Л.Н. Балановская, В.К. Гончарова, П.Ж. Доберт, Ф.Л. Халиевская, Н.З. Райский и Ф.Б. Павловский. В литературном отделении участвовали В.В. Барановская и В.И. Качалов; кроме того, В.Я. Брюсов прочел свое новое стихотворение.

Присутствовало 218 человек. — *Отчет 12/13.*

Сохранилась программа, вручавшаяся, очевидно, непосредственно на собрании:

«Отделение I.

1. Ф. Гартман. 4 стихотворения из Авсония. Исполнит Е.Г. Азерская.

2. Л. Яворский. “Дальше”. Исполнит В.К. Гончарова.

3. В. Ребиков. На комете, “И ночи и дни примелькались...”.

А. Гречанинов. Снежинки, Палочка-выручалочка. Исполнит П.Ж. Доберт.

4. С. Василенко. В склепе. Исполнит Н.З. Райский.

5. В. Ребиков. “Я помню вечер...”.

С. Василенко. Заклинание.

Р. Глиэр. Белый месяц (из Верлена). Исполнит Ф.Л. Халиевская.

Отделение II.

1. Ю. Энгель. Каменщик.

А. Гречанинов. Песня сборщиков.

Исполнит Ф.Б. Павловский.

2. Э. Купэр. “Огромный черный сон...” (из Верлена). Исполнит Л.Н. Балановская.

Стихотворения прочтут В.В. Барановская и В.И. Качалов

(РГБ. Ф. 386. Карт. 122. Ед. хр. 17. Л. 49).

Вероятно, к этому вечеру относится эпизод, о котором вспоминал С.В. Шервинский: «На одном из вечеров “Эстетики” произошел такой

случай: стихи Брюсова читал, кроме автора, Качалов. Брюсов сидел в зале, где-то посередине. Качалов читал по напечатанному тексту. Это были стихи “Sed non satiatius” (“Всё еще не сытый”) из сборника “Семь цветов радуги”. Замшевый голос Качалова подходил к концу первой строфы:

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Качалов не услышал, что, подчиняясь общему ритму стихотворения, слова “тайной” становится безударным. Он пошел по ямбическому следу и прочел:

Я — тайной муки страстной!

В это мгновение я почувствовал сзади у самого своего уха дыхание и отрывистый шепот “мэтра”:

— Пожалейте хоть Вы меня!..

Актерская слава плачевно столкнулась с поэтической» [30, с. 239–240].

7 марта 1913 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Закрытое собрание, посвященное обсуждению условий устраиваемых Обществом конкурсов.

Присутствовало 6 человек. — *Отчет 12/13.*

14 марта 1913 (четверг).

Семнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг.

Экстренное собрание, посвященное произведениям Брамса. Собрание состоялось в зале Общества Любителей художеств. Исполнители: П.Ж. Доберт, К.Н. Игумнов, В.И. Кубацкий, А.Я. Могилевский, В.И. Пакельман, Ю.Н. Померанцев и В.В. Эмме.

Присутствовало 144 человека. — *Отчет 12/13.*

21 марта 1913 (четверг).

Восемнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

В.Я. Брюсов прочел свои новые переводы стихов Эдгара По и ряд других переводных стихотворений.

Присутствовало 84 человека. — *Отчет 12/13.*

28 марта 1913 (четверг).

Девятнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Вечер, посвященный произведениям Г.Л. Катуара. Исполнители: А. Ян-Рубан, В. Кубацкий, Л. Конюс, А. Могилевский, В. Пакельман, В. Эмме.

Присутствовало 106 человек. — *Отчет 12/13.*

4 апреля 1913 (четверг)

Двадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Программа.

I.

1. Шотландская народная песня и ее гармонизация. Прочтет гр. С. Толстой.

2. Шотландские народные песни с фортепианным сопровождением гр. С. Толстого.

Исполнят А.М. Ян Рубан и Е.И. Арфина. Аккомпанирует автор.

II.

Будут прочтены баллады, доставленные на III конкурс О-ва.

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 65 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 746. Карт. 38. Ед. хр. 60. Л. 1 (М.О. Гершензону); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 11 (В.Я. Брюсову).

Условия конкурса баллад (итоги которому подводятся на этом заседании):

**«ТРЕТИЙ КОНКУРС ОБЩЕСТВА СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ
ОБЩЕСТВО СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС БАЛЛАД.**

Условия конкурса.

1. В конкурсе могут принять участие как члены, так и не члены Общества.

2. Каждому участнику конкурса предоставляется прислать не свыше одной баллады.

3. Баллады должны быть доставлены без подписи, но под девизом. Под тем же девизом, вместе с баллагою, должно быть доставлено закрытое письмо, содержащее в себе имя, отчество, фамилию и адрес автора.

4. “Баллада” разумеется здесь в том смысле, какой придавали и придают этому слову французские поэты. Желательно, чтобы баллада была написана в форме наиболее популярных баллад Франсуа Виллона.

Примечание 1. Большинство баллад Фр. Виллона написано восьмисложным стихом (которому по-русски соответствует четырехстопный ямб) в трех строфах, каждая из восьми стихов, с посылкой (envoi) из четырех стихов. Во всей балладе допускаются только три рифмы, расположение которых обычно следующее в каждой строфе — a b a b c b c, a в envoi —

b c b c или — a c a c. Последний стих каждой строфы и последний стих *envoi* должны быть совершенно тождественны.

Примечание 2. Допускаются на конкурс и более сложные формы баллады, напр., со строфами из 10 стихов каждая (при четырех рифмах) и с *envoi* в 5 стихов, с непременным условием, чтобы в балладе было не более трех строф и одной посылки.

5. Присланные баллады будут рассматриваться Комитетом Общества.

6. Общество ассигнует на выдачу премий за лучшие баллады 100 р., которые, по усмотрению Комитета, могут быть выданы одному лицу или распределены между несколькими (причем наименьший размер премии назначается в 25 р.).

7. Все премированные баллады будут прочитаны на очередном собрании Общества.

8. Авторам не премированных баллад предоставляется на выбор: или взять свои рукописи обратно (вместе с нераспечатанными конвертами, содержащими имя и адрес автора) или предоставить рукописи в распоряжение Комитета, который в таком случае имеет право прочитать присланные баллады (все или избранные) на очередном собрании Общества.

9. Рукописи должны быть доставлены на имя члена Комитета В.Я. Брюсова (Москва, 1 Мещанская, 32) не позже 15 марта с.г. После 21 марта авторам предоставляется в течение 5 дней получить обратно не премированные рукописи.

10. Конкурс будет считаться состоявшимся, если будет доставлено не менее 5 баллад»

(РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 9; опубл.: [2, с. 204–205]).

В отчете говорилось: «Были оглашены результаты III конкурса Общества, конкурса баллад. Были выданы присужденные Комитетом премии за 4 признанные лучшими баллады. Премии (25 руб.) получили: К.А. Липскеров, Н.Г. Львова, Е.А. Сырейщикова и С.В. Шервинский. Затем были прочитаны все доставленные на конкурс баллады (всего 22) и вне конкурса В.Я. Брюсовым. Присутствовало 127 человек» (*Отчет 12/13*). По экземпляру условий конкурса, сохранившемуся в архиве К.А. Липскерова (РГАЛИ. Ф. 1737. Оп. 1. Ед. хр. 329), известно название его победившей баллады: «Ветер повечерья».

25 апреля 1913 (четверг).

Двадцать первое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Н. Бернер прочел доклад «Весна или Осень в русской поэзии». Б. Лавренев прочел послесловие к докладу. После докладов состоялись прения, в которых участвовали: А.А. Альвинг, В.Я. Брюсов, П.Н. Зайцев, Малиновский, В.Г. Шершеневич и др.

Присутствовало 53 человека. — *Отчет 12/13.*

Стенограмма доклада напечатана: «Весна или Осень в русской поэзии?» // Киевская рампа. 1913. № 14, 9 июня. С. 4–6; редакция сообщила в примечании, что «на чтении присутствовали Валерий Брюсов и Арс. Альвинг (представители символизма), и эго-футуристы: Маяковский, Лавренев и Вадим Шершеневич». Ср. письмо В. Ходасевича к Б. Садовскому от 2 мая 1913 г.: «В четверг на Фоминой милый мальчик Бернер читал в эстетике реферат о грядущих судьбах и прочем. Вздор молот даже удивительный. Никак я не ожидал, что он такой глупеньш. Вал<ерий> Як<овлевич> оборвал ему уши. Он чуть не плакал (буквально) и в припадке отчаяния заявил, что “Брюсов вечно все подтасовывает”. Тот, кажется, даже не рассердился» [16, с. 15].

Ср. в воспоминаниях П.Н. Зайцева: «Весной 1913 года в Литературно-художественном кружке в Москве “Общество свободной эстетики” устроило диспут о новейших течениях в поэзии. Поэты-докладчики от имени новой поэтической школы (припоминаются только имена двух: Н. Бернера и Б. Лавренева, тогда еще поэта) громили символистов и манифестировали свое “кредо”. Председательствовал Валерий Брюсов. Облаченный, как в рыцарские доспехи, в свой черный сюртук и бесстрастно сложив руки на груди, он сидел в председательском кресле и самоотверженно принимал на себя удары юных громителей.

Когда доклады кончились, Брюсов объявил перерыв. Толпа слушателей хлынула в соседние залы, дамы, шурша шелками и атласами модных платьев, мужчины — гремя крахмалами пластронов...

Леопардовой легкой поступью заскользил вдоль этой пестрой и утонченной публики Брюсов. Он подходил то к одному, то к другому — записать оппонентов для прений.

— Вы будете выступать? — вежливо звучал его хрипловатый, клекочущий голос, и, черкнув карандашиком в книжку фамилию, он также легко скользил дальше. Вот он подошел к одной из дверей, приоткрыл ее и, заглянув, быстро закрыл и пошел дальше.

“Почему же он не вошел туда?” — задал я себе вопрос. И, признаюсь, какое-то смутное любопытство повлекло меня к этой двери. Что это за комната Синей Бороды? Я направился к двери и, открыв ее, вошел внутрь.

Зал, куда я попал, был полуосвещен и по контрасту с соседним казался пустынным. Только в центре его, в смугло-оранжевом сумраке, плотным кружком стояла кучка молодых людей, напоминавшая кружок молодых заговорщиков. Я подошел поближе. В центре круга, освещенный неполным светом люстры и возвышаясь на целую голову над окружающими, стоял молодой человек и читал стихи. Он погрохатывал юношеским баском, скандируя твердо, размеренно звучащие странные рифмы:

Угрюмый дождь скосил глаза
 А за
 Решеткой
 Четкой
 Железной мысли проводов —
 Перина...

Я тихо спросил у одного из слушателей:

— Кто это?

— Маяковский, — так же тихо ответили мне.

Молодой поэт прочитал и другие стихи. Лицо его мне тогда не запомнилось, но запомнился голос, фамилия и отдельные строки, образы и... рост.

И вся его полуосвященная фигура, и все окружающие совсем не напоминали мне обычную публику “Эстетики”: казалось, происходила какая-то импровизация, инсценировка в стиле комедии дель арте, что составляло резкий контраст с соседними залами, блиставшими ярким светом и заполнениями нарядами дам. И то, что молодой поэт возвышался над остальными, делало его похожим на вождя молодой фаланги единомышленников (хотя в те годы Маяковскому еще не исполнилось и двадцати лет).

Не от этой ли кучки молодежи отпрянул Брюсов, прикрыв за собой осторожно дверь?...» [5, с. 221–223].

7 мая 1913 (вторник).

Двадцать второе экстренное собрание сезона 1912–1913 г. — ЛХК.

Посвящено приезду К.Д. Бальмонта.

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестка: РГБ. Ф. 746. Карг. 38. Ед. хр. 60. Л. 2 (М.О. Гершензону).

Экстренное собрание в честь приезда К.Д. Бальмонта. Были сказаны приветствия К.Д. Бальмонту от Общества В.Я. Брюсовым, от о-ва Любителей Российской Словесности (по поручению председателя о-ва А.Е. Грузинского), от Литературно-художественного кружка И.И. Поповым, от книгоиздательства «Мусaget» В.Ф. Ахрамовичем, от книгоиздательства «Лирика» С.Н. Дурьлиным и др. К.Д. Бальмонтом были прочтены его новые стихотворения. Присутствовало 212 человек.

В заключение Обществом объявлен конкурс картин и рисунков на тему «Иосиф и жена Пентефрия».

Отчет 12/13.

В «Известиях Литературно-художественного кружка» писалось: «7 мая в большом зале Кружка происходило заседание Общества Свободной Эстетики, посвященное чествованию *К.Д. Бальмонта*, по случаю возвращения его в Россию. От имени Кружка на этом заседании приветствие К.Д. Бальмонту произнес И.И. Попов. К.Д. Бальмонт по просьбе Дирекции внес свою запись в “Золотую книгу” Кружка» (*ИЛХК*. 1913. Окт. С. 35).

Об этом собрании сохранились многочисленные свидетельства, благодаря случившемуся на нем скандалу; ср.: «Не обошлось и без футуриста. Выступил “сам” Маяковский, глава и вдохновитель московских футуристов» (*Б.п.* К.Д. Бальмонт у эстетов // Утро России. 1913. № 105, 8 мая. С. 4); «Некоторое замешательство в собрании вызывает выступление неофутуриста г. Маяковского, стяжавшего известность на диспутах “валетов”.

Г-н Маяковский начинает с того, что спрашивает г. Бальмонта, не удивляет ли его то, что все приветствия исходят от лиц, ему близко знакомых, или соратников по поэзии.

Г-н Маяковский приветствует поэта от имени его врагов:

— Когда вы, — говорит он, — начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью. В свое время и нам были близки ваши искания, ваши плавные, мерные, как качалки и турецкие диваны, стихи. Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых, бесплодных полях. Мы, молодежь, поэты будущего, не воспеваем всего этого. Наша лира звучит о днях современных. Мы слитны с жизнью. Вы входили по шатким, скрипящим ступеням на древние башни и смотрели отсюда в эмалевые дали. Но теперь в верхних этажах этих башен приютились конторы компаний швейных машин, в эмалевых далях совершаются “звездные” пробеги автомобилей» (*Б.п.* Чествование К.Д. Бальмонта // Русское слово. 1913. № 105, 8 мая. С. 6); «Зачем пришел на праздник г. Маяковский, и конечно, “не в брачных одеждах”, зачем счел, что и “враг”, как он сам себя аттестовал, должен быть на радостной встрече друзей, — я не умею вам сказать. Вероятно, и этот момент показался подходящим для “манифеста”. Должен отдать г. Маяковскому справедливость, — какой он поэт, я судить не берусь, но он — оратор. Говорить он умеет. И красиво, и выразительно. Его слушали и ему аплодировали, хотя вряд ли сочувствовали тому, что он говорил, да еще в такой неподходящий момент» (*Чужой* <Брусилковский И.К.?.>. На чествовании К.Д. Бальмонта // Современное слово. 1913. № 1915, 10 мая. С. 2); ср. также: [33, с. 32].

В этот же день И.Н. Розанов записывал в дневнике: «Вечер на Свободной Эстетике. Чествование возвратившегося после 7-летнего изгнания Бальмонта. Опоздал к началу. Бальмонт сам, его жена. Стихи Бальмонта и его манера чтения все те же, что и раньше. В публике здоровался с 1) Филатов 2) Ходасевич, 3) Охримович <так!>, 4) Илья Блох 5) Кожебаткин, 6) Каллаш,

7) Сулханова, 8) учительница от Ржевской Щербакова 9) бывшая ученица Ковальская. Среди футуристов бывшая ученица Михайлова. Была и Серпинская. Выступление Маяковского» [2, с. 207–208]; там же комментарий к поименованным лицам.

О выступлении Маяковского на этом вечере вспоминал К. Зелинский:

«Общество свободной эстетики» помещалось в особняке, находившемся на Большой Дмитровке наискосок направо против Столешникова переулка. Теперь, когда я прохожу мимо этого дома, где помещается Прокуратура СССР и который из двухэтажного превратился в четырехэтажный, я вспоминаю о том, как четыре с лишком десятилетия тому назад вместе с Шурой Метнером мы подымались по широкой лестнице, устланной ковром, среди ярких огней в зал на втором этаже. <...>

Бальмонта публика встретила шумной овацией. Ему долго аплодировали и не давали говорить. Поэт был поистине хорош в своем длиннополом сюртуке, с огромным белым махровым цветком в петлице. Его волосы, редкого по красоте цвета — действительно, темной бронзы, были откинута назад и падали волнами. Роста был Бальмонт невысокого и поэтому, вероятно, держался, закидывая голову назад, петушком, стремясь казаться выше. <...>

Председательствовал Валерий Брюсов. <...> Как бы подчеркивая свою объективность, он по очереди давал слово поэтам, представлявшим различные группы, адвокатам и меценатам. На столе и возле стола президиума уже образовался целый зимний сад из корзин цветов, которые были поднесены Бальмонту, когда поднялся Брюсов, в своем черном строгом сюртуке, и в спокойной, почти бесстрастной манере сказал:

— Слово предоставляется представителю футуристов господину Маяковскому.

Зал зашумел, и пока Маяковский пробирался к столу, шум и движение в зале не прекращались. Но скандала, которого, по-видимому, ждали, не случилось. Маяковский произнес речь, которая, видимо, была им заранее хорошо продумана; в ней не чувствовалось желаний произвести какой-то бум» и т.д. [6, с. 127, 128, 129]; ср. также: [27, с. 103].

Ср. в позднем интервью Р.О. Якобсона:

«Якобсон. И я был. Причем в Общество свободной эстетики запрещалось ходить ученикам средних учебных заведений. И я пошел в штатском туда. У меня не было штатского, я у кого-то занял. И там сидела в первом ряду Лиля с Осипом Максимовичем, который очень аплодировал Бальмонту и Брюсову. А затем... А затем встал... Это было одно из самых, я должен сказать, эффектных выступлений Маяковского, которое я только в жизни видел. Он встал, оперся так на стол и сказал (*имитирует голос и интонацию*): “Константин Дмитриевич, Вы слышали приветствия от Ваших друзей и почитателей, выслушайте приветствия и от Ваших

врагов”. И потом: “Когда-то Ваша поэзия казалась нам — под качалками, в усадьбах...” — и так далее, и так далее, все это он говорил. — “А теперь звучат новые стихи”. Он что-то такое прочел, кажется “Шумы города” свои, что-то такое из Хлебникова процитировал. И тогда встал Брюсов, *страшно рассерженный*, и говорит (*подражает*): “Мы собрались здесь, чтобы чествовать, а не ругать Константина Дмитриевича”. И тогда Бальмонт его несколько отстранил и прочел *чудесный* экспромт на то, что мы можем ссориться сколько угодно, но мы все уж братья по поэзии, мы оба в лазури. (*Смеются.*) И эти стихи он дал, между прочим, — этот автограф был у Маяковского» [25, с. 313].

Ср. в письме Ходасевича к Садовскому от 25 мая: «Бальмонт обходителен. Меня почтил, но, кажется, не поумнел. Стихи читал на своем “юбилее” просто ужасные. Поклонники кисли, я зевал во всю глотку» [16, с. 17–18]. Рюрик Ивнев позже вспоминал, что он был среди выступавших в этот день: «Тогда в Обществе свободной эстетики я читал свою оду, посвященную Бальмонту, стихи которого очаровывали меня» [7, с. 157–158]. Предварительные материалы к библиографии отзывов об эпизоде см.: [19, с. 134–137], [10, кн. 1, с. 533–535].

О судьбе объявленного конкурса сведений у нас нет (см., впрочем, *24 октября 1913*). Единственный известный след отклика на него — недатированное письмо В.А. Фаворского к жене: «<...> сегодня в газетах прочел немного взволновавшую меня новость, что Кружком свободной эстетики назначен конкурс, тема — “Жена Пентефрия и Прекрасный Иосиф”. Жюри: Грабарь, Сомов и т. п., срок 1 октября; конечно, едва ли буду делать — уж очень больно тема чудная. Но я художник, а всякий конкурс — вызов художнику всякому» [26, с. 116].

3 октября 1913 (четверг).

Годичное собрание членов общества. — ЛХК.

«Предметы занятий:

заслушание и утверждение Отчета за 1912–1913 операционный год.

выбор 6 членов Комитета и 3 кандидатов к ним на сезон 1913–1914 г.,

выбор 6 членов Ревизионной комиссии на сезон 1913–1914 г.,

доклад Комитета (прежнего состава) о его подготовительных работах в связи с деятельностью О-ва в 1913–1914 г.,

текущие дела».

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 9 (И.С. Остроухову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь.*

10 октября 1913 (четверг).

Первое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вячеслав Иванов прочтет доклад «Несколько мыслей о символическом искусстве».

Начало в 9 ½ час. вечера.

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 11 (И.С. Остроухову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь*.

В отчете сообщалось: «После доклада состоялись прения, в которых приняли участие В.Я. Брюсов, С.Н. Булгаков, К.Д. Бальмонт, Ф.А. Степун. Присутствовало 135 человек» (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 37 руб. 50 коп. (*Финотчет. 13/14*).

М.М. Замятнина, домоправительница Вяч. Иванова, записала в дневнике 4 октября: «<...> приехала к нам Иоанна Матвеевна Брюсова, просить Вячеслава прочесть реферат в Эстетике 10-го этого месяца, когда открытие в этом году сезона. Благо Вячеслав начал уже писать для “Трудов и дней” статью, кот<орую> и прочтет в виде реф<ерата>. Вяч. согласился» (РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 107об.–108). Она же 9-го фиксирует окончание работы над докладом: «Вячеслав доканчивает диктовать свой реферат для Эстетики, кот<орый> понемногу диктовал последние дни» (Там же. Л. 109). Речь идет о статье, которая позже получит название «О границах искусства» (впервые: Труды и дни. 1914. № 7. С. 81–106); ее Иванов начал диктовать Замятниной за день до визита И.М. Брюсовой (РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 107).

Вероятно, к этому выступлению Иванова относится недатированное письмо Г.Э. Тастевена к Г.И. Чулкову: «Вячеслав Иванов читал реферат в Эстетике в присутствии Бальмонта и Брюсова, которые отнеслись к чтению крайне отрицательно и отказались возражать. Однако В.И. сумел с бесподобным изяществом завязать беседу и всех посадить в калошу» (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 70. Л. 35–36об.).

17 октября 1913 (четверг).

Второе собрание сезона 1913–1914 гг.

Федор Степун прочтет доклад, озаглавленный: «О некоторых опасностях современной русской литературы».

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 10 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 4 (Вяч. Иванову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь*.

В отчете сообщалось: «После доклада состоялись прения, в которых участвовали А.К. Топорков, М.Ф. Ларионов, В.В. Маяковский, В.Г. Шершеневич. Присутствовало 118 человек» (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 38 руб. (*Финотчет. 13/14*).

24 октября 1913 (четверг).

Третье собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«К.Д. Бальмонт прочтет ряд стихов из своей новой книги “Белый Зодчий”».

Начало в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

«P.S. Комитет О-ва Свободной Эстетики объявляет, что срок доставки картин и рисунков на *второй конкурс* О-ва переносится на 1 февраля 1914 года» (вероятно, речь о конкурсе, объявленном 7 мая 1913).

Повестка: РГБ. Ф. 746. Карг. 38. Ед. хр. 60. Л. 3 (М.О. Гершензону). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь.*

К.Д. Бальмонт прочел ряд стихотворений из своей новой книги «Белый Зодчий». Присутствовало 185 человек (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 68 руб. (*Финотчет. 13/14*).

Сохранился газетный отчет:

«Вчера, в обществе свободной эстетики К.Д. Бальмонт прочитал несколько стихотворений из своей новой книги “Белый Зодчий”, которая на днях выходит из печати.

Кроме того, К.Д. Бальмонт прочитал еще семь малайских заговоров: заговор привлекающий, заговор о сердце, заговор к духу земли, заговор к теневому, заговор о ступне, заговор любовный и заговор о памяти.

В кратком вступлении поэт отметил странное сходство этих заговоров с заговорами русскими, которые К.Д. Бальмонт считает не менее замечательными, чем ассирийские.

Среди публики В.Я. Брюсов, художники П.В. Кузнецов, Сарьян, Леблан, М.Ф. Ларионов, окруженный своими верными футуристами и мечтающий о грядущих скандалах, еще более грандиозных, чем побоище в “Розовом фонаре”» (*Б.п. В «Эстетике» // Голос Москвы. 1913. № 246, 25 окт. С. 5; «Розовый фонарь» — московское кабаре, открытие которого сопровождалось гомерическим скандалом*).

Возможно, к этому вечеру относится следующий эпизод: «Помню вечер в “Свободной эстетике” (общество, объединявшее или пытавшееся объединить левых деятелей искусства). В порядке дня чтение Бальмонтом новых стихов. Присутствовали почти все наличные в Москве поэты, кроме Брюсова, с которым Бальмонт несколько дней назад повздорил. Бальмонт опаздывает, как почти всегда. Наконец он появляется, надменный, с орхидеей в петлице, держа вперед свою бородку, он “восходит” по лестнице Литературного кружка. Его встречает председатель “Свободной эстетики” милейший доктор Иван Иванович Трояновский... Он начинает говорить ему

приветствие. Бальмонт высокомерно, с видом “царя от поэзии” его перебивает: “Кто вы такой?” Смущенный Трояновский пробормотал: “Я... доктор” (Бальмонт прекрасно знал, кто такой Трояновский.) “Меня должен встречать не доктор, а поэт”, — с вескостью отчеканивает Бальмонт и восходит далее, не удостоив выслушать приветствия. Сущность была в том, что он ожидал, что его встретит Брюсов, а тот не явился, получилось дипломатическое осложнение» [20, с. 134] (впрочем, согласно приведенному выше отчету, Брюсов на вечере все-таки присутствовал).

31 октября 1913 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«Вечер посвящается произведениям К.Д. Бальмонта, положенным на музыку. Участвуют: Л.Н. Балановская, Ф.С. Вахман, В.К. Гончарова, П.Ж. Доберт, Ф.Б. Павловский, Н.Г. Райский, Ф.Л. Халиевская».

Начало в 10 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 1 руб.

В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей.

«P.S. Комитет О-ва Свободной эстетики объявляет, что срок доставки картин и *рисунков* на второй конкурс О-ва переносится на 1 февраля 1914 г.».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 2. Л. 16 (Вяч. Иванову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь.*

Согласно отчету, в вечере участвовали все, кто был заявлен в повестке. Присутствовало 163 человека (*Отчет 13/14*). См. также: *ИЛХК. 1914. Янв.* Выручено от продажи входных билетов 110 руб. 35 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов — «за автомобиль для артистов» (2 р. 50 коп.), «артистам» (50 руб.), «ужин артистов» (15 руб. 50 коп.).

Известен подробный газетный отчет:

«Вчера <! — надо: позавчера> состоялся музыкальный вечер из романсов, написанных на тексты стихотворений Бальмонта, устроенный обществом “Свободной эстетики”. <...> Исполнены были романсы Эмилия Купера — очень музыкальные, хотя не блещущие оригинальностью замысла, но тонкие по настроению и стилю; романсы Яворского, Глиера, Рахманинова, Александра Крейна. В исполнении принимали участие отличные артисты, в том числе Балановская, Райский, Вахман, Доберт. Вечер начался очень поздно, в половине двенадцатого, ибо ожидали Бальмонта, который должен был явиться со своей лекции. Все исполненные романсы имели большой успех. По желанию Бальмонта был повторен особенно понравившийся ему романс А. Крейна — “У моря ночью”.

По окончании музыкального отделения состоялся ужин, во время которого Бальмонт и Брюсов прочитали несколько своих новых стихотворений.

Настроение вечера было несколько испорчено очередным выступлением “футуристов”. Г. Маяковский в грубой форме объявил об отсталости бальмонтовского творчества. Остановленный в резкой форме В. Брюсовым, он покинул помещение» (*Б.л.* Бальмонтовский вечер // *Голос Москвы*. 1913. № 253, 2 нояб. С. 5).

Ср.: «“Рыжий русской литературы”, футурист г. Маяковский (как известно, сам принявший такое имя) третьего дня произвел новый скандал — на этот раз в обществе свободной эстетики.

В этот вечер в о-ве свободной эстетики выступали артисты Императорских театров, К. Д. Бальмонт и В. Брюсов.

В качестве гостей пришли, конечно, и эго-футуристы: Ларионов, Большаков, Маяковский и Бурлюк.

Во время банкета, когда произносились различные тосты о “единении”, неожиданно “выступил” в желтой рубашке г. Маяковский.

Содержание “пасквиля” г. Маяковского на этот раз было такое:

— Общество свободной эстетики, мол, потому свободное, что в нем свободно только... своим...

Футуристу дал отповедь г. Брюсов, указавший на то, что гостям надлежит себя держать в гостях... прилично.

Г. Маяковский обиделся и отрезал:

— Тогда до свидания! Я ухожу.

— Кто сказал до свидания? — спросил один из присутствовавших.

— Известный поэт Маяковский! — ответил, уходя, г. Маяковский.

— Мы такого не знаем в России! — заметил г. Брюсов.

Инцидент на этом и закончился, хотя от футуристов ожидали большего» (*Б.л.* Выступление «рыжего» // *Раннее утро*. 1913. № 253, 2 нояб. С. 4). А.В. Крусанов датирует этот вечер 1 ноября: [10, кн. 2, с. 76–77].

7 ноября 1913 (четверг).

Заседание правления.

ИЛХК. 1914. Янв. В финансовом отчете значится «чай для членов комитета» (2 руб. 45 коп.) (*Финотчет*. 13/14).

14 ноября 1913 (четверг).

Пятое (закрытое) собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«Валерий Брюсов прочтет цикл своих новых стихотворений из книги “Сны человечества” — лирические отражения жизни всех народов и всех времен».

Начало в 9 ½ часов веч.

«Вход имеют исключительно гг. Члены О-ва. — Гости могут быть допущены только по именным приглашениям, подписанным одним из членов

Комитета О-ва. Такие приглашения должны быть получены заблаговременно и при входе на собрание не выдаются».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 18 (Вяч. Иванову). Черновик повестки рукой В.Я. Брюсова: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 22.

В отчете сообщалось, что присутствовало 96 человек.

Отчет 13/14; см. также: *ИЛХК. 1914. Янв.* Выручено от продажи входных билетов 44 руб. 50 коп. (*Финотчет. 13/14*).

В газетном отчете писалось: «Основная идея “Снов человечества” — отображение лирики всех времен и народов, от наивной поэзии первобытных племен до утонченных претворений сложных переживаний человеческой души наших дней <...>»

Размеры “Снов человечества”, конечно, колоссальны, — в этот цикл войдет не менее 3000 стихотворений.

— Здание, воздвигаемое мною, — говорил Брюсов во вступительном <слове> перед чтением “Снов человечества”, — так велико, что я не знаю, успею ли я его достроить.

Сначала поэт хотел осуществить свою мысль, дав отдельные переводы наиболее типичных для каждой эпохи авторов.

Но затем изменил это намерение. Исходя из тех соображений, что в каждом поэте индивидуальность превалирует над временем, и стремясь дать полную картину переживаний не отдельных личностей, но всего человечества, Брюсов отказался от переводов, решил передать лирику всех времен в своем собственном претворении.

Что же касается языка “Снов человечества”, то в этом отношении целью автора, по его собственным словам, было показать, как выразил бы свои чувства тот или иной поэт, если бы он писал на языке Пушкина и наших прозаиков-классиков» (*Б.л. «Сны человечества» // Русское слово. 1913. № 265, 16 нояб. С. 7*).

25 ноября 1913 (понедельник).

Шестое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вечер Клода Дебюсси. Программа:

«I отделение.

Premier quatour op. 10.

1. Animé et très décidé.

2. Assez vif et bien rythmé.

3. Andantino. Doucement et expressif.

4. Très modéré. Très mouvementé et avec passion. Très animé.

Исп. А. Могилевский, В. Паксльман, В. Эмме, В. Кубацкий.

II отделение.

1. Récit. et air de Lia extrait de «l'enfant prodigue»

Les cloches.
 Mandoline.
 Исп. В. Философова.
 2. Reflets dans l'eau.
 Hommage a Romeau.
 Poisson d'or.
 Pagodes.
 La soirée dans Grenade.
 Jardins sous la pluie.
 Ondine.
 La serenade interrompue.
 L'isle joyeuse.
 Исп. Е. Бекман-Щербина».

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 66 (Б.А. Садовскому).
 К вечеру были отпечатаны особые билеты, в т.ч. «почетные»:

«Почетный билет
 чествование Клода Дебюсси
 25 ноября 1913.

Помещение Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка,
 д. Востряковых)
 Начало в 10 ½ час. веч.»

(РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1; отправлен И.С. Остроухову).

Позже, впрочем, время пришлось скорректировать: 21 ноября было разослано дополнительное извещение: «Комитет Общества Свободной Эстетики извещает Вас, что начало концерта и чествования Клода Дебюсси в понедельник 25 ноября переносится на 8 час. вечера, к каковому времени покорнейше просит Вас прибыть (Помещение Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, дом Востряковых))» (РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 26 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 22 (Вяч. Иванову)).

Известен другой вариант повестки, с подзаголовком «Шестое экстренное собрание сезона 1913–1914 г.», без подробной программы, лишь с упоминанием исполнителей (концертное отделение из произведений Кл. Дебюсси (исполнители: Е.А. Бекман-Щербина, В.Д. Философова и квартет Александра Могилевского)), с отдельным пунктом «Принесение приветов от разных учреждений и обществ» и постскриптумами.

Начало в 9 ½ часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 1 руб.

По окончании чествования предполагается подписной ужин, по 5 руб. с персоны. Подписка на ужин принимается в Литературно-Художественном Кружке от 7 до 12 час. вечера до 23 ноября включительно.

«P.S. Комитет О-ва Свободной эстетики объявляет, что срок доставки картин и рисунков на второй конкурс О-ва переносится на 1 февраля 1914 г.» (РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 23 (Вяч. Иванову)).

В отчете говорилось: «Были исполнены сочинения К. Дебюсси квартетом Могилевского и др., принесены приветствия от многих организаций, музыкальных и литературных. После чествования состоялся подписной ужин. Присутствовало 250 человек» (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 194 руб. 40 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов — «уплачено за пользование помещением» (125 руб.), «артистам» (100 руб.)

ИЛХК. 1914. Янв.

Известен газетный репортаж: «Вчера в Литературно-художественном кружке общество свободной эстетики чествовало нашего знаменитого гостя Клода Дебюсси. Публика почти наполнила большой театральный зал.

Композитор при входе был встречен представителями “эстетов”, поднесшими ему букет алых роз, и директорами кружка, которые усадили его в первом ряду кресел.

У молодого мэтра замечательно характерная голова, южного типа, с очень выпуклым лбом и черной, курчавой бородой. Смотрит исподлобья и как будто дичится расточаемых ему оваций.

Со сцены произносятся ряд приветствий от различных московских организаций. Дефилируют представители общества камерной музыки, оперы Зимина, народной консерватории, французской колонии, Свободного театра, Литературно-художественного кружка и др. Многие подносят подарки и папки с адресами.

Дебюсси, решительно отказавшийся войти на сцену, каждый раз тянется через рампу и пожимает руки ораторов.

По окончании приветствий начинается концертное отделение, составленное исключительно из произведений г. Дебюсси.

Гг. Могилевский, Пиксельман, Эмме и Кубацкий исполняют струнный квартет, г-жа Философова поет два романса, г-жа Бекман-Щербина играет девять пьес на рояле...

По окончании концерта, когда директора кружка увели дорогого гостя в свой кабинет и просили внести автограф в золотую книгу, Дебюсси упал в кресло и воскликнул:

— Ma foi, je n'ai jamais entendu autant de musique à la foi!...

Так можно человека замучить музыкой!

Однако внес в книгу нотную строку и свою подпись.

Около 11-ти часов начался подписной ужин в одном из зал кружка, во время которого было произнесено немало теплых слов по адресу г. Дебюсси.

На концерте среди публики присутствовали редкие в Москве гости — Т.П. Карсавина и С.П. Дягилев» (*С.С. Мамонтов*. Чествование Дебюсси // Русское слово. 1913. № 272, 26 нояб. С. 8).

5 декабря 1913 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Эм. Верхарн прочел отрывки из книги «*La multiple splendeur*». Присутствовало 162 человека.

ИЛХК. 1914. Янв; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 128 руб. 20 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов: «уплачено Верхарну за лекцию» (100 руб.), «ужин в честь Верхарна» (6 р. 55 коп.). Здесь же значится «Уплочено г. Жилиеву за аккомпан.» (15 руб.), но неизвестно, сопровождал ли он игрой лекцию или это долг, получившийся от одного из прошлых собраний.

Доклад в «Свободной эстетике» планировался еще при первых обсуждениях российского вояжа Верхарна. 3/16 октября Брюсов писал ему: «Лекции могут состояться в начале декабря старого стиля, то есть в середине того же месяца по новому стилю. Например, 2/15 декабря — в “Alliance”, 3/16 — в “Кружке” и 5/18 — в “Свободной эстетике”. Желательно, чтобы вы прочли две различных лекции: одну для “Alliance”, а другую для “Кружка”, поскольку “Alliance” претендует на “премьеру”, а в “Кружке” повторные выступления не приняты. Но, если это для вас затруднительно, можно устроить и как-нибудь иначе: например, вы могли бы изменить лишь названия лекций, вступление и заключение, сохраняя содержание; или привести различные примеры (цитаты) в “Alliance” и в “Кружке”. Что касается “Свободной эстетики”, являющейся закрытым обществом, то там будут благодарны за все, что вы захотели бы им предложить: стихи, беседу и т. д. Так или иначе лекция в “Кружке” закрепляется за одним из вторников, в “Свободной эстетике” — за четвергом, а вечер в “Alliance” — за одним из двух предшествующих вечеров» [15, с. 617] (оригинал по-французски. Здесь же назван гонорар, предлагаемый «Эстетикой» — 100 рублей).

5 декабря 1913 г. В.Ф. Ахрамович писал Н.П. Киселеву: «Вечером буду в эстетике на Верхарне» (РГБ. Ф. 128/III. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6; датируется по помете получателя).

Сохранилась рукопись приветствия Верхарну, прочитанного А.А. Андреевой на этом вечере (РГАЛИ. Ф. 2110. Оп. 1. Ед. хр. 1).

П.Н. Зайцев вспоминал: «В том же году Брюсов пригласил в Москву Эмиля Верхарна, знаменитого бельгийского поэта. Верхарну был оказан очень теплый прием. Он также в переполненном зале кружка читал свои стихи. А для беседы с ним Брюсов подготовил такой “букет” собеседников, что Верхарн даже, кажется, чуть растерялся и после, не скрывая своего удивления, задал Брюсову не лишенный наивности вопрос:

— Неужели у вас, в России, все писатели обладают такой высокой культурой?» [5, с. 202].

Больше года спустя Е.Л. Бернштейн (более известный под псевдонимом «Янтарев») вспоминал в газетном очерке: «Не хочется сказать, что когда гремят пушки — молчат музы, но на самом деле литературная жизнь в этом году проявляется слабо. <...> Собрания общества свободной эстетики — яркий показатель литературного затишья.

А в прошлом году, когда в “Эстетике” же выступали Верхарн и Бальмонт, было тесно в большом зрительном зале Литературно-художественного кружка. Какой уж тут чистый эстетизм, когда даже самый “старший эстет”, душа и вдохновитель общества свободной эстетики Валерий Брюсов на войне и являет собой пример неутомимого военного корреспондента» (*Янт* <Бернштейн Е.Л.> В литературном мире // *Голос Москвы*. 1915. № 39, 17 февр. С. 5).

19 декабря 1913 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Б.А. Садовской, С.Я. Рубанович и В.Ф. Ходасевич прочтут свои новые стихи.

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 67 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 2. Л. 30 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 76 человек. — *ИЛХК*. 1914. *Янв*; *Отчет 13/14*.

1914

16 января 1914 (четверг).

Девятое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«А.Я. Тугенхольд делает доклад о творчестве Пабло Пикассо».

Начало в 10 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 3. Л. 3 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 49 человек. — *ИЛХК*. 1914. *Март*; *Отчет 13/14*.
Выручено от продажи входных билетов 13 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 13/14).

30 января 1914 (четверг).

Десятое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

И. Добровейн и Л. Сабанеев исполнили свои произведения. Присутствовало 88 человек.

ИЛХК. 1914. Март; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 24 руб. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов — «прокат инструментов» (15 руб.), «уплачено Л.Л. Сабанееву» (25 руб.), «уплачено И.Д. Добровейну» (25 руб.).

В недатированном (середина января 1914 г.) письме Ан.Н. Чеботаревская писала Брюсову: «Мы будем в М<оск>ве с 23 янв. на неск. дней. Не получая от кружка извещения, Ф.К. <Сологуб> решил новой лекции не готовить; если бы Вы хотели послушать его новые стихи, то он может прочесть в Эстетике 24, 25 и 29 <...> но кажется — это не четверги, а четверги 23 и 30 — он занят, т.ч. вероятно ничего не выйдет» (РГБ. Ф. 386. Карт. 107. Ед. хр. 30. Л. 1). Предложение это принято не было.

6 февраля 1914 (четверг). (ОТМЕНЕНО)

Доклад Ф.Т. Маринетти «О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи».

Сохранилось печатное извещение об отмене вечера 6 числа: «Комитет О-ва Свободной Эстетики извещает Вас, М. Г., что в виду неприезда Ф.Т. Маринетти, вечер 6-го февраля отменяется» (РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 3 (Вяч. Иванову. Доставлялось курьерами; на экземпляре штемпели: «Срочно» и «Доставил "Гонец"»).

Еще за некоторое время до приглашения именитого лектора И.И. Трояновский спрашивал у Брюсова в недатированном письме: «Хотелось бы знать Ваше мнение, можно ли допустить Маринетти — выступать в Эстетике? Хотелось бы знать, можно ли допустить при этом прения, а главное, — если да, то не пришли ли бы Вы и сами сказать свое веское слово. Надо же наконец Вам коснуться жизни, дела, радости, а не забивать себя в темную яму безволия и удовлетворения лишь примитивных своих влечений, — в яму, из которой не выбиться потом и самому большому человеку» (РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 23; под примитивными влечениями подразумевается морфинизм Брюсова, который Трояновский регулярно порицал в письмах, предлагая консультации коллег-врачей).

13 февраля 1914 (четверг).

Одиннадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Доклад Ф.Т. Маринетти «О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи». Собрание первоначально было назначено на 6 февраля, но перенесено. После доклада состоялись прения, в которых приняли участие А. Виленкин и И. Зданевич. Присутствовали 151 человек.

ИЛХК. 1914. Март; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 71 руб. 55 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов: «автомобиль для Маринетти» (1 руб. 60 коп.), «чай для артистов» (90 коп.).

Первоначально был назначен на 6 число (см.: *6 февраля 1914*). Предполагалось, что оппонентом Маринетти будет Вяч. Иванов: «В четверг Маринетти выступит в “Обществе Свободной эстетики”, где прочтет доклад на тему “Футуризм и искусство”. Оппонентом выступит Вяч. Иванов» (Ночь. 1914. № 25, 12 февр. С. 3). По неизвестной причине Иванов этим приглашением манкировал.

В день доклада в газетах было помещено сообщение: «Предполагавшееся на прошлой неделе и не состоявшееся вследствие неприезда Маринетти собрание “Свободной эстетики” на тему о футуризме назначено на сегодня. Ф.-Т. Маринетти сделает доклад “О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи”. Затем Я.А. Тугенхольд сделает доклад “О футуризме Маринетти”. После докладов ожидаются горячие дебаты, в которых примут участие и некоторые из русских представителей футуристического движения, как известно, далеко не с сочувствием относящихся ко взглядам, проводимых в его московских лекциях главой итальянского футуризма» (Б.п. О футуризме // Русские ведомости. 1914. № 36, 13 февр. С. 6).

На следующий день в «Русском слове» писали:

«В Литературно-художественном кружке, на собрании всегда чинной, спокойной, культурной “Свободной эстетики” вчера произошел “инцидент”.

Читал доклад Маринетти. Пересказывал уже много раз изложенные в своих манифестах и лекциях идеи.

После доклада начались прения на французском языке.

Чтобы гость-докладчик понимал.

Первый оратор, г. Виленкин подверг подробной критике принципы футуризма, утверждая, что на самом деле это “последнее слово культуры” предвосхищено уже... египетскими иероглифами.

Во время речи г. Виленкина итальянский темперамент Маринетти сказался очень ярко.

Сначала он пожимал плечами, делал недоуменное лицо, разводил руками, наконец, начал перебивать оратора, произносить в паузах речи г. Виленкина страстные тирады и т.п., — вообще по всем пунктам нарушал священный кодекс “парламентаризма”.

После речи г. Виленкина неожиданно выступили московские футуристы, гг. Маяковский, Бурлюк и Зданевич, потребовав попутно разрешения говорить по-русски.

Председатель г. Гиршман заявляет, что этого он не может допустить.

— Отчего же? — протестует г. Бурлюк. — Здесь все понимают оба языка.

— Нет, не все, — отвечает голос из публики. — Маринетти не понимает по-русски, а вы, Бурлюк, — по-французски.

Г. Зданевич подчиняется — и приветствует Маринетти по-французски.

— Ваше присутствие поддержит нас в борьбе с этим стадом идиотов и дураков, — говорит он, показывая на весело смеющуюся публику.

Его моментально лишают слова.

Маринетти благодарит русских футуристов, подчеркивая свою полную с ними, в особенности с г-жой Гончаровой и г. Ларионовым, солидарность.

После этой речи московские футуристы опять начинают добиваться “равноправия языков”.

Им отказывают.

Тогда г. Маяковский провозглашает:

— В “Свободной эстетике” свободен лишь выбор кушаний по карточке, ибо здесь на русский футуризм надели намордник.

Г. Гиришман поднимается и спокойно произносит:

— После таких замечаний мне остается только закрыть собрание, что я и делаю.

Футуристы, несмотря на протесты представителей общества свободной эстетики, приступают было к выборам своего председателя, чтобы продолжать дебаты, так сказать, “явочным порядком”, но в этот момент кто-то объявляет, что в главном зале кружка поносят футуристов и все бросаются туда» (*Б.н.* «Инциденты» в кружке // Русское слово. 1914. № 37, 14 февр. С. 5).

Хроникер «Московской газеты» сообщал: «Внешняя картина была такова: на стене висели два больших портрета — Байрона и Шекспира. Под Шекспиром стоял Бурлюк в сюртуке синодального певчего и с лорнетом, лицо его было расписано черной тушью: на левой щеке изображение верблюда работы Сарьяна, а на правой — какие-то неведомые каббалистические знаки, похожие на мокрицу.

А под Байроном высилась здоровенная фигура Маяковского, без всяких украшений на лице, но в ярко-красном смокинге, с черными реверами — совсем скрипач из румынского оркестра.

Посредине между двумя московскими футуристами стоял и распинался за свои идеи Маринетти, обливаясь седьмым потом, то и дело потирая платком свою типично итальянскую лысину. Крахмальный воротник его совсем вымок и превратился в вялую, полинялую тряпку.

Поодаль от Маринетти стоял маленький Зданевич, автор известной декларации о том, что американский башмак прекраснее Венеры Милосской. Апологет ботинка и сам несколько похож на продавца из обувного магазина. Но, чтобы показать свою принадлежность к цеху футуристов, Зданевич размазал чернилами свой стоячий воротник и нарисовал на нем какие-то буквы и иероглифы.

По другую сторону Маринетти, в полной боевой готовности к прениям стоял Шершеневич, с чистым лицом, в приличном воротнике и в корректном костюме.

За столом президиума сидели два председателя: один — г. Гиршман — давал словесные распоряжения, а другой — г. Вайнштейн, звонил в колокольчик и призывал футуристов к порядку.

Публика — самая пестрая: вот группа московских меценатов, маленькие Медичи и Строщи — гг. Носовы, Гиршманы, вот небольшая армянская компания — сверкающий зрачками и бриллиантами, спортсмен Манташев, художники Сарьян и Якулов, создавший “Общество искусств” — Коротков, чета Дживелеговых; босоножки с искривленными позвоночниками, дирижер Померанцев, юбиляр “Грифа” — Соколов, художница Толстая, беллетрист Кожевников, пианист Барабейчик, поэт Рубанович, адвокат Виленкин, много доморощенных поэтов, художников, музыкантов, скучающие дамы, англазированные эстеты из банкирских контор, и снобы, снобы, снобы.

Вся эта толпа, задыхающаяся от тесноты и духоты в небольшой комнате с низким потолком, затаив дыхание, слушала словесную пальбу маленького пророка из Турина. А Маринетти, захлебываясь в пенистых водах собственного красноречия, выпаливал по тысяче слов в минуту, как добрая митральеза.

Он говорил совсем так, как на перекрестках Парижа ораторствуют продавцы усовершенствованных зажигалок и патентованных манжет, с тем же раздражением и запальчивостью, которые удивляют приезжих иностранцев. <...>

Виленкин на прекрасном французском языке пытается отвечать Маринетти, но вулканический темперамент итальянца, взрощенный у подножия Везувия, не может мириться с медленной, размеренной речью оппонента, и оратор, не желая слушать никаких возражений, перебивает его на полуслове и заливает его целым потоком огненных и яростных фраз; и бедному Виленкину, едва ли не самому боевому москвичу, диспутирующему на лекциях и блистающему на маскарадах, приходится пасовать перед пламенным итальянцем.

Пользуясь минутным замешательством, у стола появляется Зданевич и читает манифест на французском языке, но написанный теми “комнатными” словами, какими объяснялась за границей лейкинская купчиха.

Манифест сообщает, что группа московских футуристов расписывается в солидарности с Маринетти и считает его своим прекрасным вождем. Маринетти дружески пожимает руку Зданевичу и тем санкционирует под свое покровительство русских единомышленников.

Но Зданевич говорил не за всех, а только за часть московских будущников, за спиною Маринетти стоят его здешние противники — непримиримые

враги: Бурлюк с лорнетом и Маяковский в багровом одеянии. Они хотят говорить, но заправила “Свободной эстетики” не дает им слова по-русски, предлагая возражать по-французски.

Но где им, бедным отечественным “будетлянам” владеть речью Корнеля и Расина, когда Бурлюк усваивал премудрость в черниговской бурсе, а Маяковский исчерпал учебу в трех классах кутаисской гимназии.

Маринетти, видя, что поле сражения пусто, и что на противников его наложена печать молчания, чувствует свое полное торжество победителя и произносит последнюю речь о русском футуризме и называет его — не футуризмом, а соважизмом, дикарством, а его адептов не футуристами, а соважистами, не будущниками, а первобытниками.

Так закончилась последняя речь Маринетти в Москве, такими вышли в “Свободной эстетике” проводы не очень любезного итальянского гостя» (*Фальстаф* <Кара-Мурза С.Г.>. *Соважисты* // *Московская газета*. 1914. № 300, 17 февр. С. 2).

Совсем иначе описывает дискуссию корреспондент «Русских ведомостей»:

«Вчера разыгралась футуристская битва в “Обществе свободной эстетики” — бой в честь отъезжающего Маринетти.

Сначала было даже немного скучно. Маринетти говорил спустя рукава, “о том, о сем, а больше ни о чем”, просто, чтобы сделать приятное любезным хозяевам.

Когда он кончил, один молодой человек предпринял попытку выведать у Маринетти, что ценного в футуризме.

Сначала во время речи противника Маринетти высказывал некоторые признаки возбуждения и, наконец, оборвал речь оппонента и стал сыпать филиппиками.

— Такая гениальная вещь, как “Мыслитель” Родена... — говорил молодой человек.

— Роден это ничтожество, полное, окончательное и бесповоротное “пассеистское” ничтожество, — перебывает, энергично потрясая руками, Маринетти. — Ничтожество Роден, разве лишь его “Бальзак”, но куда Родену до творений моего друга Карра и моего друга Боччони.

В спор вмешиваются русские футуристы, они хлопают, кричат, пытаются прочесть какой-то адрес Маринетти, где разом говорят вождю итальянского футуризма “да и нет”.

А Маринетти подливает масла в огонь. Он пользуется моментами затишья, чтобы критиковать русский футуризм. Одних русских футуристов он не принимает, ибо они пессимистичны, других — ибо они романтичны, третьих — ибо они археологичны, и лишь малая часть, по словам Маринет-

ти, — истинные футуристы; это — “мой друг Ларионов, мой друг Гончарова и мой друг Зданевич”.

Отвергнутые футуристические толки бросились на Маринетти и друг на друга и на публику; Маринетти — на русских футуристов и на публику, публика — на Маринетти и на русских футуристов.

Кто-то хочет кого-то успокоить, кто-то требует слова, кто-то объявляет заседание закрытым» (*Б.п.* Футуристская битва в «Эстетике» // Русские ведомости. 1914. № 37, 14 февра. С. 5).

Ср. в воспоминаниях Н. Асеева: «Тогда мы пробрались в “Общество свободной эстетики”, помещавшееся в здании тогдашнего “Литературного кружка”, на тогдашней Большой Дмитровке, теперешней Пушкинской улице. Туда мы пробились уже с более решительными намерениями — забросать Маринетти гнилой картошкой. Но этого не потребовалось, так как выступление этого зарубежного гостя и без нашего вмешательства обернулось громким скандалом. На предложение председателя собрания вести прения по докладу на французском языке, из-за непонимания лектором русского, сразу восстал появившийся неожиданно Маяковский, который напомнил присутствующим о гоголевских “кружевах холопства на баранах гостеприимства”, подразумевая собравшихся восхищенных членов “Свободной эстетики”.

Нужно представить себе это собрание тогдашнего цвета московских воротил в области эстетики, меценатов и покровителей искусств, видных юристов, модных докторов, адвокатов, артистов, писателей, художников, музыкантов. Нужно представить себе ту атмосферу чинного, исполненного самоуважения собрания, чтобы понять всю дерзость выпада Маяковского против изящно-утонченного общества. Вообразите себе серые, сукном затянутые стены уютного зала, увешанные портретами кисти Серова; портретами, оригиналы которых находились здесь же, в зале; вообразите мягкий полусвет вделанных в стены торшеров, концертный рояль Бехштейна, казалось еще хранивший на клавишах прикосновение пальцев не раз игравшего здесь Скрябина; приглушенные голоса, запах тонких духов... И вот в этом святилище искусств и собрании их ценителей раздался зычный молодой бас, протестующий против преклонения пред привезенным из-за границы гроссмейстером грабежа и насилия.

— Какой вы футурист? — гневно гремел на всё помещение “Эстетики” молодой Маяковский. — Вы просто турист, коммивояжер войны и грабежа! Пускай вам переведут это, если вы не понимаете по-русски!

Устроители собрания, услышав такие неподходящие для них речи, спешно объявили о закрытии собрания, предложив покинуть его “всем, не имеющим отношения к обществу”.

Маяковский выкрикнул последние свои слова о том, что “Свободная эстетика”, очевидно, разрешает только свободный выбор кушаний, как вдруг за спиной председателя выросла фигура, чуть ли не вспрыгнувшая на шкаф, подтянувшись на мускулах. Во всяком случае, фигура эта вдруг оказалась выше всех, над головами поднявшихся с мест членов “Эстетики”.

— Я целиком присоединяюсь к русским юношам, протестующим против офранцузиванья прений! Я целиком на стороне их, не мирящихся с этим “званным вечером с итальянцами”! Если эти ребята называют себя футуристами, то я тоже — футурист! Именно они напомнили собранию, что, приехав в чужую страну, надо уважать ее язык, а не торговать залежалым товаром “Мафарки-футуриста”! Я приветствую эту молодежь, отказывающуюся принимать чужую пулеметную трескотню за последнее слово искусства! Это было громом с ясного неба. Произнесший эту гневную отповедь, неожиданно поддержавшую выступление “неотесанного ломовика” от искусства, как тогда именовался в этих кругах Маяковский, был человеком общества, которое не могло отказать ему ни в таланте, ни в наследственной культуре. Это особенно уважалось московскими меценатами. Собрание было огорошено. Это был входивший тогда в моду Алексей Толстой. Конечно, его горячее выступление было потом объяснено как эксцентричность. Но я запомнил его крупные черты лица, вытянутые в крике губы, часто моргающие, как бы в недоумении от происходящего, глаза, в кружок подстриженные волосы. Запомнил надолго» [1, с. 250–251].

Ср.: «Он <Брюсов> пригласил зачинателя европейского футуризма итальянского поэта Маринетти в Москву и предоставил ему в кружке трибуну для его декларации о новой школе и для чтения его стихов и подготовил оппонентов для диспута. Подобно многим европейским гостям, Маринетти полагал, что он едет открывать новую Америку этим непросвещенным москвичам — “московитам”. Да и сам он, трехнедельный удалец, не думал ли завоевать литературную Москву? В переполненном зале кружка он встретился со слушателями, не менее просвещенными, чем он сам. Энергичный отпор ему дали представители родственной ему школы, московские кубофутуристы» [5, с. 201].

Ср.: «От русских футуристов на вечере в “Эстетике” выступал Ларионов. Ни Маринетти, ни он языка содокладчика не знали, между ними стоял переводчик. Маринетти, закинув великолепную “опроборенную” голову с темно-золотыми глазами, с чем-то грубым и жестким в их глубине, с жёстами прирожденного трибуна, рассчитанными на широкие площади, наполнил всю замкнутую, теплую атмосферу небольшой залы грохотом своих призывов. Это была политическая программа: “Долой культ прошлого, всякую сентиментальность и романтику гуманности, любви полов, искусства.

Да здравствует молодость мира, восстановление славной родины, техника будущего, патриотизм, война как гигиена мира”.

На один момент нам всем, очевидно, представился цирк Древнего Рима, бой гладиаторов, кровь и Маринетти в венке цезарей, опускающий большой палец кулака: “добить побежденных”.

У русского футуризма, появившегося, как резервуар протеста, отвлекающий людей от политической реакции, от полного застоя в общественной жизни, — задачи были замкнутые, как стены “Эстетики”. Искусство, оторванное от всяких жизненных задач, безобидно “эпатирующее” и щеко-чущее нервы доморощенных меценатов. Ларионов, бессознательно почувствовав чуждость маринеттиевских лозунгов, напал на него со всей русской грубостью, переходящей в нецензурность.

— Скажите ему, — кричал он задыхающемуся, смягчающему все выражения переводчику, — что он ренегат, изменник, сукин сын, мы его тухлыми яйцами закидаем!

Он забыл, что, как-никак, итальянец приехал как гость, что просто негостеприимно так вести себя.

Ужин, вино, любезные манеры Брюсова, Шершеневича и Якулова, обольстительные улыбки дам, посылаемые презирающему женщин и любовь трибуну, сгладили неприятное впечатление. Но после отъезда Маринетти стало ясно, что он ни в какой степени не может быть вождем русских» [23, с. 94–95].

См. также: [10, кн. 2, с. 142–146].

20 февраля 1914 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вячеслав Иванов прочел несколько своих новых стихотворений и отрывки из первой части трилогии «Сыны Прометейя». Присутствовало 89 человек.

Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 24 руб. 55 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов: «уплачено В. И. Иванову» (50 руб.).

Вероятно, к этому заседанию относится письмо В. Ходасевича к Б.А. Садовскому от 23 февраля 1914: «На прошлой эстетике за ужином Вяч. Иванов произносил речи, в коих возводил меня на высоты головокружительные. Скучно, но лестно» [16, с. 23].

См. отчет: «Вчерашнее собрание Общества “Свободная эстетика” было посвящено почти всецело поэзии Вячеслав Иванова. Поэт прочитал несколько своих стихотворений, затем первую драму в стихах же из своей трилогии “Сыны Прометейя”. Драма представляет во многом своеобразную обработку мифа о Прометее, по характеру приближающуюся к байроновским мистериям. В заключение Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов

обменялись одами. Сначала В. Иванов прочел обращаемые им к В. Брюсову две оды “Лира” и “Ось”. В. Брюсов отвечал двумя же одами и под теми же названиями, построенными совершенно так, как оды В. Иванова. Все четыре оды объединены общим именем “*Carmina Amedea*” <sic! надо: “*Carmina amoebaea*”>. Поэты имели у аудитории — на этот раз малочисленной, — большой успех» (*Б.п.* В «Свободной эстетике» // Русские ведомости. 1914. № 43, 21 февр. С. 5).

6 марта 1914 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вечер, посвященный современной музыке. Были исполнены произведения Гунста, Ал. Крейна, Гр. Крейна, Б. Красина, Метцля и др.; участвовали: П.Ж. Доберт, А.И. Добровольская, Анна Мейчик, Г.С. Макриди, В.Р. Петров, Анри Фортер. Присутствовало 73 человека.

Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 40 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 13/14). Среди расходов: «аккомпаниатору» (10 руб.).

В *ИЛХК. 1914. Апр.* ошибочно указано, что в этот вечер был прочитан доклад Вяч. Иванова.

13 марта 1914 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«А.К. Топорков сделает доклад “О комедии”».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 29 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 37 человек. Докладчику возражал Г. Поливанов. (*Отчет 13/14.*) Выручено от продажи входных билетов 8 руб. (*Финотчет.* 13/14). Лектору было уплачено 50 руб.

В *ИЛХК. 1914. Апр.* ошибочно указано, что этим числом датирован вечер молодых композиторов.

20 марта 1914 (четверг).

Пятнадцатое (закрытое) собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

В.Я. Брюсов прочтет свои новые произведения.

Начало в 9 ½ часов веч.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 32 (Вяч. Иванову).

Чтение В.Я. Брюсовым своего перевода «Энеиды» и рассказа «Рея Сильвия». Присутствовало 55 человек.

ИЛХК. 1914. Апр.; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 17 руб. (*Финотчет.* 13/14).

27 марта 1914 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«В.Г. Шершеневич сделает доклад о жизни и творчестве Жюль Лафорга. В.Я. Брюсов и В.Г. Шершеневич прочтут свои переводы произведений Лафорга».

Начало в 9 ½ часов веч. — Гости входят по письменному приглашению гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 36 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 46 человек.

ИЛХК. 1914. Апр.; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 10 руб. 50 коп. (*Финотчет. 13/14*).

22 апреля 1914 (вторник).

Заседание правления (вероятно, комитета).

ИЛХК. 1914. Май.

15 сентября 1914 (понедельник).

Заседание Комитета общества. Присутствовало 6 человек. Обсуждался вопрос об оказании помощи организации в пользу раненых и запасных нижних чинов, образованной при Литературно-художественном кружке. Об итогах заседания Комитет сообщал в особом письме Московскому Литературно-художественному кружку: «Комитет Общества Свободной Эстетики, рассмотрев в заседании 15 сентября с.г. вопрос об оказании помощи образованной при Литературно-художественном кружке организации в пользу раненых и запасных чинов, постановил передать означенной организации из наличных средств общества две 5% облигации Второго Внутреннего Займа 1905 г. за № 15271 и 215709 и купонами на 1 марта 1915 г. на полную стоимость (оба) двести (200) рублей, каковые облигации Комитет О-ва “Свободной эстетики” имеет честь при сем препроводить с покорнейшей просьбой выдать в получении оных квитанцию» (РГБ. Ф. 386. Карт. 96. Ед. хр. 56. Л. 1–1об.).

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 74.

11 декабря 1914 (четверг).

Первое собрание сезона 1914–1915 гг.

Тема неизвестна.

Единственный источник сведений — известие о продаже в этот день входных билетов на 23 руб. Поскольку тем же днем записан приход членских взносов от восьми лиц, нет сомнений, что собрание (причем не малолюдное) состоялось (см.: *Финотчет. 14/15*).

18 декабря 1914 (четверг).

Заседание Комитета общества. Присутствовало шесть человек.

Сохранился текст речи И.М. Брюсовой, записанной ею самой накануне выступления. Она говорила о функционировании Общества в период войны, о сохранении общественного интереса к нему, о желании некоторых поэтов прочесть свои стихотворения, о почти достигнутой договоренности с А. Скрябиным о его выступлении в январе, о выраженных в письмах Брюсова просьбах не оставлять Общество. Текущие вопросы: о назначении секретаря. О намерении Липскерова прочесть на одном из собраний свои стихи (помета: «до Валерия Як.»). О назначении на 15 января музыкального вечера.

Протокол. РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 79–79об.

1915

15 января 1915 (четверг).

Второе собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

Музыкальный вечер.

ИЛХК. 1915.Февр. Выручено от продажи входных билетов 4 руб. (*Финотчет.* 14/15).

22 января 1915 (четверг).

Третье собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

Исполнительное собрание.

В газетном отчете сообщалось: «Вчера состоялось исполнительное собрание о-ва “Свободная эстетика”, привлекшее в Литературно-художественный кружок довольно большое количество слушателей.

Первая половина собрания была посвящена музыке. Г. Фейнберг исполнил токкату Баха, сонату и две “сказки” Метнера и, наконец, 4-ю сонату Скрябина.

Как пианист, г. Фейнберг мало известен, а, между тем, это, несомненно, очень одаренный музыкант, с гибкой техникой и большой тонкостью и остротой переживания. Кроме того, у него широкий диапазон стиля; он равно художественно переживает и классика Баха, и неклассика Метнера, и совершенно отличного от них утонченного Скрябина. Четвертая соната последнего, одно из труднейших произведений для ф.-п., вообще была передана им очень тонко и с большим подъемом. Есть у пианиста и дефекты техники, есть некоторая неполновесность звука, не всегда точная педаль, но общее впечатление — в его пользу.

Было бы интересно услышать его в менее интимных рамках исполнения, чем то, которое дает маленькая аудитория “Свободной эстетики”.

Нельзя также не выразить благодарность пианисту за исполнение труднейшей g-молл-ной сонаты Метнера, которого вообще избегают наши пианисты из-за трудности его фортепианного стиля.

Во втором отделении В.Я. Брюсов прочитал свои новые стихотворения» (*Л. С<абанеев>*. В о-ве «Свободной эстетики» // *Голос Москвы*. 1915. № 18, 23 янв. С. 5).

ИЛХК. 1915. *Февр*. Выручено от продажи входных билетов 11 руб. (*Финотчет*. 14/15). Среди расходов: «прокат рояли» (10 руб.), «цветы от В.Я. Брюсова» (12 руб.).

5 февраля 1915 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«К.А. Липскеров, С.Я. Рубанович и В.Ф. Ходасевич прочтут ряд своих новых стихотворений».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 10 (Вяч. Иванову).

ИЛХК. 1915. *Февр*. Выручено от продажи входных билетов 27 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 14/15).

Вечер ознаменовался значительным скандалом, подробности которого отчасти выясняются из дневниковой записи И.Н. Розанова:

«Четверг.

Вечером вечер свободной эстетики. Там первая меня узнала и сама заговорила со мной г-жа Брюсова. — Долгий разговор. — Затем В. В. Васильев, Ходасевич с женой, Серпинская, Там<ара> Бороздина. Читали стихи С. Рубанович из Бодлэра

Липскеров из Саади

(Турк<естанские> стихи)

(особым восточным напевом. Довольно однообразным).

Ходасевич.

Никто особенного успеха не имел. Затем футуристы. Зданевич и Маяковский, к<отор>ый по адресу Зданев<ича> сказал: “Мне эта гортанная ерунда надоела. Я теперь пишу хорошие стихи” и прочел “Наполеон и я”. Хотел читать “Мама и убитый войною вечер”.

Но сорвали...» [2, с. 214].

Появление футуристов в программе вечера вызвало чрезвычайное недовольство Ходасевича. 9 февраля он писал Б.А. Садовскому: «У меня уйма хлопот и неприятностей. Только что послал с Рубановичем и Липскеровым коллективное заявление в Эстетику. Нас обидели, заставив читать в прошлый четверг стихи, а после нас выпустив Маяковского и Зданевича. Будут большие бои. Заявление составлено в выражениях,

более, чем решительных. Будем требовать публичного извинения» [16, с. 27].

Это заявление сохранилось:

«В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ

Членов Общества Константина Абрамовича
Липскерова, Семена Яковлевича Рубановича
и Владислава Фелициановича Ходасевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Изывляя согласие прочесть свои стихи в собрании Общества, 5-го февраля с.г., мы своевременно поставили необходимым условием нашего участия в вечере полную изолированность от группы так называемых футуристов. Условие наше было принято. Между тем, непосредственно после окончания нашего чтения два футуриста, г.г. Зданевич и Маяковский, выступили на собрании со своими стихами и приглашениями “поругаться”. Произошло это отнюдь не помимо воли председательствовавшего в собрании члена Комитета И. И. Трояновского, так как он, позвонив в колокольчик, пригласил публику послушать г.г. Зданевича и Маяковского. Таким образом, Комитет в лице г. Трояновского без всякого предупреждения нарушил данное нам обещание, отрезав для нас всякую возможность протестовать тут же, ибо уважение к званию Председателя мешало нам подвергнуть его действия публичной критике.

Мы считаем своим долгом выразить Комитету Общества крайнее наше изумление по поводу произошедшего, а также напомнить ему о необходимости более строго придерживаться однажды данного слова.

Считаем необходимым добавить, что протестовать заставляет нас не формальное нарушение наших прав и указанного на повестке порядка дня, а некоторое гораздо более существенное обстоятельство. Предлагая вниманию собрания ряд своих произведений, являющихся выражением наших глубочайших переживаний и раздумий, мы не могли безропотно примириться с мыслью, что наше выступление в конце концов явилось прелюдией к балаганной выходке г.г. футуристов. В составе комитета находятся два писателя: В.Я. Брюсов и Ю.К. Балтрушайтис. Надеемся, что они, со своей стороны, не откажутся объяснить г. Трояновскому, в какой степени неудобно делать выступление других писателей, ничем доньше не запятнавших своего доброго литературного имени, предлогом к развлечению, единственный интерес которого — интерес к скандалу.

Москва, 6 февраля 1915.

К. Липскеров, С. Рубанович, Владислав Ходасевич» (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 9. Л. 1–2; частично процитировано: [32, с. 169]; автор, впрочем, бесосновательно относит вечер к 8 февраля).

И.М. Брюсова 22 февраля писала мужу, находившемуся в это время в Польше:

«Муня <С.В. Киссин> тебе, может быть, рассказывал историю у нас в Эстетике, как на Ив. Ив.²<Трояновского> — обиделись Владя, Сеня Рубанович и Липскеров. В результате я, разговаривая с Мункой по телефону, обозлилась на него. Они с Владькой все пять дней пребывания в Москве только об этом и разговаривали, и Муня со всей искренностью души принялась ругать Эстетику. Как бы ни были виноваты, как плоха Эстетика ни была бы, я должна была как одна из работающих в комитете за нее заступиться. <...>

Я взялась отвечать обидевшимся поэтам. Но ты знаешь мою нелюбовь к письмам, я положила в ящик глубоко их письмо, на которое должна ответить, и они на меня еще более оскорбятся, я это предвижу» (цит. по: [8, с. 357]).

24 февраля Брюсов, встретившийся с Киссиным (и не получивший еще предыдущего послания), писал жене из Варшавы: «Сейчас был у меня Муни. Рассказывал о каком-то скандале в Эстетике с Ив.Ив., и Маяковским, и с Владей. Ты мне об этом не писала. В чем же дело? Я из рассказа Муни не понял» [3, с. 155]. 1 марта, получив приведенные выше разъяснения, он отвечал: «В деле с Ходасевичем и др<угими> я считаю виноватой Эстетику. Если было условие, что футуристы не должны читать, нельзя было позволять им читать и после окончания программы. Я бы на месте Комитета *извинился*, и после извинений “хлестнул бы” за письмо, конечно, неприличное. Но, может быть, Комитет извиняться не хочет. Тогда остается только сослаться на то, что читали футуристы по окончании собрания. Вот Тебе две редакции ответа: выбери любую (лично я считаю более справедливой первую, но поступайте, как найдете нужным)» [3, с. 160–161]; далее следуют два варианта — примиренческий и решительный. В результате, судя по сохранившемуся черновику, заявителям был отправлен следующий (контаминирующий их) текст:

«Гг. Членам Общества Свободной Эстетики
Константину Абрамовичу Липскерову, Семену
Яковлевичу Рубановичу и Владиславу Фелици-
ановичу Ходасевичу.

В ответ на Ваше письмо от 6 февраля с. г. Комитет Общества Свободной Эстетики считает своим долгом выразить сожаление по поводу того, что во время собрания общества по прискорбному недоразумению не было соблюдено одно из условий, которые были установлены между Вами и Членом комитета Иоанной Матвеевной Брюсовой в момент принятия ею от имени

² А виновата я, И.Ив. дал разрешение футуристам прочитать стихи в конце вечера, предварительно спросив меня (*примеч. И.М. Брюсовой*).

Комитета предложения Вашего прочесть на собрании Общества 5 февраля новые стихотворения Ваши. Недоразумение это произошло единственно потому, что г-жа Брюсова забыла предупредить об этом условии Председательствовавшего в Собрании Члена Комитета Ивана Ивановича Трояновского. Относительно этого недосмотра Комитет и г-жа Брюсова по поводу этого <sic> выражает вам свое глубокое сожаление. Однако, Комитет в то же время обращает Ваше внимание на то, что чтение стихов г.г. Зданевичем и Маяковским происходило уже по окончании программы вечера, не было объявлено на повестках и было вызвано лишь желанием отдельных членов Общества. Председательствовавший на собрании нашел возможным удовлетворить это желание по окончании программы вечера, так как совершенно не знал о данном Вам обещании соблности на этом вечере полную изолированность Вашего выступления от группы футуристов. При этом председательствовавший руководился мыслью, разделяемой всеми членами Комитета, что Общество свободной эстетики всегда имело целью на деле оправдать свое название “свободной эстетики” и видело свободу в широкой терпимости по отношению ко всем литературным школам и ко всяким творческим начинаниям как бы резко они не отличались от установившихся эстетических форм. С этой точки зрения Комитет Общества Свободной Эстетики находит недопустимыми в Вашем заявлении слова о “балаганной выходке г.г. футуристов”. Комитет возразит <?> вам, не сомневаясь, что Ваши произв<едения> являются выразителями <sic>, что и произведения г.г. футуристов являются также выражением их искренних переживаний, и такой взгляд Комитета основан на уважении ко всем членам общества независимо от различия их эстетических воззрений. Но еще более недопустимым признает Комитет общий резкий тон Вашего заявления и предложение Ваше, чтобы г.г. Брюсов и Балтрушайтис “объяснили г. Трояновскому в какой мере неудобно было делать выступление Ваше предлогом к развлечению, интерес которого интерес к скандалу”. В этих Ваших выражениях Комитет не может не усмотреть неуважения как по отношению к г. Трояновскому, так и всему составу Комитета.

Ни Комитет, ни г. Трояновский решительно не нуждаются в указаниях и объяснениях о том, каким образом им следует охранять достоинство и честь Общества» (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 9. Л. 3–3об.; печ. по последнему слою правки).

12 февраля 1915 (четверг).

Пятое собрание сезона 1914–1915 г. — ЛХК.

«Ю.К. Балтрушайтис прочтет цикл стихотворений из книги “Лилия и Серп”».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи г.г. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 11 (Вяч. Иванову).

ИЛХК. 1915. Февр. Выручено от продажи входных билетов 11 руб. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов: «уплачено по счету буфета» (9 руб. 35 коп.).

19 февраля 1915 (четверг).

Шестое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«Г-жа А. Эль-Тур (пение) исполнит произведения Василенко, Катуара, Крейна, Метнера, Римского-Корсакова, Ренэ-Батон, Дебюсси и шотландские песни в гармонизации Гречанинова, гр. Толстого и Александра Жоржа».

Начало в 8^{1/2} часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестки: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 12 (Вяч. Иванову); ГЦМ-МК. Ф. 132. Ед. хр. 3756 (Н.К. Метнеру).

ИЛХК. 1915. Февр. Выручено от продажи входных билетов 19 руб. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов: «уплачено за прокат рояли» (10 руб.), «кофе» (40 коп.).

Известен единственный отчет о вечере: «Вчера состоялось вторичное <sic> собрание общества свободной эстетики. Программа была посвящена камерной вокальной музыке.

Г-жа А. Эль-Тур с большим мастерством исполнила ряд романсов Римского-Корсакова, Дебюсси, Крейна, Метнера и др., кроме того, несколько шотландских песен в обработке гр. С. Толстого, Жоржа и Гречанинова.

Публики было много» (*Б.п.* В обществе свободной эстетики // *Голос Москвы.* 1915. № 42, 20 февр. С. 5).

26 февраля 1915 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

Тема неизвестна.

ИЛХК. 1915. Февр. Выручено от продажи входных билетов 10 руб. (*Финотчет.* 14/15). В журнале расходов это поступление помечено 21 февраля (субботой), что кажется нам крайне маловероятным.

12 марта 1915 (четверг) (ОТМЕНЕНО).

Восьмое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«Г-жа А.М. Ян-Рубан и г. В.И. Поль исполняют ряд вокальных и фортепьянных произведений».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 22 (Вяч. Иванову).

Собрание не состоялось: 11 марта 1915 г., то есть за день до предполагавшейся даты, была разослана печатная листовка: «Комитет Общества

Свободной Эстетики уведомляет, что исполнительное собрание с участием А.М. Ян-Рубан и В.И. Поля, назначенное на 12 марта, переносится, по случаю того, что помещение экстренно занято, на 26 марта, о чем будет оповещено в свое время» (РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 230 (И.С. Остроухову); п.ш. 11.3.15). См.: *26 марта 1915*.

24 марта 1915 (вторник).

Общее собрание. — Галерея Лемерсье.

«Предметы занятий:

1) Заслушивание и утверждение отчета за 1914–15 г.

2) Продление, согласно с постановлением предыдущего Общего Собрания, на следующий год полномочий членов Комитета и Ревизионной комиссии.

3) Вопрос о картине А.А. Арапова.

4) Текущие дела.

Участие в Общем Собрании принимают только г.г. члены Общества.

В случае, если назначенное Общее Собрание не состоится, за неприбытием требуемого Уставом числа членов, назначается вторичное Общее Собрание, в тот же день и в том же помещении, в 9 час. веч., действительное при любом числе прибывших членов».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 24 (Вяч. Иванову).

26 марта 1915 (четверг).

Девятое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«Г-жа А.М. Ян-Рубан и г. В.И. Поль исполняют ряд вокальных и фортепьянных произведений».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи г.г. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 30 (Вяч. Иванову).

ИЛХК. 1915. Июль. Выручено от продажи входных билетов 33 руб. (*Финотчет. 14/15*). Среди расходов — «прокат рояли» (10 руб.).

Первоначально назначалось на *12 марта 1915* (см.).

Разыскан единственный газетный отчет:

«Интересный музыкальный вечер состоялся вчера в обществе “Свободная эстетика”. Программа была составлена по чрезвычайно любопытной мысли — представить историю русского романса.

Перед слушателями, собравшимися в значительном числе, прошли последовательно романсы Гурилова, Варламова — тех авторов, которые восхищали наших прабабушек, затем — уже более совершенные технические произведения Глинки, Даргомыжского и до представителей “могучей кучки” — до Бородина.

Конечно, главный интерес был именно в “старине”. <...>

С музыкальной стороны программа была очень хорошо выполнена г-жею Ян-Рубан и г. В. Поль.

Исполнители имели значительный успех» (*Сабанеев Л.* В обществе «Свободной эстетики» // *Голос Москвы.* 1915. № 70, 27 марта. С. 4).

2 апреля 1915 (четверг).

В помещении ЛХК.

Тема неизвестна. В нумерацию вечеров не входит.

ИЛХК. 1915. *Июль.* Выручено от продажи входных билетов 14 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 14/15).

9 апреля 1915 (четверг).

Десятое собрание сезона 1914–1915 г. — ЛХК.

«Г-жей А. Стенрос и г. А. Фортером будут исполнены произведения А. Скрябина и А. Фортера».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 34 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 15 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов: «прокат рояли» (10 руб.).

Разыскан единственный отзыв:

«Исполнительное собрание общества свободной эстетики было посвящено музыке: исполнены были произведения Анри Фортера и Скрябина.

Анри Фортер — французский музыкант, акклиматизировавшийся на русской почве, имеет определенное, красивое и подлинное композиторское дарование. <...> Сам автор исполнял партию скрипки, г-жа Стенрос — фортепиано.

Во втором отделении г-жа Стенрос исполнила ряд произведений Скрябина, исполнила очень тонко, красиво, со вкусом и пониманием, с проявлением незаурядной техники и музыкальности. Но несколько холодно-вато, равнодушно, без яркого переживания. Это, по-видимому, в существе пианистического характера артистки: она вообще холодна, а эта холодность так мало идет к произведениям Скрябина, всегда нервного, порывистого, устремленного.

Публики было немного» (*Голос Москвы.* 1915. № 83, 11 апр. С. 5).

Возможно, к этому вечеру относится следующий эпизод: «Как-то в марте, а может быть в конце февраля, я случайно узнал, что в Обществе свободной эстетики состоится вечер, где будут участвовать Вячеслав Иванов и Скрябин. Вечером я отправился на Большую Дмитровку. Стоял сырой морозный день, один из тех отвратительных дней, когда мороз проникает

под самую кожу. Продрогши, в весьма печальном состоянии я вошел в столь знакомую прихожую. Теперь она носила явные следы военного времени. Все было грязно, заплевано, сновали какие-то непонятные люди. Первый, кого я увидел в прихожей, был поэт Балтрушайтис, читавший вывешенные на стене последние телеграммы. Балтрушайтис, уже и раньше удивлявший меня своей мрачностью, был особенно мрачен. Скривив лицо в мучительную гримасу, он читал телеграммы с видом человека, которому придется броситься в реку. Отметив это обстоятельство как скверное предзнаменование, я поднялся наверх. Вечер состоялся. Теперь уже не помню, что там читали и играли. Присутствующих было человек двадцать, все, конечно, знали друг друга, а потому после окончания вечера ужинали за общим столом. Разговор носил злободневный характер. Вячеслав Иванов рассказывал о Вильгельме. Теперь мне смешно вспомнить все эти рассуждения. С начала войны о Вильгельме говорили много. В нем неожиданно нашли те качества, которых не хватало у нашего самодержавца. Одно качество восхищало всех — воля. На эту тему и говорил Вячеслав Иванов. Он передавал нам отзыв художника, рисовавшего портрет кайзера, о взгляде Вильгельма, который якобы обладал гипнотизирующей силой. К этому, конечно, были прибавлены кой-какие мистические умозаключения. Слушая Вячеслава Великолепного, я всматривался в сидевшего напротив Скрябина. Я удивлялся соединению в этом лице совершенной заурядности, подчеркнутой вверх закрученными усами, и тонкой духовности, которая как будто пряталась под какой-то маской. Я вспоминаю рассказы о нем Собинова и Алеши Станчинского. Из этих рассказов вытекало, что Скрябин был декадент. Но в его лице не было ничего декадентского, наоборот, такие лица встречались у людей, выработавших у себя привычку к официальному, так сказать, положению в обществе. Ничего нельзя было прочесть в этом пунктуальном на вид человеке с хорошими манерами, внимательно слушавшем Вячеслава.

Через неделю после этой встречи я узнал о смерти Скрябина, последовавшей в результате заражения крови из-за какого-то фурункула, которым его, по-видимому, наградили в парикмахерской. Прочитав это сообщение, я вскрикнул, вспомнив его лицо» [11, с. 119–120]. Скрябин умер 14 апреля, так что датировать эпизод февралем, как это делает автор, затруднительно. Иванов был приглашен на это заседание, но присутствовал ли он там, мы не знаем, равно как и о присутствии Скрябина.

3 октября 1915 (суббота).

Заседание Комитета Общества.

Об этом заседании мы знаем благодаря упоминанию в печатной листовке, касающейся объявления условий двух конкурсов:

«КОНКУРСЫ ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ»

Комитет Общества Свободной эстетики, согласно с постановлением своим, 3 октября с. г., извещает, что прием произведений по конкурсам 4-му (драматических этюдов в 1 действии) и 5-му (романсов) продолжен до 1 января 1916 г.; присуждение премий состоится не позже 1 февраля 1917 г.

В конкурсах могут принимать участие как члены О-ва Свободной Эстетики, так и лица, не состоящие членами. Произведения на конкурс должны доставляться без подписи автора, но под девизом: имя и адрес автора должны быть указаны в запечатанных конвертах, помеченных тем же девизом. Произведения, доставленные за подписью автора, не рассматриваются.

На 4-й конкурс принимаются драматические этюды в 1 действии, которое может быть разделено на 2 картины, размерами не свыше ½ печатного листа обыкновенного книжного формата. Этюды могут быть написаны прозой или стихами, но, при равных достоинствах, предпочтение отдается написанному стихами. Этюды опубликованные раньше, в печати или в театре, на конкурс не принимаются.

На 5-й конкурс принимаются романсы, написанные на текст следующего стихотворения Каролины Павловой:

Salut, salut, consolatrice!
Ouvre tes bras, je viens chanter.
A. de Musset

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!
Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять!
Сойди к избраннице ты снова,
О, роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

Романсы, опубликованные раньше, в печати или в концерте, на конкурс не принимаются.

Премий по каждому конкурсу назначено три: в 150 р., 100 р. и 50 р.

Состав жюри по 4-му конкурсу: В.Я. Брюсов, М.О. Гершензон, В.И. Иванов, К.С. Станиславский, кн. А.И. Сумбатов; по 5-му конкурсу — А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Н.К. Метнер, М.С. Неменова-Лунц, Н.Г. Райский, Л.Л. Сабанеев, А.М. Ян-Рубан.

Произведения по 4-му конкурсу должны быть доставлены на имя члена Комитета Иоанны Матвеевны Брюсовой (Москва, 1 Мещанская, 32), по 5-му конкурсу — на имя члена Комитета Марии Соломоновны Неменовой-Лунц (Москва, Спиридоньевка, 16, кв. 8).

Подробные условия высылаются, по требованию, бесплатно» (РГБ. Ф. 746. Карт. 38. Ед. хр. 60. Л. 1).

В архиве Брюсова отложился экземпляр упомянутых «подробных условий» (хронологически он явно предшествует приведенной листовке):

«Правила конкурса романсов.

1. Текстом для романса избрано следующее стихотворение Каролины Павловой <цитируется тот же текст>.

2. Жюри не стесняет участников конкурса никакими специальными заданиями, но, при разных <sic> достоинствах представленных романсов, предпочтение будет отдано более удобному в вокальном отношении.

3. Романы, представленные на конкурс, не должны быть опубликованы ранее: т.е. произведения уже напечатанные или исполнявшиеся с эстрады, не допускаются.

4. Романы, представленные на конкурс, должны быть переписаны совершенно четко (ни в коем случае не почерком автора).

5. Премий назначается три: первая в 150 р., вторая в 100 р. и третья в 50 р.

6. Жюри оставляет за собою право: 1) разделить премии между большим числом лиц (однако не более, как между пятью); 2) оставить одну или несколько премий не присужденными. В последнем случае обязательно назначается новый конкурс на соискание не присужденных премий.

7. Состав жюри: А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Н.К. Метнер, М.С. Неменова-Лунц, Н.Г. Райский, Л.Л. Сабанеев, А.М. Ян-Рубан.

8. Срок доставки произведений на конкурс — 1-е сентября 1916 г. Срок, к которому премия должна быть присуждена — 1-е октября 1916. Срок, в течение которого О-во сохраняет за собою право исполнения произведений, представленных на конкурс, 1-е марта 1917 г.

9. Произведения, представленные на конкурс, должны присылаться на имя члена Комитета — Марии Соломоновны Неменовой-Лунц (Москва, Спиридоньевка, 16, кв. 8), которая и передаст их своевременно председателю жюри, представленными в срок считаются — полученные не позже 2 сентября 1916 г. при отправлении из Москвы и не позже 10 сентября 1916 г., при отправлении из других городов.

Поправки к правилам конкурса драматических этюдов.

К ст. 2. Напечатано: «при разных достоинствах»; должно читать: «при равных достоинствах».

К ст. 10–11. Срок представления этюдов продолжен до 1 сентября 1916 г.; представленными в срок считаются — полученные не позже 2 сентября 1916 г. при отправлении из Москвы и не позже 10 сентября 1916 г., при отправлении из других городов». (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 5. Л. 1).

К этому сюжету относится письмо В.Я. Брюсова к М.О. Гершензону от 15 апреля 1916 г.:

«Многоуважаемый Михаил Осипович!

“Свободная Эстетика” обращается к Вам с большой просьбой: не откажите принять участие в составе жюри V-го <?> конкурса О<бщест>ва, именно — конкурса одноактных драм. Дело не очень трудное, т.е. не отымет много времени, но хорошее, потому что, вероятно, будут присланы вещи интересные. Конкурс состоится (работа жюри) осенью. Плохих вещей, если хотите, можете не читать. Заранее будет сделан отбор. Тогда придется потратить лишь один вечер, — одно заседание. А Ваше участие, Ваше имя для “Эстетики” очень важно. Я с своей стороны присоединяю самые усердные просьбы — не отказать О<бщест>ву в этой услуге и в этой чести.

Сердечно преданный Вам

Валерий Брюсов.

P.S. Общество очень извиняется, что, по недоразумению, секретарь (новый человек, просто наемный, не стоящий в курсе дела) разослал некоторым членам отпечатанные условия конкурса, в которых уже упомянуто Ваше имя. Рассылка остановлена и, конечно, до получения Вашего согласия, ничего предпринято не будет. Другие члены жюри: К.С. Станиславский, А.И. Южин-Сумбатов, Вячеслав Ив. Иванов и я» [4, с. 24].

Вероятно, итоги конкурса пьес так и не были подведены: по крайней мере, это следует из обиженного письма одного из анонимных участников:

«Милостивый Государь Валерий Яковлевич, так как лица, приславшие свои произведения на конкурс одноактных пьес о-ва “Свободной эстетики” до сих пор не извещены о результатах конкурса и это препятствует постановке и печатанию их пьес, то не сочтете ли Вы естественным и справедливым опубликовать результаты конкурса, срок которого назначался уже дважды? Разрешите просить Вас о том, чтобы сведения эти были посланы и в петроградские, хотя бы театральные издания, т.к. не все имеют возможность следить за московской осведомительной прессой.

С глубоким уважением

Один из авторов»

(письмо от 5 февраля 1917 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 110. Ед. хр. 48. Л. 1).

15 октября 1915 (четверг).

Первое собрание сезона 1915–1916 гг. — «Альпийская роза».

«На собрании В.Я. Брюсовым будет сделан доклад об армянской поэзии, древней и новой, и будут прочитаны Ю.К. Балтрушайтисом, В.Я. Брюсовым, Ю.Н. Верховским, Вяч. Ивановым и др. новые переводы стихов армянских поэтов».

Начало в 9 час. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карг. 114. Ед. хр. 43. Л. 15 (В.Я. Брюсову).

Выручено от продажи входных билетов 99 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «выдано через В.О. Гиришмана метрдотелю “Альпийской Розы”» (25 руб.).

2 декабря 1915 г. Н.Д. Богодурова писала Б.А. Садовскому: «Впрочем, в “Эстетике” я была раза 2–3, в последний раз на вечере Армянской поэзии — читали стихи Брюсов, Балтрушайтис, Вяч. Иванов (очень он сладкий — правда?) и Бальмонт (даст же Господь Бог такой талант такой пошлой фигуре и физиономии!!!)» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 8).

Вероятно, к этому вечеру относится реплика Вяч. Иванова, переданная без ссылок в очерке 1966 г.: «Я не могу скрыть моих симпатий к Исаакяну и Туманяну, а особенно Туманяну. Я восхищен совершенством его ярких красок, их оттенками и цветами, его гибким и живым языком. Мне бы хотелось, чтобы мои слова долетели до него. Передайте ему, что я очень люблю его и восхищаюсь им» [21, с. 220–221]. Возможно, она представляет собой пересказ газетного свидетельства:

«Открыл заседание Валерий Брюсов, чьи дивные переводы армянских поэтов помещены в последней книге “Русской мысли”. — “Теперь, — сказал поэт, — когда я в подлиннике ознакомился с Нарекаци, Ахтамарци Кучаком Нахапетом, Саят-Нова, Туманяном, Исаакяном, Цатурияном, Ованнисяном, Тэрьяном и др. армянскими поэтами, — только теперь я понял, какой драгоценный клад был скрыт от русского общества. Мне кажется, что перед нами была закрыта дверь, ведущая в дивный рай, о существовании которого мы были в полном неведении”.

Во второй части вечера В. Брюсов, В. Иванов, К. Бальмонт и Ю. Балтрушайтис читали свои переводы с армянского. Все переводы выполнены тщательно и любовно и произвели громадное впечатление на присутствовавших.

На состоявшемся после вечера ужине были произнесены речи. Прив.-доц. В.Ф. Тотомьянц благодарил русских поэтов за их громадный труд. Вячеслав Иванов заявил, что он не может скрыть своей искренней и горячей симпатии к Ов. Туманяну и Исаакяну, особенно к первому: “Я совершенно пленен его живыми красками, цветами, гибким языком. Я хотел бы и очень желал, чтоб эти мои слова дошли до армянского поэта. Передайте ему, что

я его очень люблю и весь очарован им. Мой горячий привет почтенному поэту”, — с воодушевлением закончил В. Иванов.

После него говорил К.Д. Бальмонт: “Я перевожу теперь известного грузинского поэта Руставели. Он заставил меня полюбить Грузию. На прелестном Кавказе стоят друг против друга и приветствуют друг друга снежные вершины двух великих гор. Но живущие в том же бесподобном крае два больших народа не ладят между собой. Я думаю, что народы, имеющие таких великих поэтов, так горячо умеющие воспевать розу и любовь, не могут питать друг к другу вражды. Мне хотелось бы, чтобы эти два кавказских народа — армяне и грузины, любили бы друг друга”» (*Б.п.* Вечер армянской поэзии в Москве // *Кавказское слово*. 1915. № 243, 3 нояб. С. 4–5).

29 октября 1915 (четверг).

Второе собрание сезона 1915–1916 гг. — «Альпийская роза».

Вечер, посвященный произведениям А.Н. Скрябина.

Программа:

«1. 6 этюдов op. 8.

(fis, E, b, As, gis, Des.)

2. Prélude op. 9.

3. 2 préludes op. 11.

(b и f.)

4. Feuillet d'Album op. 45

5. Enigme op. 52.

6. Désir.

7. Caresse dansée (op. 57)

8. Poème op. 71 № 2.

9. Poèmeop. 69 № 2.

10. 3-я соната.

Исп. А. К. Боровский»

(Мемориальный музей А.Н. Скрябина, инв. № ПР-202/1). Возможно, программа играла роль повестки.

Выручено от продажи входных билетов 70 руб. (*Финотчет*. 15/16). Среди расходов — «за пользование помещением» (50 руб.). Сохранился датированный этим числом счет «Альпийской розы» (РГБ. Ф, 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 22).

19 ноября 1915 (четверг).

Третье собрание сезона 1915–1916, посвященное современной музыке. — «Альпийская роза».

Программу исполнит Петроградское трио в составе: Э. Чернецкая-Гашеман (фортепьяно), Б. Виткинд (скрипка) и Д. Зиссерман (виолончель).

Начало в 9 ч. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 1 р.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 8 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 54 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 33 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «уплачено артистам» (100 руб.), «прокат рояли» (20 руб.), «помещение» (50 руб.). Отдельно сохранился счет на доставку рояля К. Бехштейн, осуществленную фирмой А. Дидерхиса (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 34).

Известно газетное объявление о вечере: Русские ведомости. 1915. № 266, 19 нояб. С. 6.

3 декабря 1915 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1915–1916 г. — Галерея Лемерсье.

«Юрий Верховский прочтет доклад на тему: “Типы творчества и Пушкинская пора”».

Начало ровно в 9 ч. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 1 р.

Повестки: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 59 (Вяч. Иванову); РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 22 (И.С. Остроухову).

Выручено от продажи входных билетов 19 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «уплачено за помещение» (20 руб.), «уплачено за прокат стульев» (8 руб.). Сохранилась расписка К. Лемерсье за аренду зала (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 38).

Ср. запись в дневнике И.Н. Розанова от 4 декабря (описывающую, очевидно, предыдущий день): «Ходас<евич> звал к себе, сообщил о вечере в “Свободной Эстетике”, где читал Юр. Верховский о поэтах пушкин<ской> эпохи и возражал Шершеневич» [2, с. 217].

10 декабря 1915 (четверг).

Пятое собрание сезона 1915–1916 гг.

Тема неизвестна.

Выручено от продажи входных билетов 9 руб. 50 коп. руб. (*Финотчет.* 15/16). За два дня до этого (7 ноября) в списке расходов появилась строчка «выдано г. Машковцеву на расходы по устройству доклада» (15 руб.).

17 декабря 1915 (четверг).

Шестое собрание сезона 1915–1916 г. — Галерея Лемерсье.

«В.Я. Брюсов и С.В. Шервинский прочтут свои новые переводы стихов римских поэтов: Катулла, Вергилия, Горация, Овидия, Петрония, Сенеки, Марциала, Луперка, Спуррины, Пентадия, Луксория и др.»

Съезд к 9 час. вечера. — Чтение начнется ровно в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 50 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 62 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 9 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 15/16). Уплачено за помещение 20 руб.

1916

14 января 1916 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Исполнены будут произведения: Рамо, Люлли, Лядова, Гречанинова и Гр. Крейна.

Участвуют: женский вокальный квартет в составе г-ж: В. Ликуди, А. Эль-Тур, Е. Нечаевой и П. Козмовской, Гр. Крейн и А. Могилевский.

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп».

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 30 (использован оборот в качестве писчей бумаги).

Выручено от продажи входных билетов 20 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «прокат рояли» (12 руб.).

21 января 1916 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Народные поэты Николай Клюев и Сергей Есенин прочтут свои стихотворения»

Начало ровно в 9 ч. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка приводится со ссылкой на частное собрание: [5, с. 695] (коммент. М.Л. Спивак).

Выручено от продажи входных билетов 20 руб. 55 коп. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «уплачено артистам» (50 руб.).

Подготовка к этому (второму после 1912 г.) выступлению Клюева в Обществе началась еще осенью 1915 г., когда сам он писал И.М. Брюсовой 9 сентября:

«Глубокоуважаемая Жанна Матв<еевна>!

Убедительно прошу Вас известить меня о следующем: можно ли надеяться на устройство чтения новых произ<ведений> в Обществе свободной

эстетики — но только на чтение немедленное по моему приезду в Москву. Низко Вам кланяюсь с Валерием Яковлевичем вкупе» [9, с. 238].

Ср. газетный отчет: «Вчера общество свободной эстетики устроило вечер народных поэтов Н. Клюева и С. Есенина. Поэты еще до чтения своих стихов привлекли внимание собравшихся своими своеобразными костюмами: оба были в черных бархатных кафтанах, цветных рубахах и желтых сапогах. После небольшого выступления И.И. Трояновского, указавшего, что Н. Клюев слушателям уже известен, а г. Есенин выступает в обществе свободной эстетики первый раз, поэты начали чтение стихов. Н. Клюев прочел былинно-сказание “О Вильгельмище, царе поганым <sic>”, г. Есенин — сказание о Евпатии Коловрате. Затем поэты читали поочередно лирические стихотворения. В произведениях обоих поэтов в значительной мере нашла отражение современная война. Оба поэта имели у слушателей успех» (*Б.н.* Вечер народных поэтов // Утро России. 1916. № 22, 22 янв. С. 4; перепеч.: Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1916. № 2. Стлб. 19). В другом репортаже писалось: «Вчера в о-ве свободной эстетики состоялся вечер, посвященный творчеству народных поэтов — С.А. Евсенина <sic> из Рязанской губ., и Н.А. Клюева, из Олонецкой губ., являющихся продолжателями народного былинного творчества.

Оба поэта были в национальных костюмах и читали свои песни в былинном стиле.

В песнях, исполненных поэтами, нельзя не отметить элемента современности. Войне и ее виновнику — “Вильгельмищу” посвящено несколько стихотворений» (*Б.н.* Вечер народных поэтов // Раннее утро. 1916. № 17, 22 янв. С. 4).

Об этом вечере оставил подробные воспоминания И.Н. Розанов: «21 января 1916 года я узнал, что в Москву приехал Николай Клюев и вечером будет выступать в Обществе свободной эстетики. Я не очень любил это Общество и почти никогда там не бывал, но Клюева мне хотелось послушать и посмотреть. Уже четыре года, как он обратил на себя всеобщее внимание. Он уже успел выпустить три книги стихов, и я был им очень заинтересован.

Собрание Общества свободной эстетики на этот раз происходило в помещении картинной галереи Лемерсье на Петровке. Я прибыл в назначенное время, но тут всегда запаздывали, и я долго слонялся по залам, увешанным картинами, терпеливо ожидающими себе покупателей. Галерея Лемерсье была чем-то вроде художественно-комиссионной конторы. Потом я очутился в одной из последних комнат, где расставлены были стулья рядами и собралось уже порядочно публики. Я нашел знакомых. Стали дожидаться вместе. Наконец раздался шепот: “Приехал!..”

И вот между пиджаками, визитками, дамскими декольте твердо и уверенно пробирается Николай Клюев. У него прямые светлые волосы; прямые, широкие, спадающие “моржовые” усы. Он в коричневой поддевке и высоких сапогах. Но он не один: за ним следом какой-то парень странно-го вида. На нем голубая шелковая рубашка, черная бархатная безрукавка и нарядные сапожки. Но особенно поражали пышные волосы. Он был совершенно белоголовый, как бывают в деревнях малые ребята. Обыкновенно позднее такие волосы более или менее темнеют, а у странного и нарядного парня остались, очевидно, какими были в детстве, к тому же они были необычайно кудрявы.

Распорядитель объявил, что стихи будет читать сначала Клюев, потом... последовала незнакомая фамилия. “Ясенин” послышалось мне. Это легко осмысливалось: “Ясень”. И когда через полгода я купил только что вышедшую “Радуницу”, я не без удивления увидал, что фамилия автора начинается с “Е” и что происходит она не от “ясень”, а от “осень”, по церковнославянски “есень”.

Сначала Клюев читал большие стихотворения, что-то вроде современных былин, потом перешел к мелким, лирическим. Помню, как читал он свой длинный “Беседный наигрыш, стих доброписный”. Содержание было самое современное:

Народилось железное царство
 Со Вильгельмищем, царищем поганым. —
 У него ли, нечестивца, войска — сила,
 Порядового народа — несусветно...

Клюев поражал своею густою красочностью и яркою образностью.

Очередь за другим поэтом. Он также начал с эпического. Читал о Евпатии Рязанском. Эта былина не произвела впечатления, и потому плохо ее помню. Во всяком случае тут совершенно не было того воинствующего патриотизма, которым отличались некоторые вещи Клюева. Если тут и был патриотизм, то разве только краевой, рязанский. Потом Есенин перешел к мелким стихам о деревне. Читал он их очень много, разделяя одно от другого короткими паузами, читал, как помнится, не размахивая руками, как было впоследствии. “Жарит из пулемета”, — сказал мой сосед слева. Большинство прочитанного поэтом вошло потом частью в “Радуницу”, частью в “Толубень”

— Это что-то вроде Кольцова или Некрасова, которых я терпеть не могу! — сказала моя соседка справа, художница-футуристка, щеголявшая своей эксцентричностью.

Потом был перерыв, потом опять читали в том же порядке. В перерыве и по окончании в гардеробной слушатели обменивались впечатлениями о стихах и о наружности поэтов» [18, с. 441–443].

Ср. в воспоминаниях П.Н. Зайцева: «В январе 1916 года “Общество свободной эстетики” устроило вечер “народных поэтов” (так было сказано в пригласительных повестках) Н. Клюева и Сергея Есенина. Зал был переполнен обычной публикой “Эстетики”. И вот, как в театре, свет в зале погас, раздвинулся занавес, и на ярко освещенной площадке небольшой сцены-эстрады появились Есенин и Клюев.

В зале среди публики легкое ироническое движение: оба поэта в причудливых театрално-маскарадных костюмах; на обоих черные бархатные кафтаны, цветные рубахи и желтые сапожки. Им бы еще собольи шапочки с цветными верхами на голове да в руки топорики — и прямо на сцену Большого театра: рынды из “Бориса Годунова”, а не поэты! И в довершение маскарада на лице поэтов чьей-то умелой рукой положены пудра и легкий грим» [5, с. 249].

Еще один свидетель вспоминал: «В другой раз на той же эстраде в ярко-голубой рубахе, в высоких блестящих сапогах, появился и стал читать стихи очаровательной внешности юноша в золоте естественно вьющихся волос — это был Есенин, и это было одно из первых его выступлений. Он держал себя не развязно, но, конечно, с сознанием своего обаяния» [31, с. 100].

4 февраля 1916 (четверг).

Девятое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Вячеслав Иванов прочтет свой перевод, размером подлинника, трагедии Эхила Агамемнон».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 60 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 9 (Вяч. Иванову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 16 (В.Я. Брюсову).

Выручено от продажи входных билетов 44 руб. 40 коп. (*Финотчет.* 15/16). В списке расходов значится «уплачено артистам Г.Л. Гиришман 50 руб.», что вызывает некоторое недоумение — составляло ли это гонорар Вяч. Иванова? Или в последнюю минуту заменили его декламацию на музыкальный вечер (для которого, кстати сказать, количество проданных билетов более характерно)?

Известно газетное объявление: Русские ведомости. 1916. № 27, 4 февр. С. 5.

11 февраля 1916 (четверг).

Десятое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

Петроградская артистка О.Н. Бутомо-Названова исполнит произведения Вейсберг, Гречанинова, Губенко, Каратыгина, Прокофьева, Стравинского, Штрейхер.

Партию ф.п. исполнит В.Г. Каратыгин.

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 60 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 13 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 43 руб. 20 коп. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов — «прокат рояли» (15 руб.). Сохранилась расписка за доставку рояля (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 48).

17 февраля 1916 (среда).

Одиннадцатое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«К.Д. Бальмонт прочтет: “Преображение жертвы”, “Мысли о Словацком”.

Тадеуш Мицинский прочтет: “Словацкий и Лермонтов”».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 17 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 61 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «чай для артистов» (1 руб.), «уплачено лектору Т. Мицинскому» (40 руб.). Несмотря на значащуюся на повестке дату и нетипичный день недели, в отчете данные о вечере записаны под четвергом 18-го февраля.

25 февраля 1916 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Н.Я. Брюсова прочтет доклад: “Об умении слушать музыку”».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 20 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 13 руб. (*Финотчет.* 15/16).

10 марта 1916 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

Посвящено памяти С.И. Танеева.

Н.Я. Брюсова скажет вступительное слово. Участвуют: П.Ж. Доберт, А.Р. Бакалейников, Е.В. Богословский, К.Н. Игумнов, В.Л. Кубацкий, А.Я. Могилевский, Н.Г. Райский.

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 30 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 50 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: гонорар артистам (50 руб.), волшебный фонарь (15 руб.), прокат рояли (20 руб.).

21 апреля 1916 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1915–1916 гг.

Тема неизвестна.

Выручено от продажи входных билетов 10 руб. (*Финотчет*. 15/16).

28 апреля 1916 (четверг).

Пятнадцатое собрание сезона 1915–1916 гг.

Тема неизвестна.

Выручено от продажи входных билетов 55 руб. (*Финотчет*. 15/16).

Среди расходов — гонорар артистам (90 руб.), «снятие ковров» (12 руб.).

10 ноября 1916 (четверг).

Первое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«Валерий Брюсов прочтет свои новые стихи циклов: “Перезвучия”, “Patetexitus”, “Летние былинки”, “Наши дни”, а также, в своем переводе, стихотворения поэтов финских и латышских».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестки: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 49 (Вяч. Иванову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 17 (В.Я. Брюсову).

Первоначально план первого ноябрьского собрания выглядел иначе: 20 октября 1916 г. И.М. Брюсова писала А. Белому:

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич, вы в Москве и до сих пор не захотели нас с Валерием Як. повидать. Это грустно. А мы жаждем посмотреть, услышать вас, поговорить с вами. Добраться до вас трудно, у вас нет телефона, может быть, вы сами захотите заглянуть к нам. Живем мы на 1-й Мещанской, 32, кв. 2, тел. наш 1-95-33.

Вал. Як. всю осень хворал, иначе непременно навестил бы вас.

У меня есть к вам поручение: Общ. свободной Эстетики просило меня обратиться к вам и упросить вас не отказаться прочесть в нашем обществе ряд стихотворений.

Приблизительно около 17 ноября предполагается устроить вечер, участниками его намечены: Вы, Бальмонт, Балтрушайтис, Вяч. Иванов и Вал. Брюсов.

Очень уповаем на вас, иначе нас очень и очень огорчите. Но раньше всего ждем вас к себе, если же вам нельзя, то позвольте мне заехать к вам, чтобы переговорить о предполагаемом вечере.

Во всех случаях жду вашего звонка.

Привет от Вал. Як. и меня вашей маме и

до свидания.

Иоанна Брюсова»

(РГБ. Ф. 25. Карт. 10. Ед. хр. 8. Л. 1–2). Вероятно, из-за отказа Белого или по другим причинам этот план не воплотился.

24 ноября 1916 (четверг).

Второе собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

Вечер будет посвящен произведениям Леонида Сабанеева.

Программа.

1-ое отделение.

Préludes. Op. 3, e, cis.

Op. 8, e.

Op. 1, d.

Op. 10, h, H.

Poèmes. Op. 11, №№ 3, 4, 5.

Op. 14, № 4.

Prélude. Op. 2, № 4, C.

2-ое отделение.

Sonate. Op. 16, e.

Исполнит автор.

Начало ровно в 9 ч. веч.

Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 21 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 54 (Вяч. Иванову).

15 декабря 1916 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«Исполнены будут произведения Г. Кагуара, А. Крейна и Э. Купера.

Участовать будут г-жи К.Г. Держинская, В.И. Епанешникова, Н.А. Обухова, Е.А. Степанова, г.г. М.С. Куржиямский и Б.О. Сибор».

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 18 (В.Я. Брюсову).

1917

26 января 1917 (четверг).

Пятое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«К.Д. Бальмонт прочтет свои новые стихи из книги “Сонеты солнца, меда и луны”».

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 19 (В.Я. Брюсову).

2 марта 1917 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«Максимилиан Волошин прочтет свои новые стихотворения; Константин Липскеров свою поэму из современной жизни “Другой”».

Начало ровно в 8 час. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 20 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 6. Л. 9 (Вяч. Иванову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 20 (В.Я. Брюсову).

Возможно, собрание пронумеровано седьмым по ошибке: ср. тот же номер на повестке *23 марта 1917 г.*

23 марта 1917 (четверг).

Экстренное общее собрание. — Юридическое собрание.

«Предметы обсуждения: 1) заслушивание отчета за истекший 1915–1916 г.; 2) выборы двух представителей в Соединенный Совет литературных обществ, согласно с постановлением Собрания Президиумов 16 марта 1917 г.

В случае, если назначенное собрание не состоится за неприбытием гг. членов, требуемых уставом, в тот же день назначается вторичное, *в 7 час. веч.*, считающееся состоявшимся независимо от числа участвующих гг. членов.

В тот же день в том же помещении *ровно в 9 час. веч.* состоится очередное 7-ое <sic!> собрание общества.

Максимилиан Волошин прочтет свои новые стихотворения; Константин Липскеров свою поэму из современной жизни “Другой”».

Начало в 6 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 6. Л. 11 (Вяч. Иванову).

Брюсов записывал в сатирическом «Дневнике поэта» под этим днем:

«В “Эстетике”. Пять человек
 Пришло на общее собрание; —
 Полу-дельцов, полу-калек,
 Полу-поэтов... Сочетанье
 Смешное: Гиршман — Артюшков,
 Жеппе — Грабарь, Генриетта — Владя
 В пять-шесть минут дела улады,
 В Кружок я ехать был готов,
 Но, мудр, настойчив и непрошен,

Меня в дверях поймал Волошин
 (Я, впрочем, сам и звал его...)
 С “Верхарнами”... Не до того
 Мне было. Выслушал поспешно
 И убежал, чтоб не внимать,
 Как будет тот же Макс читать
 Поэму о “пещере грешной”
 (Eadem vulva), как потом
 Расхлябисто плохим стихом
 Поэмку Липскеров изложит...
 Туман — в душе, но все ж не может
 Она стерпеть, когда стихи
 Суть “блюдо скучной чепухи!”» [13, с. 30].

Список литературы

1. *Асеев Н.* Родословная поэзии: статьи, воспоминания, письма / сост. А.М. Крюкова и С.С. Лесневский. М.: Сов. писатель, 1990. 558 с.
2. *Богомолов Н.А.* Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913–1923) // *Russian literature*. 2016. Vol. 23–24. С. 201–247.
3. *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента / общ. ред., сост., подгот. текста и коммент. М.В. Орловой. М.: Водолей, 2015. 232 с.
4. *Гершензон М.О.* Узнать и полюбить: Из переписки 1893–1925 годов / сост., подгот. текста и коммент. Е.Ю. Литвин. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: [б.и.], 2016. 511 с.
5. *Зайцев П.Н.* Воспоминания / сост. М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 746 с.
6. *Зелинский К.* На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 годов. М.: Сов. писатель, 1960. 340 с.
7. *Ивнев Р.* Жар прожитых лет: Воспоминания. Дневники. Письма / подгот. текста, вступ. ст. Н.П. Леонтьева. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 572 с.
8. *Киссин С.* Легкое бремя / изд. подгот. И. Андреева. М.: Август, 1999. 416 с. (Bibliotheca de visu).
9. *Клюев Н.* Словесное древо. Проза / вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
10. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. Кн. 1–2. 784, 1104 с.
11. *Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1994. Т. 15. С. 7–162.
12. *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // *Литературный факт*. 2019. № 3 (13). С. 71–108.
13. *Незаконченный «Дневник поэта» / предисл. и публ. В.С. Дронова // Литературное наследство*. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 25–34.

14. *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
15. Переписка с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / вступ. ст. и публ. Т.Г. Динесман; пер. с фр. Н.Д. Эфрос при участии М.И. Беляевой // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 546–621.
16. Письма В.Ф. Ходасевича к Б.А. Садовскому / подгот. текста, сост. И.П. Андреевой. Анн Арбор: Ардис, 1983. 421 с.
17. *Поздеева З.И.* И я с Дубны // Зов родной земли: Вспоминая забытого поэта. М.: ИКАР, 1999. 296 с.
18. *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М.: Сов. писатель, 1990. 485 с.
19. *Романов А.Ю.* Возвращение поэта: материалы к биографии К.Д. Бальмонта (по газетным публикациям 1913 г.) // Солнечная пряжа. Иваново; Шуя: Издатель Епишева О.В., 2008. Вып. 2. С. 134–138.
20. *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2005. 268 с.
21. *Сафразбекян И.Р.* И. Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб – переводчики антологии «Поэзия Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван: Айастан, 1968. С. 210–228.
22. *Северянин И.* Сочинения: в 5 т. / сост. В.А. Кошелев, В.А. Сапогов. СПб.: Logos, 1995–1996.
23. *Серпинская Н.* Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М.: Молодая гвардия, 2003. 334 с.
24. *Соболев А.Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 384–457.
25. Устные воспоминания Р.О. Якобсона о Маяковском (1967) / публ. Е. Тоддеса // Тын्यानковский сборник. Рига; М.: Полграфист, 1995–1996. Вып. 9: Седьмые Тын्यानковские чтения: Материалы для обсуждения. С. 297–317.
26. *Фаворский В.А.* Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. М.: Книга, 1991. 384 с.
27. *Хвас И.* Мои первые встречи // Маяковский глазами современниц. Воспоминания. Диалоги / сост. В. Терехиной. СПб.: Росток, 2014. С. 94–107.
28. *Ходасевич А.И.* Воспоминания о В.Ф. Ходасевиче / вступ. ст. и подгот. текста Л.В. Горнунга // Ново-Басманная, 19. М.: Худож. лит., 1990. С. 386–410.
29. *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.
30. *Шервинский С.* От знакомства к родству: Стихи, переводы, очерки, воспоминания. Ереван: Советакан грох, 1986. 415 с.
31. *Шервинский С.В.* Стихотворения. Воспоминания / сост. Е.С. Дружининой. Томск: Водолей, 1997. 320 с.
32. *Шубинский В.* Владислав Ходасевич. Чающий и говорящий. М.: Молодая гвардия, 2012. 523 с. (ЖЗЛ. Вып. 1334).
33. *Якобсон Р.* Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент Б. Янгфельдта. М.: Гиля, 2012. 305 с.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020
Одобрена после рецензирования: 19.03.2020
Дата публикации: 25.09.2020

Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials. Part 2: 1912–1917

© 2020, Alexander L. Sobolev

Abstract: The history of the Moscow Free Aesthetics Society (1906–1917), based on insufficiently and unevenly studied sources, remains on the periphery of research interest. The main purpose of the present publication is to fill this gap. The chronicle is based on a wide spectrum of sources: the society's own reports (handwritten and printed), including financial; agendas and minutes of the Committee proceedings and general meetings; a register of guests at meetings in 1910–1912, preserved in the Manuscript department of the RSL; correspondence of participants; “Literary and Artistic Circle Proceedings”, published since 1913, as well as newspaper reports. The chronicle takes into account all dated official events of the Free Aesthetics Society: first of all, literary and musical evenings, but also the organizational meetings of the Society and its Committee, excluding particular meetings of society members. For the identified meetings, the date, status (general, closed, etc.), venue, topic, start time, conditions of guests admission, other information, including the number of participants and financial results, are given. These are followed with an outline of the main sources: the agenda (if known), a report, etc. After that, documents related to the preparation of the event, its implementation and consequences are listed. Letters and memoirs of the participants are cited. Thus, the chronicle describes the main aspects of the Free Aesthetics Society activities, and various sources, many of which have not been published before, are introduced into scientific circulation. The second part of the publication is dedicated to the last years of the Society (1912–1917).

Keywords: Free Aesthetics Society, chronicle, archival sources, newspaper reports, Futurists, V. Bryusov.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. “Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials. Part 2: 1912–1917.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 88–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-88-157>

References

1. Aseev, N. *Rodoslovnaia poezii: stat'i, vospominaniia, pis'ma* [*Genealogy of Poetry: Essays, Memoirs, Letters*], comp. by A.M. Kriukova and S.S. Lesnevsky. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 558 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. “Khodasevich v dnevnike I.N. Rozanova (1913–1923)” [“Khodasevich in I.N. Rozanov's Diary (1913–1923)”]. *Russian literature*, vol. 23–24, 2016, pp. 201–247. (In Russ.)
3. Briusov, V. *Pis'ma neofitsial'nogo korrespondenta* [*Letters of an Unofficial Correspondent*], ed., text prep. and comm. by M.V. Orlova. Moscow, Vodolei Publ., 2015. 232 p. (In Russ.)

4. Gershenzon, M.O. *Uznat' i poljubit': Iz perepiski 1893–1925 godov* [To Get to Know and Get to Like: From the Correspondence of 1893–1925], comp., text prep. and comment. by E.Yu. Litvin. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 511 p. (In Russ.)

5. Zaitsev, P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 746 p. (In Russ.)

6. Zelinskii, K. *Na rubezhe dvukh epokh: Literaturnye vstrechi 1917–1920 godov* [On the Cusp of Two Epochs: Literary Encounters of 1917–1920]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 340 p. (In Russ.)

7. Ivnev, R. *Zhar prozhytykh let: Vospominaniia. Dnevnik. Pis'ma* [The Fervor of Past Years: Memoirs. Diaries. Letters], text prep., introd. by N.P. Leontyev. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2007. 572 p. (In Russ.)

8. Kissin, S. *Legkoe bremia* [The Light Burden], prep. by I. Andreeva, series: Bibliotheca de visu. Moscow, Avgust Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)

9. Kliuev N. *Slovesnoe drevo: Proza* [The Tree of Words: Prose], introd. by A.I. Mikhailov, comp., text prep. and comm. by V. Garnin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2003. 688 p. (In Russ.)

10. Krusanov, A.V. *Russkii avangard: 1907–1932. Istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-garde: 1907–1932. Historical Review: in 3 vols.], vol. 1, books 1–2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 784, 1104 p. (In Russ.)

11. Loks, K. “Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917)” [“Tale of a decade (1907–1917)”], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical Almanac], vol. 15. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 7–162. (In Russ.)

12. Mozalevskii, V.I. “Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie)” [“Paths, ways, encounters (conclusion)”], text prep. and comm. by A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 71–108. (In Russ.)

13. “Nezakonchennyi “Dnevnik poeta”” [“The Unfinished “Poet’s Diary””], introd. and publ. by V.S. Dronov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valery Bryusov. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 25–34. (In Russ.)

14. Pasternak, B. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami: v 11 t.* [Complete Works with Appendixes: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2003–2005. (In Russ.)

15. “Perepiska s Emilem Verkharnom. 1906–1914” [“Correspondence with Emile Verhaeren. 1906–1914”], introd. and publ. by T.G. Dinesman, transl. from French by N.D. Efros with contributions from M.I. Belyayeva. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valery Bryusov. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 546–621. (In Russ.)

16. *Pis'ma V.F. Khodasevicha k B.A. Sadovskomu* [V.F. Khodasevich's letters to B.A. Sadovskoy], text prep., comp. by I.P. Andreeva. Ann Arbor, Ardis, 1983. 421 p. (In Russ.)

17. Pozdeeva, Z.I. “I ia s Dubny” [“I’m also from Dubna”]. *Zov rodnoi zemli: Vspominaia zabytogo poeta* [The Call of the Motherland: Remembering the Forgotten Poet]. Moscow, IKAR Publ., 1999. 296 p. (In Russ.)

18. Rozanov, I.N. *Literaturnye reputatsii* [Literary Reputations]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 485 p. (In Russ.)

19. Romanov, A.Iu. “Vozvrashchenie poeta: materialy k biografii K.D. Bal'monta (po gazetnym publikatsiiam 1913 g.)” [“The Return of the Poet: Materials for K.D. Balmont’s Biography (Based on 1913 Newspaper Publications)”]. *Solnechnaia priazha* [Solar Yarn], issue 2. Ivanovo, Shuia, Episheva O.V. Publ., 2008, pp. 134–138. (In Russ.)

20. Sabaneev, L.L. *Vospominaniia o Rossii* [Memoirs of Russia]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2005. 268 p. (In Russ.)
21. Safrazbekian, I.R. “I. Bunin, K. Bal’mont, V. Ivanov, F. Sologub — perevodchiki antologii ‘Poeziia Armenii’.” [“I. Bunin, K. Bal’mont, V. Ivanov, F. Sologub as Translators for the Anthology ‘Poetry of Armenia’.”] *Briusovskie chteniia 1966 goda* [Briusov Proceedings of 1966]. Yerevan, Aiastan Publ., 1968, pp. 210–228. (In Russ.)
22. Severianin, I. *Sochineniia: v 5 t.* [Works: in 5 vols.], comp. by V.A. Koshelev, V.A. Sapogov. St. Petersburg, Logos Publ., 1996. 400 p. (In Russ.)
23. Serpinskaia, N. *Flirt s zhizn’iu: Memuary intelligientki dvukh epoch* [Flirting with Life: Memoirs of an Intellectual Lady of Two Epochs]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2003. 334 p. (In Russ.)
24. Sobolev, A.L. “Obshchestvo svobodnoi estetiki (1906–1917). Materialy k khronike” [“Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle Materials”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 384–457. (In Russ.)
25. “Ustnye vospominaniia R.O. Iakobsona o Maiakovskom (1967)” [R.O. Yakobson’s Oral Memoirs of Maiakovsky], publ. by E. Toddes. *Tynianovskii sbornik* [Tynyanov Collection], issue 9: Sed’mye Tynianovskie chteniia: Materialy dlia obsuzhdeniia [7th Tynyanov Proceedings: Materials for Discussion]. Riga, Moscow, Poligrafist Publ., 1995–1996, pp. 297–317. (In Russ.)
26. Favorskii, V.F. *Vospominaniia sovremennikov. Pis’ma khudozhnika. Stenogrammy vystuplenii* [Memoirs of Contemporaries. Artist’s Letters. Verbatim Reports]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 384 p. (In Russ.)
27. Khvas, I. “Moi pervye vstrechi” [“My First Encounters”]. *Maiakovskii glazami sovremennits. Vospominaniia. Dialogi* [Maiakovsky as Seen by His Female Contemporaries. Memoirs. Dialogues], comp. by V. Terekhina. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014, pp. 94–107. (In Russ.)
28. Khodasevich, A.I. “Vospominaniia o V.F. Khodaseviche” [“Memoirs of V.F. Khodasevich”], introd., text prep. by L.V. Gornung. *Novo-Basmannaia, 19*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 386–410. (In Russ.)
29. Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994–1995. (In Russ.)
30. Shervinskii, S.V. *Ot znakomstva k rodstvu: Stikhi, perevody, ocherki, vospominaniia* [From Acquaintance to Kinship: Poems, Translations, Sketches, Memoirs]. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1986. 415 p. (In Russ.)
31. Shervinskii, S.V. *Stikhotvoreniia. Vospominaniia* [Poems. Memoirs], comp. by E.S. Druzhinina. Tomsk, Vodolei Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)
32. Shubinskii, V. *Vladislav Khodasevich. Chaiushchii i govoriashchii* [Vladislav Khodasevich. Hoping and Speaking], series: Zhizn’ zamechatel’nykh liudei [Life of Outstanding People], issue 1334. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012. 523 p. (In Russ.)
33. Iakobson, R. *Budetlyanin nauki: Vospominaniia, pis’ma, stat’i, stikhi, proza* [Budetlyanin of Science: Memoirs, Letters, Essays, Poems, Prose], comp., text prep., introd. and comm. by B. Jangfeldt. Moscow, Gileia Publ., 2012. 305 p. (In Russ.)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.09.2020

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная публикация архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-158-179>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

К истории русской потенциальной журналистики *Несостоявшийся журнал группы «Лирика»*

© 2020, Н.А. Богомолов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена нереализованному проекту издания литературного журнала, который разрабатывали в 1913 г. некоторые члены московского объединения «Лирика» — прежде всего, Сергей Дурылин и Юлиан Анисимов в сотрудничестве с Эллисом, Бобровым, Пастернаком и др. (скептически отнесся к проекту участник группы Н. Асеев). Планы издания, подбор тем и потенциальных авторов показывают органичную связь замысла с опытом работы ряда литературных объединений начала века — «Мусагета», Ритмического кружка и др., с авторским составом значимых для членов группы коллективных сборников тех лет. Подобные неосуществленные, но достаточно продуманные и во многом реалистичные планы издания журналов/альманахов автор статьи предлагает называть «потенциальной журналистикой», уделять внимание которой следует историкам культуры и литературы.

Ключевые слова: русская литература начала XX в.; история периодической печати; потенциальная журналистика; группа «Лирика»; С. Дурылин; С. Бобров; Б. Пастернак; Эллис.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru.

Для цитирования: *Богомолов Н.А.* К истории русской потенциальной журналистики. Несостоявшийся журнал группы «Лирика» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 158–179. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-158-179>

Памяти Е.В. Пастернак

Об истории и предыстории группы «Центрифуга» написано уже немало¹. Точно говорил об этом Л. Флейшман: «О “Центрифуге” можно говорить как о группе с “отмеченным началом”: выделение из группы “Лирика”» [24, с. 523]. Однако в самом этом начале есть некоторые не до конца проясненные эпизоды, связанные с тем, что главное внимание уделялось Б.Л. Пастернаку и тем моментам истории, которые были важны именно для его судьбы. А между тем, как не раз подчеркивалось, история литературы не есть «история генералов»², и даже мелкие, на первый взгляд, события оказываются важными в литературном движении эпохи. Об одном из таких эпизодов мы хотели бы напомнить, насытив это воспоминание достоверными сведениями.

Как хорошо известно и зафиксировано исследователями, созданию «Центрифуги» предшествовала деятельность группы «Лирика», которая просуществовала только один 1913 год, но успела сделать достаточно много, издав книги стихов и переводов своих членов, а также альманах, где дебютировал Пастернак (и его книга стихов «Близнец в тучах» также была издана «Лирикой»). Об этом написано достаточно подробно, известно и о противоречиях внутри «Лирики», приведших к взрыву и распаду группы. Но есть одно событие, о котором исследователи сообщают односложно: «Поводом для этих разногласий послужили планы Ю. Анисимова и С. Дурылина привлечь ко второму сборнику “Лирики” известных поэтов-символистов (Эллис, С.М. Соловьев, А. Белый, Б.А. Садовской, В.И. Иванов), что встретило серьезные возражения Н. Асеева» [15, с. 167]; «Летом, после выхода альманаха, стал усиленно дебатироваться план издания журнала. Следует иметь в виду, что если финансовая сторона дела обеспечивалась Анисимовыми, наибольшую организационную активность развертывал С. Бобров» [24, с. 523]. Некоторую ясность в этот вопрос внесли Е. Глуховская и Е. Зеленкова, авторы основной специальной статьи [13], однако, как нам кажется, существуют возможности более глубокого изучения вопроса. Мы не можем (по крайней мере, пока) установить все подводные течения, но внести некоторую ясность имеющиеся документы позволяют.

¹ Чтобы не загромождать текст подробной библиографией, отошлем читателей к справочнику: [25, с. 251–254]. С тех пор, помимо изданий, на которые мы будем ссылаться, появилось переиздание статей Л. Флейшмана (в его книге «От Пушкина к Пастернаку»): [24] и статья Д.Л. Шукурова: [26].

² Формулировка Ю.Н. Тынянова из начала статьи «О литературной эволюции», см.: [23, с. 270].

Итак, в конце апреля 1913 г. появился сборник «Лирика». 30 июня 1913 г. из подмосковного Пирогова С.Н. Дурылин написал С.П. Боброву. Письмо это почти полностью, хотя и с разбивкой на отдельные фрагменты, опубликовали Е. Глуховская и Е. Зеленкова, потому мы его не цитируем. Речь там идет о плане издания журнала (10 номеров в год, как «Аполлон»), очень скромных его финансовых возможностях и круге авторов. Именно о последнем мы бы хотели поговорить подробнее. В процитированном письме этот круг обрисовывался так: «О первом № я мыслю так (он будет январский, но выйдет в начале ноября вместе с объявлениями о журнале). В нем будут: 1) Неизданные стихи Вл. Соловьева», 2) стихи виднейших — т. е. постоянных — сотрудников: Рачинский, С. Соловьев, Белый, Эллис, Садовской, вы, Юлиан Анисимов, я, Вера Оскарловна Станевич, Сидоров»³.

В самом начале июля Дурылин получил письмо от Ю.П. Анисимова:

Дорогой Сережа. Ура!

Во-первых, Борис Николаевич дал согласие и обещает — серьезно — писать. Во-вторых, С.М. даст Соловьева (за гонорар). В третьих, если С.М. даст, то, вероятно, Киселев даст Языкова. — В 4-х, Александра Григорьевна обещала поискать у себя имеющееся у нее стихотворение Соловьева (это уже без гонорара!!!)

Кроме того Александра Григорьевна предложила свое сотрудничество. Я, конечно, сделал подходящее лицо и ничего не понял. Наконец выяснилось, что она хотела бы поместить большую довольно вещь «Глухонемой какой-то», мистический полурассказ. Собственно, об этом не мешает подумать. Видишь ли, это, пожалуй, был бы неплохой стиль отдать 1 из №№ только под эту вещь, снабдив ее краткой, но выразительной заметкой об самой А.Г., «уцелевшем обломке» или свидетельнице или что хочешь блестящей эпохи (?!?!), плеяды, припутать Вл. адмирала Сергеевича Соловьева etc. Я-то, положим, не слышал рассказа, но, говорят, очень интересен — это раз, а два — ей же Богу, печатая его, можно и себе удовольствие сделать и кому следует нравственный нос утереть. Ну вот, милый. Ах да. У Александры же Григорьевны есть записка Тургенева, хотя и незначительная⁴.

³ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 495. Л. 14 об. Карандашная помета (видимо, рукой Боброва): «4.VII.913». О разделе переводов, статей и библиографии см. в работе: [13].

⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 415. Л. 3–4 об. Письмо на бланке: Книгоиздательство «ЛИРИКА». Адрес редакции: Москва, Малая Молчановка,

Это письмо явно связано с Дедовым или его окрестностями. Имение принадлежало упоминаемой в письме А.Г. Коваленской (1829–1914), небезызвестной детской писательнице, бабушке С.М. Соловьева и двоюродной бабушке А.А. Блока⁵. В Дедове, кроме Соловьева, часто бывали Белый и Эллис, что делало имение одним из центров общения русских символистов. Ю.П. Анисимов также был с Дедовым связан. Так, он снимал дачу сперва в Хованском (см.: [17, с. 138]), а в 1917 г. — в Петровском около Дедова⁶. В июне 1913 г. Белый был в Дедове⁷, где, видимо, и пересекся с Анисимовым. Соловьев же там постоянно жил. Кстати, сама природа этого расхождения Белого и Соловьева могла оказать влияние на дальнейшую судьбу «Лирики» и ее потенциального журнала. Причиной конфликта стало приобщение Белого к антропософии и нежелание Соловьева уйти от строгого православия (подробнее см.: [4]). Как раз «1913—1915 годы <...> стали для Сергея Соловьева временем нового открытия православия <...> Он поистине преклонился перед тем, что до сих пор знал поверхностно, по-бытовому» [22, с. 65]. Напомним довольно известные слова К.Г. Локса об Анисимовых: «...мрак и ханжеские настроения возникли на этой веселой квартире <...> В углах начали скопляться какие-то тени, и они впоследствии оформились в занятиях антропософией, которым начала предаваться В.О. <Станевич. — Н.Б.>. Собрания книгоиздательства “Лирика” скоро начали походить на секту, и Бобров стал поговаривать о необходимости изменить положение вещей» [17, с. 98]. Не только Бобров, Асеев (а впоследствии Пастернак), положившие основание «Центрифуге», были настроены против антропософии, но и Дурьлин, шедший по пути, в конце концов приведшему его к священническому сану.

«Киселев даст Языкова» — эта запись несколько загадочна. Среди сотрудников «молодого Мусагета» был известный впоследствии книговед и историк масонства Николай Петрович Киселев (1884–1965), долгое время служивший секретарем издательства «Мусагет». Он происходил из древней дворянской семьи, среди его предков были люди, вошедшие в историю русской культуры (как, например, ба-

д. 6, кв. 11. Ю.П. Анисимов. Телефон 1-89-65. Склад издания: книгоиздательство «МУСАГЕТ». Москва, Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9. Телефон 1-79-50.

⁵ О ней и о Дедове см. в воспоминаниях Белого «Между двух революций»: [7, т. XIII, с. 8–15] и в последующем комментарии А.В. Лаврова.

⁶ См. запись в «Ракурсе к дневнику» Андрея Белого об июле 1917 г.: [16, с. 436].

⁷ См. в «Материале к биографии»: «...скоро мы собрались и поехали в Дедово, к Соловьевым <...> у меня в Дедове вышло серьезное столкновение с С.М. Соловьевым на идеологической почве; и мы, крупно поговорив, расстались» [16, с. 137].

бушка Е.Н. Ушакова, в чьем альбоме сохранились записи Пушкина). О том, что он обладал какими-то материалами Н.М. Языкова, свидетельствует письмо А.С. Петровского к Белому от 31 марта 1911 г.: «Киселев готовит том “Архива Киселевых” с неизданными стихами Языкова, рисунками Пушкина и всяческой перепиской; сдает на Фоминой»⁸ [2, с. 180]. О том, что его интерес к творчеству Языкова не пропал и в дальнейшем, говорит письмо к Я.Л. Барскову от 24 июня 1934 г., где он пишет (сразу заметим, что несправедливо по отношению к редактору): «Вот и Азадовский в Языкове: в общем издание добропорядочное, а в некоторых частностях наворотил такого, что глядеть тошно» [14, с. 173].

7 июля, прочитав это письмо Анисимова, Дурылин снова пишет Боброву. Скептически отвечая на его предложение об издании «Генриха фон Офтердингена» Новалиса⁹ и пересказывая предложения Анисимова, наиболее существенную часть своего послания он посвящает ответу на очевидные сомнения Боброва в необходимости участия в будущем журнале Эллиса¹⁰:

Относительно Эллиса буду подробен.

Кто решил пригласить Эллиса? — спрашиваете Вы в 1-ом письме, подчеркивая вопрос. Буду паки откровенен. Для нас, т. е. меня, Юлиана, Веры Оскаровны, это само собой подразумевалось; также подразумевается это и для С. Соловьева, например, — и подразумевается <так!>. Можно быть какого угодно мнения о литературных дарованиях Эллиса, но невозможно отвергать, что позиция Эллиса-критика относительно символизма оставалась всегда неколебимо крепкой, непокинутой и *чистой*. Он ни от чего не отказался и никому не передался. Для него невозможны «Стихи Нелли». Можно лучше писать, чем он пишет, но то, что он пишет, было всегда борьбой за совесть, а не за страх. И Эллис *нужен* Лирике: защита позиции *символизма* в ней — нуждается в нем, ибо ни Вы, ни Ю<лиан>, ни я, ни Соловьев не преданы первее¹¹ всей этой позиции: для Вас вопросы

⁸ Такой том издан не был.

⁹ Чей перевод он предлагал для издания, — неизвестно. Отметим только, что в 1914 г. был издан выполненный Г. Петниковым перевод «Фрагментов» (а в 1920 г. — «Учеников в Саисе»).

¹⁰ К сожалению, даже после обращения к директору РГАЛИ нам было отказано в выдаче подлинников писем Боброва и Эллиса к Дурылину (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 438, 928), а микрофильмы, предлагаемые взамен, невозможны для скольконибудь ответственного чтения, особенно при весьма неразборчивом почерке обоих корреспондентов.

¹¹ Подчеркнуто трижды.

чистого лиризма, техники, лиротворчества явно преобладают над остальными, для меня — религиозного начала в искусстве, для Соловьева — «русское возрождение», Садовского — «пушкинианство» и т. д. Величина Эллисовских работ будет продиктована нами, т. е., вернее, размером журнала. Угрозы в 600 стихов проблематичны, и опять-таки первой всего размера ради. Затем, лично от себя скажу, за последнее время я получал от Эллиса такие интересные, значительные письма, что для меня нет сомнения, что Эллис даст много интересного и нового; крахтовские же отзывы о Эллисе для меня столько же значат, сколько его же отзывы о Вас¹². Скажу еще, что именно Эллис бескорыстнее и более всех сочувствует *плану* предполагаемого журнала и его *задачам*. Ergo, — сердитесь, не сердитесь на меня, — но я (в полном согласии с Юлианом и Верой О<скарвной>) «Лирики» без Эллиса не мыслю¹³.

И далее он снова говорит о тех авторах, которые уже завоевали себе славу. В первом письме вдобавок к упомянутым выше были названы Блок и Вяч. Иванов, здесь их имена снова повторяются: «Хорошо бы добыть стихи от Белого. Но как это сделать? а также от В. Иванова, от Блока?»

Наконец, последнее письмо, основную часть которого мы публикуем, не датировано, но, судя по всему, относится уже к концу лета или началу осени 1913 г.¹⁴ Анисимов сообщал Дурылину:

Дорогой Сережа.

Было бы нужно повидаться. Во 1-х). Надо все-таки нам решить, как взять узду на наших гг. хулиганов, находящихся, что Нелли несравненно лучше Нежной Тайны, говорящих, что работать с Эллисом нельзя etc.

2) Поэтому напиши Боре (ст. Столбовая. Курск. ж.д. имение Молоди). Напиши «вообще», ни о ком не говоря, чтобы ему «пахать <?>» и в других направлениях.

3) Соловьев дает отрывки статьи.

¹² Речь идет о скульпторе Константине Федоровиче Крахте (1868–1919), на квартире или в студии которого проходили заседания кружка «молодого Мусажета» по изучению символизма в искусстве под руководством Эллиса. Там состоялось первое публичное выступление Б.Л. Пастернака — доклад «Символизм и бессмертие» (1913).

¹³ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 495. Л. 16–16 об.

¹⁴ Основанием для датировки (отдаем себе отчет, что слабым) служит то, что, согласно воспоминаниям Локса, «в начале сентября семейство Анисимовых прибыло в Москву» [17, с. 98], на новую квартиру.

- 4) У меня готова книжка стихов Рильке (пред<исловие> Вячеслава вероятно).
- 5) Вопросы о приглашении Бердяева, Брюсова и еще.
- 6) Приглашение Верховского.
- 7) Еще раз обуздание Боброва.
- 8) Письмо-требование к Б.Н.¹⁵

«Господа хулиганы» здесь, конечно, в первую очередь Бобров, но, вероятно, и Н. Асеев, давший в письме к Боброву от 30 июля недвусмысленную характеристику планам Дурылина: «Смесь доморощенной теософии и сентиментально-грубого славянофильства — вот что будет в журнале Эллиса — Анисимова — Дурылина. Все это глубоко чуждо и враждебно мне, не говоря уже о некрасивых потугах рекламировать себя на всех перекрестках и улицах. Я думаю, что Боря будет в добром согласии с нами»¹⁶ (цит. по: [19, с. 174]).

Нелли (т. е. «Стихи Нелли») — полумистификация В.Я. Брюсова. «Нежная тайна» — сборник стихов Вяч. Иванова, вышедший в 1912 г. Боря — Б.Л. Пастернак. К книжке стихов Рильке предисловие написал не Вяч. Иванов, как тут предполагалось, а Г.А. Рачинский¹⁷. Остальные пункты письма (приглашение к сотрудничеству Н.А. Бердяева, Брюсова, Ю.Н. Верховского, «письмо-требование» к Б.Н., т. е. Андрею Белому) остались только планами Анисимова.

О том, к чему привели планы Дурылина привлечь к самому активному сотрудничеству в новом журнале Эллиса, уже написано в статье Глуховской и Зеленковой: это было одним из факторов, предопределивших раскол «Лирики» и выделение из нее «Центрифуги». Однако мы хотели бы обратить взгляд не в будущее, а в прошлое.

Обратим внимание на состав авторов планируемого журнала, насколько он вырисовывается по данным письмам. Выпишем имена в столбик в том порядке, который нам впоследствии будет удобен:

Вл. Соловьев
А.Г. Коваленская
Эллис
Сергей Соловьев
Андрей Белый

С. Бобров
Ю. Анисимов
С. Дурылин
В. Станевич
А. Сидоров

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 415. Л. 5–6.

¹⁶ Как видим, и та, и другая группа апеллируют к мнению Б.Л. Пастернака.

¹⁷ Подробнее об отношениях Вяч. Иванова и Анисимова см.: [1, с. 353–361]. Анисимов был у Иванова и просил его о предисловии 8 октября.

Вяч. Иванов	Р. Рильке
Г.А. Рачинский	А. Рембо
А. Блок	Ш. ван Лерберг
А. Добролюбов	Н.П. Киселев (?)
Сведения о Пушкине	Н.М. Языков (?)
Б. Садовской	И.С. Тургенев.

Отбрасываем Боброва, Анисимова, Дурылина, Станевич, Сидорова, Киселева, слишком молодых для наших замечаний; неизвестного автора сведений о Пушкине; Языкова и Тургенева как пришельцев слишком давних эпох и получаем, что у нас осталось почти поровну авторов, желанных для журнала «Лирики» и уже напечатавшихся в одном издании семь лет тому назад (общих оказывается даже чуть больше — семь человек против шести, а если изгнать иностранных авторов, то и вообще «Лирику» будут представлять лишь три автора: Блок, Добролюбов и Садовской).

Имеющееся в виду издание — литературно-философский сборник «Свободная совесть», два выпуска которого появились в 1906 г. Особенно замечателен в интересующем нас отношении второй, где одно за другим следуют: стихотворение Вл. Соловьева, рассказ А.Г. Коваленской, четыре больших стихотворения (или маленьких поэмы) Элліса¹⁸, громадная по объему драматическая поэма и пять стихотворений С. Соловьева, стихотворение Белого, четыре стихотворения Элліса — всего 162 страницы из 357. И дальше находим еще стихотворение Вяч. Иванова, перевод Г. Рачинского из церковных канонов и две статьи Белого (16 страниц в общей сложности). Получается, что ровно половину объема этой книги занимают произведения тех авторов, которые были желанны и в «Лирике». В первом сборнике не участвовал Вяч. Иванов, но все остальные были представлены.

«Свободная совесть» не относится к числу самых широко известных символистских сборников, поэтому следует напомнить факты истории. Подробнее всех написал о сборниках Андрей Белый: «Главная деятельность кружка “аргонавтов” перенеслась на “среды” вошедшего с нами в контакт П.И. Астрова, с которым меня познакомил неистовый Элліс, выдумавший парадоксальнейшие сочетания людей; результатом сближения астровского кружка с аргонавтами неожиданно возник сборник “Свободная Совесть”. Ядро астровцев-аргонавтов составили: П.И. Астров, А.М. Астрова,

¹⁸ Одна из них посвящена, между прочим, Н.П. Киселеву; остальные — Белому, С.М. Соловьеву и оккультистке К.П. Христофоровой.

старый художник Астафьев, Шкляревский (учитель гимназии), Эллис, М. Эртель, П. Батюшков, М.И. Сизов, Соловьев, Христофорова, Шперлинг, В.П. Поливанов, Рачинский и некоторые другие; здесь часто бывали Н.И., В.И. и А.И. Астровы (братья П.И.), Эрн, Свенцицкий, Флоренский и некоторые деятели московского судебного мира, выслушивавшие горячие речи Эллиса, пропагандировавшего символизм, культ Бодлера и Данте. Вопросы общественности перекрещивались здесь с эстетикой»¹⁹ [5, с. 54]. Более жесток он был к кружку в канонической редакции «Начала века»: «...“труп” Кобылинского восставал к новой жизненной фазе: из пепла “марксиста” вылетел “феникс” символизма, когда вообразилось ему на моих воскресниках, что пять-шесть дерзких юношей могут разнести символизм по всем российским захолустьям; в конце концов мы с ним расходились даже в понимании символизма; но он тотчас же в кружке “аргонавтов” присвоил себе самочинно роль “агитатора”, который в агитацию глубоко не верил; он нам ее, так сказать, “всучил”, до сюрприза, до неприятности, навязав на шею глубоко чуждых, явившихся из другого мира ни более ни менее как четырех братьев Астровых: мирового судью, думца, профессора и Владимира Астрова, да с женами, да с матерями жен; он заставил нас с год влачить на себе тяжкое инородное тело, пока не выявилась кадетская, и только, сущность четырех братьев, ни аза не понимавших в Бодлере и Брюсове, но из смирения перед Кобылинским протвердивших:

— “Брюсов, Бодлер — Бодлер, Брюсов!”

П.И. Астрова более всего влек священник Григорий Петров; Н.И. Астрова интересовали отчеты городской думы; остальные два брата даже не мыкнули в нашей среде; а между тем: мы полтора года протяготились друг другом; даже сообща издали ничемный сборник: “Свободная совесть”»²⁰ [7, т. XII, с. 36–37].

Сборники были встречены неодобрительными откликами. Хорошо известно, как отзывался о них Блок в двух обширных рецензиях²¹, причем за первую даже извинялся в письме к Белому от 22 мая

¹⁹ Дословно заимствовано автором из более раннего текста, см.: [6, с. 130].

²⁰ Причины смены тональности довольно очевидны. В 1921 г., уехав из советской России, Белый писал жене: «Все мы в 1919 году были полны этой тьмой: в Москве расстреляли Астровых, Щепкина, Пашуканиса, Михаила Анатол<евича> Мамонтова, сошел с ума от голода Юрочка Веселовский, профессор Хвостов перерезал себе горло в припадке меланхолии...» [21, с. 519]. Н.И. Астров был в эмиграции, а П.И. Астров, сменив фамилию, затерялся.

²¹ Весы. 1906. № 2. С. 71–74; Золотое руно. 1906. № 10. С. 93–95. Ныне см.: [8].

1906 г.²² [3, с. 285]. Приведем лишь два фрагмента из публикаций людей, хорошо знавших авторов, но тем не менее не удержавшихся от порицаний: «...в самом деле, суммируя впечатления от оригинальных произведений сборника, мы можем высказаться так: философская проза здесь не останавливает на себе внимания; проза художественная — вся сплошь ниже критики; что касается стихов, то те из них, которые помечены именами Вячеслава Иванова и Андрея Белого, не достигают обычного уровня творчества этих авторов. <...> Зато очень хорошо кое-что у С. Соловьева и Эллиса. “Храм”, “Раба Христова”, “У пруда” — первого, “В апреле” — второго составляют, по нашему мнению, лучшие вещи всего сборника <...> Что касается прочих стихотворных авторов, принявших участие в сборнике, то они не заслуживают упоминания»²³; «Мне думалось сначала написать о двух московских сборниках, вышедших почти одновременно: “Свободная Совесть” (вып. II) и “Вопросы религии”. Но я, кажется, напишу только о втором. И во втором-то многое мне непонятно; самый же смысл существования первого, “Свободной Совести”, — его живое лицо, — окончательно от меня ускользает. Пришлось бы утверждать, что ни смысла, ни живого лица у этого сборника нет; а я этого не хочу. Я знаю многих участников его как людей талантливых и значительных; если данные их статьи и не из лучших-то — то это еще ничего не значит. Я смысла соединения их, в одной тяжелой книжке под одной серой обложкой Свободной Совести — не понимаю, — и лучше не буду никого судить, оставляя это на совести участников. Может быть, С. Соловьев и А. Белый знают, где и чем их произведения связаны с длинной дамской повестью о храбром генерале, любящем розы, и его героической дочери, защищавшей крепость во время усмирения Кавказа и поддерживавшей честь полка; я этой связи не вижу и лгать не хочу, что вижу. Не вижу в “сборнике”, в его факте — никакого “дела”, ничего “общего”. Оттого и не могу ничего писать»²⁴.

Такое единодушное отношение рецензентов и мемуаристов не побуждало к исследовательскому энтузиазму. А между тем следовало бы, на наш взгляд, отметить несколько особенностей этого сборника.

²² См. также письмо Белого от 26 мая, где он заявляет о своем выходе из состава авторов сборника (что, впрочем, не состоялось): [3, с. 286–287].

²³ *Алеиск* <А.И. Бачинский>. [Рец. на:] Свободная Совесть. Литературно-философский сборник. Книга вторая. Москва, 1906, стр. 357, цена 1 р. 70 к. // Перевал. 1907. № 3. С. 55. Первую книгу Бачинский рецензировал в «Золотом руне» (1906. № 1. С. 145–148).

²⁴ *Гиппиус Зинаида*. Без мира // Весы. 1907. № 1. С. 57. Вошло в кн.: *Антон Крайний* (З. Гиппиус). Литературный дневник 1899–1907. СПб., 1908. Ныне см.: [11].

Прежде всего скажем, что в книге, заключающей в себе эллисовский перевод «Цветов зла», в списке «Книги Эллиса» под № 5 значится: «Свободная совесть», вып. I и II (литературно-философский сборник)²⁵. То есть коллективный сборник представлен как личное дело одного из его авторов.

Второе, что следует отметить, — «Свободную совесть» читал Дурьлин и особое внимание обратил именно на стихи Эллиса: «После Ваших поэм во II сб<орнике> “Св<ободной> С<о>в<ести>”, Вы впервые, кажется, выступаете с циклом стихов. Он оставляет цельное и яркое впечатление»²⁶ [18, с. 127]. Подробнее о его отношении к личности и творчеству Эллиса уже в 1920-е гг. нам приходилось писать [9].

Далее. Выше мы не посчитали Н.П. Киселева в числе тех, кто сотрудничал в «Свободной совести». Однако, как свидетельствуют документы, он активно участвовал в издании этого сборника. Краткие записки П.И. Астрова фиксируют, что он читал корректуры довольно многих материалов первого сборника и предполагалось (мы не знаем, осуществилось ли) такое же его участие и в издании второго²⁷. Таким образом, протягивается еще одна непосредственная связь между «Свободной совестью» и «молодым Мусагетом».

Наконец следует сказать, что в 1906–1907 гг. планировалось издание еще одного сборника — вероятнее всего, того же типа, что и «Свободная совесть», то есть литературно-философского. Судя по тому, что единственные нам известные сведения находятся в письмах Эллиса к тому же Н.П. Киселеву, они и были его инициаторами или, по крайней мере, находились среди организаторов.

Первое упоминание плана находим в письме от 5 июля 1906 г. (датируется по почтовому штемпелю) из Выборга:

Дражайший Уинг!

Мы ищем рукавицы, к<ото>рые у нас за поясом.

Наш будущий сборник будет сплошным позором, если там не будет помещены переводы <так!> наиболее ядовитых и ярких мест из «Einzig» М. Штирнера. Твой долг заняться этим, ибо не иметь в своей библиотеке Штирнера вообще тебе нельзя.

²⁵ *Бодлэр Шарль*. Цветы зла / пер. Эллиса с вступ. ст. Теофиля Готье и предисл. Валерия Брюсова; с портр. Бодлэра. М.: К-во «Заратустра», 1908. С. нenum.

²⁶ Письмо от 16 ноября 1909 г. Предметом сравнения является цикл стихов Эллиса «Стигматы» (Весы. 1909. № 9).

²⁷ РГБ. Ф. 128/III. Карт. 1. Ед. хр. 35. Сведений о «Свободной совести» просил у Киселева Эллис.

Озаботься этим переводом, сам, или попроси Аралова.

Подумай только, сколько невинных душ и «товарищей» мы смутим, сколько глупых дроздов попадутся в силки.

Воистину мы должны стать птицеловами!

Услышь мой вопль, полюби *спектр личности*, работай для этого.

Штирнер — единств<енный> учитель Ницше. Изучая его, ты приблизишься вплотную к философу-демону!

О будущий сборник, сотканный из символов Готье и афоризмов Штирнера!..

Бедный проф. Знаменский!.. Как будут ликовать Белый и Соловьев, какой пробел в нашей переводной литературе мы заткнем!.. Успех сборника будет обеспечен.

Кроме того, этим мы положим основу пропаганду <так!> анархизма, мы лично, т. е. Эллис+Уингм²⁸.

В качестве комментария скажем, что «Уинг» (т. е. Wing) было прозвище Киселева в переписке с Эллисом. Происходило оно, скорее всего, от свифтовского Гуингма, поскольку первые известные нам письма начинаются этим именем и даже несут его на конверте. «Der Einzige und sein Eigentum» (1844; в разных русских переводах — «Единственный и его собственность» или «Единственный и его достояние») — главная книга Макса Штирнера (1806–1856). План Эллиса пропагандировать его в сборнике выглядел странным: еще в 1902 г. вышла небольшая (90 страниц) книга В.Ф. Саводника «Ницшеанец 40-х годов», а в 1906–1907 гг. появилось сразу шесть полных переводов книги (СПб.: Изд. редакции «Нового журнала литературы, искусства и науки», 1906²⁹; Лейпциг; СПб.: Мысль, 1906; М.: Индивид, 1906; М.: В.М. Саблин, 1907; СПб.: В.И. Яковенко, 1907; СПб.: Светоч, 1907—1909).

Примерно через полгода Эллис пишет еще письмо:

Дорогой Уинг.

Я приеду в Москву не раньше 10-го. Вероятно, Алексей Иванович уже в Москве и я страшно желаю знать о нем. <...> Что вы с ним думаете о «Vox coelesta»?

Я полагаю с своей стороны, что должно ограничиться картиной лишь на обложке, ибо придется платить гонорар сотрудникам.

²⁸ РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 7–7 об.

²⁹ В том же 1906 г. перевод печатался в этом журнале.

Необходимо добыть через Сережу Соловьева у Поливановых рукопись (неизданную) Льва Ивановича, перевод одной из трагедий Расина. Сережа мог бы выручить ее.

Забыл заглавие этой драмы, но сюжет, по словам моей мамы, касается эпохи битвы язычества с христианством...³⁰

Я набрасываю поэму, где сопоставляется драма Христа с годичным течением солнца

Солнце, как Вифлеемская звезда...

Солнце в пустыне

С<олнце> в зените, торжествующее, мировая любовь

Солнце на закате — «страсти Господни»

и Солнце — Феникс — воскресение

Солнце в новых мирах

.....

Касательно «Vox...» — необходим перевод «Серафит» Бальзака. У Рачинского он начат³¹.

У Виктора Гофмана я уже получил согласие на его «Луг».

Очень хорошо, *форма безукоризненна*, и стихотворение в прозе «Сказка о цветах» во вкусе Уайльда.

Необходимо взять у Грифцова «Зимнюю сонату». Еще подумаем, печатать ли ее, но как *сырой* материал для сборника она необходима.

У Сережи Соловьева надо взять «Монастырь» — это истинно-поэтическая (хотя слегка не православная вещь). До сих пор я восхищаюсь ей безгранично. Вчера ночью я почему-то вспомнил о ней и мысленно перечитывал ее тысячи раз. Необходимо ее в *наш* сборник, конечно, он даст ее!.. Едва ли он думает поместить ее в свой сборник! Кажется, в его сборнике будут только стихотворения и не поэмы!

Дорогой Уинг, уговори его дать поэму «Монастырь» в «Vox coelesta», ибо это — действительно — vox coelesta!

Там есть... и плакали цветы и

Вообще у него есть много заброшенных им дивных стихотворений, терцины, написанные под влиянием Листа, стихотворения к Асе — усовершенствованный пушкинский ямб (я не знаю ничего лучше в современной лирике), есть много переводов из Шенье, Мюссе, Эредиа, *Ронсара*, Гете («Баядера и Магадэва»). Вообще выпотроши его!..

³⁰ Абзац отчеркнут по полям и поставлено NB.

³¹ Отчеркнуто по полям и поставлен вопросительный знак.

Дорогой Уинг, умоляю тебя, не покладая рук и не приклеиваясь к своей лампе, собирать материал для «Vox»...³²

Это письмо дает очень многое. Во-первых, мы узнаем название сборника. Во-вторых, решительно расширяется круг материалов, которые могут или даже должны быть там напечатаны. Большинство из них или не определяются, или определяются с трудом. Так, мы знаем, что опубликованы два перевода Л.И. Поливанова из Расина — «Гофолия» («Аталия») и «Федра»; в его архивном фонде есть фрагменты перевода «Андромахи», но ничто не соотносится с тем описанием, которое дает Эллис. «Луг» Виктора Гофмана — почти наверняка его «Песня к лугу» (1906), вошедшая в книгу «Искус», а вот «Сказки о цветах» мы не знаем. Возможно, она входила в объявленный сборник «Сказки каждого дня», но от него, по свидетельству В.Ф. Ходасевича, «не сохранилось ни строчки»³³. Не знаем мы и кто такой Алексей Иванович, с упоминания которого начинается письмо.

Но в любом случае путь от «Свободной совести», где участвовали Эллис, Соловьев, Рачинский, к постепенному введению в этот круг молодых авторов (В. Гофман, Б. Грифцов) очевиден.

Однако, как это часто бывало, Эллис, взорвавшись рядом идей и даже намеков на практические дела, очень быстро стал угасать. Об этом свидетельствует письмо от 13 января 1907 г. (датируется по помете Н.П. Киселева), ровно через неделю после предыдущего:

Дорогой Уинг!

Твой долг — экспроприировать у Миши Сизова статью Метерлинка, у Сережи Соловьева выбрать до 10–15 лучших и наиболее *аристократических* стихотворений для «Vox coelesta». Верю, что ты свой перевод начал и кончишь до 7 января!³⁴ Я тоже не сплю.

Я добыл неизданное стихотворение отца, Льва Поливанова, к<ото>рое и прилагаю при этом письме для нашего сборника. Она <так!> — прекрасно! Убеждаю маму по 4 часа в сутки (в среднем) сделать выборку из его переписки с ней, и предполагаю напечатать ее там же! Я знаю в Москве одного черносотенника, у к<отор>ого на руках посмертные записные книжки Фета с неизданными стихами и набросками. Предполагаю повести агитацию и добыть их! Умоляю

³² РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 16–18 об. Написано карандашом. Датируется по помете Киселева: 6 января 1907.

³³ Ходасевич В. Виктор Викторович Гофман (Биографический очерк) // Гофман Виктор. Собрание сочинений. М., 1917. Т. 1. С. XX.

³⁴ Вероятно, описка и должно читаться «7 февраля».

тебя добыть и <так!> С. Соловьева *неизданные* стихи Вл.С. Соловьева (письма), коих у него весьма много!! Нужна только строгая выборка, чтобы не рифмовали «плевелáми» и «волчцáми»...

Сделай это немедленно же, умоляю тебя!..

Я написал здесь несколько лирических набросков, но не могу их закруглить и потому подожду сообщать тебе.

Купи «Хризопраз», к<ото>рый уже вышел в свет, там прекрасная заметка Сережи о «микроцефалах» и 3 его совершенных перевода из Эредиа!.. Там же моя поэма «Израиллю» с ошибкой, вместо «ты молвил гневно» — «дерзновенно» при рифме «ежедневно»...

Вообще «Хризопраз» очень плох, благодаря хулигану Садовскому и массе бездарных стихов, но некоторые из них хороши (Григорьева, Ариэлли). Ругань — вне всякой корректности, в стиле кучеров и лакеев, или соц. демократов, (да еще «большевиков»). «Смесь черной сотни с анархизмом» — вот общий тон сего журнала. Надо прибрать его к рукам или вовсе уйти из него!³⁵

И уж совсем последнее, мимолетное упоминание — в беглой записке от 4 февраля 1907 г. (датируется по помете Киселева):

Дорогой Уинг!

Пришли мне, пожалуйста, с подателем сей записки перевод из Роденбаха («Друг зеркал»), «Геройская смерть» Бодлэра и те переводы из «Fleurs du mal», которые находятся у тебя и предназначены для «Vox coelestis» <так!> -----

Также перевод Веселовской из «L'élite».

Твой Эллис³⁶.

Этим заканчивается история еще одного потенциального издания, где главной действующей силой должен был стать Эллис, а его помощником — Н.П. Киселев, с которым они какое-то время были ближайшими друзьями. Для характеристики их отношений того времени приведем фрагменты письма Эллиса от 15 сентября 1908 г. из Москвы в Гейдельберг:

Два дома в Москве — символы нашей, быть может, прервавшейся дружбы. Колыбель ее — дом Шереметьева, могила — дом Малевско-

³⁵ РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 19, 21. Пассаж о сборнике «Хризопраз» частично процитирован в: [12, с. 101] (разноречие в правописании заглавия книги — авторское).

³⁶ Там же. Л. 22.

го. Когда я прохожу мимо, то вспоминается сразу все... и становится страшно! Как бы я не продолжал верить в тебя и издали ощущать твое бытие, я по свойственному мне упоению пыткой и жаждой доводить до последней грани все, не могу не сознавать, что наша поэтическая, бескорыстная и глубоко-идейная и чистая дружба в той ее реальной форме, начало к<ото>рой восходит к «Св. Девушке» Росетти, к «9 января», к эпохе моей битвы с финансовым правом, а конец к общему кризису русской жизни (ибо нельзя жить и мечтать под частоколом из виселиц), к общей трагедии всех нас, «новых людей» (Бугаева, Соловьева, Элліса, Бальмонта).

Страшное время — сейчас!

Все умирает. Ничего не нарождается. Петербургская сволочь исчезает, как мошки!

Нет сил примириться с теми разбитыми надеждами, в к<ото>рые верилось еще так недавно. Разве повторится эпоха «II симфонии», «Будем, как солнце»?! <...>

Много нас, рыцарей, вышли искать Граля <так> под знаменем распятия и безумия. Никому не суждено дойти до св. Земли. В начале нашей дружбы ты рассказывал мне о нескольких немецких художниках, уехавших в болото и проживших там до 10 лет в общении с истерическими березками и мудрыми зеркалами гниющей воды. И думал я тогда, что их подвиг станет нашим подвигом, ибо жизнь без подвига позорна!

Но вышло иначе.

Бальмонт стал «славянином», Брюсов ищет только земного Рая, хотя и отрицает Землю, кроме того, я предчувствую его трагическую гибель, А. Белый сам распял себя на шкапу с нарядами Прекрасной Дамы, заменив черные гвозди шпильками от шляпок, Соловьев сам виноват, что «Дева Назарета» стала широка уже не как лебедь, а как гусь, Блок стал проституткой, В. Иванов мистическим педерастом, появились «Шиповники», — стало быть, *finis Poloniae!*

Никто не виноват ни в чем, ибо «Буквы звездной книги беспристрастны!» Если *мы все* виноваты, то, б<ыть> м<ожет>, обратно в излишней дерзости и самообольщении³⁷.

К 1913 г., конечно, многое изменилось. Элліс, хотя и не чувствовал себя вполне уверенно в «Мусагете», все-таки обладал способностью печатать многие свои труды. Киселев явно перестал претендовать на литературское поприще, занялся издательской деятельностью в том же «Мусагете» и книговедением. А вот пришедший в этот круг

³⁷ Там же. Л. 24–25 об.

несколько позднее С.Н. Дурьлин, по всей видимости, хотел хотя бы до какой-то степени реставрировать те же тенденции, которые проявились в «Свободной совести», т. е. прежде всего «скрещении вопросов общественности с эстетикой», о котором говорил Белый. Но это, как кажется, должно было быть помножено на опыт «молодого Мусажета», где система кружков подразумевала, возможно, более полный охват реальности. Обратим внимание, что во втором письме к Боброву Дурьлин чертит такую схему: Бобров ведает «вопросами чистого лиризма, техники, лиротворчества», он сам — религиозным началом в искусстве, Соловьев — «русским возрождением», Садовской — «пушкинианством», Эллис — проблемами символизма (как и при руководстве кружком в «молодом Мусажете»), и все это завершается многозначительным «и т. д.». Возможно, такова была одна из тенденций времени: нам уже приходилось писать про «фракции» первого, петербургского «Цеха поэтов», возникшего в конце 1911 г., см.: [10, с. 255–263].

Наконец, подводя итоги, следует сказать о собственно журналистской стороне дела. На первый взгляд представляется, что включение потенциальной журналистики в круг явлений, подлежащих фиксации и изучению, далеко не обязательно. Планы такого рода встречаются нередко и время от времени выходят на поверхность. Конечно, далеко не всегда они представляют интерес для исследователей. Но все-таки в большинстве случаев они свидетельствуют о существенных особенностях журнального и альманашного (реже — газетного) дела в определенных обстоятельствах. При этом такие особенности могут предстать в различных ситуациях по-разному. Дело с журналом «Лирика» и его генезисом, как нам кажется, интересно не только набором предполагаемых авторов, выбором ориентиров в текущем литературном процессе, расчетами устроителей. Уже были оглашены устремления С.П. Боброва, который еще в 1909 г. писал: «Я сейчас неизбежно мечтаю о том, чтобы редактировать <...> журнал. О, это звучит гордо — “С.П. Бобров, редактор журнала — ну хотя бы — «Новые песни» — принимает по делам редакции по средам и пятницам от 5 до 7 вечера”. О! Это, черт возьми, не шутка! С каким наслаждением изругал бы я тогда и Шебуева, и Арцыбашева, и иных, иных прочих!» (цит. по: [15, с. 167]). В следующий раз он был более конкретен. Говоря о занятиях ритмического кружка и о сложности постижения результатов для обычного читателя, он писал Белому: «...лучшим будет заманить публику (и Петербург) исподволь, мне кажется, нам для этого необходим журнал. И не большой журнал, вроде “Весов”, который должен следить за всем и отзываться на все,

а небольшой журнал: орган ритмической секции! Журнал, где будут *стихи и о стихах* — журнал, посвященный поэзии в самом широком смысле слова и ритму, в частности! <...> очень меня поддержали Сидоров и Дурьлин...»³⁸ [20, с. 162]. И здесь следует отметить, что идеи создания журнала в этом кругу возникают в полной конкретике. Бобров продолжает: «Средства для такого издания (ежемесячного) нужны небольшие, и они у нас будут». Дурьлин даже еще более конкретен, рассчитывая предполагаемые расходы до мелочей. Возможно, именно экономическую конкретику, предполагаемую для грядущего издания (конечно, вкупе с конкретикой художественной), следует считать тем, что отличает потенциальную журналистику от мечтаний.

Список литературы

1. *Азадовский К.М.* Рильке и Россия: статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 418 с.
2. Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 / вступ. ст., сост., коммент. и подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 293 с.
3. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 606 с.
4. *Белый А.* «Единство моих многоразличий...». Неотправленное письмо Сергею Соловьеву / публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова // Москва и «Москва» Андрея Белого: сб. статей. М.: РГГУ, 1999. С. 399–432.
5. *Белый А.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / изд. подгот. А.В. Лавров, отв. ред. Н.А. Богомолов. СПб.: Наука. 2014. 1063 с.
6. *Белый А.* О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 606 с.
7. *Белый А.* Собрание сочинений: в 14 т. М.: Республика, Культурная революция, Дмитрий Сечин. 1994–2018.
8. *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 2003. Т. 7: Проза (1903–1907). 500 с.
9. *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С.Н. Дурьлина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. С. 277–290.
10. *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 550 с.
11. *Гиппиус З.Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Русская книга, 2003. Т. 7: Мы и они. 528 с.
12. *Глуховская Е.А.* Из истории литературной борьбы 1906–1907 годов: сборник «Хризопрас» // Русская литература. 2018. № 4. С. 97–104.
13. *Глуховская Е., Зеленкова Е.* Труды и дни книгоиздательства «Лирика»: к истории одного неизданного журнала // Русская филология. Вып. 25. Тарту: Тартуский университет, 2014. С. 175–182.

³⁸ Письмо от 2 июля 1911 г.

14. *Киселев Н.П.* Из истории русского розенкрейцерства / сост. и коммент. М.В. Рейзина, А.И. Серкова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2005. 422 с.
15. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 2. 1104 с.
16. Литературное наследство. М.: Наука, 2016. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды / сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад, науч. ред. М.Л. Спивак. 1120 с.
17. *Локс К.* Повесть об одном десятилетии. 1907–1917 / публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1994. [Т.] 15. С. 7–162.
18. *Нефедьев Г.В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...». Приложение: переписка С.Н. Дурылина и Элліса (1909–1910) // С.Н. Дурылин и его время. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. 1: Исследования / сост. и ред. А. Резниченко. С. 113–158.
19. *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. 728 с.
20. Письма С.П. Боброва к Андрею Белому, 1909–1912 / вступ. ст., публ. и коммент. К.Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс — Atheneum, 1992. [Т.] 1. С. 113–169.
21. Смерть Андрея Белого (1880–1934): сб. статей и материалов / сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 968 с.
22. *Смирнов М.* Последний Соловьев. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 304 с.
23. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
24. *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 780 с.
25. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.
26. *Шукуров Д.Л.* Литературные стратегии творчества авторов группы «Центрифуга» // Соловьевские исследования. Иваново, 2012. Вып. 3 (35). С. 110–121.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.09.2020

On the History of Potential Russian Journalism Unrealized magazine project of the group “Lirika”

In memoriam E.V. Pasternak

© 2020. Nikolay A. Bogomolov

M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The paper is dedicated to the unrealized project of a literary journal elaborated in 1913 by some members of the Moscow group “Lirika” — Sergei Durylin and Iulian Anisimov in cooperation with Ellis, Bobrov, Pasternak and some others (N. Aseev was skeptical about the idea). The outlines for the editorial project, its intended topics and potential authors manifest the organic connection between the concept of the journal and the experience of some literary communities in the early 20th century (“Musaget”, “Rhythmical Circle”, etc.). It is remarkable that the team of potential authors included the contributors to the editions and collections, most significant for the members of the group “Lirika”. The term “potential journalism” is suggested to define similar well thought-out and quite realistic editorial projects for some would-be journals/almanacs that remained unrealized; they, however, may be of great interest for the researchers of literary and cultural history.

Keywords: early 20th century literature; history of journalism; potential journalism; group “Lirika”; S. Durylin; S. Bobrov; B. Pasternak; Ellis.

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, DSc in Philology, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya st., 9, bd. 1, 125009 Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

For citation: Bogomolov, N.A. “On the History of Potential Russian Journalism. Unrealized magazine project of the group ‘Lirika’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 158–179. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-158-179>

References

1. Azadovskii, K.M. *Ril'ke i Rossiia: stat'i i publikatsii* [*Rilke and Russia: Essays and Publications*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011. 418 p. (In Russ.)
2. Andrei Belyi — Aleksei Petrovskii. *Perepiska. 1902–1932* [*Andrei Bely — Alexey Petrovsky. Correspondence. 1902–1932*], introd., comp., comm. and text prep. by J. Malmstad. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2007. 293 p. (In Russ.)
3. Andrei Belyi i Aleksandr Blok. *Perepiska. 1903–1919* [*Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919*], publ., introd. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2001. 606 p. (In Russ.)
4. Belyi, A. “‘Edinstvo moikh mnogorazlichii...’. Neotpravlennoe pis'mo Sergeiu Solov'evu” [“‘Unity of My Varieties...’. Unsent Letter to Sergei Solovyov”], publ., introd. and comm. by A.V. Lavrov. *Moskva i “Moskva” Andreia Belogo: sbornik statei* [Moscow

and Andrei Bely's "Moscow": *Collection of Essays*]. Moscow, Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet Publ., 1999, pp. 399–432. (In Russ.)

5. Belyi, A. *Nachalo veka. Berlinskaia redaktsiia (1923)* [*The Beginning of the Century. The Berlin Version (1923)*], ed. by A.V. Lavrov, ex. ed. N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 1063 p. (In Russ.)

6. Belyi, A. *O Bloke. Vospominaniia. Stat'i. Dnevniki. Rechi* [*About Blok. Memoirs. Articles. Diaries. Speeches*], introd., comp., text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Avtograf Publ., 1997. 606 p. (In Russ.)

7. Belyi, A. *Sobranie sochinenii: v 14 t.* [*Collected Works: in 14 vols.*]. Moscow, Respublika Publ., Kul'turnaia Revoliutsiia Publ., Dmitrii Sechin Publ., 1994–2018. (In Russ.)

8. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*], vol. 7: Proza [Prose] (1903–1907). Moscow, Nauka Publ., 2003. 500 p. (In Russ.)

9. Bogomolov, N.A. "Iz kommentatorskikh zametok. 4. K publikatsiiam statei S.N. Durylina o simvolizme" ["From the Notes of a Commentator. 4. About S.N. Durylin's Works on Symbolism"]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2017, pp. 277–290. (In Russ.)

10. Bogomolov, N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [*Russian Literature of the Early 20th Century and Occultism*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1999. 550 p. (In Russ.)

11. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 7: My i oni [Us and Them]. Moscow, Russkaia Kniga Publ., 2003. 528 p. (In Russ.)

12. Glukhovskaia, E.A. "Iz istorii literaturnoi bor'by 1906–1907 godov: sbornik "Khryzopras"" ["From the History of the Literary Struggle of 1906–1907: The Collection "Chrysopras""]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2018, pp. 97–104. (In Russ.)

13. Glukhovskaia, E., Zelenkova, E. "Trudy i dni knigoizdatel'stva "Lirika": k istorii odnogo neizdannogo zhurnala" ["Works and Days of the "Lyrica" Book Publishing: On the History of an Unpublished Magazine"]. *Russkaia filologiia* [*Russian Philology*], issue 25. Tartu, Tartuskii Universitet Publ., 2014, pp. 175–182. (In Russ.)

14. Kiselev, N.P. *Iz istorii russkogo rozenkreitsertstva* [*From the History of Russian Rosicrucianism*], comp. and comm. by M.V. Reizin, A.I. Serkov. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova Publ., 2005. 422 p. (In Russ.)

15. Krusanov, A.V. *Russkii avangard: 1907–1932. Istoricheskii obzor: v 3 t.* [*Russian Avantgarde: 1907–1932. Historical review: in 3 vols.*], vol. 1: Boevoe desiatiletie [Fighting Decade], book 2. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

16. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody [Andrei Bely. Autobiographical Codes], comp. A.V. Lavrov and J. Malmstad, scient. ed. M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

17. Loks, K. "Povest' ob odnom desiatiletii. 1907–1917" ["Tale of a Decade. 1907–1917"], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minuvshhee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past: Historical Almanac*], vol. 15. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 7–162. (In Russ.)

18. Nefed'ev, G.V. "'Moia dusha raskrylas' dlia vsego chudesnogo...'. Prilozhenie: perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910)" ["'My Soul Has Opened Up for All the Wonderful...'. Appendix: Correspondence between S.N. Durylin and Ellis (1909–1910)"]. *S.N. Durylin i ego vremia* [*S.N. Durylin and His Time*], book 1: Issledovaniia [Researches], comp. and ed. by A. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 113–158. (In Russ.)

19. Pasternak, E.B. *Boris Pasternak. Biografiia* [Boris Pasternak. A Biography]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997. 728 p. (In Russ.)

20. "Pis'ma S.P. Bobrova k Andreiu Belomu, 1909–1912" ["S.P. Bobrov's Letters to Andrei Bely, 1909–1912"], introd, publ. and comm. by K.Iu. Postoutenko. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [Faces: Biographical Almanac], vol. 1. Moscow; St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 113–169. (In Russ.)

21. *Smert' Andreia Belogo (1880–1934): sbornik statei i materialov* [The Death of Andrei Bely (1880–1934): Collection of Essays and Materials], comp. M.L. Spivak, E.V. Nasedkina. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2013. 968 p. (In Russ.)

22. Smirnov, M. *Poslednii Solov'ev* [The Last Solovyov]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2014. 304 p. (In Russ.)

23. Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. Literary History. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)

24. Fleishman, L. *Ot Pushkina k Pasternaku. Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoi literatury* [From Pushkin to Pasternak. Selected Works on Poetics and History of the Russian Literature]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2006. 780 p. (In Russ.)

25. Shrubu, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: slovar'* [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2004. 448 p. (In Russ.)

26. Shukurov, D.L. "Literaturnye strategii tvorchestva avtorov gruppy 'Tsentrifuga'" ["Literary Strategies of the Authors from the Group 'Tsentrifuga'"]. *Solov'evskie issledovaniia* [Solovyov Studies], issue 3 (35). Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi energeticheskii universitet Publ., 2012, pp. 111–121. (In Russ.)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.09.2020

Главлит и судьба литературно-художественных журналов в 1931–1932 гг. («Красная новь», «Новый мир» и др.)

© 2020, Е. В. Антонова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению организационных мер, примененных высшими партийными и государственными органами (ЦК ВКП(б) и Главлит) с целью реорганизации редколлегий основных литературно-художественных журналов на рубеже 1931–1932 гг. («Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» и др.). В этой связи выявляется особая роль Б.М. Волина, чье назначение в июне 1931 г. на пост заведующего Главлитом могло, по мнению автора, явиться одним из последствий ознакомления Политбюро ЦК с повестью А.П. Платонова «Впрок». На основе ранее известных и вновь выявленных документальных свидетельств в статье восстанавливается хронология активно начатого, но растянувшегося затем на месяцы реформирования редколлегий; отмечается, что, несмотря на сопоставимую степень уязвимости позиций ответственных редакторов «Красной нови» (А.А. Фадеев) и «Нового мира» (В.П. Полонский), примененные к ним меры не были равнозначны. С целью оценки дезорганизации, возникшей в ходе административной ревизии редакционно-издательского процесса, к рассмотрению привлекаются выходные данные журналов за рассматриваемый период. Аналогичные данные, вкупе с печатными анонсами содержания, позволяют особо оценить ущерб, нанесенный журналу «Новый мир». Статья сопровождается публикацией ряда архивных документов, обнажающих механизмы проработки вопроса «о журналах» в недрах ЦК и Главлита, и частичной публикацией протокола Оргкомитета Союза писателей, привлеченного к решению поставленной задачи на заключительном этапе.

Ключевые слова: Главлит; ЦК ВКП(б); литературно-художественные журналы; «Новый мир»; «Красная новь»; Б.М. Волин; В.П. Полонский; А.А. Фадеев.

Информация об авторе: Елена Викторовна Антонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: antonova.imli@gmail.com.

Для цитирования: Антонова Е.В. Главлит и судьба литературно-художественных журналов в 1931–1932 гг. («Красная новь», «Новый мир» и др.) // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 180–202. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-180-202>

В июне 1931 г., когда скандал с «бедняцкой хроникой» А. Платонова «Впрок», опубликованной в «Красной нови», лишь начал набирать обороты¹, редактор проштрафившегося журнала А. Фадеев согласовал с Секретариатом ЦК ВКП(б) полугодовой творческий отпуск, а также попросил комфракцию секретариата РАПП «выдвинуть и согласовать» кандидатуру еще одного члена редколлегии «Красной нови», который мог бы «вести основную работу в редакции» во время его отсутствия [1, с. 127]. Вопрос этот был решен достаточно оперативно, и, начиная с № 9, в списке редколлегии появилась фамилия В. Сутырина², а в начале осени Фадеев, как и планировал, отправился в отпуск вместе с женой — в Гагры, где и оставался в сентябре и октябре, залечивая обострившуюся неврастению [7, с. 88]. Как могло бы показаться, для него ситуация с повестью «Впрок» постепенно уходила в прошлое, но в действительности тучи на горизонте все более сгущались, и связано это было с утверждением на пост заведующего Главлита Бориса Волина, возвращенного в Москву из Нижнего Новгорода³.

6 июня кандидатура Волина была рассмотрена на Оргбюро ЦК, а 10 июня состоялось ее утверждение Политбюро⁴. За отсутствием каких-либо документальных свидетельств говорить о связи этого события с только что начавшимся обличением А. Платонова можно лишь гипотетически. Похоже, тем не менее, что повесть «Впрок» могла оказаться последней каплей, переполнившей чашу терпения партийных кураторов литпроцесса. Вскоре последствия данного назначения затронули не только фадеевскую «Красную новь»⁵, но и все основные литературные журналы.

С появлением Волина литературное сообщество сразу же ощутило тяжесть его руки. Из дневника редактора «Нового мира» В. Полонского известно, что «девиз» нового заведующего Главлита, озвученный на собрании редакторов, звучал как «лучше переборщить,

¹ Наиболее полно история критики повести «Впрок» представлена в книге: [4, с. 399–416] (см. комментарий Н.В. Умрюхиной).

² Соответствующее решение Оргбюро ЦК (далее в примечаниях — ОБ) было принято опросом 22 июля (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 251. Л. 57. Протокол ОБ № 69 от 16 августа 1931 г., п. 5-г).

³ Примечательно, что Волин получил назначение в Нижний Новгород почти сразу после инициированного им разбирательства по поводу заграничных публикаций Б. Пильняка и Е. Замятина; являлся редактором «Нижегородской коммуны» более полутора лет (с 27 октября 1929 г. по 24 июня 1931 г.).

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 829. Л. 12. Протокол ПБ № 42 от 8 и 10 июня 1931 г., п. 47/41.

⁵ Интересно, что во второй половине 1929 г., до отъезда в Нижний Новгород, Волин входил в редколлегию «Красной нови».

чем недоборщить», а предыдущий заведующий П. Лебедев-Полянский на фоне своего сменщика стал казаться чуть ли не «ангелом» [5, с. 142]. Неизвестно, знал ли Полонский, делая запись об этом 30 августа, что еще 14 августа Волин сигнализировал Оргбюро ЦК о серьезных ошибках, допущенных редакцией «Нового мира», и требовал партийного взыскания для ответственного редактора журнала (см. ниже документ 1).

К концу года Главлит составил мнение о «крайнем неблагополучии» основных литературно-художественных журналов в целом. 7 декабря Волиным была направлена соответствующая записка в Оргбюро ЦК (см. ниже документ 2), где им характеризовались журналы «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир», «Ленинград», «Молодая гвардия», «Звезда», «30 дней», «Наступление»⁶ и «Земля советская» (перечислены в порядке упоминания). Как можно видеть, злосчастная «Красная новь» в этом списке была поставлена на первое место, и первое же из посвященных ей замечаний касалось «бедняцкой хроники» Платонова. В целом Волин не являлся первооткрывателем «недоброкачества» большей части перечисляемых произведений, многие из них были на слуху у критиков месяцами. Материал для записки отбирался, надо полагать, с помощью референтов и довольно спешно, что привело к изобилию неточностей (см. примечания к документу 2), никак, впрочем, не помешавших достижению поставленной цели.

Кроме того, 11 декабря Волин обратился лично к И. Сталину по поводу задержанного Главлитом № 10–11 «Красной нови» (см. документ 3), и опять не обошлось без упоминания повести «Впрок», сопровождаемого констатацией того, что редакция журнала все еще не перестроилась в должной степени после скандала с Платоновым. В этой же записке к Сталину Волин вызвался доложить о журналах на Оргбюро ЦК, что и было сделано уже 17 декабря. Как следует из протокола, на заседании Оргбюро состоялся «обмен мнений», по результатам которого Культпропу ЦК совместно с Волиным было поручено «представить на следующее заседание Оргбюро конкретные предложения по каждому журналу в отдельности»⁷. Из всех редакторов сразу же был отстранен от должности лишь Полонский: «Тов. Полонского с работы ответ. редактора журнала “Новый

⁶ Единственный из этого перечня журнал, издававшийся в провинции (Смоленск).

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 272. Л. 94. Протокол ОБ № 87 от 17 декабря 1931 г., п. 3.

мир” — снять, поручив тт. Кагановичу и Постышеву сформулировать мотивировочную часть постановления»⁸.

На следующем этапе в Оргбюро была представлена гораздо более пространная, нежели записка Волина, «Докладная записка Культпропа о состоянии основных литературно-художественных журналов» за подписью заместителя заведующего Культпропа А. Гусева⁹. Состав анализируемых журналов при этом несколько изменился: «Красная новь», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Звезда», «Пролетарский авангард», «Ленинград», «Октябрь», «Земля советская» (перечислены в порядке упоминания). Журналы «30 дней» и «Наступление» заменены здесь «Пролетарским авангардом» (бывший «Журнал для всех»). Общим для всех обсуждаемых московских журналов было то, что назначение и перемещение членов их редколлегии осуществлялось постановлениями ЦК: Оргбюро ЦК для «Красной нови» и Секретариатом ЦК для остальных¹⁰.

К докладной был приложен «Проект постановления», в котором применительно к каждому изданию предлагался список «оздоровительных» мер из нескольких пунктов — от двух до пяти¹¹. Лидировали по этому показателю «Красная новь» и «Новый мир», хотя в отношении «Красной нови» меры оказались более щадящими: если для редколлегии «Нового мира» был предназначен «строгий выговор», то для редколлегии «Красной нови» — всего лишь «выговор», если Полонский с работы «снялся», то в отношении Фадеева планировалось «удовлетворить просьбу об освобождении от обязанностей». К наиболее жестким решениям в отношении прочих изданий относились предложения о снятии редактора журнала «Звезда» Д. Белицкого и закрытии «Пролетарского авангарда». Однако, по рассмотрении вопроса, 5 января 1932 г. Оргбюро опять-таки зафиксировало конкретное решение лишь в отношении «Нового мира»: повторно постановлялось снять Полонского с поста ответственного редактора, но теперь уже с замещением его И. Гронским, при этом планировалась смена редакции журнала в целом¹². В отношении остальных изданий Культпропу предписывалось дать «соответствующие указания в духе решений ЦК об исправлении допущенных ими

⁸ Там же. Неформальное свидетельство об этом заседании, включая отдельные реплики участников, см. в дневнике Полонского: [6, с. 155].

⁹ Опубликовано в книге: [2, с. 211–221].

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 707. Л. 85–86. Протокол ОБ № 103 от 1 марта 1929 г., п. 17.

¹¹ Опубликовано в книге: [2, с. 224–226].

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 275. Л. 3. Протокол ОБ № 89 от 5 января 1932 г., п. 6.

ошибок, с тем чтобы в дальнейшем в этих журналах не появлялись идеологически чуждые произведения». Также Культпропу поручалось обеспечить «систематическое инструктирование и проверку работы редколлегии этих журналов и своевременно указывать им на их ошибки» и «представить на рассмотрение Секретариата ЦК предложения об укреплении работниками литературных журналов».

Далее проработка этого изначально единого вопроса «о журналах» осуществлялась по частям и относительно неспешно.

22 февраля 1932 г. на заседании Секретариата ЦК редактором журнала «Земля советская» утверждается И. Касаткин, Культпропу при этом поручено «подработать и утвердить состав редколлегии журнала»¹³.

5 апреля опросом членов Секретариата ЦК принимается решение о вводе в редколлегию «Красной нови» В. Ермилова, причем предписывается «считать работу т. Ермилова в журнале “Красная новь” его основной работой»¹⁴.

23 апреля ознаменовалось принятием эпохального постановления Политбюро о перестройке литературно-художественных организаций, и рассмотрение вопроса о журналах продолжилось в обновленном контексте. Теперь в нем был задействован и новообразованный Оргкомитет Всесоюзного союза советских писателей (ВССП), во главе которого встал Гронский. Президиум Оргкомитета обсудил участь редакций «Нового мира», «Красной нови», «Октябрь» и «Пролетарского авангарда» 26 мая (см. ниже документ 4), после чего принятое решение ушло на рассмотрение ЦК. 29 мая, как и было решено писательским Оргкомитетом, на Секретариате ЦК при ответственном редакторе «Нового мира» Гронском учреждается редколлегия в составе: А. Безыменский, Ф. Гладков, В. Григоренко, Л. Леонов, А. Малышкин и В. Ставский¹⁵. Но единый блок вопросов этого пункта повестки вновь подвергся дроблению: предложения, относящиеся к прочим журналам, направляются на рассмотрение Оргбюро ЦК¹⁶, откуда, без принятия какого-либо решения, возвращаются в Секретариат на заседание 22 июня. Закрытие «Пролетарского авангарда» утверждается опросом, проведенным заранее — 19 июня,

¹³ Там же. Ед. хр. 282. Л. 17. Протокол Секретариата № 96 от 22 февраля 1932 г., п. 61.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 290. Л. 11. Протокол Секретариата № 103 от 7 апреля 1932 г., п. 15-г.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 299. Л. 2. Протокол Секретариата № 110 от 29 мая 1932 г., п. 12.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 300. Л. 5. Протокол ОБ № 111 от 5 июня 1932 г., п. 14.

так что в ходе заседания остается решить вопрос лишь с «Красной новью» и «Октябрем»¹⁷, и тут мнение ЦК далеко не во всем совпало с предложениями Оргкомитета.

Старая редакция «Октября» состояла из тринадцати человек, Оргкомитет ВССП сократил ее до восьми, заменив ответственного редактора Ф. Панферова А. Троицким и вообще оставив всего троих «стариков»: **А. Афиногенов**, **Н. Асеев**, [Г. Грин], В. Ильенков, [А. Исбах], **Лебедев**, [Д. Мазнин], [И. Макарьев], **Н. Огнев**, Ф. Панферов, [Н. Платошкин], [В. Резчиков], [А. Селивановский], [В. Ставский], [А. Сурков], **А. Троицкий**, [С. Фридман], М. Шолохов¹⁸. Секретариат ЦК не согласился с заменой ответственного редактора¹⁹ и вернул еще одного «старика» — Суркова, произведя также некоторые замены среди рядовых членов редколлегии (получили отвод Асеев и Лебедев, введены Безыменский и Жаров).

Из редакции «Красной нови» Оргкомитет вывел Ермилова, являвшегося фактическим ответственным редактором, лишил номинального редакторства Фадеева и предложил на главную позицию И. Луппола. В целом редколлегия должна была преобразоваться следующим образом: **Вл. Бахметьев** (ответственный редактор приговоренного к закрытию журнала «Пролетарский авангард»), **Н. Войтинская**, [Ф. Горохов], [В. Ермилов], [Л. Леонов], **В. Луговской**, **И. Луппол**, Вс. Иванов, [В. Сутырин], А. Фадеев, **М. Шагинян**. Однако по решению Секретариата Ермилов и Фадеев остались на своих местах, хотя Луппол и вошел в редколлегию. Кандидатуры Войтинской и Луговского в Секретариате поддержки не нашли и были заменены Ф. Березовским и Ф. Панферовым. Под руководством, утвержденным Секретариатом, журналу предстояло просуществовать относительно длительное время.

Подобное реформирование редколлегии, безусловно, производит впечатление своими масштабами и требует дополнительного осмысления. Отметим пока, что лишь одному из московских изданий, перечисленных в докладных Волина и Гусева, удалось сохранить редколлегию в неизменном виде — журналу «Молодая гвардия», относящемуся к ведомству ЦК ВЛКСМ.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 305. Л. 5, 18, 112–118. Протокол Секретариата № 115 от 22 июня 1932 г., пп. 13, 51-г.

¹⁸ Здесь и далее простой шрифт соответствует старому составу редколлегии; простой курсив в прямых скобках — исключенные лица старого состава; полужирный шрифт — вновь введенные лица.

¹⁹ А. Троицкий, помимо прочего, был уже назначен в главные редакторы издательства «Молодая гвардия» (Там же. Л. 11, п. 13-г).

Для того чтобы в условиях малой сохранности редакционных документов понять, как вышеупомянутые журналы переживали катаклизмы рубежа 1931–1932 гг., стоит привлечь к рассмотрению и такие показатели, как сведения о сдаче в печать, подписании к печати и выходе из печати отдельных номеров. С конца 1931 г. эта информация стала указываться в выходных данных изданий систематически. И оказывается, например, что с момента сдачи в набор № 12 (1931) «Красной нови» до подписания его к печати прошло 70 дней (11 ноября 1931 г. — 20 января 1932 г.), а до сдачи в набор следующего № 1 (1932) — 83 дня (11 ноября 1931 г. — 2 февраля 1932 г.). Эти цифры делают картину «оздоровления» журнала еще более выразительной. Затем интервалы относительно нормализуются, но при подготовке № 7 (1932) случается новый срыв, и промежуток между сдачей в набор № 6 и № 7 достигает 47 дней (23 мая — 9 июля) — на этот период как раз приходится смена редколлегии.

А вот как выглядит с этой точки зрения ситуация с ленинградскими журналами «Звезда» и «Ленинград», как бы выпавшими после 17 декабря из поля зрения ЦК.

Если верить выходным данным журнала «Звезда» (порою и в них закрадывались опечатки), № 1 и № 2 были сданы в набор одновременно (17 декабря 1931 г.), а № 3 был сдан в набор лишь через 58 дней после них (13 февраля 1932 г.). Подписание в набор № 1 и № 2 состоялось через 38 дней после сдачи в набор (24 января 1932 г.), а подписание в набор № 3 через 45 (29 марта). № 4 был сдан в набор спустя 63 дня после № 3 (16 апреля), и подписание его в печать состоялось через 47 дней (2 июня). Эта ситуация соответствует первому этапу преобразования редколлегии журнала (ответственный редактор Д. Белицкий, В. Кирпотин, Ю. Либединский, М. Слонимский, Н. Смирнов, Н. Тихонов, А. Шабанов, М. Чумандрин, А. Чистяков, К. Федин), хотя каких-то особых перестановок, на первый взгляд, будто бы и не произошло. Несмотря на поползновения Культпропа, Белицкий и далее остался на посту ответственного редактора, но с № 2 у него появился официальный заместитель — Тихонов. Следующим изменением, способным оказать влияние на судьбу журнала, был вывод из редколлегии Кирпотина (с № 4).

В середине года промежуток между сдачей номеров «Звезды» в набор колеблется в пределах 19–28 дней, но к концу года опять увеличивается: 31 день между № 8 и № 9 (27 июля — 27 августа), 44 дня между № 9 и сдвоенным № 10–11 (27 августа — 10 октября), 42 дня между № 10–11 и № 12 (10 октября — 21 ноября). Предположим, что это связано с какими-то нюансами работы новой редакции, начав-

шей свою деятельность с № 7, где Либединский, Смирнов, Шабанов и Чистяков были заменены на Д. Лаврухина, Н. Осипова и О. Форш.

С начала 1932 г. серьезно лихорадило журнал «Ленинград». При подготовке № 1 и № 2 ответственным редактором являлся Е. Добин, а редколлегия вместе с ним насчитывала 17 человек: Н. Браун, Е. Добин, А. Егоров, П. Евсеев, Я. Виртанен, Н. Костарев, Д. Лаврухин, А. Ларионов, Л. Левин, С. Малахов, Г. Мирошниченко, А. Никольский, С. Рудницкий, Н. Свирин, Б. Фингерт, А. Черненко, М. Чумандрин²⁰. Начиная с № 3 Добин сделался рядовым членом редколлегии, а временно исполняющими должность ответственного редактора побыли Я. Олесич (№ 3) и Г. Мирошниченко (№ 4). С № 5–6 ответственным редактором стал З. Лозинский, а редколлегия сократилась до четырех человек — двух представителей старого состава (Н. Браун, Н. Свирин) и двух новичков (М. Козаков, А. Прокофьев). Выходные данные журнала предоставляют богатую пищу для размышления, отметим здесь только, что от сдачи в набор № 5–6 до подписания его к печати прошел 91 день (8 мая — 9 августа), а следующий № 7 был сдан в набор спустя 104 дня после № 5–6 (20 августа). Для последних номеров годового комплекта промежуток между сдачей в набор и подписанием в печать все еще оставался огромным: 76 дней для № 9 (30 сентября — 15 декабря), 81 день для № 10–11 (28 октября 1932 г. — 17 января 1933 г.) и 140 дней для № 12 (19 ноября 1932 г. — 8 апреля 1933 г.). Вместе с тем с начала 1933 г. та же редакция выпускала журнал-преемник «Ленинграда» — «Литературный современник», и, к примеру, № 2–3 нового издания был подписан в печать практически одновременно с № 12 старого (7 апреля 1933 г.), что, конечно, необходимо учитывать при соотношении публикаций данных изданий.

Вообще же закрытие журналов каждый раз происходило по индивидуальной схеме. Так, 22 июня 1932 г. практически одновременно было принято решение о прекращении издания «Пролетарского авангарда» и «На литературном посту». Однако «Пролетарский авангард» имел возможность выполнить свои обязательства перед подписчиками и довольно размеренно выходил практически до конца 1932 г.: последний из выпущенных номеров (№ 10) был подписан в печать 29 ноября. «На литпосту» подобной поблажки не получил, что и понятно исходя из специфики издания. Последний его номер (№ 13–14) вышел из печати 11 июня и, конечно, отражал некую

²⁰ В редколлегию, в частности, входили рабочие Судостроительной верфи (Егоров), завода «Красный путиловец» (Ларионов), Металлического завода им. Сталина (Никольский), Машиностроительного завода им. Маркса (Рудницкий).

растерянность редколлегии, но вовсе не мыслился как прощальный. Как можно видеть, писательский Оргкомитет также не предполагал стремительного закрытия журнала (см. ниже документ 4).

В заключение с тех же позиций попытаемся оценить ущерб, нанесенный журналу «Новый мир» (далее — *НМ*), добавив к рассмотрению довольно многочисленные печатные анонсы этого издания.

Итак, сделавшись ответственным редактором, Гронский сразу же провел серьезную ревизию редакционного портфеля. По обыкновению накануне нового года *НМ* давал анонсы публикаций, намеченных на следующий год, — анонсы вышли 10 (в журнале «Красная нива»), 13 и 27 (в газете «Известия») декабря 1931 г. Кроме того, аналогичные объявления были помещены в № 11 и № 12 *НМ* на отдельном листе, предворяющем титульный. Из перечня заявленных произведений в 1932 г. были опубликованы: роман Ф. Гладкова «Энергия», повесть В. Лидина «Великий или Тихий», главы из романа А. Новикова-Прибоя «Цусима», роман П. Павленко «Баррикады», очерк И. Соколова-Микитова «Путешествие на “Малыгине”», роман М. Шолохова «Поднятая целина». Ожидалась публикация пяти рассказов И. Бабеля «Иван да Марья», «Медь», «Весна», «Адриан Маринец», «У Троицы», но был напечатан лишь один, не из числа перечисленных — «Аргмак». У С. Сергеева-Ценского вместо заявленного роман «Свидание» вышло несколько рассказов.

Остались невостребованными поэмы Н. Асеева «Пятилетка», Э. Багрицкого «Кулак» и В. Саянова «Суд идет», главы из романа А. Веселого «Россия, кровью умытая», отрывок из «посмертной повести» И. Вольнова «Комиссар Временного правительства», повесть К. Горбунова «Камень», «Путешествие в Армению» О. Мандельштама, роман Г. Никифорова «Творчество», роман П. Слетова «Широкая падь», повесть А. Толстого «Ижорский завод» и вторая часть его же романа «Петр I», повесть К. Финна «Превращение». Также не прошли обещанный без указания заглавия рассказ А. Малышкина, пьеса Ю. Олеси «Смерть Занда» и его рассказы, рассказ В. Ставского «Смерть Анки», воспоминания А. Белого и Ф. Раскольникова.

Следует, конечно, учесть, что не все из заявленных произведений были бы опубликованы в любом случае. Реализация анонсов зависела в немалой степени и от самих писателей, которые далеко не всегда исполняли обещания, данные журналам. Более показательным является сопоставление заявленного и фактического содержания № 12 (1931) и № 1 (1932).

Нельзя однозначно сказать, кому из редакторов — все еще Полонскому или уже Гронскому — пришлось переработать № 12. Учитывая

анонс, помещенный в № 11, можно утверждать, что из № 12 были изъяты А. Веселый («Россия, кровью умытая»), Сергеев-Ценский (рассказ «Инвалидный мерин»), М. Светлов (стихотворение «Германия»). Не прошел очерк Н. Руновой «Наши женщины», а также обзор журнала «Красная новь» А. Глаголева.

О близком выходе № 1 (1932) дважды сообщалось, с указанием содержания, в газете «Известия» (от 4 февраля и 14 марта), и первое из этих сообщений, вероятно, все еще в какой-то степени отражало выбор отстраненного редактора — Полонского, тогда как второе определенно относилось к деятельности его сменщика²¹. Из начального состава номера сохранились романы Гладкова и Шолохова («Энергия» и «Поднятая целина»), «Пролог к поэме» Б. Ясенского, «Марафонский бег» В. Луговского и стихотворения Н. Ушакова, но были исключены рассказы Бабеля («Иван да Марья», «У Троицы»), Ставского («Путь Анки») и С. Маркова («Сторож источника»), стихи Д. Борисова и басня И. Сельвинского («Слон и мыши»). Освободившее место заняло «Путешествие на “Малыгине”» Соколова-Микитова. В разделе «Люди и факты» из первоначального состава сохранился только очерк Н. Пинегина «У студеного моря», при этом вместо произведений С. Борисова («Первая пролетарская столица»), К. Зелинского («Машина и ее язык») и О. Руповой («Работница Михайлова») читателю были предложены «Посевная» Л. Юдкевич, «Караганда» О. Лятковской, «Город на опушке мира» М. Зингера. Раздел «Литература и искусство» был сокращен наполовину: сохранились «Предисловие к “Лилюли”» Р. Роллана и статья Глаголева о книге Павленко «Пустыня». Сняты были статьи А. Лермана «Промахи мастеров» и Ф. Риза-Заде «Псевдонародничество в современной французской литературе».

Из-за внутреннего кризиса журналу никак не удавалось нормализовать сроки выхода номеров. Возможно, по этой причине в 1932 г. *НМ* так и выпускался без сведений о сдаче в набор и подписании в печать. Как и в предыдущие годы, извещения о степени готовности номера и его выходе из печати помещались в «Известиях» с варьирующимися формулировками: «печатается» (далее — *пч*), «заканчивается печатанием» (далее — *зпч*), «вышла из печати» (далее — *впч*). Поскольку выявление подобных сведений требует дополнительных усилий, приведем их здесь полностью:

²¹ 24 февраля 1932 г. Полонский скоропостижно скончался.

1931: № 12 (1931) — *зпч* 25 января (книга журнала «печатается и на днях будет разослана»²²), *впч* 4 февраля²³.

1932: № 1 — *зпч* 4 февраля и 14 марта; *впч* 5 апреля; № 2 — *пч* 14 марта, *зпч* 5 и 10 апреля, *впч* 13 мая; № 3 — *зпч* 13 мая, *впч* 29 мая; № 4 — *зпч* 13 июня («на днях будет разослана»); № 5 — *зпч* 19 июля («на днях будет разослана»); № 6 — *зпч* 23 августа («на днях будет разослана»); № 7–8 — *зпч* 4 октября («на днях будет разослана»); № 9 — *впч* 30 ноября; № 10 — *впч* 28 декабря; № 11 — *впч* 21 января (1933); № 12 — *зпч* 21 января; *впч* 12 марта (1933).

Задержка в выходе номеров видна невооруженным глазом, и даже выпуск объединенного июльско-августовского номера оказывается не в силах исправить ситуацию. Особенно впечатляет задержка последнего номера годового комплекта.

Очевидно, что Гронский, обремененный в этот период многочисленными обязанностями, не уделял журналу достаточного внимания. Запаздывание *НМ*, как и выпуск его без выходных данных, продолжилось и в 1933, и в 1934 гг.

1933: № 1 — *впч* 15 марта; № 2 — *пч* 15 марта, *впч* 1 апреля; № 3 — *зпч* 21 апреля («на днях будет разослана»); № 4 — *пч* 21 апреля и 8 мая; № 5 — *впч* 16 июля; № 6 — *зпч* 16 июля, *впч* 8 августа; № 7 *<sic!>* — *пч* 8 августа; № 7–8 — *пч* 17 августа, *впч* 4 сентября; № 9 — *пч* 22 сентября, *впч* 11 октября; № 10 — *пч* 24 октября; № 11 — *впч* 20 декабря; № 12 — *зпч* 20 и 23 декабря и 9 января (1934), «на днях выйдет из печати» 15 января (1934).

1934: № 1 — *пч* 15 января, *впч* 10 марта; № 2 — *пч* 10 и 21 марта, *впч* 15 апреля; № 3 — *пч* 15 апреля, *впч* 11 мая; № 4 — *пч* 11 и 21 мая, *зпч* 23 мая; № 5 — *впч* 23 июня; № 6 — *зпч* 8 июля, *впч* 2 августа; № 7 — *пч* 2 августа, *впч* 15 августа; № 8 — «выходит из печати» 15 августа, *впч* 15 сентября; № 9 — *пч* 15 сентября, «на днях выйдет из печати» 26 сентября, *впч* 5 октября; № 10 — *пч* 5 октября, *впч* 29 октября; № 11 — *впч* 16 ноября.

В переписке сотрудника редакции «Нового мира» Н. Замошкина с писателем Сергеевым-Ценским проскальзывают намеки на то, что фактически журналом управляла технический редактор В. Белоконь: «С Б<елокон>ью что сделаешь, если она фактический редактор?»

²² В рассматриваемый период номер журнала именовался «книгой», что и отражается в данной и аналогичных формулировках.

²³ Примечательно, что в 1931 г. в промежутке между объявлениями о скором выходе № 7 (см.: Красная нива. 30 июля; Известия. 31 июля) и № 12 анонсы не появлялись. Существенный сбой, вероятно, произошел по причине задержания № 8 — как выясняется, в связи с публикацией романа «Россия, кровью умытая» (см. ниже примечание 8 к документу 3), подготовка № 10 осуществлялась в ноябре.

Разве Ст<а>в<ском>у и Гр<онско>му есть какое-нибудь дело до журнала?»²⁴

Трудно удержаться от мысли, что смерть милосердно избавила Полонского от необходимости наблюдать со стороны за подобной судьбой его любимого детища.

1.

С<овершенно> секретно

14 августа 1931 г.

Тов. СТЕЦКОМУ¹

Главлитом задержан в гранках № 8 «Нового мира» в связи с помещением в нем отрывков из романа А. Яковлева «Повороты»². Роман трактует о расстреле Николая Романова в 1918 г. — тема сама по себе достаточно скользкая и требующая сугубо политического контроля. У автора уже в 7-й книжке «Нового мира» при описании приезда царских детей художественные средства, возможно против воли автора, начинают мобилизовать жалость читателей к беспомощным детям. Но в 7-й книжке это еще едва заметная тенденция. В 8-й же книжке, нами задержанной, автор описывает канун расстрела и решение «расстрелять без суда всех», т. е. и детей, дает политически совершенно недопустимую картину того, как пом<ощник> нач<альника> охраны царя, рабочий Верх-Исет<ского> завода крепкий коммунар Старостин, узнав о предстоящем расстреле детей, готов расплакаться и никоим образом этого расстрела понять не может. Разъяснения нач<альника> охраны Юрина художественно даны очень слабо.

Во всяком случае совершенно ясно, что писать о расстреле детей в таком тоне, что даже коммунист-рабочий не мог переварить этого, политически безусловно вредно. Ясно, что это лишь пища для заграничной буржуазной печати на тему о «большевистских зверствах». Появление этой вещи было бы сильным политическим скандалом.

Главлит считает, что редактор «Нового мира», допустивший эту вещь должен получить соответствующее партийное взыскание.

Нач. Главлита Б. Волин.

Н.В. Гранки прилагаются.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 299. Л. 100. Материалы к протоколу Секретариата № 110 от 29 мая 1932 г.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 389. Л. 3. Письмо С. Сергеева-Ценского Н. Замошкину от 5 июня 1933 г.

¹ Алексей Иванович Стецкий (1896–1938), зав. Отделом культуры и пропаганды ЦК.

² Роман печатался в №№ 1–3 и №№ 6–7 *НМ*, в № 8 был заменен другим произведением; в 1935 г. вышел отдельным изданием под названием «Пути простого сердца» (тираж 100 200 экземпляров), где заключительные главы были отредактированы с учетом претензий Главлита.

В дневнике Полонского 30 августа появляется следующая запись по данному поводу: «У меня Волин вырезал последнюю главу из “Поворотов” Яковлева. Почему? Потому что “окончание” романа печатать нельзя. Но я сам отверг это окончание и печатаю отрывки из романа. Говорят, он грозился привлечь меня и за напечатание других глав, пропущенных до него Главлитом» [5, с. 142].

2.

Секретно

7 декабря 1931 г.

В ОРГБЮРО ЦК ВКП(б)

Главлит доводит до сведения ЦК о крайнем неблагополучии ряда наших основных литературно-художественных журналов.

Во главе этих журналов стоят члены партии, обязанные организовывать автора, редактировать произведение, обеспечить от прорывов свой журнал. А между тем большинство редакции проявляют исключительный гнилой либерализм, классовую слепоту и зачастую полное отсутствие большевистской бдительности.

В результате — ряд серьезнейших прорывов и провалов в нашей литературно-художественной периодике за нынешний год.

«**Красная новь**». В № 3 была напечатана кулацкая повесть Платонова «Впрок». Номер журнала изъят¹. В № 10–11 напечатан роман Мугуева Хаджи Мурата «Три жизни», где полностью идеализировано белое юнкерство и особенно любовно описан Деникин, и сверхпошлая политически вредная повесть Б. Левина «Одна радость», где, между прочим, одна из вставных глав объективно идеализирует контрразведку². Номер конфискован. Характерно, что редакция в этом номере, фактически завершающем решающий год пятилетки, ничего другого не нашла для передовой, как роман Сергеева-Ценского... «Пушкин и Лермонтов»³.

В «Красной нови» были напечатаны также отрывки из запрещенной Главлитом повести Яновского «Четыре сабли»; философски-идеалистическая, реакционная вещь Пастернака «Охранная грамота» (проза о смерти Маяковского); крайне идеалистическая,

индивидуалистическая «Повесть о страданиях ума» Буданцева; очерк Тарловского «На полюсе Востока», где есть реакционные места по отношению к национальным меньшинствам⁴.

«Октябрь». В № 4–5 напечатаны очерки Киша и Чарного. Первый очерк — художественно обобщенный поклеп на нашу партию. Второй очерк — крайне двусмысленная оценка Н.Н. Суханова на суде с<оциал>-д<емократического> центра⁵. Номер журнала конфискован.

Кроме того, в «Октябре» была напечатана явно упадочническая и троцкистская повесть Б. Левина «Жили два товарища»⁶.

«Новый мир». В ряде номеров дан роман А.Яковлева «Повороты», где царь, царица, дети крайне очеловечены — «до жалости»⁷. Крепкий большевик верх-исетский рабочий там даже плачет, узнав, что вместе с царем будет расстрелян и царенок. Печатание этого романа прекращено Главлитом.

Ряд прямых срывов в журнале говорит о полной безответственности редакции. Здесь помещены кроме «Поворота» Яковлева, крайне вредная повесть К. Зарудина «Неизвестный камыш», фашистская повесть Рыкачева «Величие и падение Андрея Полозова», статья Аксельрод-Ортодокс «Пролетарское искусство и классики», о которой писала «Правда», неудовлетворительный политически отрывок из повести Бабеля (№ 10), дискуссия попутчиков, где отдельные выступления (Сейфуллина, Полонский) не должны были бы увидеть свет, недопустимое место (о Ленине) в романе Андрея <sic!> Веселого (Главлитом номер задержан)⁸.

«Ленинград». В №№ 6–7 напечатана повесть Правдухина «Гугенот из Териберки» — откровенная кулацкая антисоветская повесть, глорифицирующая кулака — потомка гугенотов в Архангельске, до конца борющегося против советской власти. Повесть эта до того к изданию отдельной книгой не была пропущена Главлитом. Номер журнала конфискован.

«Молодая Гвардия». Помещена клеветническая повесть Шведова «Два окна» (издательство «Молодая Гвардия» пыталось выпустить эту повесть отдельной книгой. Главлит ее задержал)⁹. На протяжении всего года печатался роман Бутковского «Девятьсот тридцатый», полный «левацкой» критики, извращения линии партии по коллективизации, художественного смакования злоупотреблений при раскулачивании¹⁰. Как и в ряде молодежных романов (писанных между прочим коммунистами: Митрофанов «Июнь-июль», Левин «Жили два товарища») главный герой романа Ветров кончает самоубийством, не найдя никакого выхода из положения.

«Звезда». Ведущими авторами в журнале являются правые попутчики. Отдельные произведения свидетельствуют о дальнейшем сдвиге вправо некоторых из них (Тынянов, Каверин, Воронский)¹¹. Несомненная ошибка — помещение повести Тынянова «Восковая персона» (восковая скульптура Петра I, пугающая всех как символ продолжения петровской диктатуры). То же следует сказать о романе Каверина «Художник неизвестен», откровенной апологетике идеалистических принципов художественного творчества, противостоящих, по автору, советской действительности. Политически вредной вещью того же автора является повесть «Пролог», явно извращающая подлинный характер строительства и работы зерносовхозов. Повесть Воронского «Глаз урагана», где февральско-октябрьские события 1917 г. и Кронштадта, поданные лирически размагниченно и пессимистично, сочетаются с банальной историей некой «демонической» женщины. Здесь же в этой пошлой повести выведен и образ Фрунзе. Помещение в отделе «критики» стенограмм выступлений ряда попутчиков на ленинградской дискуссии без соответствующего политического примечания редакции является также несомненной ошибкой¹². Что касается самой редакции, то следует отметить, что начиная с седьмой книги полностью исчезли подписи редакторов¹³.

«30 дней». В ряде номеров печатался «Золотой теленок» Ильфа и Петрова — пасквиль на Советский союз, где банда жуликов совершенно безнаказанно обделывает свои дела. Дальнейшее печатание этого пасквиля, искажающего советскую действительность, было прекращено Главлитом. Редакция ответила на это помещением во всю страницу портретов авторов и возмутительной статьей Луначарского, где между прочим восхваляется сатирическое творчество Замятина¹⁴. В одном из последних номеров напечатана часть повести Правдухина, где издевательски говорится о посылке ленинградским рабочим на ноябрьские праздники акульею мяса¹⁵.

«Наступление», орган западной АПП (Смоленск). В № 1 помещено контрреволюционное стихотворение Осина об Осинстрое¹⁶. Журнал конфискован.

«Земля советская». Снят по постановлению Главлита роман Макарова «Стальные ребра» ч<ась> II¹⁷. В прошлом году была напечатана антипартийная, клеветническая повесть Тарасова «Ортодоксы», конфискованная в отдельном издании Главлитом¹⁸.

Главлит подчеркивает, что приведенные здесь факты являются лишь наиболее кричащими в продукции ряда наших журналов, работающих самотеком (резкое невыполнение данных партийно-писательской общественностью обещаний), далеко не выполняющих

своих большевистских обязанностей на литературном участие идеологического фронта.

Б. Волин.

отпечатано 2 экз.

Частично опубликовано в книге: [3, с. 209–210]. — Печатается по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 272. Л. 35–37. Материалы к протоколу ОБ № 87 от 17 декабря 1931 г.

¹ Здесь и далее смысл заявлений об «изъятии» и «конфискации» не вполне ясен. До настоящего времени все перечисленные номера журналов доступны читателю в фондах центральных библиотек.

² Произведение Мугуева в подзаголовке представлено как фрагмент романа «Казачи».

№ 10–11 был оперативно перевыпущен с заменой «Трех жизней» на повесть Г. Глинки и Б. Губера «Эшелон с комбайнами»; в традиционный список произведений, напечатанных в журнале за год, публикация Мугуева не внесена. Повесть Левина в переизданном № 10–11 опубликована с исключением главы о контрразведке; в 1931 г. выпущена в исправленном виде отдельным изданием.

³ Роман Сергеева-Ценского «Поэт и поэт».

⁴ Повесть Ю. Яновского была опубликована в № 1 журнала, еще при ответственном редакторе И. Беспалове; «Охранная грамота» — в №№ 4, 5–6; «Повесть о страданиях ума» — в №№ 3–4. Два последних произведения в 1931 г. вышли также отдельными изданиями. Очерк М. Тарловского опубликован в № 10–11.

⁵ Очерки М. Чарного «Жизнь героя» и Г. Киша «Подкоп» (из книги «Повесть рабкора») были напечатаны при ответственном редакторе Ф. Панферове. Очерк «Жизнь героя» — одна из глав брошюры Чарного «Суд исторический и неизбежный. Меньшевики перед пролетарским судом», выпущенной затем издательством «Московский рабочий» (М.; Л., 1931; подписана к печати 10 мая, тираж 100 000 экземпляров).

Суханов Николай Николаевич (1882–1940), участник революционного движения, экономист, публицист, был осужден в 1931 г. по «делу Союзного бюро ЦК меньшевиков».

Очерк Киша «Подкоп» в сильно переработанном виде вошел в его «Повесть рабкора» как глава «Антон Смык»; повесть выпущена ГИХЛ отдельным изданием в 1931 г., в серии «РАПП. Новинки пролетарской литературы» (сдана в набор 23 мая, но подписана к печати лишь 3 декабря).

⁶ Повесть Левина была напечатана в № 1 и № 2, при ответственном редакторе Л. Авербахе; в этом же году во 2-м квартале вышла отдельным изданием в ГИХЛ, в серии «РАПП. Новинки пролетарской литературы».

⁷ См. примечание 2 к документу 1.

⁸ Перечисленные публикации К. Зарудина, Я. Рыкачева и Л. Аксельрод-Ортодокс состоялись соответственно в №№ 1, 5, 3 *НМ* (отклик газеты «Правда» на статью Аксельрод не выявлен). Бабель вызвал недовольствие Волина рассказом «Гапа Гужва» (с подзаголовком «Первая глава из книги “Великая криница”»). Выступления Л. Сейфуллиной и В. Полонского относились к дискуссии о творческом методе в ВССП, открытой 7 сентября выступлением А. Селивановского, также в № 10 *НМ* были напечатаны выступления Леонова и Слетова.

Главы романа А. Веселого «Россия, кровью умытая» печатались в №№ 10–11 *НМ*, заключительная часть публикации была снята из № 12. Упоминание о Ленине содержалось в первой из опубликованных частей — «Над Кубанью-рекой»; молодой казак, вернувшийся в станицу с фронта Первой мировой войны, в разговоре с отцом произносил: «Корниловы-Керенские-Ленины: всех их на один крючок. Через ихние погоны и золото слезы льются» (№ 10. С. 9). Из дневниковых записей Полонского следует, что ответственным за пропущенную крамолу был член редколлегии В. Соловьев: текст Веселого находился среди рукописей, оставленных на проработку Соловьеву во время отпуска Полонского в ноябре 1931 г. [6, с. 155–156].

⁹ Рассказ Я. Шведова «Два окна» опубликован в майском № 9.

¹⁰ Роман Г. Бутковского печатался с № 3–4 по № 15–16; в этом же году выпущен отдельным изданием в издательстве «Молодая гвардия» (сдан в производство 26 июля, подписан к печати 10 ноября).

¹¹ Повесть Ю. Тынянова «Восковая персона» была опубликована в №№ 1–2. «Пролог (Путевые рассказы)» В. Каверина — в № 12 (1930) и № 1 (1931), его же повесть «Художник неизвестен» — в № 8. Повесть А. Воронского печаталась в №№ 1–3. Все перечисленные произведения в 1931 г. были выпущены отдельными изданиями.

¹² В № 8 были напечатаны выступления М. Слонимского, Н. Тихонова, Н. Никитина, Н. Брауна и М. Козакова в ходе дискуссии «о творческом методе попутчиков» в ленинградском отделе Союза писателей.

¹³ Список членов редколлегии на последней странице журнала действительно не печатался в № 5, 7 и далее до конца года. Возможно, предполагалось, что его отсутствие компенсируется аналогичным списком в составе объявления о подписке на журнал (на задней обложке).

¹⁴ Главы из романа «Золотой теленок» печатались в №№ 1–7, 10–11 и 12. Статья А. Луначарского «Ильф и Петров», проиллюстрированная фотографиями писателей в полный рост, была опубликована в № 8 и сопровождалась пояснением, что она «является предисловием к американскому изданию книги И. Ильфа и Е. Петрова» (*The Little golden calf*. New York: Farrar and Rinehart, 1932). Имя Е. Замятина в статье не упоминалось; похоже, Волин ошибочно назвал его вместо действительно упомянутого М. Зощенко.

¹⁵ Сюжет с акулиным мясом относится к повести Правдухина «Гугенот из Терибери», опубликованной в журнале «Ленинград».

¹⁶ Стихотворение Д. Осина «Осинстрой» (январь 1931 г.), посвященное строительству первой белорусской ГРЭС (в современном Ореховске Оршанского района), содержало, к примеру, следующие строки: «Хрипит землекоп над лопатой своей, / покудова руки его не ослабли; / бьет его кашель, трясет малярией, скрючились пальцы, как грабли. / На белых костях фундамент сидит... / На белых костях плотина стоит...».

¹⁷ Роман И. Макарова о строительстве сельской электростанции «Стальные ребра» в 1930–1931 гг. выдержал три отдельных издания (одно из них, сокращенное, в массовой библиотеке ГИХЛ); произведение состояло из трех частей. В этой связи утверждение о планах публикации в журнале второй части романа выглядит недостоверно. Возможно, речь здесь должна была идти о второй книге повести А. Тарасова-Родионова «Ортодоксы» (см. примечание ниже).

¹⁸ Повесть (1-я часть) была опубликована в №№ 7–9 (1930), в 1931 г. выпущена книгой в издательстве «Федерация».

3.

Секретно

11 декабря 1931 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ

Обращаю Ваше внимание на 10–11 книжку «Красной нови», которую Главлит вынужден был задержать.

Наиболее одиозными, политически вредными являются две центральные вещи: «Одна радость» Б. Левина (коммуниста, автора упадочной троцкистской, осужденной всей нашей печатью повести «Жили два товарища») и «Три жизни» Мугуева Хаджи Мурата¹.

Первая вещь подает активнейших коммунистов, участников социалистического строительства, хороших, по автору, большевиков, как самых пошлых и полных мещан на фоне борьбы за лен и новостройку. Кроме того, органически не связанная с повестью глава о контрразведке идеализирует контрразведку и ее начальника.

Вторая вещь — в крайне «объективных» тонах подает деникинцев и красных. Поручик Клаус — честный, восторженный, идеальный человек. Деникин — добродушный, мягкий, приветливый. Деникинцы точно так же убивают красных, как красные убивают деникинцев. Нет разницы в смерти дроздовца и политкома. Заканчивается эта вещь гибелью прапорщика, которого зарубил наш кавалерист, в таких тонах, что может только вызвать жалость к «бедному Клаусу» (стр. 140). Вся вещь — еще в худшем виде — воспроизводит идеологию «Дней Турбиных».

Эти две вещи — наиболее одиозные, пропуск которых свидетельствует о том, что урок платоновского «Впрок» не пошел на пользу редакции.

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что ведущей (видимо, направляющей передовой вещью) дан роман Сергеева-Ценского «Поэт и поэт» (Пушкин и Лермонтов).

А заключительной вещью в книге подан очерк Тарловского «На полюсе Востока», где автор великодержавнически, по-барски жалеет об утрате жителями Ферганы их первобытной свежести и завидует их способности, роднящей их «с бесхитростной материнской землей, землей братских костров и родовых бдений»².

Я уже рассказывал т. Постышеву³ о неблагополучности в наших журналах вообще. Рядом с «Красной новью» идет с еще большими прорывами «Новый мир». Провалы были и в «Октябре», и в «Земле Советской», и в «30 днях», и в «Ленинграде» и т. д.

Не следует ли поставить мое сообщение о журналах на Оргбюро с вызовом редакторов и заинтересованных организаций.

С коммунистическим приветом

Начальник Главлита Б.Волин.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 272. Л. 39–39 об. Материалы к протоколу ОБ № 87 от 17 декабря 1931 г.

¹ См. примечания 2 и 6 к документу 2.

² См.: Красная новь. 1931. № 10–11. С. 219.

³ Постышев Павел Петрович (1887–1939), секретарь ЦК ВКП(б), заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК.

4.

ПРОТОКОЛ № 1

заседания Президиума Оргкомитета ВССП 26 мая 1932 года.

Присутствовали тт.: Гронский, Кирпотин, Леонов, Панферов, Вс. Иванов, Колесникова, Жига, Павленко.

Председатель — тов. Гронский.

Повестка дня:

1. О журналах.
2. О «Лит<ературной> газете».

<...>¹

СЛУШАЛИ:

1. О журналах — информация тов. Кирпотина.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Считать необходимым издание нового всесоюзного журнала, в котором была бы представлена литература народов СССР — журнала, широко освещающего рост национальной культуры и доступного для широких читательских масс.

2. Считать органами Оргкомитета ВССП (в дальнейшем Всесоюзного) следующие журналы: «На литературном посту», реоргани-

зовав его, увеличив объем до пяти листов на номер и выпуская два раза в месяц; «Красная новь», «Октябрь», «Рост», реорганизовав и сделав его органом руководства массового литературного движения, увеличив его объем до пяти листов на номер и выпуская два раза в месяц; «ЛОКАФ», «Литературное наследство».

Просить соответствующие инстанции об утверждении редколлегии журналов в следующем составе:

«На литературном посту» — ответственный редактор тов. Глаголев, заместитель тов. Юдин².

«Красная новь» — ответственный редактор тов. Луппол, члены редколлегии: Фадеев, Бахметьев, Вс. Иванов, Шагинян, Войтинская, Луговской.

«Октябрь» — ответственный редактор тов. Троицкий, члены редколлегии: тт. Панферов, Шолохов, Ильенков, Афиногенов, Огнев, Асеев, Лебедев.

«Рост» — ответственный редактор тов. Жига.

«Новый мир» — ответственный редактор тов. Гронский, члены редколлегии: тт. Леонов, Малышкин, Безыменский, Ставский, Григоренко, Гладков.

«Литературное наследство» — ответственный редактор тов. Луначарский, заместитель редактора Ситковский, члены редколлегии: тт. Авербах, Волин, Раскольников.

3. а) Журналы «Пролетарская литература» и «Марксистско-ленинское искусствознание» слить в один журнал, переименовать его, назначив редактором тов. Динамова. Журнал передать в ведение Коммунистической академии.

б) Журнал «Пролетарский авангард» закрыть.

в) Вопросы о журнале «Земля советская» отложить до переговоров с РОПКП³.

г) Журнал «ЛОКАФ» оставить. Вопрос о характере его перестройки отложить до совещания Оргкомитета с представителями ЛОКАФ.

д) Принять предложение т. Леонова о переименовании журналов в сторону сокращения названий.

СЛУШАЛИ:

2. О «Литературной газете».

ПОСТАНОВИЛИ:

2. Просить соответствующие инстанции об утверждении ответственным редактором тов. Ральцевич, заместителем редактора тов. Чарного или Бронштейна и членов редколлегии тт. Суббоцкого,

Лидина, Колесниковой, Багрицкого, М. Кольцова, Слонимского, Шухова.

<...>

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 305. Л. 120–122. Материалы к протоколу Секретариата № 115 от 22 июня 1932 г.

¹ Далее в повестке дня шли менее значимые вопросы: «О хозяйственно-бытовой комиссии», «Об избрании т. Колесниковой оргсекретарем Оргкомитета ВССП» и «Текущие дела» (Там же. Л. 122–123).

² 22 июня 1932 г. решением Секретариата ЦК журнал «На литературном посту» был объединен с журналами, поименованными в подпункте 3-а (Там же. Л. 111). Спустя два месяца Секретариат еще раз изменил решение: слиты были «На литпосту» и «Пролетарская литература», чем фактически закладывался фундамент будущего журнала «Литературный критик»; вместо «Марксистско-ленинского искусствознания» решено было издавать неперидические сборники по вопросам искусства (Там же. Ед. хр. 316. Л. 4, 80. Протокол Секретариата № 124 от 22 августа 1932 г., п. 8).

³ Российская организация пролетарско-колхозных писателей.

Список литературы

1. Александр Фадеев: Материалы и исследования / ред.-сост. Н.И. Дикушина. М.: Худож. лит., 1984. Вып. 2. 455 с.
2. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / сост. Л.В. Максименков. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.
3. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2009. 405 с.
4. Платонов А.П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 1: Повести / ред. Н.И. Дужина. 842 с.
5. Полонский В.П. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 – январь 1932 / публ. С.В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 5. С. 133–152.
6. Полонский В.П. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 – январь 1932 / публ. С.В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 6. С. 144–163.
7. Фадеев А.А. Письма. 1916–1956 / вступ. статья, сост. и примеч. С.Н. Преображенского. М.: Сов. писатель, 1973. 808 с.

Статья поступила в редакцию: 13.01.2020

Одобрена после рецензирования: 06.06.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Glavlit and the Fate of Literary and Art Magazines in 1931–1932 (*Krasnaya Nov'*, *Novy Mir*, etc.)

© 2020. Elena V. Antonova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper is devoted to the consideration of organizational measures applied by the highest party and state bodies (the Central Committee of the CPSU (b) and Glavlit) for reorganizing the editorial boards of the main literary and art magazines at the turn of 1931–1932 (*Krasnaya Nov'*, *Novy Mir*, *Oktyabr*, *Zvezda*, etc.). In this regard, the paper uncovers the special role of B.M. Volin, whose appointment to the post of the head of Glavlit in June 1931 could, in the author's opinion, be one of the consequences of familiarizing the Politburo of the Central Committee with A.P. Platonov's story "For the Future". On the basis of previously known and newly discovered documentary evidence, the article reconstructs the chronology of the editorial boards reformatting, which was started actively, but extended for months; it is noted that, despite the comparable degree of vulnerability of the executive editors of *Krasnaya Nov'* (A. Fadeev) and *Novy Mir* (V. Polonsky), the measures applied to them were not equivalent. In order to assess the disorganization that arose in the course of the administrative audit of the editorial and publishing process, the output data of the magazines for the period under discussion are included in the review. Similar data, coupled with printed content announcements, make it possible to especially assess the damage done to *Novy Mir*. The paper is accompanied by the publication of a number of archival documents revealing the mechanisms for working out the "issue of magazines" in the bowels of the Central Committee and Glavlit, and a partial publication of the minutes of the Writers' Union Organizing Committee, involved in solving the problem at the final stage.

Keywords: Glavlit, the Central Committee of the CPSU (b), literary and art magazines, *Novy Mir*, *Krasnaya Nov'*, B.M. Volin, V.P. Polonsky, A.A. Fadeev.

Information about the author: Elena V. Antonova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: antonova.imli@gmail.com

For citation: Antonova, E.V. "Glavlit and the Fate of Literary and Art Magazines in 1931–1932 (*Krasnaya Nov'*, *Novy Mir*, etc.)." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 180–202. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-180-202>

References

1. Dikushina, N.I., editors. *Aleksandr Fadeev: Materialy i issledovaniia* [Alexander Fadeev: Materials and Studies], issue 2. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1984. 455 p. (In Russ.)
2. *Bol'shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov, 1917–1956* [Great Censorship: Writers and Journalists in the Land of the Soviets, 1917–1956], comp. L.V. Maksimenkov. Moscow, MFD, Materik Publ., 2005. 752 p. (In Russ.)

3. Goriaeva, T.M. *Politicheskaia tsenzura v SSSR, 1917–1991* [*Politic Censorship in the USSR, 1917–1991*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 405 p. (In Russ.)
4. Platonov, A.P. *Sochineniia* [*Works*], vol. 4: 1928–1932, book 1: Povesti [Stories], ed. N.I. Duzhina. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 842 p. (In Russ.)
5. Polonskii, V.P. “‘Moia bor'ba na literaturnom fronte’. Dnevnik. Mai 1920 – ianvar' 1932” [“‘My Struggle on the Literary Front.’ A Diary. May 1920 – January 1932”], publ. by S.V. Shumikhin. *Novyi mir*, no. 5, 2008, pp. 133–152. (In Russ.)
6. Polonskii, V.P. “‘Moia bor'ba na literaturnom fronte’. Dnevnik. Mai 1920 – ianvar' 1932” [“‘My Struggle on the Literary Front.’ A Diary. May 1920 – January 1932”], publ. by S.V. Shumikhin. *Novyi mir*, no. 6, 2008, pp. 144–163. (In Russ.)
7. Fadeev, A.A. *Pis'ma. 1916–1956* [*Letters. 1916–1956*], introd., comp. and ref. by S.N. Preobrazhensky. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1973. 808 p. (In Russ.)

The article was submitted: 13.01.2020

Approved after reviewing: 06.06.2020

Date of publication: 25.09.2020

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-203-236>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Addenda ad volumen: Из «неизданного» выпуска журнала «Гермес»*

© 2020, А. Устинов

Издательство «Аквилон»,
Сан-Франциско, США

Аннотация: Настоящая работа дополняет публикации, посвященные истории московского машинописного журнала «Гермес», издававшегося в 1922-23 гг. группой поэтов-филологов под редакцией Максима Кенигсберга. Первые три выпуска журнала были отпечатаны, сброшюрованы и «изданы» в 12 экземплярах каждый. Внезапная смерть Кенигсберга 30 июня 1924 г. привела к прекращению «Гермеса». Несмотря на то, что его вдова Нина Волькенау приняла на себя редактирование журнала, последний четвертый выпуск «Гермеса» остался неизданным и сохранился в одном экземпляре. В настоящей работе публикуются материалы из этого «неизданного» выпуска, посвященные Михаилу Кузмину (и дополняющие статью Г.А. Левинтона и автора «Материалы о Кузмине в журнале „Гермес“») и Николаю Гумилеву (и дополняющие статью К.М. Поливанова «Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии»). Параллельно приводятся сведения, имеющие отношение к литературному быту Москвы 1920-х годов.

Ключевые слова: журнал «Гермес»; Московский лингвистический кружок; история критики и периодической печати; М. Кузмин; Н. Гумилев; П. Муратов; литературный быт; московская литературная жизнь 1920-х годов.

Информация об авторе: Андрей Устинов — доктор филологических наук, главный редактор, издательство «Аквилон», Сан-Франциско, США. E-mail: abooks@gmail.com

Для цитирования: Устинов А. Addenda ad volumen: Из «неизданного» выпуска журнала «Гермес» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 203–236. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-203-236>

* Автор выражает искреннюю признательность за щедрую помощь Татьяне Нешумовой, а также Игорю Люцилову и Игорю Пильщикovu за консультации.

Можно себе представить, как был поражен Гфм, когда, взглянув по своему обыкновению на подпись, увидел имя Шнюспельпольда.

Эрнст-Теодор-Амадей Гофман

Не отражение жизни, но вторая
Жизнь восстаёт из устной скорлупы.

Томас Венцлова

I. Кузмин в журнале «Гермес»: дополнения к публикациям

Памяти Лоры Степановой

1. О стихотворении «Турин»

В своих воспоминаниях о встречах и общении с Михаилом Кузминым Борис Горнунг в том числе привел два его стихотворения — «Зеркальным золотом вращаясь...» и «Эфесские строки». Второе сопровождалось примечанием: «Стихотворение (возможно, никогда не опубликованное), присланное М.А. Кузминым для альманаха “Мнемозина”» [13, с. 182]. В этом машинописном «альманахе поэзии и критики», составленном Горнунгом и Александром Роммом в 1924 г., оно было напечатано на странице 16 [20, с. 48]. В 1988 г. «Эфесские строки» были опубликованы Н.А. Богомоловым [14, с. 77–78] и включены в подготовленный им для «Новой библиотеки поэта» том Кузмина. В примечании к стихотворению составитель заметил, что между версиями стихотворения, напечатанными в «Мнемозине» и в приложении к воспоминаниям Горнунга, «разночтений нет» [6, с. 786].

Иной комментарий сопровождал в этом собрании стихотворение «Зеркальным золотом вращаясь...», которое в авторском списке произведений начала 1920-х гг., как любезно сообщил нам А.Г. Тимофеев, было обозначено под заглавием «Турин» [13, с. 184]. Горнунг считал, что Кузмин включил это стихотворение в сборник «Параболы», выпущенный на исходе 1922 г. издательством «Petropolis» в Германии и практически недоступный в Советской России¹.

¹ См. примечания Н. Богомолова: [6, с. 753–754].

Согласно его воспоминаниям, Горнунг получил рукопись «Турина» от самого поэта во время своего пребывания в Петрограде в августе 1923 г.:

Тематикой наших разговоров с М.А. Кузминым у него дома было обсуждение журнала «Гермес» и моих стихотворений, не вошедших в него, которые М.А. беспощадно разругал. Общую же платформу «Гермеса» он полностью одобрил, в частности, считая, что позиции «неоклассицизма» и «акмеизма» вполне совместимы с высокой оценкой Иенского (но не позднейшего) романтизма. <...> Он читал также свои стихи из сборника «Параболы», только что вышедшего тогда в Берлине (у самого М.А. был только один экземпляр). Одно стихотворение оттуда он дал в № 4 нашего «Гермеса», собственноручно переписав его (автограф хранится у меня).

Вот это необычное для Кузмина (хотя м. б. и близкое в чем-то уже «гностическим» стихам в «Нездешних вечерах») <стихотворение>. (Мы включили его в № 4 «Гермеса», хотя дух его был нам довольно чужд)... [13, с. 175–176].

4 января 1924 г. Горнунг извещал Кузмина в недошедшем до адресата письме: «Полученное мною от Вас стихотворение помещено в № 4...» [2, с. 381]. Не имея возможности сверить переписанный Горнунгом текст «Турина» ни с автографом, ни с версией, представленной в четвертом «невыхедшем» выпуске «Гермеса», мы с М.О. Чудаковой решили опубликовать его в доступном на тот момент виде. Это решение нельзя было считать ошибочным, однако ошибок не избежал переписчик.

Вскоре после выхода материалов «Пятых Тыняновских чтений» стихотворение Кузмина было опубликовано Г.А. Моревым в «Литературном приложении» к парижской газете «Русская мысль» со следующим пояснением: «Автограф стихотворения сохранился в архиве Б.В. Горнунга и был передан в дар Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме М.Б. Горнунгом. В настоящее время М.Б. Горнунг занимается разбором архива своего отца и, в частности, готовит к печати его воспоминания о Кузмине»².

Последнее утверждение было явно фигурой речи, поскольку не соответствовало действительности: Б. Горнунг записал свои воспоминания в тетрадь, которую его вдова, «выполняя эту волю покойно-

² Неопубликованное стихотворение Михаила Кузмина / публ. Г. М<орева> // Русская мысль. 1990. 2 ноября. № 3852. С. II. (Литературное приложение № 11. Посвящается Михаилу Кузмину).

го, передала» М.О. Чудаковой. «Это была светло-зеленая школьная тетрадка московской фирмы “Восход” с “законами пионеров Советского Союза” на задней обложке. На первом листе обложки крупно, “печатными” буквами, чуть дрожащим почерком было выведено имя автора и заголовок. Тетрадь пролежала в моем архиве 13 с лишним лет», — пояснила М. Чудакова в предисловии к публикации воспоминаний о Кузмине [13, с. 172].

Как оказалось, напечатанная в «Литературном приложении» версия «Турина» тоже была не без изъянов. «Сверка публикации с автографом показывает, что точнее сделана первая» [6, с. 786], — пояснил Н. Богомолов, имея в виду версию в воспоминаниях Горнунга. Его собственная публикация стихотворения в кузминском томе «Новой библиотеки поэта» была заново сделана по автографу [6, с. 654–655, 658]. Именно на нее следует полагаться при сравнении с тем, как выглядела самая первая печатная версия «Турина», когда это стихотворение было «набрано» Л. Горнунгом на пишущей машинке ЮСТ для четвертого «неизданного» номера «Гермеса» (стр. 54–55).

Зеркальным золотом вращаясь
в пересечении лучей,

(Лицо, лицо, лицо!..)

стоит за царскими вратами
невыносимый и ничей!

В осиной талии Сиама
искривленно качнулся Крит.

(Лицо, лицо, лицо!..)

В сети сферических сияний
неугасаемо горит.

Если закрыть лицо покрывалом плотным,
прожжется <шитье> тем же ликом.
Заточить в горницу без дверей и окон,
с вращающимся потолком и черным ладаном,
в тайную и страшную молельню, —
вылезет лицо наружу плесенью,
обугленным и священным знаком.
Со дна моря подыметя невиданной водорослью,
Из могилы прорастет анемонами,
лиловым, тайным огнем
замреет с бездонных болот.

Турин, Турин,
блаженный город,
в куске полотна
химическое богословие хранящий,
[хранящий,]
радуйся ныне и присно!

Турманом голубь: «Турин!» кричит,
потоком По-река посреди кипит,
солдатская стоянка окаменела на век,
я – город и стены, жив человек!
Из ризницы тесной хитон несу,
самого господа господом спасу!

Не потопишь,
не зароешь,
не запрешь,
не сожжешь,
не вырубешь,
не вымолишь
своего лица,
бедный царек,
как сам изрек!

В бездумные, легкие, птичьи дни, – выступало.
Когда воли смертельной загорались огни, – выступало.
Когда голы мы были, как осенние пни, – выступало.
Когда жалкая воля шептала «распни!», – выступало.

Отчалил золотой апрель
на чайных парусах чудесных, –
дух травяной, ветровый хмель,
расплавы янтарей небесных.
Ручьи рокочат веселей,
а сердце бьется и боится:
всё чище, девственной, белей
таинственная плащаница.

Открываю руки,
открываю сердце,
задерживаю дыханье,

глаза перемещаю в грудь,
 желанье в голову,
 способность двигаться в уши,
 слух – в ноги,
 пугаю небо,
 жду чуда,
 не дышу...
 Еще, еще...

Кровь запела густо и внятно:
 «Увидишь опять вещи пятна».

Апрель 1923 г.

2. Нина Волькенау о «Новом Гуле»

В публикации «Материалы о Кузмине в журнале “Гермес”» нам уже приходилось отмечать, что при сравнении работ Нины Волькенау (1901–1973?) с другими теоретическими выступлениями «гермесовцев», она «в некоторых своих взглядах отличается от остальных участников журнала: для нее классицизм представлен именами Мандельштама и Ахматовой, а Гумилев — главный мэтр для прочих авторов “Гермеса” — ни разу в ее статьях не назван» [10, с. 325]. Даже в докладе «Лирика Михаила Кузмина», прочитанном ею 4 декабря 1925 г. в ГАХН³, Гумилев фигурирует только как рецензент сборника «Сети»: «В “Сетях” Кузмин для современников “является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной и слишком далеко ушедшей от тех вопросов, которые определяют творчество истинных мастеров”» (Н. Гумилев, газ. «Речь», 1908 г., № 121 от 11 мая) [15, с. 366].

Если О. Мандельштам и А. Ахматова выступают достойными примерами того «классицизма», который исповедовали авторы «Гермеса», то на роль «зачинателя» классицизма *in vicem* Гумилева Волькенау выбирает как раз Кузмина. Она недвусмысленно оглашает свою позицию уже в № 1 «Гермеса», рецензируя книгу Федора Сологуба «Свирель. Русские бержереты» (Пб., 1922):

³ «В настоящее время работаю над докл<адам> “О лирике Мих. Кузмина”, — сообщала Н. Волькенау в Curriculum vitae, поданном ею в тот же день в Литературную секцию ГАХН [10, с. 333]. К 1924 г. относится ее стихотворение «Ароматами умастила тело, / Грудь, что ты любил целовать, и плечи...», которому предпослан эпитафия из «Александрйских Песен» М. Кузмина. Стихотворение вошло в подборку, составленную Волькенау для машинописного альманаха «Мнемозина» (Москва, 1924, с. 43).

Кузмин первый возвестил наступление нового русского классицизма — и вот непрестанно ширятся его завоевания, и среди молодых поэтов и среди ветеранов поэзии-благовеста, поэзии символов и несказуемости, непрестанно обогащаются и разнообразятся классические школы, впитывая в себя и творчески возрождая разнообразнейшие классические *genre*'ы минувшего, ища и создавая свои. И вот мы, с удивлением читая имя Федора Сологуба на «Свирели», маленьком *chef-d'oeuvre*'е словесного ремесла, многое поймем и многому порадуюемся, прочтя далее: 1921.

«Свирель» является блестящим примером той творческой стилизации, которая, проникшись вполне формой стилизуемого *genre*'а, его органическим своеобразием, умеет облечь эту форму новым живым и гибким материалом, умеет сделать живым для своего времени — бывшее живым, сыграть на рояли клавесинную пьесу, сохранив ее оригинальную прелесть [10, с. 325]⁴.

Наблюдение о том, что поэт умеет подобрать «новый живой и гибкий материал» и сделать «живой для своего времени» давно существующую «форму»⁵, Волькенау переносит в рецензию на сборник Кузмина «Новый Гуль», написанную буквально в течение месяца после его выхода в свет⁶. Здесь она противопоставляет собранные в этой «маленькой книжке» произведения «темным стихам» Кузмина,

⁴ См. дневниковую запись Л. Горнунга от 16 марта 1924 г.: «На Балчуг зашел Максим <Кенигсберг>. Вместе читали письма, полученные от Нины из Твери, и рецензии ее» [3, с. 94].

⁵ См. наше замечание, что Волькенау включает в рецензию «инверсию традиционной литературоведческой метафоры: не материал облекается в форму, а форма в материал — явное влияние столь оспариваемых “Гермесом” формалистов» [10, с. 325].

⁶ См. запись А. Кроленко, руководителя издательства «Academia», в дневнике 23 мая 1924 г.: «Кузмин получает пробный экземпляр своего сборника “Новый Гуль”. Митрохин — смотрит пробный экземпляр “Нового Гуля” и приходит в большое огорчение от искажения его обложки. В ней перепутана черная и красная краски, и обложка, действительно, имеет странный вид» [6, с. 765]. 5 июля М. Кузмин писал В. Руслову в Москву: «“Нов<ого> Гуля” не слал, потому что именных *печатных* экземпляров (т. е. с напечатанной фамилией владельца) еще не сделали, и сделают экземпляров пять, а экземпляры *quasi* именные с надписанной фамилией рукою издателя, или его служащего, или моею, не представляют особого интереса. Такой я могу выслать хотя бы во вторник. Обложка испорчена, т. к. перепутали клише и черное напечатали сепией, а сепию черным, так что Гуль, вообще непохожий, получился с бакенбардами. Сам Гуль жив, здоров, из университета не вычищен и скоро отбудет в Москву. <...> От Москвы у меня остались воспоминания *plutôt* приятные. “Абракасас” запретили за литературную непонятность и крайности. Хлопочем. Наверное, зря» [28, с. 191].

которые заставили его читателей и почитателей «опасаться, что он решительно вступает на путь душевного, магического мистицизма»⁷.

Сходное противопоставление Волькену сделала и в докладе «Лирика Михаила Кузмина», отметив, что этот сборник оказался неожиданным исключением в творческой эволюции поэта⁸: «“Новый Гуль” — маленькая книжечка любовных стихов 1924 г. написана неожиданно в старой манере. Но следующие — рукописные — стихи (до конца 1924 года) дают основание полагать, что в дальнейшем творчество Кузмина пойдет скорее по пути несколько темного и расплывчатого эмоционализма “Парабол”» [15, с. 369]⁹.

В «Новом Гуле» Волькену увидела «лучшие грани знакомого и любимого творчества», отметила «признаки подлинного для нас Кузмина» и призвала воспринимать каждое из стихотворений сборника в «его непосредственной, почти всегда целостной поэтической значимости». «При наличии таковой, — написала она в заключении, — эта прозреваемая за стихами ткань только обостряет новым, волнующим элементом эстетическое впечатление от стихов Кузмина — живое, светлое и пленительное»¹⁰.

Как уже было отмечено, в трех «изданных» выпусках «Гермеса» появились только две специальные работы, посвященные поэту — рецензии Максима Кенигсберга на книгу «Лесок» в № 1 (стр. 123–125) и на три выпуска альманаха «Абракасас» в № 3 (стр. 417–420), напечатанные им за подписью *Шнюспельпольд*, позаимствованной у Э.Т.А. Гофмана и обыгрывающей своим ритмическим рисунком фамилию автора¹¹. Отзыв Волькену из четвертого, «неиз-

⁷ См. оговорку в воспоминаниях Б. Горнунга: «Нас (в “Гермесе”) этот поворот в поэтическом мировоззрении Кузмина очень огорчил <...>. Но наше огорчение скоро прошло, когда в последующих двух сборниках (“Новый Гуль” и “Форель разбивает лед”) мы узнали *прежнего* Кузмина (ср. рецензию Н.В. Волькену в № 4 “Гермеса”)» [13, с. 178–179].

⁸ Ср. в ее тезисах «О лирике М. Кузмина»: «“Новый Гуль”. Дальше?» [10, с. 334].

⁹ Отвечая в прениях по докладу, Волькену представила дополнительные соображения относительно его творческой эволюции:

По поводу замечания о недостаточной связи теоретических высказываний Кузмина с его поэтической практикой приходится сказать, что теоретические высказывания подчеркивают это единство многообразных его устремлений. Докладчицей хронологически подчеркивались и даты теоретических высказываний, и даты стихов, хотя это методологически неправильно:

1. «О прекрасной ясности» — «Сети» — «Новый Гуль»

2. «Декларация эмоционализма» — «Параболы»

Невнятность «Парабол» является доведением мистической стихии до абсурда, до своеобразно искаженных внешних средств выражения [15, с. 372].

¹⁰ Гермес. 1924. № 4. С. 239–241.

¹¹ См.: [10, с. 329]; здесь же републикованы обе рецензии Кенигсберга под этим псевдонимом [10, с. 330–332]. «Ириной Шнюспельпольд, отставной

данного», номера дополняет ряд материалов «Гермеса», посвященных Кузмину¹².

М. Кузмин. «Новый Гуль».

Издательство «Academia». Лнгр. 1924. стр. 31.

Темные стихи в «Абраксасе» были последними, дошедшими до Москвы, стихами Кузмина, и давали повод опасаться, что он решительно вступает на путь душного, магического мистицизма, элементы которого уже очень давно встречались в его творчестве, как в эротических, так и в религиозных стихах. Маленькая книжка «Нового Гуля» разбивает эти опасения, показывая в полном блеске многие лучшие грани знакомого и любимого творчества.

Кузмин, как никто из наших современников, владеет тайной так называемой «музыкальности» стиха, не достигаемой никакой технически-умелой расстановкой гласных и согласных, и вызывающей неотразимое по своей непосредственности, почти физиологическое наслаждение. Словесно-звуковая грациозность, заостренная мастерством всегда остроумной рифмы, и ритма, и строфической изобретательностью, отчетливо и светло выражающие <sic!> изящную и проникновенную нежность и своеобразную мудрость, — почти всегда любовно-окрашенную, — стройно сплетенную из пестрого опыта многих культур — все эти признаки подлинного для нас Кузмина чисто звучат в маленькой повести о любимом, похожем на кинематографического героя. Еще две характерные черты его творчества — соединение стихов в цикл, имеющий повествовательных характер, и своевольная капризность, запутанность фабулы и деталей, напоминающая мельканье кинематографической фильмы. Эта повествовательность обличает беллетриста, и именно такого, каким мы знаем Кузмина — насыщенного сюжетами, бросающего пригоршни пестрых, неоправленных блесков. Она совсем иного рода,

канцелярский заседатель из Бранденбурга» («Irenäus Schnüfpelpold vormals Kanzleiassistent zu Brandenburg») — персонаж написанного Гофманом в 1821 г. квази-автобиографического рассказа «Тайны» («Die Geheimnisse»).

¹² В отличие от других авторов «Гермеса», Волькену избегала «шпетовской орфографии» (см. наше пояснение об орфографии «Гермеса»: [10, с. 323]). Она писала «йотированные» суффиксы с «-и» вместо принятого в «Гермесе» написания с «-ь» и сохраняла двойные согласные в заимствованных словах, например, вторая «л» в слове «беллетрист» вписана в рецензии от руки. Дочь Г. Шпета Марина Шторх вспоминала: «Кстати, фамилия их тогда писалась как Шпетт. Это потом папа, который не выносил двойных согласных в русском языке, и даже те слова, которые положено было писать с двумя, писал с одним: Дикенс, Шилер, колега, вана, а когда корректоры правила, то злился и требовал устранить “замеченные опечатки” — одну букву “т” из фамилии убрал. Так он стал Шпетом» [30, с. 60]. См. также: [7, с. 467–468].

чем то, что называют «повествовательностью» у ранней Ахматовой. У ней — не повесть, а новелла, четкая, непродолжаемая, вся данная в данном стихотворении; Кузмин же сам говорит:

«Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека...»

Читатель может строить предположения, если он хочет — но может, забыв об этом биографическом или сфантазированном заднем фоне, воспринимать стихотворенье в его непосредственной, почти всегда целостной поэтической значимости. При наличии таковой эта прозреваемая за стихами ткань только обостряет новым, волнующим элементом эстетическое впечатление от стихов Кузмина — живое, светлое и пленительное.

Нина Волькенау.

3. Максим Кенигсберг об «искусстве прозы и новеллы»

Помимо собственно рецензий, «посвященных специально или преимущественно М. Кузмину» [10, с. 322], мы также привели в нашей работе подробный свод упоминаний его творчества на страницах «Гермес». Например, фрагмент из отзыва М. Кенигсберга на сборник рассказов Н. Гумилева «Тень от пальмы», где имя Кузмина называется в достаточно красноречивом контексте:

За последние годы у нас постоянно мо<ж>но было слышать жалобы на упадок прозы, но под этим, скорее всего, разумели падение искусства романа. Про новеллу как->то забыли. Причиной тому, быть может, было <то>, что после сверкающего таланта Чехова серой русской беллетристике, ставшей под его знамя, оставалось только перепевать и вульгаризировать его темы и мотивы. Рассказами были полны альманахи, сборники, толстые журналы, и этого казалось достаточно для спокойствия нашей критики. Она не привыкла серьезно смотреть на рассказ: в нем трудно было излить народную скорбь, воспеть народ-богоносец, призвать Ивана-Царевича и т<ому> под<обное>. А между тем меровингская глубина падения была ужасающей. В этой тьме работали над обновлением отдельные звезды — самые крупные: Кузмин, Муратов, теперь, когда собранная воедино книжечка лежит перед нами, мы можем прибавить<:> Гумилев¹³.

¹³ Гермес. 1922. № 1 (июль). С. 130. Кенигсберг также упоминает Кузмина в своих статьях «Искусство и истина (в защиту и против реализма)» (№ 2. С. 124, 139) и «Заметки о рифме» (№ 3. С. 260).

Продолжая разговор о представленной в сборнике «малой прозе» Гумилева, Кенигсберг ссылается на известную статью Бориса Эйхенбаума «О прозе Кузмина», напечатанную в сентябре 1920 г. в петроградской газете «Жизнь искусства»: «Новеллы <Гумилева> итальянского и средневекового стиля я считаю явно-стилизаторскими. Это опыты, как склонен считать опытами Кузмина вещи вроде Эме-Лебефа или Джона Фирфакса Б. Эйхенбаум» (стр. 132)¹⁴. Однако в этой статье Эйхенбаум именует Кузмина «мастером стилизации»:

Проповедник «кларизма», Кузмин выступил как мастер стилизации в своих авантюрных романах: «Приключения Эме Лебефа», «Путешествие сэра Джона Фирфакса», «Подвиги великого Александра». Никакой психологии, никакого быта, никаких тенденций, никакой современности. Скользящий по жизни, быстро развертывающийся роман приключений с его традиционными мотивами — кораблекрушением, невольничеством, переодеванием и пр. <...> Русская речь, звучащая по-французски. Сюжетные схемы взяты здесь готовыми и использованы как чисто стилистическое явление. Фабула обрывается — Кузмину не важно здесь ее завершение. Он вступает в литературу как стилист и как иностранец, потому что нужно заново почувствовать русскую речь и русскую литературу [31, с. 349].

Не менее интересно упоминание Кенигсбергом среди «самых крупных» прозаиков, работающих над обновлением «новеллистического искусства», Павла Муратова (1881–1950), сборнику рассказов которого «Морали» (Берлин: Геликон, 1923) он посвятил одну из своих последних рецензий. Как и включенные в № 4 журнала отзывы Льва Горнунга на посмертную книгу стихотворений Н. Гумилева «К синей звезде» (Берлин: Петрополис, 1923) и Нины Волькену — на сборник Пастернака «Темы и варьяции» (Берлин: Геликон, 1923), рецензия Кенигсберга была посвящена эмигрантскому изданию¹⁵.

¹⁴ Кенигсберг цитировал Эйхенбаума вопреки «гермесовской» стратегии противостояния петроградскому ОПОЯЗу и вообще «формальному методу». Ср.: «В своей — весьма резкой — антиОПОЯЗовской полемике авторы “Гермеса” всегда отмечали особую позицию В.М. Жирмунского и (с меньшим основанием) Б.М. Эйхенбаума: по всей вероятности, для москвичей важны были не только теоретические позиции, но и выбор объектов анализа; ОПОЯЗ они непосредственно связывали с футуризмом, поэтому работы В.М. Жирмунского об акменстах и Б.М. Эйхенбаума — об Ахматовой и Кузmine представлялись им отклоняющимися от основного направления формалистов» [23, с. 515].

¹⁵ В № 3 Кенигсберг отозвался на сборник рассказов «Обман» (Берлин: Изд. Гутнова, 1923) Виктора Мозалевского (1889–1970), который пытался эмигрировать в 1921 г., но потерпел неудачу. Мозалевский входил в редколлегия № 3 «Гермеса» и опубликовал там рассказ «Милая ёлка» и две рецензии (под

Более того, живому писателю-эмигранту — осенью 1922 г. Муратов был командирован в Германию¹⁶, но решил не возвращаться и к концу следующего года, благодаря участию профессора Этторе Ло Гатто, обосновался в Риме [11, с. 33, 38–40].

В портфеле «Гермеса» это был не единственный отзыв на книги Муратова: в № 1 была напечатана рецензия Семена Богдановского на его комедию «Кофейня»¹⁷, а в № 3 — рецензия Михаила Петровского на сборник «Магические рассказы»¹⁸. Обе книги были выпущены в 1922 г. московским книгоиздательством «Дельфин», в котором год спустя вышел сборник стихотворений «Ковш» Филиппа Вермеля, вскоре ставшего автором альманаха «Мнемозина» и соста-

псевдонимом «Маврикий Фонтанов»). В № 4 «Гермеса» напечатана его «московская сказка» «Происшествие». См. дневниковые записи Л. Горнунга от 4 января 1924 г.: «На Тихвинской вечером на заседании “Гермеса” Мозалевский читал 2 рассказа» [3, с. 70] и 11 января: «Сегодня вечером мы устроили юбилейное заседание “Гермеса” по поводу выхода в свет уже трех номеров. Купили кое-какой выпивки и пригласили сотрудников. Сначала Борис <Горнунг> и Максим <Кенигсберг> сделали соответствующие доклады, затем Мозалевский читал пьесу» [3, с. 73].

¹⁶ См. сообщение в хронике биобиблиографического журнала «Новая русская книга»: «Павл<ел> Павл<ович> Муратов приезжает в скором времени из Москвы в Германию» (Новая русская книга. 1922. № 7. С. 33). В январе 1923 г. Муратов «читал свои произведения» в берлинском «Клубе писателей» (см.: Русская литературная и научная жизнь за рубежом // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 37), а вскоре «выехал из Берлина в Италию» (Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 46. Этот номер журнала вышел только во второй половине марта; ср.: Дни. 1923. № 123. 25 марта. С. 14). Вернувшись в Берлин, 25 апреля он снова выступил в «Клубе писателей» с докладом «Пространство в литературе», в прениях по которому «участвовали Ю.И. Айхенвальд, Ф.А. Степун, В.Б. Шкловский и Н.А. Бердяев» (Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 43), и продолжил работу «над книгой “Живописцы Барокко”» (Там же. С. 52). Однако надолго в Германии Муратов не задержался и переехал в Рим по приглашению и при содействии Э. Ло Гатто.

¹⁷ Гермес. 1922. № 1. С. 126–130. Б. Горнунг вспоминал о его участии в «содружестве Camerata» и «в очень интимном семинарии М.А. Петровского по композиции новеллы»: «Работали там еще Д.Е. Михальчи и вновь появившийся на университетском горизонте товарищ мой, <А.И.> Ромма и М.М. <Кенигсберга> по 1918 году — С.Д. Богдановский. <...> Была еще другая общая работа боевого характера — семинарий П.Н. Сакулина по методологии истории литературы. Во главе с М.М. Кенигсбергом воевали мы против самого Сакулина и его приверженцев, стоявших на социологической точке зрения в изучении искусства. Так намечался кружок 10–12 лиц, создавший два с половиной месяца спустя содружество Camerata. Все бредили <Э.Т.А.> Гофманом <...>. Из современной русской литературы на первом плане стоял Михаил Кузмин. Мои и Ромма футуристические симпатии не были каким-либо диссонансом, так как не выдвигались нами особенно вперед (Пастернака же очень любил и М.М. <Кенигсберг>) и не мешали нам обоим увлекаться Гофманом или Кузминым...» [2, с. 347–348]. Подробнее о Семене Богдановском (1896–1951) см.: [8; 9]. В «неизданном» № 4 «Гермеса» Богдановский не печатался. См. запись Л. Горнунга 29 января 1924 г.: «Занес Нине на службу календарную доску, нарисованную мной. Смотрел у нее начало № 4. Появился Богдановский» [3, с. 78].

¹⁸ Гермес. 1923. № 3. С. 391–400.

вителем сборника «Чет и нечет» (М., 1925), — двух последующих издательских антреприз круга «Гермеса».

Поскольку Кенигсберг поставил Муратова в один ряд с Кузминым, стоит напомнить, что Кузмину принадлежит отзыв на сборник Муратова «Герои и героини», вышедший в 1918 г. в том же самом книгоиздательстве «Геликон», правда, тогда еще московском. Так же, как и потом Кенигсберг, Кузмин вспоминал в связи с Муратовым Уолтера Патера¹⁹:

Необыкновенно привлекательная по внешности и по содержанию книжка производит культурное впечатление, как произведение чело- века с большим вкусом. Это ряд рассказов, объединенных довольно парадоксально идеею героизма. Самое это объединение и заглавие — единственная претенциозность, где вдруг почему-то не помог вкус. Все рассказы искусно построены, иногда нарочито анекдотически («Осада Левеллина», «Приключение Казановы<, нерассказанное им самим>»), написаны изысканно просто, имеют живописность и занят- ность, иногда очень острую («Мод Кемрон»). Автор нигде не впадает в дурной тон или вульгарность, но какая-то анемичность и отсутствие за простотой других свойств делают почти все рассказы бледноваты- ми. Впрочем, может быть, вина в этом лежит на образчике, с которого сделаны «Герои и героини», на Анри де Ренье, пленительная меланхо- лия которого так часто переходит в расслабление и малокровие. Ренье же неотступно вспоминается при чтении книги Муратова, равно как, просматривая «Образы Италии» того же автора, не отогнать мысли о Патере и Монье (особенно). Это приятное чтение, произведения культурного, начитанного человека, но не первые шаги, может быть и ошибочные, творчески одаренной натуры²⁰.

¹⁹ Ср. также в рецензии А. Бахраха в берлинской газете «Дни»: «Четыре рассказа, вошедшие в сборник “Морали” объединены лишь стилем своего художественного построения. Проводимая Муратовым линия для русской литературы весьма необычайна. Она родственна пути Уолтера Патера в Англии, близка к Анри де Ренье или Марселю Швобу во Франции. Это прием тщательной и детальнейшей реконструкции... вымышленных биографий при некоем одновременном “заигрывании” с суровой музой Истории; где на фоне объективного, строго-научного исторического пейзажа, воссоздаваемого, быть-может, путем долгих библиотечных работ, начинают жить герои, являющиеся лишь измышлениями творческого таланта автора» (*Бахрах А.* <Рец.:> *П. Муратов. Морали.* Рассказы. Изд. «Геликон». Берлин. 1923 г. (91 стр.) // *Дни.* 1923. № 190. 17 июня. С. 13).

²⁰ Жизнь искусства. 1918. № 8. 6 ноября. С. 5. В 1926 г. парижское книгоиздательство «Возрождение» — “La Renaissance” выпустило новое издание «Героев и героинь», куда были включены все 4 рассказа из книги «Морали»: «Нищий рыцарь» (стр. 5–20), «Тираноубийцы» (стр. 31–44), «Морали» (стр. 95–104) и «Валькирии» (стр. 131–136). О близости двух сборников рассказов Муратова писал в своем отзы- ве А. Бахрах: «...новый небольшой сборничек “Морали”, по первому рассказу книги

Помимо рецензии Волькенау на сборник «Новый Гуль», этот анализ новелл «одного из лучших наших современных прозаиков», как аттестовал его Кенигсберг — единственный из материалов «неизданного» номера «Гермеса», где также говорится о Кузмине.

*<Павел> Муратов. Морали. Рассказы.
«Геликон» Берлин 1923 стр. 87*

История русского стиха после очистительного огня символизма вышла на открытую дорогу, и, что бы ни грозило теперь русской поэзии, искусство стиха никогда не потеряется в культурном разброде, если сумеет только сохранить завоевания последних двух десятилетий. Иное случилось с русской художественной прозой. Символизм, бывший в очень значительной мере стилизаторской школой, не сумел указать искусству прозы никаких путей, не мог дать ему тех необходимых опор, которые были бы в состоянии поддержать странствия за созданием своего собственного стиля, вместо стилизации. В результате получилось что-то, когда уже кончился символизм, как теченье, когда русское словесное искусство приступило к созданию индивидуальных школ и стилей вместо формальной борьбы эпохи символизма, приступило к дифференциации вкусов вместо защиты прав вкуса на существование, проза осталась на распутице. Это, лучше всего,

романтически озаглавленный именем встреченного Пушкиным в Одессе и ныне забытого “корсара в отставке”, какой-то новой заключительной чертой дополняет разносторонний облик талантливого писателя и придает законченную цельность его творческой характеристике. По существу “Морали” является лишь некоторым дополнением к старому собранию “Героев и героинь”, этому циклу необыкновенных жизнеописаний и портретов ни с кем не схожих людей” (Дни. 1923. № 190. 17 июня. С. 13). Три рассказа из сборника «Герои и героини» — «Конквистадоры», «Осада Левеллина», «Мод Кемрон» — были выпущены берлинским «Геликоном» в 1922 г. в виде отдельного издания, предшествовавшего «Морали». В развернутой рецензии на «Три рассказа» А. Ветлугин также писал о связи Муратова с Уолтером Патером: «Книги Муратова единственное явление в русской литературе последнего десятилетия. Муратову доступны те вершины эстетического восприятия культуры, на которых сгорают манерность, приподнятость, гурманство и остается редкая, трудная красота. Идя вслед за Патером, Муратов в изучаемых им эпохах чувствует себя не коллекционером, не любителем бутафории и цитат (типа Мережковского), не фанатичным реконструктором, заботящимся лишь о точности воспроизведения фона; для Муратова дороже всего некая преемственность главной мысли, некая наследственность страдания, проходящие по всем эпохам христианства — от Петрония до английских миссионеров в Китае. И так как “главная мысль” — есть греза об активности и так как источник страдания есть кризис сознания (по слову Паскаля: *la maladie c’est l’état naturel d’un chrétien*), то все герои и героини Муратова даны им в разрезе противоречий борьбы за индивидуальность» (Ветлугин А. <Рец.:> П. Муратов. Три рассказа. Изд-во «Геликон». Берлин. 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 11–12).

иллюстрируется положением самих символистов в отношении искусства прозы. Андрей Белый, пытавшийся в своих «Симфониях» найти новые пути прозаического творчества, не вышел в них за пределы лабораторных достижений; а в том, что составляло его подлинное «высокое» искусство, в своих романах вернулся к старому пути прозы, к Гоголю и Лескову, лишь освежив и обновив их несколько своими симфоническими достижениями. Михаил Кузмин, призывавший в своем манифесте «О прекрасной ясности» к обновлению прозы и давший недостижимые образцы стилизаторского искусства в своих авантюрных вещах, в своих романах продолжил пути Достоевского. Если сравнить с этим положением его пути, как стихотворца, разница получится убедительная. Лишь в самое последнее время проза его начинает как будто нащупывать какие то творчески совсем новые пути, но об этом говорить еще слишком рано. Всё говорит за то, что русская проза не может совершенно честно выйти за пределы ученичества и стилизаторства. Значит и не нужно, значит нужно также добросовестно искать путей, как добросовестны были пути искания стиховых совершенств. Уже в своей рецензии на рассказы Николая Гумилева я проводил сходные соображенья^{*/}.

Ныне мне хотелось несколько остановиться на них и развить их в связи с творчеством одного из лучших наших современных прозаиков П. Муратова. Творчество Муратова шло совсем особым путем^{**/}, и этот особый путь безусловно отразился на характере его последней книжки рассказов, названной по имени первого рассказа «Морали», в чем, сдается нам, заложена некоторая, возможность игры на омографию и возможность смещения: «Морали» также могло бы быть заглавием этому сборнику. Характер муратовской стилизации в самом существе соответствующего акта отличается от характера стилизации, напр<имер> М. Кузмина. Муратов начал о того рода словесного искусства, которым так богата Франция и который в лице англичанина Патера нашел своего высочайшего представителя, и от этого рода он и подошел к чисто художественному творчеству. От художественной филологии Муратов перешел к филологическому искусству. Не было большой разницы для полученного комплекса, но было существенно различным соотношением внутренних форм: в одном случае центр внимания углубляется к фундамирующим логическим формам, принимая поэтические лишь как момент украшаю-

^{*/} См. № 1 настоящего журнала, июль 1922 г.

^{**/} Этот особый характер творческого развития Муратова отмечен М.А. Петровским в его рецензии на «Магические рассказы» в № 3 настоящего журнала, сентябрь 1923 г.

щий, в другом — логические суть лишь необходимый скрепляющий фундамент, а всё внимание неизбежно сосредоточивается на формах поэтически. То же соотношение получается и в сфере предмета изложения: в одном случае внимание направлено к постижению исторической действительности, воссозданной в художественных формах, под прикрытием вымысла, в другом — вымысел является непосредственным предметом постижения, а усмотрение обосновавшей его исторической подлинности появляется лишь, как наследие усмотрения филологического акта, легшего в основание акта художественного. Эти отношения могут чрезвычайно осложняться: в качестве подлинности может выступать действительность сама по себе художественная, как напр<имер> Рудин в рассказе «Смерть Рудина» (сборник «Герои и героини»), но ими во всяком случае определяется характер художественной школы Муратова и направление его стилизаций. Теперь уже смежно говорить и спорить о том, художественны или не художественны рассказы Муратова: для всякого ясна их несомненная художественность, хотя к счастью для них — далеко, конечно, не для всех выразителей современных художественных «сознаний» они окажутся приемлемыми.

Вновь вышедшая книга заключает в себе четыре рассказа, в которых соотношение логических и поэтических форм, действительных и фиктивных предметов опять «перемешаны в несколько иной мере и чередуются в несколько иной последовательности, чем то обычно встречается». И всё же у нашего вдохновенного переводчика Патера редко его герои не бывают «теньями» «познавших» историческое бытие «существ», пусть этим историческим бытием было в свою очередь бытие художественное. Первый рассказ книжки «Морали» изображает того бывшего корсара, которого пришлось Пушкину повстречать в бытность свою в Одессе и о котором кратко упомянуто в «Путешествии Евгения Онегина», в двух строчках, взятых Муратовым эпиграфом. С совершенно исключительным мастерством Муратов воссоздает образ корсара, пользуясь как материалом строчками путешествия Онегина, различными, может быть, воспоминаниями о Пушкине на юге России и, наверно, любовно запечатленными Бартеневым чертами жизни великого поэта. Ресторатор Отон, оперы Россини, исполнявшиеся на сцене одесского театра, казино и проч., — всё это собрано заботливо Муратовым из пушкинских строк. Ни одна мелочь из пушкинских строк, которая могла бы помочь воссоздать образ забытого и не наделенного историею бессмертием корсара не была упущена Муратовым. И не напрасно, думается, так изумительно фрагментарен стиль рассказа: не проблема сюжета и повествования

водила рукою автора, а проблема реконструкции. История переходит в вымысел, воссоздание в создание: «история не даровала ему бессмертия, которым наделил его вспомнивший о нем в деревенской глуши поэт». Так начинается творчество, но истоки его лежат в действительном, и перед нами не портрет, и не вполне художественное создание, а «воображаемый портрет». Чисто новеллистическое искусство в этом рассказе также затушевано, как бывает оно часто затушевано и в других вещах Муратова. В данном случае в угоду искусству реконструкции, как в некоторых рассказах из первого сборника, а не во имя психологического портрета, или стилистического задания, как в некоторых рассказах второго сборника.

Следующий рассказ сборника «Нищий рыцарь» есть изумительное воссоздание средневековья, по мастерству не уступающее сказкам Жюль Верна. Новеллистическое искусство Муратова находится в этом рассказе на высокой степени совершенства, находясь в то же время на ступени классической гармонии о нормами логическими. Может быть, еще более совершенной по своей пуэнтировке является следующая новелла сборника, «Тираноубийцы» с обычным проникновением Муратова воссоздающая «воображаемую» действительность итальянского ренессанса. Наконец, в последнем рассказе потрясающая римская доблесть германцев в последнюю войну нашла себе художественное воплощение в образе приват-доцента филолога, увидевшего перед смертью на поде брани лик валькирии, за которую он принял изображение ангела на стене храма. В этом моменте ложного и вместе с тем истинного отождествления и лежит изумительно искусная пуэнтировка новеллы.

По повествовательному совершенству этот сборник, быть может, даже превосходит предшествующие в смысле законченности и строгости проведения новеллистического принципа.

Что же до тех общих соображений, которые высказаны в начале этой затянувшейся заметки, то несомненно, что творчество Муратова — это школа, прекрасная строгая школа, в которой складываются пути искусства прозы и новеллы, дошедшего почти до отрицания искусства в эпоху натуралистического провала. А настоящий стиль придет потом, ибо прийти он может, как это уже подчеркивалось неоднократно, после школы. Но эта школа создается не плагиатами и фольклорными заимствованиями, а подлинным перерождением тоскующего по творчеству и не видящего путей, не получившего наследства духа.

18-го Февраля <1924 года>, Москва.

Максим Кенигсберг.

II. Гумилев в журнале «Гермес»: рецензия Льва Горнунга

Памяти Жени Степанова

В работе «Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии» К.М. Поливанов обращал внимание, что «накануне многолетнего запрета на упоминание Николая Гумилева вне заведомо негативных контекстов, в 1925 году» в московском альманахе ««Чет и нечет: Альманах поэзии и критики» появилась рецензия Льва Горнунга (1902–1993) на посмертный сборник Н. Гумилева “К Синей Звезде”» [19]. Далее автор пояснял, по каким причинам, кроме очевидной немногочисленности откликов на эту книгу, может заслуживать внимания отзыв начинающего тогда поэта в малоизвестном альманахе, выпущенном как «авторское издание»:

Последняя рецензия интересна не только тем, что она принадлежит автору, для которого собирание материалов о Н. Гумилеве стало делом всей жизни, но и потому, что сам сборник «Чет и нечет» представляет собой единственное типографское издание московского круга поэтов и филологов, объединившихся вокруг машинописного журнала «Гермес», а затем вокруг машинописных же альманахов «Мнемозина» (1924) и «Гиперборей» (1926). В качестве эстетического направления этот круг ориентировался на по-своему понимаемый классицизм, который должен был, по их мнению, сменить предшествующую акмеистическую «эпоху» русской поэзии. И, как подчеркивается в работе, посвященной истории журнала «Гермес», именно Гумилев (причем поздний) участниками этого круга признавался образцово «классическим» поэтом [19]²¹.

Прежде чем Л. Горнунг опубликовал свою рецензию на «посмертный» сборник Гумилева в альманахе «Чет и нечет», она была напечатана в соответствующем разделе «неизданного» № 4 «Гермеса», сразу же следом за отзывом Максима Кенигсберга на «Посмертные стихи»

²¹ Автор имеет в виду следующее наблюдение: «Термин “классицизм”, действительно, является основным в формулировках литературных установок “Гермеса” <...>. “Классицизм” — в сущности будущая поэзия, по отношению к которой уже существующая поэзия акмеизма (и его предтечи — Анненский и Кузмин) представляет собою только первый подготовительный этап. Пожалуй, полностью “классическим поэтом” большинство авторов журнала признавало только Гумилева (причем позднего)» [5, с. 200]. Сам термин «классицизм» по отношению к одной из форм постсимволизма встречается и у В. Жирмунского, и у К. Мочульского.

Иннокентия Анненского, повышенное внимание к которому можно объяснить наметившимся поздней осенью 1923 г. альянсом «Гермеса» с «Кифарой», московским объединением имени Иннокентия Анненского²². «Сегодня годовщина Анненского, — записал Горнунг в дневнике 12 декабря 1923 г. — 15 лет со дня смерти. Собрались» [3, с. 63]. 21 декабря он сделал запись о заседании «Кифары», на котором читался перевод, так же появившийся в «Гермесе»: «Сегодня в кружке Дементьев читал перевод “Carmina Priarea”» [3, с. 66].

26 декабря Горнунг в гостях впервые услышал о берлинском издании стихотворений Гумилева: «У <Софьи> Федорченко страшно уютно. В подвале убрано коврами, по стенам фарфор и старинные рисунки. <...> Тут впервые услышал мнение о “Синей звезде” — оказывается, <Филипп> Вермель читал ее и обещал мне достать, после моей просьбы» [3, с. 68]. Действительно, сборник скоро оказался у Горнунга: «Перепечатывал “К синей звезде”, — отметил он 4 февраля. — Вермель на день передал мне ее через <Александра> Ромма» [3, с. 80]²³. Он сохранил интерес к Гумилеву, вопреки ожиданиям своего брата, который делал оговорку, рассказывая Михаилу Кузмину в письме 3–5 сентября 1924 г. о планах альманаха «Мнемозина»:

Не случайно у меня после моего акмеизма 1921–22 годов, те невнятные стихи, которые я читал Вам прошлой осенью, и теперь после них устремления, которые привели меня к «Мнемозине», где я объединился с еще недавно далекими мне лицами. <...>

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы эту весною мои давно подготовлявшиеся разногласия с «Гермесом» привели меня к выходу из его состава. <...> Я думал, что наши отношения с «Гермесом», который, как мне казалось, должен был попрежнему существовать и без меня, будут носить характер дружески-полемический. Но 30 июня скоропостижно скончался председатель редакции «Гермеса» М.М. Кенигсберг. Издание заканчивает свое существование, собираясь после 4-го номера выпустить только сборник статей памяти М. М. <...> Это положение, вызванное печальным обстоятельством смерти Максима Максимовича, позволило примкнуть к «Мнемозине» и части гермесовцев. Так близкими нашими сотрудниками становятся Н.В. Волькенау, которую Вы наверно помните, и даже

²² О кружке «Кифара» см.: [26, с. 342–343; 27, с. 150–152].

²³ См. также записи 9 февраля: «Сегодня печатал стихи Георгия Маслова для Венедиктова и продолжил “К синей звезде”» [3, с. 82], — и 20 февраля, когда Горнунг подготовил перепечатанные копии сборника: «<Николай> Бернер, уходя, взял тоже экземпляр “К синей звезде”» [3, с. 84].

мой брат, начинающий отходить от своего исключительного пиэтета к покойному Н.С. Гумилеву [5, с. 209]²⁴.

В отличие от Нины Волькенау, которая, как мы прежде отметили, придерживалась довольно строгой позиции по отношению к Гумилеву («бывший и как теоретик, и как поэт главным мэтром для ядра редакции “Гермеса”» [5, с. 200]²⁵, он ни разу не упомянут ни в одной из ее работ), Горнунг сохранил «свой исключительный пиэтет к поэту» и после публикации своей рецензии о сборнике «К Синей Звезде», которая приводится здесь по № 4 журнала.

Н. Гумилев. «К синей звезде». Неизданные стихи 1918 г. «Петрополис». Берлин, 1923 г. стр. 74 + 4 нен<умерованных>.

То, что книга не доработана, особенно бросается в глаза при первом, беглом ее чтении, почему главную ценность она представляет для читателя, достаточно знающего творчество Гумилева на всем его протяжении. Сильно отличается она от других <его> книг своей ярко выраженной биографичностью, совершенно не свойственной в таком чистом виде предыдущим сборникам этого автора. Оттого, что десять стихотворений этого цикла в исправленной редакции были еще в 1918 году помещены в «Костре» самим автором, эта книга близка до некоторой степени своим духовным обликом именно к этому сборнику и безмерно далека от «Огненного Столпа».

Тема почти каждого стихотворенья в разбираемой книге взята исключительно интересно и оригинально, но в сыром виде. Из размеров преобладает пятистопный хорей, ставший излюбленным размером автора в последние годы его творчества. Вспомним хотя бы такие шедевры, как «Слово», «Память», «Звездный ужас» и др.

²⁴ Ср. дневниковые записи Л. Горнунга 16 февраля: «Сегодня <Александр> Ромм сообщил мне, что в эту среду у <Петра> Зайцева (ни я, ни он не были там) читали новую поэму Гумилева, ненапечатанную, которую достали у издателя <Соломона> Абрамова. Меня это страшно заинтересовало, но поехать к Зайцеву сейчас же было некогда» [3, с. 83], — и два дня спустя: «...попался и Зайцев. Спросил о поэме, оказалось, “Два сна”, часть которой вошла в посмертную книгу» [3, с. 84].

²⁵ Л. Горнунг выделял Гумилева и в преломлении к другим поэтам, например, в дневниковой записи о чтении Б. Пастернака 12 марта 1924 г. в кружке П. Зайцева его интересует исключительно понимание им Гумилева: «Пастернак читал рассказ “Воздушные пути”. В перерыве, продолжая пренья, не помню по какому поводу, соблаговолил упомянуть о Гумилеве, говоря, что у него “деланье осуществленья мастерства”. А так, в общем, вероятно, и знает-то его слишком мало» [3, с. 92].

Ярким примером недоработанности служит стихотворенье, начинающееся строфой:

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже присносуший! —
Так позорно осужден страдать, —

конец которого совершенно испорченный, был бы несомненно исправлен автором впоследствии. Стихотворенье же «Мой альбом, где страсть сквозит без меры» с интересной темой и безжалостным сравнением своего будущего биографа с недоумевающим ослом, к сожалению, очень затянута.

Особенно интересным по своей теме является стихотворенье «В этот мой благословенный вечер», куда введены некоторые персонажи, созданные Гумилевым на своем творческом пути, как Гондла, Луи, Мик, Муза Дальних Странствий и др., под предводительством самого автора идущие вереницей к заветному окну.

Кончается оно так:

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед завешенным окном.

Особую пленительность представляют пьесы, написанные с одними женскими рифмами. Сюда относятся 22-е, 25-е и 28-е стихотворенья. Вот начало одного из них:

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

и конец его:

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песню своюю
Доволен — для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

28-е стихотворенье своим концом перекликается с одним из помещенных в цикле «Капитаны» и отошедшего теперь уже в другую эпоху русской поэзии²⁶.

Лучшими пьесами, может быть и случайно и субъективно, кажутся: «Много есть людей, что, полюбив», «Лишь черный бархат, на котором», «Так долго сердце боролось», и наконец следующее, которое мне хочется привести целиком:

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его Вам было мало или много.
Должно быть плохо я стихи писал
И Вас несправедно просил у Бога.

Но каждый раз вы склónитесь без сил
И скажете „я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею“.

Здесь заключена тема всей книги — тема преданной и неудовлетворенной любви.

Стихи эти первоначально были написаны в альбом и автором не предназначались для печати. В конце книги приложены примечанья, очень важные, но не избежавшие некоторых недостатков.

Лев Горнунг

²⁶ Стихотворение «Ты пожалела, ты простила, / И даже руку подала мне...»

Со времени публикации обеих версий отзыва Горнунга эта посмертно изданная книга Николая Гумилева вызывала сомнения и снискала слегка пренебрежительное отношение. Достаточно привести завиральный пассаж Ирины Одоевцевой из ее мемуарной беллетристики о том, что сам поэт этих стихов не ценил:

— Я застрял в Париже надолго и так до Салоник и не добрался. В Париже я прекрасно жил, гораздо лучше, чем прежде, встречался с художниками. С Гончаровой и Ларионовым я даже подружился. <...>

Ну и, конечно, влюбился. Без влюбленности у меня ведь никогда ничего не обходится. А тут я даже сильно влюбился. И писал ей стихи. <...>

Он подробно рассказывает о своем парижском увлечении, о всех перипетиях его и для иллюстрации читает стихи из «альбома в настоящей том», посвященные «любви несчастной Гумилева, в год четвертый мировой войны».

— Да, любовь была несчастной, — говорит он смеясь. — Об увенчавшейся победой счастливой любви много стихов не напишешь.

Он читает стихотворение за стихотворением. Он уже и раньше читал мне их. <...>

Голос его звучит торжественно и гулко в морозной, солнечной, хрупкой тишине <...> и не дочитав до конца, смотрит на меня улыбаясь <...>.

Гумилев, морщась, долго разжигает папиросу, закрывая ее рукой от ветра, потом, помолчав и уже изменившимся голосом, продолжает, глядя перед собой на покрытую снегом дорожку и на двух черных ворон, похожих на два чернильных пятна на белой странице.

— Я действительно был страшно влюблен... [18, с. 116–117].

Чрезмерно приукрашивая этот выдуманный монолог, Одоевцева преследовала цель придать вес посмертным изданиям стихотворений Гумилева, выполненным на дилетантском уровне, зато отмеченным участием ее мужа Георгия Иванова, и заодно создать флёр сомнительности вокруг сборника «К Синей Звезде». В отличие от продукции издательства «Мысль», к которой имел отношение Иванов, «Неизданные стихи 1918 года» были выпущены другим издательством под вдумчивой редакцией филолога и литературного критика Константина Мочульского (1892–1948), знавшего и ценившего Гумилева, и, к тому же, давнего знакомого семьи Елены Дю-Буше [22, с. 118].

Именно он и дал такое осмысленное название этому сборнику, что, пусть и нехотя, вынуждена была признать Одоевцева для придания ореола правдивости своему вымышленному повествованию: «Гумилев любил читать свои старые стихи, и напечатанные и те, которые он считал недостойными появиться в его книгах. Все их помнил наизусть. Так он не раз читал мне стихи, опубликованные уже в Париже <в Берлине! — А. У.> после его смерти под названием “К Синей Звезде”, которое им дал Мочульский» [18, с. 268–269].

Сам он кратко разъяснил историю этого издания в редакторских примечаниях, «недостаточных», по мнению Горнунга: «Стихотворения настоящего сборника были написаны автором в альбом во время его пребывания в Париже в 1918 г. Часть этих стихотворений в новых вариантах была напечатана в сборнике “Костер” изд. З.И. Гржебина, Берлин 1923. Настоящий сборник печатается с подлинника, хранящегося в Париже»²⁷.

Так как этот «подлинник» с мадригалами Гумилева не обнаружен до сих пор, остается открытым вопрос, все ли записанные в альбом стихотворения вошли в подготовленную Мочульским книгу? Еще осенью 1925 г. Анна Ахматова при посредничестве Павла Лукницкого, выполнявшего тогда обязанности ее литературного секретаря, обратилась между прочим с этим вопросом к Якову Бикерману (1898–1978), берлинскому коллекционеру рукописей Гумилева²⁸:

Милостивый Государь!

Анна Андреевна весной этого года находилась в санатории и больна до настоящего времени.

Ваше письмо было ей передано в конце лета. Ее болезненное состояние воспрепятствовало ей ответить Вам лично и поблагодарить Вас за присланный Вами отрывок стихотворения. Анна Андреевна поручила мне (я, под ее руководством, занимаюсь биографической работой) передать Вам ее благодарность и сообщить Вам неразобранные Вами строки.

Находящийся в Вашем распоряжении отрывок — часть ненапечатанной главы, затерянной при жизни поэта, поэмы «Два Сна». 3^{ья} глава этой поэмы была напечатана во 2^м издании посм<ертного> сборника стихотворений (Петроград. «Мысль». 1923). Полный текст

²⁷ Гумилев Н. «К синей звезде». Неизданные стихи 1918 г. Берлин: Петрополис, 1923. С. 71.

²⁸ См. исходную публикацию материалов коллекции Я. Бикермана в: [21].

другой, ненапечатанной главы имеется у меня. В него входят и сообщаемые Вами строфы, но в более поздней редакции. <...>

Анна Андреевна просит Вас не отказать в любезности сообщить ей, не известно ли Вам, кому принадлежит альбом стихотворений, изданный Petropolis'ом, под названием «К Синей Звезде», и все ли стихотворения, имеющиеся в альбоме, включены в это издание?

Анна Андреевна решается обременить Вас также просьбой, сообщить ей заглавия или 1^е строчки всех, имеющихся в папке квартирохозяина стихотворных набросков.

Не откажите также сообщить адрес З.И. Гржебина, если он небезызвестен Вам.

Анна Андреевна просит Вас принять уверения в ее совершенном уважении к Вам, и почтить вниманием ее исключительный интерес к осуществляемой Вами литературной работе.

Сообщаю Вам ее адрес:

Ленинград. Ул. Халтурина д. 5 кв. 12.

Искренне уважающий Вас

П. Лукницкий.

20. X. 25²⁹.

Сохранился черновик письма Бикермана, в котором, отвечая на вопросы Ахматовой, он, тем не менее, воздержался от подробного перечисления рукописей Гумилева, приобретенных им у адвоката Александра Цитрона, бывшего парижского квартирохозяина поэта (см.: [32, с. 299–302]):

Мил<ая Анна Андреевна>.

Премного благодарен за сведения о «Двух снах», о которых я [знать не мог] не знал, т. к. до меня дошло только первое издание вычитываемых <?> мною стихотворений. Любезно присланные по Вашему поручению варианты помогли мне разобрать находящуюся

²⁹ [24, с. 195]; см. здесь: «Письмо только 28 ноября 1925 г. было отослано из Ленинграда по адресу: <Германия. Берлин.> Charlottenburg Sybelstrasse, 40. H<errn> Jacob Bickerman» (ср.: Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bickerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931. Box 1, folder 3). Как следует из дневников Л. Горнунга, «ненапечатанная глава» из поэмы «Два сна» была получена им от П. Зайцева, в свою очередь получившего ее от С. Абрамова, владельца московского издательства «Творчество». «Зашел и взял у Зайцева “Два сна”, чтобы списать, — отметил Горнунг 19 февраля 1924 г. — Оказалось, неизданный отрывок. Ведь эта поэма растеряна еще при жизни автора» [3, с. 84]. См.: «Зайцев жил в доме № 5 по Старокошюшенному переулку в подвальном этаже, где у него в квартире была довольно большая комната, в которой стал собираться наш поэтический кружок, названный “Зайцевским” по имени хозяина» [29, с. 32].

[у меня] тут рукопись. Должен я, смею я обнародовать [находящийся тут] отрывок или Вам угодно печатать всю главу целиком и самой выбрать для того место и время?

Прочие отрывки, поскольку их удалось [разобрать] прочесть, приложены на отдельном листке.

Владельцы [стихотворений] [рукописей] альбома, [напечатанных] напечатанного Petropolis'ом [в <сборнике>] сборника под [назван<ием>] заглавие<м> <<К Синей> Зв<езде>>, предоставили эти рукописи издательству под условием, что они останутся неназванными. Мне известно только, что они [находятся] проживают сейчас в Париже. По заверениям Я.Н. Блоха, руководителя Petropolis'a, альбом использован полностью.

Место жительства З.И. Гржебина (Grjebine): Paris XVIe, rue Murat, 11.

Много женщин в этом мире
И мужчин³⁰.

Это стихотворение Гумилева «из черновой тетради», на зачине которого обрывается его письмо к Ахматовой, Бикерман опубликовал вместе с фрагментом из поэмы «Два сна» 26 августа 1926 г. к пятилетию расстрела поэта в парижской газете «Возрождение»³¹. На первой полосе этого выпуска в качестве передовой статьи был дан очерк Петра Струве «Память о Н.С. Гумилеве», закреплявший отношение русской эмиграции к поэту:

Завтра день, когда от рук врагов России и ее национального призвания погиб великий патриот и большой поэт Н.С. Гумилев. Его, как «контр-революционера», расстреляли большевики. В этом событии, в боевом подвиге активного борца против большевизма и коммунизма есть нечто, духовно бодрящее и пророчески <о>вущее. Мы не хотим и не должны лицемерить. Гумилев дорог нам и как крупное поэтическое дарование, и как человек, который в эпоху, когда столько людей погнулось и согнулось, выпрямился во весь рост и бросил вызов торжествовавшему хамскому злу.

В этом его слава, как человека русского, и наше утешение и ободрение.

³⁰ Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bikerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931. Box 1, folder 4.

³¹ Два неизданных отрывка Н.С. Гумилева // Возрождение (Париж). 1926. 26 августа. № 450. С. 3.

В Гумилеве, как поэте, не всё устоялось и дошло до полной ясной красоты. Но в его творчестве есть большая, подчас смутная и жуткая, красота и есть та личная сила, которая так ярко сказалась в его славном жизненном конце. <...>

Да будет память о честном поэте-муже Н. С. Гумилеве священным призывом и очистительным напоминанием³².

Бикерман также фигурировал в переписке Лукницкого с Л. Горнунгом. «Вслед за этой открыткой пошлю Вам заметку о Н.С. <Гумилеве> для Усова, — писал Лукницкий 8 апреля 1926 г. — Посылаю ее Вам, чтобы Вы могли снять копию для себя, и попрошу Вас передать подлинник ее по назначению. Бикерману вчерне письмо уже набросали, скоро напишем. Принялся за “Труды и дни” опять. Работы колоссально много...» [17, с. 538]³³. В свою очередь Л. Горнунг в письме к Лукницкому 2 июня 1926 г. напоминал о настоятельной необходимости обращения к берлинскому коллекционеру: «Скажите, писали ли Вы Бикерману в Париж и нет ли от него каких-нибудь новостей?» [17, с. 544].

Лукницкий также оставил пометку о Бикермане в упоминавшихся «Трудах и днях» Гумилева: «**1918**. <...> Уезжает из Парижа в Лондон. В Париже оставляет у квартирохозяина <А. Цитрона. — А. У.> часть своих вещей и папку бумаг. Оставляет также (у комиссара Временного правительства — Раппа (?)) — часть коллекций по искусству Востока). (А.А. Ахматова, <...> <Я.И.> Бикерман)» [12, с. 514].

Как отмечали комментаторы «Собрания сочинений» Гумилева, «у молодых русских читателей <19>20–30 гг. эти стихи пользовались несомненным успехом. Сохранились свидетельства того, что стихи КСЗ <из сборника “К Синей Звезде”. — А.У.> становились своеобразным любовным “кодом” <...> (см.: Горелик Г.Е., Френкель В.Я. Матвей Петрович Бронштейн...)» [4, с. 291]³⁴. В качестве другого свидетельства была приведена альтернатив-

³² Струве П. Память о Н.С. Гумилеве. К пятилетию его смерти // Возрождение (Париж). 1926. 26 августа. № 450. С. 1. См. также перепечатку этого очерка: [25, с. 554–556]. В этой книге автор обратил внимание на немедленную реакцию Г. Адамовича в газете «Звено» и его последующие выпады против «горячего поклонника» поэта П. Струве. Адамович проводил ту же линию «истинных» последователей Гумилева и «Цеха поэтов» в эмиграции и «подлинных» ценителей его творчества, как Г. Иванов, Н. Оцуп, а позднее и И. Одоевцева.

³³ В публикацию включено 43 письма из сохранившихся 118.

³⁴ Имеется в виду фрагмент воспоминаний Евгении Каннегисер (Genia Peierls; 1908–1986) о Матвее Бронштейне, написанных по просьбе авторов книги весной 1984 г.:

ная концовка рецензии Л. Горнунга в ее типографской версии: «Здесь, думается нам, заключена тема всей этой книги, грустной и задумчивой, как и “Костер”, от которого разгорелось и померкло испугательное пламя “Огненного столпа”»³⁵.

Я познакомилась с ним ранней весной, по-моему, 1927 года. Стояли лужи, чирикали воробьи, дул теплый ветер, и я, выходя из лаборатории где-то на Васильевском острове, повернулась к маленькому ростом юноше, в больших очках, с очень темными, очень аккуратно постриженными волосами, в теплой куртке, распахнутой, так как был неожиданно очень теплый день, и сказала: «Свежим ветром снова сердце пьяно». После чего он немедленно продекламировал всё вступление к этой поэме Гумилева. Я радостно взвизгнула, и мы тут же по дороге в Университет стали читать друг другу наши любимые стихи. И, к моему восхищению, Матвей Петрович прочитал мне почти всю «Синюю звезду» Гумилева, о которой я только слышала, но никогда ее не читала.

Придя в Университет, я бросилась к Димусу <Дмитрию Иваненко. — А. У.> и Джонни <Георгию Гамову, он же George Gamow. — А. У.> — в восторге, что я только что нашла такого замечательного человека. Все стихи знает и даже «Синюю звезду»!

Вот как Матвей Петрович вошел в круг Джаз-банды [1, с. 26–27].

Е. Каннегисер была автором гимна физикам-теоретикам *Джаз-банды*, написанного «по мотивам “Капитанов” Гумилева»:

Вы все, паладины Зеленого Храма,
по волнам де Бройля держащие путь,
барон Фредерикс и Георгий де Гамов,
эфирному ветру открывшие грудь,

Ее всех Гейзенберга пленяют наркозы,
и Борна сомнителен очень успех,
но Паули принцип, статистика Бозе
в руках, в головах и в работах у всех.

Ландау, Иваненко, крикливые братья,
Крутков, Ка-Тэ-Эфа ленивый патрон,
и ты, предводитель рентгеновской рати,
ты, Френкель, пустивший плясать электрон,

Но пусть расплзлись волновые пакеты,
еще на природе густая чадра,
опять не известна теория света,
еще не открыты законы ядра.

блистательный Фок, Бурсиан, Финкельштейн
и жидкие толпы студентов-юнцов,
вас всех за собою увлек А. Эйнштейн,
освистаны вами заветы отцов.

И в Цайтшрифте ваши читая работы,
где темным становится ясный вопрос,
как сладостно думать, что яростный Боте
для ваших теорий готовит разнос.

[1, с. 27–28]

³⁵ Чет и нечет. Альманах поэзии и критики. М., 1925. С. 40.

Список литературы

1. Горелик Г., Френкель В. Матвей Петрович Бронштейн. 1906–1938. М.: Наука, 1990. 272 с.
2. Горнунг Б. Поход времени: в 2 кн. М.: РГГУ, 2001. Кн. 2: Статьи и эссе / сост. М. Воробьева. 508 с.
3. Горнунг Л. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / сост. Т. Нешумовой. М.: Изд-во «Редакция Елены Шубиной», 2019. 768 с.
4. Гумилев Н. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 1999. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918) / отв. ред. Ю. Зобнин. 275 с.
5. К истории машинописных изданий 1920-х годов / публ. Г. Левинтона и А. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 197–210.
6. Кузмин М. Стихотворения / под ред. Н. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996. 844 с. (Новая библиотека поэта)
7. Левинтон Г. Густав Шпет и журнал «Гермес» // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 467–485.
8. Левинтон Г. К истории дописывания Пушкина: «Через неделю буду в Париже» (С.Д. Богдановский. Опыт окончания драматического отрывка А. Пушкина) // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea / ed. by A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Stanford, 2008. Part I. P. 319–335. (Stanford Slavic Studies. Vol. 35)
9. Левинтон Г. О московских букинистах 1910-х годов (очерк С.Д. Богдановского из журнала «Гермес») // Архив петербургской русистики. К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/levinton.html> (дата обращения 15.04.2020).
10. Левинтон Г., Устинов А. Материалы о Кузмине в журнале «Гермес» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского / отв. ред. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2001. С. 322–334.
11. Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией / под ред. А. Ло Гатто Мавер. М.: Кругъ, 1992. 157 с.
12. Лукницкий П. Труды и дни Н.С. Гумилева / общ. ред. Ю. Зобнина. СПб.: Наука, 2010. 890 с.
13. Мемуарные заметки Б.В. Горнунга: Б. Горнунг. Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине / публ. М. Чудаковой и А. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения / ред. Е. Тоддес. Рига: Зинатне, 1990. С. 172–185.
14. Михаил Кузмин. «Высоко окошко над любовью и тлением...». Подборка стихотворений (1907–1927) из архива и прижизненных изданий 1908–1929 гг. / вступ. ст. и публ. Н. Богомолова // Наше наследие. 1988. № 4. С. 77–78.
15. Морев Г.А. К истории юбилея М.А. Кузмина 1925 года // Минувшее: Исторический альманах. 21. СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. С. 351–375.
16. Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» / М.О. Чудакова, А.Б. Устинов, Г.А. Левинтон // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения / ред. Е.А. Тоддес. Рига: Зинатне, 1990. С. 167–210.

17. Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография / сост. М. Эльзон, Н. Грознова. СПб.: Наука, 1994. 680 с.
18. *Одоевцева И.* На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: АСТ, 1988. 420 с.
19. *Поливанов К.* Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии // Н. Гумилев и русский Парнас. Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. / сост. И. Кравцовой, М. Эльзона. СПб., 1992. URL: <https://gumilev.ru/about/32/> (дата обращения 01.02.2020).
20. *Поливанов К.* Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина». Указатель содержания // De visu. 1993. № 6. С. 46–49.
21. *Степанов Е., Устинов А.* Николай Гумилев во Франции: Новые материалы // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 208–244. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)
22. *Степанов Е., Устинов А.* Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // *Наше Наследие*. 2011. № 100. С. 104–127.
23. *Степанова Л., Левинтон Г.* Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тын्यानский сборник. Вып. 10: Шестые — Седьмые — Восьмые Тын्यानские чтения / ред. Е. Тоддес. М., 1998. С. 514–547.
24. *Тименчик Р.* Два письма Анны Ахматовой // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 191–207. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)
25. *Тименчик Р.* История культа Гумилева. М.: Мосты культуры, 2018. 640 с.
26. *Тименчик Р.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov* / ed. by R. Vroon, J.E. Malmstad. М.: Наука, 1993. С. 338–348. (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. I)
27. *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры–Гешарим, 2017. 776 с.
28. *Тимофеев А.* Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А. Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века / сост. и ред. Г. Морев. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 178–196.
29. *Устинов А.* Две жизни Николая Бернера // *Лица: Биографический альманах*. СПб.: Феникс, 2002. Т. 9 / ред.-сост. М. Павлова и А. Лавров. С. 5–64.
30. *Шторх М.Г.* Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович: полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М.: АСТ–Corpus, 2014. 218 с.
31. *Эйхенбаум Б.* О литературе. Работы разных лет / сост. О. Эйхенбаум, Е. Тоддес; комм. Е. Тоддес, М. Чудакова, А. Чудаков. М.: Сов. писатель, 1987. 540 с.
32. *Ustinov A.* Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // *A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Papers from the 1989 Dartmouth Conference Dedicated to the Centennial of Anna Akhmatova* / ed. by L. Loseff and B. Scherr. Columbus, Ohio, 1993. P. 299–302.

Статья поступила в редакцию: 04.05.2020

Одобрена после рецензирования: 18.07.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Addenda ad volumen: From the Unpublished Issue of the Magazine *Hermes*

© 2020. Andrei Ustinov

The “Aquilon” Books & Publishing,
San Francisco, USA

Abstract: Scholarly and literary magazine *Hermes* was issued in Moscow by a group of young philologists and poets in 1922–1923. Its editors were B.V. Gornung and M.M. Kenigsberg. The magazine was well-known in literary circles of Moscow and Petrograd. It consisted of several sections dedicated to poetry, prose, scholarly essays, reviews and chronicle and was issued in twelve typewritten copies; there appeared three full issues. The magazine ceased to exist in 1924; its 4th and last issue had only one section devoted to fiction. *Hermes* has been studied thoroughly, many materials from the magazine have been republished. The paper contains supplements and commentaries that have to deal with the reception of N. Gumilev’s and M. Kuzmin’s works in the magazine (publication of M. Kuzmin’s poems, N. Wolkenau’s review of M. Kuzmin’s collection of poetry, M. Kenigsberg’s review of P. Muratov’s book of short stories, L. Gornung’s review of N. Gumilev’s post mortem poetic collection *To the Blue Star*).

Keywords: Journal *Hermes*, Moscow linguistic circle, history of literary criticism and periodical press, M. Kuzmin, N. Gumilev.

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of “Aquilon” Books & Publishing, San Francisco, USA. E-mail: abooks@gmail.com

For citation: Ustinov, A. “Addenda ad volumen: From the Unpublished Issue of the Magazine *Hermes*.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 203–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-203-236>

References

1. Gorelik, G., Frenkel', V. *Matvei Petrovich Bronshtein. 1906–1938*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 272 p. (In Russ.)
2. Gornung, B. *Pokhod vremeni: v 2 knigakh [The March of Time: in 2 books]*, book 2, comp. by M. Vorob'eva. Moscow, RGGU Publ., 2001. 508 p. (In Russ.)
3. Gornung, L. “Svidetel' terpelivyi...”: *Dnevnik, memuary [“A Patient Witness...”: Diaries, Memoirs]*, comp. by T. Neshumova. Moscow, Izdatel'stvo “Redaktsiia Eleny Shubinoi” Publ., 2019. 768 p. (In Russ.)
4. Gumilev, N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Complete Works: in 10 vols.]*, vol. 3, ex. ed. Iu. Zobnin. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. 275 p. (In Russ.)
5. “K istorii mashinopisnykh izdaniy 1920-kh godov” [“To the History of Typewritten Publications of the 1920s”], publ. by G. Levinton, A. Ustinov. *Piatye Tynyanovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Proceedings*.

Abstracts of Reports and Discussion Materials]. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 197–210. (In Russ.)

6. Kuzmin, M. *Stikhotvoreniia [Poems]*, ed. by N. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 844 p. (In Russ.)

7. Levinton, G. “Gustav Shpet i zhurnal ‘Germes’.” [“Gustav Speth and *Hermes Magazine*”]. *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma [Gustav Shpet and His Philosophical Heritage: by the Origins of Semiotics and Structuralism]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 467–485. (In Russ.)

8. Levinton, G. “K istorii dopisyvaniia Pushkina: ‘Cherez nedeliu budu v Parizhe’ (S.D. Bogdanovskii. Opyt okonchaniia dramaticheskogo otrывka A. Pushkina)” [“On the History of Finishing Pushkin’s Works: ‘In a Week I’ll Be in Paris’ (S.D. Bogdanovsky. An Attempt of Finishing A. Pushkin’s Dramatic Excerpt)”]. *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea*, part I, ed. by A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Stanford, 2008, pp. 319–335. (Stanford Slavic Studies, vol. 35). (In Russ.)

9. Levinton, G. “O moskovskikh bukinistakh 1910-kh godov (ocherk S.D. Bogdanovskogo iz zhurnala ‘Germes’)” [“About Moscow Secondhand Booksellers of the 1910s (An Essay by S.D. Bogdanovsky from the ‘Hermes’ Magazine)”]. *Arkhiv peterburgskoi rusistiki. K 60-letiiu Pavla Anatol'evicha Klubkova [St. Petersburg Russian Studies Archive. To the 60th anniversary of Pavel Anatolyevich Klubkov]*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/levinton.html> (Accessed April 15, 2020). (In Russ.)

10. Levinton, G., Ustinov, A. “Materialy o Kuzmine v zhurnale ‘Germes’.” [“Materials about Kuzmin in the ‘Hermes’ Magazine”]. *Materialy konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia akademika V.M. Zhirmunskogo [Materials of the Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Academic V.M. Zhirmunsky]*, ex. ed. N. Kazansky. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 322–334. (In Russ.)

11. Lo Gatto, E. *Moi vstrechi s Rossiei [My Encounters with Russia]*, ed. by A. Lo Gatto Maver. Moscow, Krug Publ., 1992. 157 p. (In Russ.)

12. Luknitskii, P. *Trudy i dni N.S. Gumileva [N.S. Gumilev’s Works and Days]*, ed. by Iu. Zobnin. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 890 p. (In Russ.)

13. “Memuarnye zametki B.V. Gornunga: B. Gornung. Iz vospominanii o Mikh. Al. Kuzmine” [“Memoir Notes by B.V. Gornung: B. Gornung. From Memories about Mikh. Al. Kuzmin”], publ. by M. Chudakova and A. Ustinov. *Piatye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Proceedings. Abstracts of Reports and Discussion Materials]*, ed. by E. Toddes. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 172–185. (In Russ.)

14. “Mikhail Kuzmin. ‘Vysoko okoshko nad liubov’iu i tleniem...’. Podboroka stikhotvoreniia (1907–1927) iz arkhiva i przhiznennykh izdaniia 1908–1929 gg.” [“Mikhail Kuzmin. ‘High is the Window over Love and Dissolution...’. A Selection of Poems (1907–1927) from the Archive and Lifetime Editions of 1908–1929”], introd. and publ. by N. Bogomolov. *Nashe nasledie*, no. 4, 1988, pp. 77–78. (In Russ.)

15. Morev, G.A. “K istorii iubileia M.A. Kuzmina 1925 goda” [“On the History of the Anniversary of M.A. Kuzmin in 1925”]. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh [The Past: Historical Almanac]*, issue 21. St. Petersburg, Atheneum–Feniks Publ., 1997, pp. 351–375. (In Russ.)

16. “Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal ‘Germes’.” [“Literary and Philological Life in Moscow of the 1920s: Typewritten Magazine ‘Hermes’.”], M. Chudakova, A. Ustinov, G. Levinton. *Piatye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Proceedings.*

Abstracts of Reports and Discussion Materials], ed. by E.A. Toddes. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 167–210. (In Russ.)

17. Nikolai Gumilev. *Issledovaniia i materialy. Bibliografiia* [*Nikolai Gumilev. Studies and Materials. Bibliography*], comp. by M. Elzon, N. Groznova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 680 p. (In Russ.)

18. Odoevtseva, I. *Na beregakh Nevyy: Literaturnye memuary* [*On the Banks of the Neva: Literary Memoirs*]. Moscow, AST Publ., 1988. 420 p. (In Russ.)

19. Polivanov, K. “Iz istorii literaturnoi zhizni 1920-kh gg.: Po povodu odnoi retsenzii” [“From the History of Literary Life of the 1920s: Concerning a Review”]. *N. Gumilev i russkii Parnas. Materialy nauchnoi konferentsii 17–19 sentiabria 1991 g.* [*N. Gumilev and Russian Parnas. Materials of the Scientific Conference, September 17–19, 1991*], comp. by I. Kravtsova, M. Elzon. St. Petersburg, 1992. Available at: <https://gumilev.ru/about/32> (Accessed 01 February 2020). (In Russ.)

20. Polivanov, K. “Mashinopisnye al'manakhi ‘Giperborei’ i ‘Mnemozina.’ Ukazatel' soderzhaniia” [“Typewritten Almanacs ‘Hyperborea’ and ‘Mnemosine.’ Content index”]. *De visu*, no. 6, 1993, pp. 46–49. (In Russ.)

21. Stepanov E., Ustinov A. “Nikolai Gumilev vo Frantsii: Novye materialy” [“Nikolai Gumilev in France: New Materials”]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, part I, ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014, pp. 208–244. (Stanford Slavic Studies, vol. 45). (In Russ.)

22. Stepanov, E., Ustinov, A. “Nikolai Gumilev. Vstrechi v Parizhe v 1917–1918 godakh (Po materialam arkhivov Mikhaïla Larionova i Gleba Struve)” [“Nikolai Gumilev. Meetings in Paris in 1917–1918 (Based on the Archives of Mikhail Larionov and Gleb Struve)”]. *Nashe Nasledie*, no. 100, 2011, pp. 104–127. (In Russ.)

23. Stepanova L., Levinton G. “Iz istorii dantovedeniia: stat'ia D.S. Usova o perevode ‘Novoi zhizni’ v ‘Germese.’” [“From the History of Dante Studies: D.S. Usov’s Paper on the Translation of ‘Vita Nuova’ in ‘Hermes.’”]. *Tynianovskii sbornik [Tynyanov Collection]*, issue 10: *Shestye — Sed'mye — Vos'mye Tynianovskie chteniia* [Sixth – Seventh – Eighth Tynyanov Proceedings], ed. E. Toddes. Moscow, 1998, pp. 514–547. (In Russ.)

24. Timenchik, R. “Dva pis'ma Anny Akhmatovoi” [“Two letters by Anna Akhmatova”]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, part I, ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014, pp. 191–207. (Stanford Slavic Studies, vol. 45). (In Russ.)

25. Timenchik, R. *Istoriia kul'ta Gumileva [The History of the Gumilev Cult]*. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

26. Timenchik, R. “Kul't Innokentii Annenskogo na rubezhe 1920-kh godov” [“Innokentii Annensky Cult at the Turn of the 1920s”]. *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov*, ed. by R. Vroon, J.E. Malmstad. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 338–348. (UCLA Slavic Studies. New Series, vol. I). (In Russ.)

27. Timenchik, R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev [Underground Classics: Innocent Annensky. Nikolai Gumilev]*. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

28. Timofeev, A. “Progulka bez Gulia? (K istorii organizatsii avtorskogo vechera M.A. Kuzmina v mae 1924 g.)” [“A Stroll Without Gul? (On the History of Organizing M.A. Kuzmin’s Recital in May 1924)”]. *Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka [Mikhail Kuzmin and the 20th Century Russian Culture]*, comp. and ed. by G. Morev. Leningrad, Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom Dome Publ., 1990, pp. 178–196. (In Russ.)

29. Ustinov, A. “Dve zhizni Nikolaia Bernera” [“Two Lives of Nikolai Berner”]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [*Faces: Biographical Almanac*], vol. 9, ed. and comp. by M. Pavlova and A. Lavrov. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 5–64. (In Russ.)

30. Shtorkh, M.G. *Doch' filosofa Shpeta v fil'me Eleny Iakovich: polnaia versia vospominanii Mariny Gustavovny Shtorkh* [*The Daughter of the Philosopher Shpet in the Film by Elena Yakovich: Full Version of the Memoirs of Marina Gustavovna Storkh*]. Moscow, AST–Corpus Publ., 2014. 218 p. (In Russ.)

31. Eikhenbaum, B. *O literature. Raboty raznykh let* [*About Literature. Works of Different Years*], comp. by O. Eikhenbaum and E. Toddes, comm. by E. Toddes, M. Chudakova, A. Chudakov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 540 p. (In Russ.)

32. Ustinov, A. “Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev.” *A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Papers from the 1989 Dartmouth Conference Dedicated to the Centennial of Anna Akhmatova*, ed. by L. Loseff and B. Scherr. Columbus, Ohio, 1993, pp. 299–302. (In English)

The article was submitted: 04.05.2020

Approved after reviewing: 18.07.2020

Date of publication: 25.09.2020

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-237-264>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
license (CC BY 4.0)

Материалы о потомках М.Е. Салтыкова из архива С.А. Макашина

© 2020, Е.Н. Строганова

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
Москва, Россия

Аннотация: В статье представлены материалы из архива С.А. Макашина, относящиеся к потомкам М.Е. Салтыкова. К настоящему времени были известны, хотя и в самых общих чертах, обстоятельства жизни его сына — Константина Михайловича, автора нашумевших воспоминаний «Интимный Щедрин» (1923), которые были крайне негативно оценены советским литературоведением. Гораздо меньше информации сохранилось о дочери писателя — Елизавете Михайловне, в первом браке баронессе Дистерло, во втором — графине да Пассано, не оставившей воспоминаний об отце и потому не интересовавшей исследователей. Внимание к личности дочери и имеющиеся в архиве Макашина материалы позволяют уточнить ряд обстоятельств ее жизни. Однако особый интерес представляют документы, касающиеся ее детей — Тамары Николаевны Дистерло (во втором браке Гладыревской) и Андрея Евгеньевича да Пассано. Мы печатаем раздел о потомках Салтыкова из неопубликованной работы журналиста Э. Гарда, который в 1934 г. приезжал в пос. Красково Московской области для встречи с внучкой писателя. Сведения о дальнейшей жизни Т.Н. Гладыревской известны из воспоминаний ее дочери Елены Александровны Гладыревской, а также из материалов о судьбах репрессированных граждан СССР. Внучка Салтыкова была арестована в 1938 г. и расстреляна на Бутовском полигоне. Иначе сложилась судьба внука писателя, покинувшего Россию с родителями в 1917 г. В статье публикуется его письмо, адресованное одной из дочерей Г.В. Плеханова, где он рассказывает о себе и о своих родителях. А. да Пассано прожил долгую, насыщенную жизнь и скончался в США в 1993 г.

Ключевые слова: литературный архив; биография; генеалогия; С.А. Макашин; М.Е. Салтыков-Щедрин.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, ул. Садовническая, д. 33, 117997 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Для цитирования: *Строганова Е.Н.* Материалы о потомках М.Е. Салтыкова из архива С.А. Макашина // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 237–264. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-237-264>

В Тверском государственном объединенном музее (ТГОМ) среди рабочих документов С.А. Макашина хранится папка под названием «Потомки», в которой собраны материалы, относящиеся к детям и внукам М.Е. Салтыкова.

Как известно, брак Салтыкова более 15 лет был бездетным. Но 1 февраля 1872 г. на свет появился сын Константин, а 9 января 1873 г. родилась дочь Елизавета. Малолетнего Константина его отец, «человек всецело литературный» [8, т. 12, с. 405], записал в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым и, умирая, завещал «паче всего любить родную литературу и звание литератора предпочитать всякому другому» [8, т. 12, с. 477]. Это была нелегкая ноша, но, войдя в возраст, Константин Михайлович честно пытался ее нести. Он написал свои воспоминания, в которых рассказал об отце как о частном человеке, каким он его знал и помнил. Его книга «Интимный Щедрин», изданная в 1923 г.¹, была обругана советским литературоведением. В те же годы К. Чуковский упрекнул А.Я. Панаеву за ее воспоминания: «Похоже, что она слушала симфонии великих маэстро, а услышала одного только чижика»². Примерно в таком ключе трактовались и воспоминания К. Салтыкова, но только в более резких выражениях. С.А. Макашин, учитывавший эти мемуары в своей работе над биографией Салтыкова, не считал, что они заслуживают серьезного внимания, поскольку «сын писателя неточно передает факты и неверно их истолковывает» [4, с. 227].

В папке «Потомки» находится машинопись главы из книги Э. Гарда «Потомки», которая должна была выйти в 1936 г. в Издательстве писателей в Ленинграде, но так и не увидела свет. Это беллетризованное легковесное сочинение, но вместе с тем одно из немногих, где речь идет о внуках Салтыкова. О мемуарах его сына здесь говорится в самых нелестных выражениях — вполне в духе общего их восприятия. Крайне уничижительно Гард отзывается также и о личности мемуариста, приводя высказывания родственников, с которыми ему случилось побеседовать (автора не останавливала мысль о том, что поношение сына было проявлением неуважения и к его отцу)³.

В архиве Макашина хранится также машинописный экземпляр воспоминаний жены К. Салтыкова Ларисы Николаевны, урожденной

¹ Салтыков К.М. Интимный Щедрин. М.; Пг.: Госиздат, 1923. См. также: [7].

² Чуковский К. Авдотья Панаева и Некрасов // Панаева Авдотья. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 67.

³ В настоящей публикации приводим фрагмент, рассказывающий о прямых потомках писателя.

Вандышевой (во втором браке Макаренко)⁴. В значительной части они повторяют информацию из книги «Интимный Щедрин», но некоторыми штрихами дополняют портрет ее автора. Так, она упоминает о том, что на письменном столе муж постоянно держал «как самую дорогую память» снимок, где он и сестра были сфотографированы детьми, — эту фотографию его отец брал с собой, уезжая на лечение за границу летом 1875 г. Очень дорожил Константин Михайлович и другой семейной реликвией — «чашкой и блюдцем оригинальной формы», подаренными друзьями М.Е. Салтыкова на его 50-летие: «...для вдохновения он, когда что-либо писал, пил из этой чашки, заявляя, что он мысленно прикладывает к устам своего родителя и это его вдохновляет на творчество»⁵. Эти сведения вполне достоверны, но в том, что выходило из сферы ее непосредственных наблюдений, Л.Н. Салтыкова-Макаренко путает факты или пересказывает их со слов мужа, например, сообщая о том, что завещанный ему портрет Салтыкова работы И.Н. Крамского сестра увезла за границу, равно как «халат, туфли, плед отца и другие вещи»⁶. Однако вполне очевидно, что К. Салтыков, живший в Пензе, не мог знать наверняка, что именно взяла с собой его сестра, уезжая в спешке из Петербурга в августе 1917 г.

Константин Михайлович умер в 1932 г., он был женат дважды, но не оставил потомства. Линию Салтыковых, идущую от Михаила Евграфовича, продолжила его дочь.

Писатель трогательно любил своих поздних детей, он и его супруга по-своему баловали их, но придерживались разных установок в воспитании. Ложно-аристократические представления Е.А. Салтыковой расходились с желанием мужа видеть детей образованными и самостоятельными людьми. Отец заботился о развитии детей и вникал в их интересы: учил дочь писать по линейкам, чтобы «привыкала писать прямо», советовал ей учить немецкий язык и радовался тому, что она пишет сама, а не под диктовку: «Мне хочется знать, что ты думаешь». Мать же заботилась лишь о внешности дочери, ее нарядах и успехах в обществе. Салтыков с удивлением писал одному из адресатов о своем открытии: у 12-летней Лизы, оказывается, «13 пар ботинок», но прибавлял, что «она сама негодует на это» [9, т. 20, с. 190].

⁴ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 40–56 (*Салтыкова-Макаренко Л.Н. Салтыков Константин Михайлович*).

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ Там же.

В 1883–1890 гг. Елизавета училась в гимназии княгини А. А. Оболенской. Позже она вспоминала, что отец следил за ее учебой и не отпускал спать, пока не убедится, что все уроки приготовлены. Особенно внимателен он был к написанию сочинений: «Несколько раз он сам переправлял, мне же приходилось переписать начисто, затем он опять поправлял, и мне опять приходилось переписывать <...> Иногда он ругал преподавателя: почему тот не дает соответствующие темы или, как он выражался “кормит глупыми сочинениями”»⁷. Историю с сочинениями мемуаристы сохранили в разных версиях, но это лишь свидетельствует о том, что существовала реальная основа⁸. Заботы Салтыкова о том, чтобы дочь получила должное воспитание, не прошли даром: она знала три языка и, как писал ее брат, «очень недурно играла на фортепиано, а впоследствии из нее выработалась недюжинная певица» [7, с. 69].

Когда Салтыков умер, Елизавете Михайловне было 16 лет. Сведения о последующем периоде ее жизни крайне скудны. Известно, что ее мужем стал барон Николай Александрович Дистерло (1871–1919), но дата их бракосочетания неизвестна. На основании ряда косвенных данных можно предположить, что это произошло в 1892 или 1893 г.:

— в списке проживающих в Петербурге имя Н.А. Дистерло появляется с 1893 г.⁹;

— как сообщает Э. Гард со слов дочери Елизаветы Михайловны, в браке с бароном Дистерло ее мать прожила 8 лет¹⁰;

— супруги расстались не ранее 1901 г., о чем говорит тот факт, что в декабре 1900 г. Е.А. Салтыкова вела переговоры с А.Ф. Марксом о том, чтобы сумма в 1000 руб., причитавшаяся ей за издание произведений Салтыкова-Щедрина, была переведена на счет Н.А. Дистерло¹¹.

⁷ Двинский И. У дочери М.Е. Салтыкова (Беседа с Елизаветой Михайловной маркизой де-Пассано) // Биржевые ведомости. 1914. 26 апреля. № 14122. С. 7.

⁸ С.А. Унковская, соученица Елизаветы Михайловны, вспоминала: «...мы писали иногда сочинения, заданные нам, на одну и ту же тему. Я писала всегда сама и довольно удачно, а ей иногда помогал отец и потом говорил мне: “А каков ваш учитель-то, Соня, поставил мне тройку с минусом за сочинение *Море и пустыня* <...> Я его хочу пригласить, вашего Дружинина, и прямо сказать: *Да когда же я наконец, милостивый государь, пятерки дождусь?* Этакий болван!» [5, с. 154].

⁹ Адресная книга города С.-Петербурга на 1893 год. СПб., 1893. С. 88.

¹⁰ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 13.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 172. О том, что Дистерло принимал некоторое участие в подготовке этого издания, свидетельствует его недатированное письмо к В.И. Лихачеву, где сообщается о поисках статей Салтыкова (РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 258. Л. 1–2).

Второй муж Елизаветы Михайловны, маркиз Эжен да Пассано, итальянский подданный, потомок старинного генуэзского рода, находился в России как представитель американской Electric Boat Company¹². В августе 1917 г. дочь Салтыкова с мужем и сыном покинула страну. Э. да Пассано продолжил свою службу в Париже, где его супруга скончалась в октябре 1927 г.

У Елизаветы Михайловны было двое детей: дочь Тамара Дистерло, которая родилась 8 ноября¹³ 1898 г., и сын от второго брака Андрей да Пассано, родившийся 21 ноября 1905 г.

Некоторые сведения о жизни Тамары Николаевны до 1934 г. приводит Э. Гард, но книга «Потомки» не была напечатана, и собранная им информация оказалась доступна лишь немногим. На протяжении многих лет не было известно и о том, как сложилась судьба внучки Салтыкова после 1934 г. Но в 1996 г. в Твери проходила конференция, посвященная 170-летию писателя, в которой приняли участие старшая дочь Тамары Николаевны Елена Александровна Гладыревская и ее племянник, сын умершей к тому времени Софьи Александровны Гладыревой, Валерий Петрович Казьмин — правнучка и праправнук Салтыкова.

Рассказ Елены Александровны о судьбе ее матери впервые был опубликован в сборнике по материалам конференции. В марте 1938 г., в воскресный день, Тамару Николаевну, которая была переводчицей на заводе № 54¹⁴, вызвали на работу, и домой она не вернулась. Дети разыскивали мать в моргах и больницах, но выяснилось, что ее арестовали. По словам Елены Александровны, они с сестрой много хлопотали «по разным инстанциям, вплоть до

Е. Гладыревская и В. Казьмин
E. Gladyshevskaya and V. Kazmin

¹² Компания, занимавшаяся производством подводных лодок.

¹³ Дата устанавливается на основании записи в метрической книге церкви Спиридона Тримифунтского при Главном управлении делов (Справочник метрических записей архивов Санкт-Петербурга. Буквы А–Я. Загрузка 20 марта 2020 г. URL: <https://forum.vgd.ru/post/3866/104590/p3175683.htm#pp3175683> (дата обращения 01.09.2020)).

¹⁴ До 1940 г. филиал завода № 46, неофициально именовавшегося «Кунцевский патронный завод»: с 1932 г. относился к предприятиям военной промышленности, в 1936 г. был передан в ведение Народного комиссариата оборонной промышленности (Предприятия № 41–60. Завод № 46. URL: <https://oboron-prom.ru/page,13,predpriyatiya-41-60.html> (дата обращения 01.09.2020)).

Фадеева», секретаря Союза писателей. В сентябре 1938 г. дочери узнали, что Тамару Николаевну приговорили к 10 годам без права переписки. В 1947 г. им вручили справку о том, что их мать умерла 8 марта 1945 г., а в 1956 г. они получили документ о ее посмертной реабилитации [3, с. 277–278]¹⁵.

Однако, как показывают материалы, обнаруженные в более позднее время, внучка Салтыкова не умерла в 1945 г., а была расстреляна вскоре после своего ареста, 27 августа 1938 г., на Бутовском полигоне, где и захоронена. Привожу справку из архивного дела, опубликованную на сайте «Открытый список», где представлены данные о жертвах политических репрессий:

Гладыревская Тамара Николаевна (1898)

Дата рождения: 1898 г.

Место рождения: г. Ленинград

Пол: женщина

Национальность: полька

Социальное происхождение: из дворян

Образование: среднее

Профессия / место работы: завод № 46: переводчица

Место проживания: ст. Красково, Ленинской ж-д, ул. Вокзальная, д. 15

Партийность: б/п

Дата расстрела: 27 августа 1938 г.

Место смерти: Московская обл., Бутово

Место захоронения: Московская обл., Бутово

Мера пресечения: арестована

Дата ареста: 29 марта 1938 г.

Обвинение: участия в контрреволюционной националистической организации

Осуждение: 29 июля 1938 г.

Осудивший орган: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР

Приговор: ВМН

Дата реабилитации: 1956 г.

Архивное дело: том I, стр.118, место хранения дела — ГА РФ.

Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон¹⁶.

¹⁵ Т.Н. Гладыревская была реабилитирована 24 ноября 1956 г. (URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=5602> (дата обращения 20.11.2019)).

¹⁶ URL: [https://ru.openlist.wiki/Гладыревская_Тамара_Николаевна_\(1898\)](https://ru.openlist.wiki/Гладыревская_Тамара_Николаевна_(1898)) (дата обращения 20.11.2019).

Характерно, что в своих воспоминаниях, написанных в 1970–1971 гг., вдова К.М. Салтыкова ни словом не обмолвилась о его племяннице, хотя несомненно была осведомлена о ее существовании. Трудно предположить, что Салтыков, обосновавшийся в Ленинграде, не знал о том, что его ближайшая родственница проживает в Москве. Другой вопрос, общались ли они и было ли известно его вдове о трагической участи Т.Н. Гладыревской. Полагаю, что сам факт умолчания свидетельствует о том, что определенной информацией она располагала.

Судьба внучки Салтыкова оказалась трагическим подтверждением грустных раздумий писателя о судьбе молодого поколения: «...сердце мое невольно сжимается всякий раз, как я вижу детей. <...> мне жаль детей не ради каких-нибудь социологических обобщений, а ради их самих» [8, т. 17, с. 72].

И совсем иначе сложилась жизнь внука писателя — Андрея Евгеньевича, Андреа да Пассано. В архиве Макашина хранится его письмо из Мексики, датированное 1 сентября 1956 г., которое было передано ученому в 1960 г. одной из дочерей Г.В. Плеханова. Андрей Евгеньевич отвечает на вопросы своей корреспондентки, которые, как можно понять из контекста, интересовали некую французскую исследовательницу творчества Салтыкова-Щедрина. Имя не названо, но нет сомнений, что речь идет о Кире Саниной, авторе монографии «Салтыков-Щедрин, его жизнь и творчество» [11]. Письмо написано по-французски, имеется и русский перевод¹⁷, отредактированный нами для настоящей публикации.

После получения этого письма Макашин пытался связаться с внуком Салтыкова, но ответа не получил, поэтому приходилось предполагать, что либо письмо не дошло до адресата, либо адресата уже не было в живых. Л. Макаренко-Салтыкова в 1971 г. сообщала, что внук Салтыкова «при неизвестных обстоятельствах погиб, где-то в Мексике»¹⁸. Но эта информация оказалась неверной, в действительности Андреа да Пассано прожил долгую жизнь и скончался в 1993 г.

Факты, которые я приведу далее, известны благодаря итальянским исследователям комиксов¹⁹. Некоторые сведения удалось найти также на американских эзотерических сайтах, вместе с тем вся име-

¹⁷ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 36–38, 32–35.

¹⁸ Там же. Л. 49.

¹⁹ См.: *Boschi Luka*. Andrea Da Passano (DaP, Endré). URL: https://www.lambiek.net/artists/d/da_passano_andrea.htm (дата обращения 20.11.2019);

Boschi Luka. Alla ricerca di notizie su Andrea Da Passano. URL: https://lucaboschi.nova100.ilsole24ore.com/2012/08/28/qualcuno-conosce-guido-da-passano/?refresh_ce=1 (дата обращения 20.11.2019).

ющаяся информация позволяет лишь в общих чертах представить биографию внука писателя.

После отъезда из России жизнь Андрея Евгеньевича была связана с Францией, Италией, Мексикой и США. Как и сестра, он с ранних лет начал самостоятельно обеспечивать себя. Создавал костюмы для кабаре «Фоли-Бержер» и для певицы Мистингет²⁰, выступавшей в кабаре «Мулен Руж»; сотрудничал в качестве иллюстратора в юмористическом журнале «Le Sourire», занимался также книжной иллюстрацией. В 1932 г. (по другим сведениям в 1920-х гг.) создал популярную серию рисунков «Жиголо во все времена»²¹.

В 1938 г. да Пассано переезжает в Италию, где начинается его карьера как художника комиксов. К этому времени относится и оставшееся на всю жизнь увлечение эзотерикой. Во время Второй мировой войны он служил в военно-морском флоте²². В 1943 г., видимо, после капитуляции Италии, демобилизовался и продолжил свою деятельность как художник комиксов, с 1946 г. начал подписывать свои работы аббревиатурой DaP (подписывался он также именем Endré)²³. В конце 1940-х гг. имел собственный издательский дом DaP в Милане. Но в Италии работал еще один художник комиксов по фамилии да Пассано — Гвидо, поэтому вплоть до наших дней исследователи искали доказательств, кому же из них принадлежит подпись DaP, и окончательно это вопрос был решен только в 2016 г.²⁴

В 1950–1960-х гг. да Пассано жил и работал в Мексике. Сведения, сообщенные им в письме 1956 г., можно дополнить информацией о том, что он работал графическим дизайнером в компаниях Форд, Шевроле, Дженерал Моторс, Палмолив, Пепси Кола и др. В 1961–1966 гг. преподавал культурологию в университете Гвадала-

См. также: [10]. Обзор этих работ см.: *Онучина Мария*. Андреа да Пассано (Endré) // ARTinvestment.RU. 1 августа 2014 (URL: https://artinvestment.ru/invest/painters/20140801_andrea_da_passano.html (дата обращения 20.11.2019)).

²⁰ Мистенгет (*Mistinguett*), сценический псевдоним французской певицы и актрисы Жанны-Флорентины Буржуа.

²¹ Со слов Тамары Николаевны, Э. Гард писал о том, что Андрей Евгеньевич «стал известным парижским карикатуристом» (ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 14).

²² В годы войны при бомбардировке Милана погиб его 2-хлетний сын.

²³ А. да Пассано принадлежит цикл популярных комиксов о Крике и Кроке, выпущенных издательским домом Edital. Он был также создателем и целого ряда других комиксов: «La Signora Coccodrillo», «Il Professor Distrattini», «La vita nel bosco» (1946), «Roal, Il Tarzan del Mare» (1947–48), «Rizza manina d'acciaio» (1948), «I Terribili Moschettieri» (1949) и др.

²⁴ *Boschi Luka*. Andrea da Passano (DaP, Endré). Pugaciov ci mostra un documento su Andrea Da Passano. URL: <https://lucaboschi.nova100.ilssole24ore.com/2016/07/04/risolta-la-querelle-su-andrea-da-passano/> (дата обращения 20.11.2019).

хары, и именно поэтому письмо Макашина, адресованное в Мехико, не нашло его.

В 1968 г. да Пассано переезжает в США, где главным его занятием становится эзотерика. В предисловии к книге да Пассано «Внутренняя тишина» с его слов рассказано, что уже в детском возрасте он ощущал присутствие каких-то необъяснимых сил: «Ночью он часто испытывал ясновыслушивание: прекрасная музыка, которая начиналась в одно и то же время каждую ночь и длилась час». Он был слаб здоровьем, но впоследствии «развил свое физическое тело с помощью плавания, борьбы и бокса». Причем «у него всегда было чувство, что его направляют и сопровождают сознание европейских воинов, которых он, наконец, идентифицировал как часть прошлого своей семьи»²⁵. В Лос-Анджелесе да Пассано основал Храм Эзотерической Науки (1977), в котором проводил встречи со своими последователями, в 1970-х – начале 1980-х гг. в качестве эксперта по эзотерическим темам участвовал в телешоу Тома Снайдера.

В 1987 г. вышла книга да Пассано «Внутренняя тишина: руководство от шума повседневной жизни», переведенная в 1992 г. на немецкий язык под названием «Дар тишины»²⁶. В предисловии говорится: «Из восточных философий, особенно тибетского буддизма и даосизма, Андрей предлагает методы, которые до недавнего времени передавались только по тайной устной традиции. Это эклектичная система, как эзотерическая, так и очень практичная, и это объясняет название его школы в Лос-Анджелесе: Храм эзотерической науки... секретные традиции, которые сочетаются с новейшими знаниями для создания нового видения»²⁷. Через Интернет и в наши дни можно приобрести записанный им диск «Остановить старение» — курс тибетских упражнений, позволяющих сохранить молодость.

Сохранилась аудиозапись одного из занятий в Храме эзотерической науки, сделанная 6 августа 1984 г. и расшифрованная лишь 19 ноября 1993 г. В 1993 г. да Пассано умер, но точная дата смерти

²⁵ URL: <http://www.bewusst-sein.net/themen/stille.html> (дата обращения 20.11.2019).

²⁶ *Da Passano Andrew. Die gabe Der Stille. Ein Wegweiser aus dem Lärm des Alltags / übersetzt aus dem amerikanischen von Eluan Ghazal. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1992.* URL: https://www.zvab.com/servlet/SearchResults?cm_sp=SearchF_-Inf_-Results&tn=Die%20gabe%20Der%20Stille.%20Ein%20Wegweiser%20aus%20dem%20L%E4rm%20des%20Alltags (дата обращения 01.09.2020).

²⁷ URL: <http://www.bewusst-sein.net/themen/stille.html> (дата обращения 20.11.2019).

неизвестна. Публикация этой аудиозаписи дает основание предполагать, что он скончался осенью, возможно, в ноябре²⁸.

История жизни Андрея Евгеньевича да Пассано позволяет говорить о том, что в его судьбе соединились две генетические линии. Одна — от бабки Елизаветы Аполлоновны, вернее, от ее отца Аполлона Петровича Болтина, серьезно увлекавшегося спиритизмом²⁹, причем занятие это было семейным: спиритизмом занималась и сестра Елизаветы Аполлоновны Салтыковой — Анна, которая уже в зрелом возрасте вышла замуж за французского спирита Валентина де Турнье. В семье существовала легенда о том, что на одном из сеансов А. Болтиной явился «дух» Турнье, — и это предшествовало их непосредственному знакомству³⁰.

Юмористический же талант достался художнику от его знаменитого деда. Но Андреа да Пассано работал в сфере развлекательной, что было абсолютно чуждо Салтыкову, для которого были неприемлемы также и спиритические увлечения его свойственников. Однако, как видим, внук пошел другим путем.

Андрей Евгеньевич был четыре раза женат и от последнего брака³¹ имел дочь и внука. Таким образом, есть все основания предполагать, что в США живут прямые потомки М.Е. Салтыкова.

Потомкам же писателя, жившим в СССР, пришлось подтвердить свое родство с ним, о чем свидетельствуют приведенные ниже документы: справка, написанная Н.В. Яковлевым, и обращение Е.А. Гладыревской к Макашину.

Все документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

1.

Э. Гарт. Потомки³²

Издательство писателей в Ленинграде. 1936 г.³³

Последние Салтыковы

²⁸ URL: <http://pymanderaquarian.blogspot.com/2012/12/conversations-with-andrew-da-passano.html> (опубл. 29 декабря 2012 г.) (дата обращения 20.11.2019).

²⁹ Свои взгляды он изложил в труде: *Болтин А.П.* Догматы Христовой церкви, изложенные согласно спиритическому учению. [Б. м.], 1864 (литограф. рукопись).

³⁰ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 20.

³¹ Жена — Вирджиния да Пассано — занималась китайской медициной (URL: <http://www.bewusst-sein.net/themen/stille.html> (дата обращения 20.11.2019)).

³² ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 1–24.

³³ Карандашом вписаны номера страниц: 131–152.

Михаил Евграфович Салтыков

15.I.1826 — 28.IV.1889 г.

5.

Дочь Лиза была любимицей отца.

Эта красивая светская девушка мелькнула перед нами некоторой романтической загадкой. По общим отзывам она была умна, образованна, талантлива. Она боготворила отца, особенно — за его «любовь к России».

И вот в 1917 году она навсегда покидает свою родину, с тем чтобы умереть на чужбине.

Елизавета Михайловна была замужем за бароном Н.А. Дистерло, генералом. Во время гражданской войны Дистерло был инспектором красной кавалерии Западного фронта³⁴.

Но еще задолго до революции Елизавета Михайловна порвала с мужем, прожив с ним 8 лет. Однажды под новый год она закутала свою крошечную дочь и уехала с нею на вокзал. Здесь ждал ее маркиз да Пассано, итальянец.

С ним и с девочкой она уехала от мужа навсегда. Жили они на юге Франции и в Париже. А через год Е.М. вернулась в Петербург маркизой.

Евгений Адольфович да Пассано, маркиз и представитель для России автомобильной фирмы «Фиат» и американской «Электрик Боат Компани» — фирмы, поставляющей подводные лодки — живет широко и пышно³⁵.

У них сын — Андрей, маркиз Ри-ри.

Семья да Пассано занимает огромную квартиру на Миллионной (ныне улица Халтурина). У них штат прислуги, два авто.

В 1917 году за месяц до <впис.: октябрьской> революции да Пассано ликвидирует свои дела в Петербурге и уезжает в Америку. Евгений Адольфович, Елизавета Михайловна и маленький маркиз Ри-ри.

³⁴ Н.А. Дистерло (25.03.1871 – 31.12.1919), с 1915 г. командующий 11-й кавалерийской дивизией, с июня 1917 г. генерал-лейтенант, начальник той же дивизии. В 1918 г. добровольно вступил в Красную армию; инспектор кавалерии Высшей военной инспекции. В июне 1919 г. был признан «страдающим нервно-душевым расстройством в тяжелой форме» [1, с. 543, 209].

³⁵ Этому несколько противоречат сведения из автобиографии И.И. Манухина, в 1907–1910 гг. снимавшего комнату у Е.А. Салтыковой. Он пишет, что вдова писателя находилась в весьма стесненных обстоятельствах, и это вынудило ее пустить жильца, от которого она не скрывала, что «дети постоянно требуют от нее денег и, рассчитывая на ее доброту, ожидают, что она ради них пожертвует последним» [2, с. 59–61].

В Петербурге на Миллионной улице остается богатая квартира маркизов. И в ней, среди стильной дорогой мебели, ковров и картин, свято сохраняются старенькие, но любимые вещи — вещи писателя М.Е. Щедрина: письменный стол, кресло, шкаф, письменный прибор, перо, которым написаны «Губернские очерки», халат и туфли его последних дней. И — плед, тот знаменитый, всем теперь знакомый плед, который фигурирует на распространенных последних портретах Салтыкова-Щедрина.

Остались на Миллионной улице еще — рукописи сатирика, которые не могли быть опубликованы при царской цензуре и терпеливо 28 лет ожидали ее падения. А в шкафу стояли щедринские книги — большинство с автографами — Некрасова, Тургенева, Гаршина.

На квартире оставался лакей маркиза, Федор Модин, и его жена Ольга.

В 18-м году они, бросив квартиру и вещи, уехали в деревню в Нижегородскую губ.

У кого сейчас письменный стол М.Е. Щедрина, книги с автографом Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева?..

А Елизавета Михайловна Салтыкова-Дистерло-да Пассано исчезла, казалось, навсегда.

Но вот в двадцатых годах она появляется в Париже. Еще не старая женщина, но уже больная. В 1930 <испр. на 1926> у нее был удар. Через год он повторился. И в 1931 <испр. на 1927> дочь Щедрина умерла во Франции.

Маркиз да Пассано жив и сегодня³⁶.

А сын, Андрей Евгеньевич — маркиз Ри-ри — стал известным парижским карикатуристом.

Кажется, на этом обрывается род Салтыкова-Щедрина.

6.

И вот, неожиданно-негаданно, из города Спасска, из Казанской глуши, в Москве появляется молодая женщина — Тамара Николаевна Дистерло, дочь барона.

Громкое имя, титул невозможно приложить к этой женщине в пенсне и с прямым пробором, работающей в Комакадемии³⁷ — в институте мирового хозяйства и мировой политики, печатающей технико-экономические статьи в московских журналах.

³⁶ Э. да Пассано умер в 1931 г. (ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 36, 34).

³⁷ Коммунистическая академия — высшее учебное и научно-исследовательское учреждение (1918–1936).

Тамара Николаевна — родная внучка Щедрина, дочь Елизаветы Михайловны от ее первого брака.

Жизнь этой женщины — роман.

Мы сидим у нее, в деревянном пригородном домике Красково, под Москвой, пьем чай и слушаем российскую историю женщины из «хорошей семьи».

Т. Н. родилась в Петербурге в 1898 году.

Когда ей было полтора года, родители разошлись. Она осталась у матери. Она была Дистерло. Но в доме маркизов и она была маркизой.

Лакеи и автомобили. Французский пансион и гувернантки.

Все это — скучно, все это — не то.

До 15 лет Тамара почти не знает по-русски, — вместо «семья», например, она говорит «фамилия». Зато она владеет в совершенстве четырьмя языками: французским, немецким, английским и итальянским. В 14 лет она кончает пансион.

Ее возят за границу. Из нее готовят барышню-невесту.

Но это — не то.

И ей еще нет 16 лет, когда, не поладив с отчимом, она уходит из дому. Из дома маркизов на Миллионной улице — улице дворцов — прямо на безвестную улицу большого города.

Куда идти?

Мир огромный, но в мире нет никого.

Отец, генерал барон Дистерло, — на фронте. Впрочем, она совершенно не знает отца — за свою жизнь раз 15 ходила к нему в гости. Однако деваться надо же куда-нибудь. И она едет к отцу. А у него уже новая семья, и дочь он не оставляет у себя³⁸.

И вот — снова улица, огромный чужой мир.

Тамара Николаевна начинает сама пробивать себе дорогу.

В Петербурге она поселилась у подруги, тетка этой подруги приютила ее. Она начинает учиться, сдает экзамен за аттестат зрелости и в 17 лет уже на своих ногах, зарабатывая, как студентка³⁹, уроками.

³⁸ Сын Н.А. Дистерло от второго брака Борис (род. 1903) был арестован в начале 1929 г. во Владивостоке, приговорен к 3 годам заключения и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения/ (URL: <http://vizz.nlr.ru/person/book/vi/5/50>; <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Di.html>; http://www.solovki.ca/passional/passional_5.php (дата обращения 01.09.2020)).

³⁹ Где училась Т. Дистерло, неизвестно. В свое время Л.Ф. Пантелеев знал или предполагал, что она обучалась на Высших женских курсах в Петрограде, но эта информация не подтвердилась. В ответ на свой запрос он получил официальный ответ от 16 мая 1916 г.: «Баронесса Дистерло в списке слушательниц Петрогр.<адских> Высших женских курсов не числится» (РГАЛИ. Ф. 1691. Оп. Ед. хр. 667. Л. 1).

Вскоре она выходит замуж за доктора А.В. Зороастрова⁴⁰ и уезжает с ним в Спасск. У нее трое детей: Елена — сейчас препаратор в Московском Институте силикатов и одновременно — студент Химтехникума, Софья — ученица 8-й группы и Юрий — в 6-й группе. Это — правнуки Щедрина.

Старшую Лелю некогда крестила Елизавета Михайловна, ставшая бабушкой в 42 года.

В 1922 году Тамара Николаевна разошлась с д-ром Зороастровым и через 5 лет вышла замуж за инженера-химика А.И. Гладыревского⁴¹, вот уж десять лет бессменного научного работника ВНИИСМ.

В 1934 году внучка Щедрина работала референтом-переводчиком на московском заводе № 54.

И вот мы сидим в загородном домике и пьем чай.

Щедринские широкие брови, щедринский нос, крупные губы. Может быть, очень уж хочется найти сходство с дедом — оттого оно и находится.

А вот — в стакане старинная ложечка.

— Может быть эта ложка — щедринская?

Нет, ложка — гладыревская.

Но есть кое-что и щедринское. Вещи пропали на Миллионной.

<...>

Когда в 1918 году внучка Щедрина зашла на квартиру матери узнать, нет ли от нее каких-либо известий, лакей Федор Модин и его жена Ольга предлагали ей взять вещи. Вещи еще были целы.

Но Т. Н. отказалась. Квартира была чужой. Можно ли, хорошо ли взять из нее что-нибудь?

И вещи пропали.

В голодные и холодные петербургские годы квартиру да Пассано на Миллионной заняли не то анархисты, не то <вписано: случайные люди> просто озорники. Что там творилось в те годы, чем топились «буржуйка» — об этом сохранились только легенды. Но когда в 1920

⁴⁰ Зороастров Анатолий Всеволодович (род. 10.02.1880), в 1912–1918 гг. сверхштатный ординатор госпитальной хирургии клиники Казанского университета (URL: <http://mamadysherb.tatarstan.ru/istoriya.htm> (дата обращения 01.09.2020)). Автор работы: Случай четырехкратной лапаротомии при энтеростенозе, симулировавшем желчные колики: Доложено в заседании О-ва врачей при Имп. Казан. ун-те 21 апр. 1911 г. [Казань]: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1911. В студенческие годы (окончил университет в 1908 г.) член партии эсэров [9, с. 52].

⁴¹ Гладыревский Александр Ильич (ум. 1950), стал отцом для детей Тамары Николаевны. Но когда она была арестована он, по словам удочеренной им Е.А. Гладыревской, «вскоре женился на другой женщине» (URL: http://alaz.moy.su/publ/o_sudbe_potomkov_pisatelja/2-1-0-902 (дата обращения 01.09.2020)).

или 1921 году жильцы исчезли и в квартиру вселились вузовцы, они наткнулись на следы полного разрушения.

В одной из комнат, полуразрушенной, облупленной, на полу валялись обрывки и клочки исписанных бумаг. Это были письма к Щедрина, его рукописи, документы. Его архив.

Вузовцы бережно все собрали, что можно, подклеили и снесли в Центрархив. Но, кажется, ничего из доставленного студентами не удалось привести в порядок.

Однако кое-что у Тамары Николаевны сохранилось. Много фотографий, театральные программы в дни постановок пьес Щедрина, газетные вырезки со статьями к 25-летию со дня его смерти, ридикюль Елизаветы Аполлоновны Салтыковой, жены писателя, и маленький обыкновенный карандаш — карандаш Щедрина.

<...>

2.

Письмо А. да Пассано⁴²

Mexico, le 1-er Sept. <19>56

Chère Madame,

Je vous remercie de votre aimable lettre et ne saurai vous dire la peine que j'éprouve à ne pouvoir collaborer dignement à votre œuvre.

Du moins pourrai-je faire de mon mieux au plan biographique des descendants directs de mon grand père, mais quant aux documents, il me faut vous expliquer, avec une certaine précision les raisons pour lesquelles je n'ai entre les mains la moindre signature, autographe ni lettre du Maître.

En 1917, plus exactement au mois d'août, juste après la déclaration de la révolution russe, nous nous vîmes obligés par la violence des événements à fuir Péetrograd. Mon père, le Marquis Eugène de Passano (Da Passano en italien) depuis 27 ans représentant de la Compagnie américaine «ELECTRIC BOAT C°» et non pas attaché militaire, avait, ainsi que je l'ai encore, un passeport italien et put sans difficultés passer avec ma mère et son fils unique, qui vous écrit, la frontière.

Le voyage se fit par train, via Trans-Sibérien. Nous accompagnâmes pêle-mêle des régiments en rupture de front et certains éléments de l'Otoman Koltchak qui retournant dans leurs terres, assurèrent (vu leur réputation) le ravitaillement du train et la sécurité collective. Le reste est

⁴² ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 36–38.

simple: la Corée, Shimonoseki, Tokyo, puis les E. U. où mon père regagna sa direction, pour poursuivre ses affaires à Paris, où la Compagnie eut toujours ses bureaux 48, av. de la Bourdonnais.

La fuite fut si rapide, d'une part, et l'optimisme et l'espoir en un prompt retour si profondément ancrés dans l'esprit de ma mère, que les documents les plus importants restèrent à Petrograd, Millionnaia 23 kvartira 17, où, je pense, les autorités Soviétiques ont dû retrouver le tout, comme en fait foi le grand portrait de Soltikoff, assis, les mains croisées sur les genoux, dont l'auteur est, je crois, le grand peintre russe Répine. Il n'est pas possible que je fasse une erreur dans ce sens, car un documentaire en couleur passé l'an dernier à Mexico-Théâtre IRIS sur les peintres realists russes de la fin du siècle dernier, et dont la collection fut photographiée DANS UN MUSÉE DE L'URSS, montre le tableau et le commente. Or, ce tableau resta dans le bureau de mon père, dans le dit appartement de la Millionnaia, où je l'eus sous mes yeux pendant toute mon enfance. Détail d'identification: les doigts de la main gauche ont une position qui toujours prêta à des critiques, et que seule la réputation du peintre faisait pardonner – ils ont l'air désossés et tombent de la façon la plus étrange.

Voici des réponses directes à vos demandes.

1 – Manuscripts – rien, comme j'ai dit plus haut. J'en reparlerai à la fin de la lettre.

2 – Maman est morte en octobre 1927, rue de la Bourdonnais au № 92. Elle fut incinérée par les soins de la maison de Borniol et ses cendres se trouvent au Columbarium du Père Lachaise (en rentrant en face, près de l'aile droite).

Mon père en 1931, à Paris.

Maman a eu une fille de son premier mariage à Pétersbourg avec le Comte de Disterlo. Ma demi-soeur, dont je garde un souvenir lumineux pour sa tendresse et sa beauté, a disparu ans la tourmente, et seule la douloureuse et odieuse division des êtres humains en deux clans ennemis, m'a empêché de la rechercher. Elle épousa un jeune médecin, de l'armée alors impériale russe, ceci vers 1916 –1917 du nom de Kaganof. Il fut tué avant notre départ par ses propres hommes. Peu d'accord avec mon père, TAMARA (TATA pour moi), un peu exaltée par les idées nouvelles, comme tous les étudiants de l'époque, nous quitta et la dernière nouvelle nous toucha au cap Cap d'Ail – Villa Lumière, Alpes Mar.<itimes>, en 1927. Depuis rien.

Je ne sais si elle possède des documents, car je ne sais pas si elle est en vie. A titre de renseignement, elle aurait actuellement 60 ans environs (10 ans de plus que moi). Ma mère n'eut pas d'autres enfants.

Naturellement, je parle le russe, mais la situation actuelle de tension hystérique des deux côtés du monde moderne fait que tout contact avec l'URSS me mettrait à l'index, m'interdisant tout déplacement ou voyage international. Nous en sommes là, chère Madame, et je ne sais que vous dire de plus dans ce sens. Certes, si vous avez la chance de pouvoir retrouver trace de Tamara, faites-le moi savoir par l'intermédiaire de ma cousine Natacha Marsan, vous me causeriez la joie la plus grande depuis bien des années. N'oubliez pas que la proximité de la frontière des E.U. et la liberté qui règne au Mexique, rend les Américains extrêmement chatouilleux quant à toute relation avec l'URSS, et ma situation ici en souffrirait fortement.

Il me faut vous dire aussi que ma mère avait un frère (assez bohème si j'en crois les ragots de la famille) qui s'appelait Constantin, fils, unique Soltikoff S.

Il doit être certainement décédé depuis plusieurs années, et se trouvait en Russie.

Maintenant il me faut, dans l'intérêt de Votre oeuvre, passer à un détail latéral, et que n'a pour vous qu'un intérêt indirect, mais indispensable.

Après la mort de Maman, mon père contracta une liaison qui fut légalisée en extremis (1931) avec Mlle Yvonne XXX (je ne me rappelle pas son nom de jeune fille).

Pour des raisons évidentes je ne partageais pas le domicile de mon père, et lors de sa mort cette jeune personne vida l'appartement sur l'instant. Or, parmi les objets représentant les 64 ans de la vie de la famille il se trouvait: une photo encadrée d'argent de mon grand père, avec dédicace à maman, plus des pièces personnelles de ma mère ayant appartenu aussi à sa famille (coupe-papier, etc.).

Tout fut enlevé en un tournemain et je ne pus rien récupérer. Peut-être que vous arriverez en la contactant, et moyennant finance, à obtenir quelque chose, car le degré culturel de la personne en question ne me semble pas favoriser une donation spontanée. De mon côté, je fais immédiatement agrandir et vous expédie par air deux stéréos de maman, seules photos que je possède depuis mon enfance, car la rapacité de la personne dont je vous parle ne m'a pas permis plus.

Cette personne, actuellement Mme Yvonne LAGIER, habite rue Cognac Jey, 14; elle eut de mon père deux filles, actuellement à Paris – Roxane et Régine pour lesquelles j'ai la plus profonde affection, malgré les faits énumérés plus haut.

Deux mots sur moi, petit-fils de Saltikoff S.

Je suis au Mexique premièrement comme invité culturel de ce gouvernement, mais actuellement en voie de nationalisation (5 ans ici).

J'y vins pour développer certain système d'alphabétisation – problème majeur national. Actuellement je dirige la publicité d'un grand établissement industriel à Mexico, en plus de mon activité comme architecte et décorateur. Je donne aussi de nombreuses conférences se référant généralement à la philosophie Orientale et surtout dernièrement à l'épistémologie et à ses répercussions sur la vision et l'orientation de l'homme moderne.

Je parle français, italien, espagnol, allemand, anglais et russe, bien entendu.

Voilà, chère Madame, une bien longue lettre – excusez mes erreurs dactylographiques et certainement de français après tant d'années et croyez-moi toujours à votre entière disposition pour tout ce qui peut vous être utile en ce domaine, ou en toute autre circonstance.

Permettez-moi à mon tour quelques questions.

Travaillez-vous pour le compte d'éditeurs russes en Russie – dans ce cas ils n'auront aucune difficulté à trouver des manuscrits et des portraits. Ou travaillez-vous pour des éditeurs français?

Êtes-vous maintenant française, comme je le suppose par votre nom?

La jeune personne qui a développé les thèses sur mon grand père, désire-t-elle communiquer avec moi, soit pour des détails au sujet de ses travaux, soit pour, ou par intérêt culturel, au sujet du Mexique ou autre? Dans ce cas assurez-la de mon entier dévouement à ses intérêts.

Finalement, avez-vous besoin de ma photo comme descendant 'ultime' et direct du Maître?

Enfin, je désire vous assurer du fait que toute collaboration de ma part soit à vos travaux, soit à ceux de vos amis, sera toujours gratuite, et empressée.

А. да Пассано
A. da Passano

Dans l'espoir de vous avoir servi à quelque chose dans vos recherches, croyez, chère Madame, à mes sentiments les meilleurs et à mes salutations les plus distinguées.

Votre dévoué

André de Passano.

Sierra Nevada 120.
Lomas de Chapultepec
México D.F. México.

3.

Перевод письма А. да Пассано⁴³

Мехико, 1 сентября <19>56 г.

Дорогая Мадам,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо; не могу передать, как я огорчен тем, что не сумею должным образом содействовать Вашему труду. Постараюсь сделать все, что в моих силах в отношении биографии прямых потомков моего деда; что же касается документов, то я дам Вам исчерпывающие объяснения, почему у меня не сохранилось ни одного автографа, ни одного письма великого писателя.

В 1917 году, а точнее в августе этого года, сразу же после провозглашения русской революции, мы были вынуждены из-за происходившего насилия бежать из Петрограда. У моего отца — маркиза Эжена де Пассано (Да Пассано по-итальянски), являвшегося в течение 27 лет представителем американской компании «Электрик Боут К°», а не военным атташе, был, как и по сей день у меня, итальянский паспорт и отец мог вместе с моей матерью и единственным сыном, который Вам пишет, беспрепятственно пересечь границу.

Мы ехали поездом по Транссибирской железной дороге. Нас сопровождали побросавшие фронт полки вперемешку с некоторым элементом колчаковцев, направлявшихся в родные места, и благодаря им (принимая во внимание их репутацию) были обеспечены снабжение поезда и коллективная безопасность. Остальное просто: Корея, Симоносеки, Токио, затем США, где отец, явившись к своему руководству, получил назначение в Париж, где у Компании была постоянная контора на авеню де ля Бурдонне, 48.

Бегство произошло так поспешно, с одной стороны, а с другой — оптимизм и надежда на скорое возвращение так глубоко укоренились в голове моей матери, что все наиболее важные документы были оставлены в Петрограде, на Миллионной 23, в квартире 17, где, полагаю, советские власти всё и обнаружили, что подтверждается большим портретом Салтыкова, на котором он изображен сидящим со скрещенными на коленях руками, я думаю, работы великого русского художника Репина. Не может быть, чтобы я в данном случае ошибался, потому что в цветном документальном фильме о русских художниках-реалистах конца прошлого века, снятом в музее СССР, который шел в прошлом году в Мехико в театре «Ирис», эту картину

⁴³ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 32–35.

показывали и комментировали. Однако портрет оставался в кабинете моего отца в упомянутой квартире на Миллионной, где он был у меня перед глазами на протяжении моего детства. Идентифицирующая деталь: пальцы левой руки давали повод для критики, и только репутация художника заставляла мириться с их изображением — кажется, что они без костей и висят каким-то странным образом⁴⁴.

А вот ответы непосредственно на Ваши вопросы.

1. Рукописей, как сказано выше, нет никаких. Я вернусь к этому в конце письма.

2. Мама умерла в октябре 1927 г. на улице де ля Бурдонне № 92. Кремация была совершена фирмой Борниоль, а прах находится в Колумбарии Пер-Лашез (напротив входа, возле правого крыла).

Отец — в 1931 г. в Париже.

У мамы была в Петербурге дочь от первого брака с графом Дистерло⁴⁵. Моя единоутробная сестра⁴⁶, о нежности и красоте которой я храню воспоминания, пропала в шквале событий, и только болезненное и отвратительное разделение людей на два враждебных клана помешало мне разыскать ее. Примерно в 1916–1917 гг. она вышла замуж за молодого военного врача тогда еще императорской русской армии по фамилии Каганов. Он был убит до нашего отъезда своими же людьми⁴⁷. Из-за разногласий с моим отцом Тамара (для меня Тата), увлеченная, как все студенты того времени, новыми идеями, ушла от нас — последние известия о ней мы получили на мысе Эль⁴⁸ — Вилла Люмьер, Альп Маритим⁴⁹, в 1927 г. С тех пор ничего.

Я не знаю, сохранились ли у нее какие-либо документы, потому что не знаю, жива ли она. Сообщаю для Вашего сведения, что ей было бы сейчас около 60 лет (на 10 лет больше, чем мне)⁵⁰. Других детей у моей мамы не было.

Разумеется, я говорю по-русски, но в условиях истерической напряженности с обеих сторон современного мира, при любом контакте с СССР я попал бы в черный список и был бы лишен воз-

⁴⁴ Речь идет о портрете работы И.Н. Крамского. В доме находилась копия с портрета Салтыкова, выполненного по заказу П.М. Третьякова, которая была сделана по просьбе писателя [6, с. 254].

⁴⁵ Н.А. Дистерло имел титул барона.

⁴⁶ В оригинале: "ma demi-soeur".

⁴⁷ В биографии Т.Н. Гладыревой, изложенной Э. Гардом и Е.А. Гладыревой, этот факт отсутствует. Однако вряд ли да Пассано в этом случае могла изменить память, разве что он не помнил точно фамилию врача.

⁴⁸ Cap d'Ail — Кап д'Ай (с фр.: чесночный мыс).

⁴⁹ Alpes-Maritimes — Приморские Альпы.

⁵⁰ Тамара была на 7 лет старшего своего брата.

возможности заграничных путешествий или поездок. Вот до чего мы дошли, дорогая Мадам, и я не знаю, что можно еще сказать по этому поводу. Но если бы Вам удалось напасть на след Тамары, уведоьте меня через мою кузину Наташу Марсан; Вы доставили бы мне величайшую радость за многие годы. Не забывайте, что близость границы США и свобода, царящая в Мексике, делают американцев крайне щепетильными ко всяким отношениям с СССР, и мое положение здесь сильно бы пострадало.

Должен сказать также, что у моей матери был брат (достаточно безалаберный, если верить семейным рассказам), которого звали Константин, — единственный сын Салтыкова-Щ. Он остался в России и, по всей вероятности, уже несколько лет как умер.

Теперь мне надо будет, в интересах Вашей работы, коснуться побочного вопроса, не представляющего для Вас прямого интереса, но, тем не менее, существенного.

После маминой смерти, отец сошелся с м-ль Ивонн ХХХ (не помню ее девичью фамилию) и перед смертью в 1931 г. узаконил эту связь.

По понятным причинам, я не жил вместе с отцом, и когда отец скончался, эта молодая особа тотчас опустошила квартиру. Среди предметов, представляющих 64 года жизни семьи⁵¹, находилась фотография моего деда в серебряной рамке с дарственной надписью маме и личные вещи моей матери, также принадлежавшие ее семье (разрезной нож и т. д.).

Всё немедленно исчезло, и я не мог ничего получить обратно. Может быть, вам удастся войти с ней в контакт и что-нибудь получить от нее за деньги, поскольку культурный уровень упомянутой особы, как мне кажется, не позволяет рассчитывать на добровольный дар.

Со своей стороны я сейчас же дам увеличить и вышлю Вам авиапочтой два стереографических снимка мамы, — единственные оставшиеся у меня фотографии, принадлежавшие мне с детства, ибо алчность особы, о которой идет речь, большего не позволила.

Эта особа, в настоящее время — г-жа Ивонна Лажье, живет на улице Коньяк-Же, 14; от моего отца у нее было две дочери — Роксана и Регина, проживающие в настоящее время в Париже, к которым я питаю самую глубокую привязанность, несмотря на факты, приведенные выше.

Несколько слов о себе — внуке Салтыкова-Щ.

⁵¹ Это не вполне понятно. Можно лишь высказать предположение, что началом создания семьи да Пассано считал первое замужество Елизаветы Михайловны, относящееся к 1892 или 1893 г.

В Мексике я нахожусь по приглашению здешнего правительства как деятель культуры, в настоящее время ожидаю получения гражданства (я здесь пять лет). Я прибыл сюда для внедрения программы распространения грамотности, что является важнейшей национальной проблемой. В настоящее время помимо работы архитектора и декоратора я руковожу рекламным отделом крупного промышленного предприятия в Мехико. Я также выступаю с многочисленными лекциями, главным образом по восточной философии, в последнее время, в частности, по вопросам эпистемологии и ее влияния на мировоззрение и ориентацию современного человека.

Я говорю на французском, итальянском, испанском, немецком, английском и, конечно, на русском.

Вот какое вышло длинное письмо, дорогая Мадам. Простите за ошибки во французском языке, неизбежные после стольких лет, уверяю вас в своей готовности быть вам полезным как во всем, что касается интересующей Вас области, так и во всех других обстоятельствах.

Позвольте мне в свою очередь задать Вам несколько вопросов.

Работаете ли Вы на русских издателей в России — в этом случае для них не будет проблем с поисками рукописей и портретов. Или же Вы работаете на французских издателей?

Стали ли Вы уже француженкой, как я предполагаю, судя по Вашей фамилии?

Не желает ли молодая особа, защитившая диссертацию о моем деде, получить от меня непосредственно сведения, касающиеся деталей ее работы, или по общекультурным вопросам о Мексике, возможно, каким-либо еще? В этом случае передайте ей, что я всецело к ее услугам.

Наконец, нужна ли Вам моя фотография как «последнего» и прямого потомка великого писателя?

В завершение смею Вас заверить, что любое мое сотрудничество в Вашей работе, как и в работе Ваших друзей, всегда будет безвозмездным и оперативным.

Прошу Вас, дорогая Мадам, принять мои наилучшие пожелания и уверенность в моих лучших чувствах. В надежде быть полезным в Ваших исследованиях.

Преданный Вам

Андре да Пассано.

Сьерра-Невада 120
Ломас-де-Чапультепек⁵²
Мехико, Мексика

⁵² Ломас-де-Чапультепек (Lomas de Chapultepec) — район в Мехико, возникший в 1920-гг., где жили в основном состоятельные люди.

4.

Письмо С.А. Макашина⁵³

Мексика

Г-ну да Пассано

19 февраля 1960 г.

К Вам обращается литератор, посвятивший много лет изучению жизни и творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина — Вашего великого деда.

Результаты моих исследований изложены в двух книгах биографического характера (1949 и 1958 гг.) и во многих журнальных статьях и публикациях.

Мне хотелось бы задать Вам несколько вопросов, связанных, с одной стороны, с выяснением некоторых обстоятельств личной жизни Салтыкова (о чем Вы могли слышать в семье), а с другой, с розысками тех бумаг и реликвий, которые были увезены дочерью писателя, Вашей матерью, при отъезде из России.

Но я не рискую сейчас писать Вам большое письмо, так как не знаю, не изменился ли Ваш адрес. Я получил его из Парижа, от дочери Плеханова, с указанием, что он уже трехлетней давности.

Если письмо это дойдет до Вас и Вы откликнетесь, я сообщу Вам свои вопросы. Мне было бы приятно прислать Вам мои биографические книги о Салтыкове. Не знаю, однако, найду ли я их у букинистов. В обычных магазинах они давно разошлись.

С уважением

(С. Макашин)

Член Союза писателей СССР, один из редакторов журнала «Литературного наследства»⁵⁴.

5.

Письмо Н.В. Яковлева⁵⁵

О семье Т.Н. Салтыковой-Гладыревой

⁵³ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 39.

⁵⁴ На обороте: Р. С. Мои адреса.

Домашний: Москва Д 80, 2-ая ул. Левитана, д. 2, кв. 173.

Служебный: Москва, Г-19, Волхонка, 18.

Редакция «Литературного наследства».

Сергею Александровичу Макашину (Л. 39 об.).

⁵⁵ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 25.

Еще в 1933–1934 гг., по запросу С.М. Кирова, я представил записку обо всех известных мне родственниках М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В их числе была поименована и его внучка Тамара Николаевна, дочь Елизаветы Михайловны, по ее первому браку с Николаем Николаевичем <sic> Дистрело <sic>.

С Тамарой Николаевной я лично познакомился, когда посетил ее в том месте, где она жила, на станции Красково Казанской ж. д. Она была замужем, носила фамилию Гладыревской, имела детей, работала переводчицей на каком-то заводе.

Все то, что она рассказала мне о своей биографии, вполне совпало с тем, что я слышал о ней от целого ряда других лиц в Ленинграде, до и после моего знакомства с нею:

От личных знакомых ее матери Елизаветы Михайловны Салтыковой-Дистрело-Да-Пассано;

От бывших прислуг ее матери. Имена тех и других могу привести дополнительно, если это окажется нужным.

Посетив в августе прошлого 1953 года Красково, я уже не застал Т.Н. Гладыревскую в живых, но по-настоящему познакомился с ее дочерью Еленой Александровной Гладыревской, которую видел когда-то, в ее детстве. Из того, что она рассказала мне о своей матери, а также о сестре, Софье Александровне, безусловно явствует, что настоящими потомками М.Е. Салтыкова-Щедрина по прямой линии являются в данное время Елена Александровна и Софья Александровна Гладыревские.

(Н. В. Яковлев)

Член Союза Советских Писателей

Старший научный сотрудник Института

Русской Литературы Академии Наук СССР

(Пушкинский дом)

13 мая 1954 г.

Москва

Постоянный адрес: г. Ленинград, ул. Халтурина, д. 24, кв. 20.
т. А. 5.98.68.

6.

Письмо Е.А. Гладыревской⁵⁶

Члену Союза писателей СССР, доктору филологических наук
С.А. Макашину

От Гладыревской Елены Александровны,
проживающей по адресу:
Московская обл. п. Красково, Вокзальная 7

и
Гладыревской Софьи Александровны,
проживающей по адресу:
г. Москва, ул. Ярославская дом 5 кв. 5

ПРОШЕНИЕ

На основании исследованных Вами биографический <было: библиографических, «бли» зач.> данных М.Е. Салтыкова-Щедрина просим подтвердить наши прямые родственные связи с М.Е. Салтыковым-Щедриным по женской линии согласно следующей генеалогической схеме:

М. Е. Салтыков-Щедрин — Е. А. Болтина

Константин Михайлович Елизавета Мих. — Ник. Ник.<sic>
Дистерло

Тамара Ник. 1898 г. — Алекс. Алекс. <sic> Гладыревский

Елена Алекс. — Алекс. Алекс. Серебряков

Тамара 1941 г. Вера 1949 г.

Софья Алекс. — Петр Иванович Казьмин

Валерий 1941 г. Татьяна 1946 г.⁵⁷

⁵⁶ ТГОМ. Тв.М НА. Ф. Р-13. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 26.

⁵⁷ Внизу страницы запись Макашина: Тел. Елены Александр. Гладыревской. Т. 558-72-20.

Список литературы

1. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.
2. Жизнь и призвание доктора И.И. Манухина / сост. А.В. Говядинов. М.: Русский путь, 2015. 552 с.
3. М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий: Материалы научной конференции / ред.-сост. Р.Д. Кузнецова, Е.Н. Строганова. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1996. 287 с.
4. Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография. М.: Худож. лит., 1989. 527 с.
5. Мемуары С.А. и М.А. Унковских о М.Е. Салтыкове / вступ. статья, публ. и коммент. М.В. Строганова // Щедринский сборник. Тверь: СФК-офис, 2009. Вып. 3 / науч. ред. Е.Н. Строганова. С. 143–206.
6. Переписка И.Н. Крамского. И.Н. Крамской и П.М. Третьяков. 1869–1887: в 2 т. М.: Искусство, 1953. Т. 1. 460 с.
7. Салтыков К.М. Интимный Щедрин. Воспоминания сына писателя / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М.В. Строганова. Талдом: Перо, 2019. 92 с.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1971.
9. Шляхина В.Г. О чувашской организации социалистов-революционеров Казанского округа // Чувашский национальный музей: Люди. События. Факты (1993–2000): Сборник статей, посвященных 80-летию музея / отв. ред. О.Г. Кульев. Чебоксары: ЧНМ, 2001. С. 45–53.
10. Luerti Angelo. Vita di Andrea da Passano, in arte Endré // Charta. 2014. № 131. P. 60–65.
11. Sanine Kyra. Saltykov-Chtchedrine, sa vie et ses oeuvres, par Kyra Sanine. Paris: Institut d'etudes slaves de l' Universite de Paris, 1955. 358 p.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2020

Одобрена после рецензирования: 01.05.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Materials on M.E. Saltykov-Shchedrin's Descendants from S.A. Makashin's Archive

© 2020. Evgenija N. Stroganova

A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Abstract: The publication introduces materials on M.E. Saltykov-Shchedrin's descendants from S.A. Makashin's archive. By now there has been available basic biographical information about Konstantin Mikhailovich, the writer's son and the author of the famous memoir *Intimate Shchedrin* (1923) negatively assessed by Soviet literary critics. Even less information survived on the writer's daughter Elizaveta Mikhailovna, Baroness Disterlaut in her first marriage, Countess Da Passano in her second marriage. She hadn't left memoirs about her father and therefore hasn't become an object of interest for scholars. Materials from Makashin's archive specify some biographical data and stir up an interest in the personality of the writer's daughter. However it is the materials about her children, Tamara Nikolaevna Disterlaut (Gladyrevskaia in her second marriage), and Andrei Evgenievich Da Passano, that are of special interest. A part of the unpublished work by E. Gard, a journalist, appears in print for the first time: in 1934 he came to Kraskovo (Moscow region) and met the writer's grand-daughter. Further information about T.N. Gladyrevskaia is given in the memoir written by her daughter Elena Aleksandrovna Gladyrevskaia and in the online materials about the victims of Stalinist repressions. Saltykov's granddaughter was arrested in 1938; later her children were told that their mother had died in 1945; in fact, she was executed at Butovo Shooting Range soon after her arrest. The writer's grandson left Russia together with his parents in 1917. His letter to G.V. Plekhanov's daughter is published: he writes about his parents and himself. Information about A. Da Passano is specified thanks to the data available online (websites devoted to Italian comics creators and American esoteric scientists). He lived a long life rich in the events, and died in the USA in 1933.

Keywords: literary archive, biography, genealogy, S.A. Makashin, M.E. Saltykov-Shchedrin.

Information about the author: Evgenija N. Stroganova, DSc in Philology, Professor, A.N. Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya 33, 117997 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>. E-mail: enstroganova@yandex.ru

For citation: Stroganova, E.N. "Materials on M.E. Saltykov-Shchedrin's Descendants from S.A. Makashin's Archive." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 237–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-237-264>

References

1. Ganin, A.V. *Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoi voyny 1917–1922 gg.: Spravochnye materialy* [*Corps of General Staff Officers During the Civil War of 1917–1922: Reference Materials*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. 895 p. (In Russ.)
2. *Zhizn' i prizvanie doktora I.I. Manukhina* [*Life and Mission of Doctor I.I. Manukhin*], comp. A.V. Goviadinov. Moscow, Russkii put' Publ., 2015. 552 p. (In Russ.)
3. Kuznetsova, R.D., and Stroganova, E.N., editors. *M.E. Saltykov-Shchedrin v zerkale issledovatel'skikh pristrastii: Materialy nauchnoi konferentsii* [*M.E. Saltykov-Shchedrin in the Mirror of Research Preferences: Materials of the Scientific Conference*]. Tver', Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1996. 287 p. (In Russ.)
4. Makashin, S. *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875–1889: Biografiia* [*Saltykov-Shchedrin. Last Years. 1875–1889: Biography*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. 527 p. (In Russ.)
5. Stroganova, E.N., editor. “Memuary S.A. i M.A. Unkovskikh o M.E. Saltykove” [“S.A. and M.A. Unkovsky's Memoirs about M.E. Saltykov”]. *Shchedrinskii sbornik* [*Shchedrin Collection*]. Tver', SFK-ofis Publ., 2009, pp. 143–206. (In Russ.)
6. *Perepiska I.N. Kramskogo. I.N. Kramskoi i P.M. Tret'iakov. 1869–1887: v 2 t.* [*Correspondence of I.N. Kramskoy. I.N. Kramskoy and P.M. Tretyakov. 1869–1887: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1953. 460 p. (In Russ.)
7. Saltykov, K.M. *Intimnyi Shchedrin. Vospominaniia syna pisatel'ia* [*Intimate Shchedrin. The Writer's Son's Memoirs*], ed., introd. and comm. by M.V. Stroganov. Taldom, Pero Publ., 2019. 92 p. (In Russ.)
8. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [*Collected Works: in 20 vols.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. (In Russ.)
9. Shliakhina, V.G. “O chuvashskoi organizatsii sotsialistov-revoliutsionerov Kazanskogo okruga” [“On Chuvash Organization of Revolutionary Socialists in Kazan Region”]. *Chuvashskii natsional'nyi muzei: Liudi. Sobytiia. Fakty (1993–2000): Sbornik statei, posviashchennykh 80-letiiu muzeia* [*Chuvash National Museum: People. Events. Facts (1993–2000). Collection of Articles for the 80th Anniversary of the Museum*], ex. ed. O.G. Kul'ev. Cheboksary, ChNM Publ., 2001, pp. 45–53. (In Russ.)
10. Luerti, Angelo. “Vita di Andrea da Passano, in arte Endré.” *Charta*, no. 131, 2014, pp. 60–65. (In Italian)
11. Sanine, Kyra. *Saltykov-Chchedrine, sa vie et ses oeuvres, par Kyra Sanine*. Paris, Institut d'etudes slaves de l' Universite de Paris Publ., 1955. 358 p. (In French)

The article was submitted: 13.02.2020

Approved after reviewing: 01.05.2020

Date of publication: 25.09.2020

И.С. Тургенев в восприятии М.А. Алданова

© 2020, В.В. Шадурский

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются разные аспекты восприятия личности и творчества И.С. Тургенева Марком Алдановым. Тургеневская рецепция в творчестве Алданова изучена в диахроническом плане: от упоминания персонажей романов «Рудин» в публицистической книге «Армагеддон» до рецензий на издания сочинений Тургенева в эмигрантской печати и критических оценок в философских диалогах «Ульмская ночь». Исследуются причины алдановской иронии в отношении некоторых произведений Тургенева, называемых «шоколадной фабрикой». Алданов пытается быть объективным, аргументированным критиком, при этом недостатки стиля Тургенева он соотносит с достоинствами стиля Л.Н. Толстого. Вместе с тем Алданов переживает «неудачи» Тургенева, высоко оценивая его как писателя из пятерки лучших авторов «золотого» века русской литературы, как оригинального европейского интеллектуала. Алданов упоминает Тургенева в публицистике, критике, переписке, использует тургеневские мотивы, цитаты в своей художественной прозе. В статье дана характеристика романов «Повесть о смерти», «Бред», «Самоубийство», в которых тургеневская биография, образы произведений Тургенева встраиваются в жизнь вымышленных персонажей Алданова. Доброта, нравственность героев тургеневских произведений, деликатность художественного слова писателя входят в нравственный мир персонажей романов Алданова, который почти 40 лет цитировал произведения и письма Тургенева, использовал образы его романов и повестей для выражения собственной эстетической оценки.

Ключевые слова: рецепция; цитата; М.А. Алданов; А.С. Пушкин; И.С. Тургенев; А.И. Герцен; Л.Н. Толстой.

Информация об авторе: Владимир Вячеславович Шадурский — кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Большая Санкт-Петербургская ул., д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>. E-mail: shadvlad@mail.ru

Для цитирования: Шадурский В.В. И.С. Тургенев в восприятии М.А. Алданова // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 265–280. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-265-280>

Если бы у современного писателя все дела оказались «в шоколаде», — это, наверное, следовало бы признать успехом. Но что значит, когда наследие классика литературы называют «шоколадной фабрикой»¹? Возникает желание разобраться с создателем такого нелюбимого ярлыка. Какое он имел право так отзываться о творчестве великого И.С. Тургенева?

Для того чтобы понять эту ситуацию, нужно обратиться к литературно-критическому и художественному творчеству М.А. Алданова. Рецепция творчества Тургенева в прозе Алданова имела ряд особенностей.

Наравне, впервые Алданов цитирует, использует образы Тургенева в публицистической книге «Армагеддон» (1918). Автор писал о революции, о Первой мировой войне, казалось бы, чем ему может быть полезно творчество «либерального» Тургенева? Но ведь и «либеральный» Тургенев не чуждался проблем революции: его Рудин погибает на баррикаде, а общение с А.И. Герценом, П.Л. Лавровым и Г.А. Лопатиным достойно не только филологического, но и политологического изучения. Итак, что же из наследия Тургенева отразилось в первом публицистическом сборнике Алданова?

Саркастически отзываясь о фанатичных революционерах и корыстных политиках, Алданов вспоминает тургеньевских персонажей, нравственная чистота которых контрастирует с моральным обликом деятелей истории. Так, Талейран, один из самых нечистоплотных политиков времен Великой французской революции, «оставил после себя мемуары такой голубиной чистоты, точно их писала тургеньевская Лиза» [1, с. 13]. О праведном суде потомков над историческими событиями помогают вспомнить персонажи романа «Рудин»: «В сущности, вы принадлежите к породе людей, которых французы называют “неудавшиеся идеалисты”. Рудин, прельщенный философией Пигасова, истинно говорю вам, — надо подождать беспристрастного приговора истории» [1, с. 48].

С иронией вспоминает Алданов и письмо Тургенева к А.И. Герцену (23 октября (4 ноября) 1862, Париж), а именно слова о Шопенгауэре. «“Шопенгауэра, брат, надо читать, Шопенгауэра”², — советовал Тургенев Герцену. Того Шопенгауэра, который, умирая, оставил большую часть своего состояния солдатам, восстановившим “порядок” в 1848 г. А меньшую часть — своей собаке» [1, с. 54]. Можно ли

¹ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 413.

² Алданов цитирует письмо, выпустив одно слово: «Шопенгауэра, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауэра» [9, т. 5, с. 124].

всерьез отнестись к рекомендации Шопенгауэра, поступки которого вызывают удивление у здравомыслящих людей? Соответственно, и советы Тургенева о необходимости читать этого немецкого философа признаются романтической утопией.

Алданов удивляется, как фигуры бурной общественно-политической жизни России на страницах русской литературы и, в частности, прозы Тургенева превращаются в образы людей без воли и энергии; почему именно эти образы называют подлинными русскими «типами»: «“Несчастливая русская обломовщина...”. Обломов — русский, но разве не русский Желябов? Любопытно, что прототипом “безвольного” Рудина послужил Тургеневу Бакунин, человек больших дел...» [1, с. 70].

По мнению Алданова, «провидческая» сила Тургенева не имела никакого сверхъестественного происхождения и потому была необыкновенно точна: «Тургенев, вообще говоря, мало предсказывал и неохотно проповедовал, но почти всегда хорошо, потому что и предсказывал, и проповедовал он самые элементарные вещи, вроде ученье — свет, а неученье — тьма. Может быть, именно поэтому он у нас в России почитался оригиналом и европейцем» [1, с. 95].

Живя в Париже и работая в журнале «Современные записки», Алданов мог печататься как в основном отделе прозы и статей, так и в отделах «Критика и библиография» (см.: [11]), «Культура и жизнь». Редакция, зная об эрудиции писателя и его способности раскрывать себя в разных жанрах, использовала эти его качества.

Неудивительно, что первый алдановский материал о Тургеневе появился в жанре рецензии³, которая была опубликована в отделе «Критика и библиография». Алданов писал, как книгоиздатели за рубежом недооценивали интерес к русской классической литературе. К таким бесперспективным авторам, «несозвучным эпохе», ошибочно относили и Тургенева, однако десяти томное собрание сочинений, которое появилось в Риге, стало уже третьим изданием Тургенева для русской эмиграции. Алданов высоко оценивает не только внешний вид книг, но и полноту содержания, ведь в собрание вошли малоизвестные художественные произведения. Более того, напоминание П. Трубникова о 150 еще неизданных рукописях Тургенева служит мотивацией для публикации этих произведений писателя. Алданов не сравнивает талант и значение Тургенева с недостижимой величиной

³ Алданов М.А. [Рец. на: Тургенев И.С. Полное собрание художественных произведений: в 10 т. Рига: Жизнь и культура, 1930] // Современные записки. 1931. Кн. 46. С. 508–510.

в литературе — Л.Н. Толстым, но «гордиться Тургеневым Россия, конечно, будет всегда с полным правом»⁴.

На этом достаточно благодушном фоне резко выделяется статья, в которой говорится о «литературном шоколаде» в творчестве Тургенева⁵, — статья, которая в принципе не должна была появиться на свет. В ее подзаголовке автор даже как будто извиняется за невозможность создать целостный очерк о Тургеневе, и поэтому нужно понять, с какой целью и в каком контексте этот материал оказался опубликованным.

Дело в том, что в 53-м номере «Современных записок» за 1933 г. публикаций Алданова о Тургеневе не планировалось. Но вышло так, что Алданов не успел дать в этот номер ожидаемый отрывок из романа, и поэтому редактор В.В. Руднев предложил ему написать рецензию на какой-либо советский роман. Но и тут Алданова подстерегала неприятность: устав критиковать советских авторов, он запросил книжку, как писал М.В. и М.А. Вишнякам, «которую бы мог похвалить». Руднев посоветовал роман Шолохова «Поднятая целина», Алданов ознакомился с ним и вышел из себя: «совершенная макулатура», «гнусное подхалимство». В итоге рецензия не могла быть написана, и Алданов в спешке передал в редакцию «вместо нее статью о Тургеневе» [8, с. 61]. Соответственно, статья оказалась не выверенной и не совсем завершенной, хотя известно, что педантичный Алданов даже для отдела «Критика и библиография» не просто писал рецензии на книги, но создавал цельные очерки о писателе и его творческом пути. В письме к Рудневу от 8 сентября 1933 г. Алданов сообщает о характере статьи о Тургеневе и, называя ее «для отдела статей слишком незначительной», просит опубликовать в отделе «Культура и жизнь». Он обращает внимание, что статья составлена «в форме отдельных заметок, разделенных посредством тире» [8, с. 60]. Действительно, есть 8 таких тире, разделяющих текст на 9 частей. В посмертном книжном издании [4, т. 6, с. 460–467] эта статья разделена на части с помощью пропуска строк и визуально воспринимается более цельной.

Итак, мы обратили внимание, что подзаголовок статьи Алданова обещал некую фрагментарность — «Несколько заметок». Но вместе с тем она обладает внутренней цельностью и выстроенной композицией: начинается статья характеристикой философско-политических взглядов Тургенева, высказанных им в письме к Герцену, продол-

⁴ Там же. С. 509.

⁵ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 412–417.

жается оценкой публицистических идей в тургеневских романах и обзором литературы о Тургеневе, в том числе упоминанием книги Б.К. Зайцева. Алданов рассуждает о превратности писательской славы, об изменении отношения потомков: от восторженного восхваления до развенчания. Как и в других литературно-критических работах, Алданов-исследователь в основном не выходит за рамки подходов культурно-исторической школы. При этом он показывает зависимость восприятия писателя от той эпохи, к которой принадлежит читатель: «Время наше элементарное, но катастрофическое, а он катастроф терпеть не мог: немудрено, что его у нас меньше читают, чем в Англии»⁶.

Алданов называет Тургенева «большим художником и очень умным человеком», а «достоинства его произведений» «признанными и очевидными». Вместе с тем большая часть статьи посвящена перечислению недостатков автора «Рудина». В этих «заметках» Алданов выступает начитанным и придирчивым читателем, обращающим скрупулезное внимание на стиль любимого писателя. Тургеневу достается за повести «Клара Милич», «Фауст». «Ненужные страницы» обнаруживаются в рассказе «Первая любовь», а в романе «Отцы и дети» «не удались» четыре персонажа. Свою позицию Алданов обозначает в деликатной фразе: «...невольно ловишь себя на повышенном внимании к недостаткам», главным же среди них он называет «легкую слабость к литературному шоколаду»⁷.

Что может скрываться на этой метафоре, которую мог позволить себе только весьма смелый литературный критик? Эта фраза намекает на сентиментальную слащавость и в целом — на искусственность какого-то литературного приема. Признаки «литературного шоколада» Алданов обнаруживает в заглавиях «Новь», «Вешние воды», в построении фраз в «Фаусте», в образах героев «Первой любви». И вот что интересно: в тех же фрагментах, где характеризуются изъяны прозы Тургенева, Алданов описывает и недостатки прозы Льва Толстого, но всякий раз объясняет и оправдывает эти недостатки. Так, по мнению Алданова, заглавие «Власть тьмы» «в звуковом отношении ужасно», однако в большинстве своих заглавий Толстой делает нечто, отчего «слова эти приобретают у нас новый звук»⁸. Заглавие «Клара Милич» тоже звучит неестественно, что отчасти обусловлено искусственностью всего содержания произведения.

⁶ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 413.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

И даже книгу Бориса Зайцева о Тургеневе Алданов упоминает не затем, чтобы опереться на авторитетное мнение и как-то его дополнить; напротив, он оспаривает «исключительно высокую оценку» «известной поэмы» «Клара Милич».

С одной стороны, принципы его критики напоминают культурно-историческую школу, с другой стороны, эстетическую критику В.Г. Белинского, соединявшего эстетическую оценку с историческим подходом к произведениям. Иначе не понять, почему Тургенев, ищущий новую форму, назван «не нашедшим ее» (множество «стилистических приемов теперь режущих слух»), почему его «поймали» на избыточных повторах, на многословии, почему сравнение начала «Клары Милич» с первыми фразами «Пиковой дамы» показывает, «как за пятьдесят лет ушло назад искусство символического рассказа»⁹. Более того, Алданов приводит финал пушкинской повести как образец ритма, краткости и емкости фразы в упрек Тургеневу. А слова о Полине Виардо сопровождаются своеобразным реальным комментарием: «Едва ли умирающий старик хотел тут сделать рекламу бывшей певице». В то же время суждения Алданова не категоричны, высказывания даны в мягкой форме: «вполне возможно», «не очень удался», «стиль его недостаточно наивен». И даже те произведения Тургенева, где обнаруживаются неубедительные приемы, оцениваются высоко по тому лучшему, что в них есть. «Первая любовь» — написана «с удивительным совершенством», некоторые персонажи «Отцов и детей» — «сделаны изумительно». В целом художественные неудачи Тургенева Алданов объясняет тем, что автор «Отцов и детей» постоянно искал новые формы для выражения богатого содержания и в этом поиске мог ошибаться, что вполне естественно для первопроходца. Алданов не использует термины, обозначающие литературные направления: *романтизм* или *реализм*. Но по его логике, ошибки Тургенева можно было бы отнести к своеобразным и довольно искусственным проявлениям романтизма. И хотя на многих страницах Тургенева гораздо «больше искусства и поэзии», чем на страницах Достоевского, он — «самый неровный из всех классических русских писателей»¹⁰.

И вместе с тем сам Алданов оказывается непоследовательным в оценках, ведь выбранный им способ сопоставления стилистических приемов писателей можно назвать «нерелевантным», потому что слабые в художественном отношении «места» тургеневского стиля он соотносит с наиболее удачными приемами Пушкина и Толстого.

⁹ Там же. С. 414.

¹⁰ Там же. С. 417.

Алданов пытается быть объективным, аргументированным критиком. Даже то неприятие «Войны и мира», которое выразил Тургенев после прочтения первой части романа, объясняется не завистью или злостью, а простым консерватизмом: «...не сразу мог принять революцию в искусстве такой большой художник, как он». При всей субъективности и эмоциональности Алданов пытается понять позицию автора, старается передать его точку зрения: «Однако “внутренний голос”, верно, всё громче ему твердил: “Да, то, то самое...”»¹¹ Неадекватная оценка Толстого называется драмой. Критик словно переживает за Тургенева, близко воспринимая его эмоции.

Завершается статья обобщением всего ранее написанного Алдановым о Тургеневе и обозначением критерия оценки: «Надо ценить больших писателей по тому лучшему, что они дали», а также традиционным риторическим приемом — ссылкой на авторитетное мнение: «Совершенно справедливо говорит Б.К. Зайцев, что “в золотом веке нашей литературы место Тургенева в числе четырех-пяти первых”»¹². Субъективность Алданова превращает его литературно-критические работы в художественное эссе, в художественно-документальную прозу.

В книге «Ульмская ночь» (1953) [4, т. 6, с. 141–438], построенной в виде философского диалога А. и Л., имя Тургенева звучит не раз. Алдановские собеседники вспоминают даже о фактах литературной жизни, связанных с Тургеневым и описанных уже в советской научной литературе. Это в определенной степени характеризует и любознательную пытливость автора: ведь достать советские издания в условиях эмиграции было достаточно трудно.

В «Диалоге о случае в истории» Алданов приводит слова Б.М. Маркевича из письма к Тургеневу от 9 декабря 1868 г. о «кадетски-наглой в невежестве своем фигуре Льва Толстого, постоянно выталкивающей рыло из-за его дивно-художественного несознательного таланта» [4, т. 6, с. 225], — и называет эту оценку — «очевидно, именно по поводу “Войны и мира”» — «бесстыдной» [4, т. 6, с. 225]. Герой Алданова доверчиво повторяет опечатку, допущенную в тексте этого письма в издании 1935 г.¹³ Ни о каких кадетах в 1868 г. речи быть не могло. Но «детски-наглая... фигура» Толстого превратилась в актуальную для нового времени «кадетски-наглую». Возможно, что

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ И.С. Тургенев. Из неизданной переписки с Б.М. Маркевичем и А.П. Философовой / Публикация писем П. Устимовича; предисловие и комментарии Н.М. Мендельсона // Звенья. М., 1935. Т. V. С. 295.

Алданов, цитируя советское издание, разглядел опечатку, но сохранил ее для своей книги, чтобы от имени персонажа позлорадствовать над Маркевичем, приложившим немало усилий для разрушения репутации Тургенева.

В другом эпизоде участник диалога А. оценивает стихи из тургеневской «Нови», причем именно по степени отражения реальности, то есть с позиции культурно-исторической школы: «А “Сон” Нежданова в тургеневской “Нови”: “Всё, всё по-прежнему... И только лишь в одном — Европу, Азию, весь свет мы перегнали... — Нет, никогда еще таким ужасным сном — Мои любезные соотчичи не спали! — Всё спит кругом: везде, в деревнях, в городах, — В телегах, на санях, днем, ночью, сидя, стоя... — Купец, чиновник спит, спит сторож на часах, — Под снежным холодом — и на припеке зноя! — И подсудимый спит — и дрыхнет судия; — Мертвó спят мужики: жнут, пашут — спят, молотят — Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья... — Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят! — Один царев кабак — тот не смыкает глаз; — И штоф с очищенной всей пятерней сжимая, — Лбом в полюс, упершись, а пятками в Кавказ, — Спит непробудным сном отчизна, Русь святая...” Стихи, скажем правду, не только довольно плохие, но и довольно лживые. Написаны они после того, как в течение пятнадцати лет в России осуществлялись почти беспримерные по размаху реформы; таких было мало и в европейской истории и уж наверно не было со времен Петра — в русской. Темп русской жизни, даже и во вторую половину царствования Александра II, был во всяком случае более быстрый, чем в Англии, в Германии, в Австрии, и если не Нежданов, то сам Тургенев, проживший полжизни за границей, мог это знать. Но он высказал общее место, господствовавшее тогда в его кругу» [4, т. 6, с. 268]. Цитата из тургеневской повести приведена точная, с той лишь разницей, что границы стихов обозначены тире (ср.: [10, т. 9, с. 329]). Но надо понимать, что алдановский герой критикует не Тургенева, а его персонажа Нежданова. Избегая отождествления автора и героя, переноса ответственность за «лживость» стихов на Нежданова, Алданов смягчает свою точку зрения на необъективного писателя.

В «Диалоге о русских идеях» собеседник А. вспоминает письмо Тургенева к К.С. Аксакову от 16 (28) января 1853 г.: «Тургенев писал когда-то Константину Аксакову: “Всякая система — в хорошем и дурном смысле слова — не русская вещь; всё резкое, определенное, разграниченное нам не идет”» [4, т. 6, с. 333]. Чуть ниже говорится о категорическом императиве Тургенева: «Впрочем, Тургенев в “Гамлете и Дон-Кихоте” пишет как что-то само собой

разумеющееся: “Все люди живут — сознательно или бессознательно — в силу своего принципа, своего идеала, то есть в силу того, что они почитают правом, красотой, добром”¹⁴. Тут уже есть и некоторое преувеличение: едва ли где бы то ни было “все люди” — или хотя бы только люди высокой культуры — так-таки *живут* ради красоты и добра. Но самые замечательные мыслители России (конечно, не одной России) в своем *творчестве* руководились именно добром и красотой» [4, т. 6, с. 334].

Собеседники в «Ульмской ночи» воспринимают идеи, поступки Тургенева не изолированно, а в соотношении с поступками и высказываниями его современников. Один из них вспоминает знаменательный отзыв Герцена после письма Тургенева к Александру II: «Корреспондент нам говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она “прервала все связи с друзьями юности”» [4, т. 6, с. 351]. Это почти точная цитата из статьи 1864 г. «Сплетни, копоть, нагар и пр.»¹⁵, которую Герцен поместил в «Колоколе», публично проявив нетерпимость к поступку старого друга. Однако участник диалога А. в духе Алданова смягчил ситуацию, «не украшавшую ни Герцена, ни Тургенева» [4, т. 6, с. 352], и объяснил истоки этой ситуации не политическими разногласиями, а личной обидой писателей.

Диалогичность композиции книги «Ульмская ночь» позволяет Алданову высказываться с разных позиций о разных сторонах жизни Тургенева. Алдановский резонер А. рассуждает о том, что «среди больших людей русского искусства были в немалом числе и люди неверующие», и, ссылаясь на материалы Б. Садовского, говорит об отношении Тургенева к вере: «Тургенев, например, незадолго до смерти, высказал Полонскому мысли, проникнутые самым безнадежным материализмом; он не верил в будущую жизнь, в бессмертие души» [4, т. 6, с. 354]. Отметим, что А. в своей реплике смягчил текст Садовского, переставив слова местами и убрав частицы *ни*¹⁶. Однако

¹⁴ В цитате у Алданова опечатка; правильно: «правдой, красотой, добром» [10, т. 5, с. 331].

¹⁵ Ср.: «Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она прервала все связи с друзьями юности» [5, с. 36].

¹⁶ Ср.: «Он не верил ни в будущую жизнь, ни в бессмертие души и незадолго до смерти высказывал Полонскому свои мысли, проникнутые самым безнадежным материализмом» (Садовской Б. Иван Сергеевич Тургенев // Русский архив. 1909. Кн. I. Вып. I–IV. С. 627).

главное не это, а то, что Алданов использует это свидетельство Садовского, вполне доверяя ему. Вместе с тем даже редактор журнала П. Бартенев счел необходимым сопроводить публикацию деликатным комментарием: «Собранные здесь (из печатных показаний) неприглядные черты, конечно, не должны иметь отношение к словесному дарованию И.С. Тургенева...», а «загадку несоответствий» предложил поискать «в корнях», «в первоначальной обстановке и воспитании писателя»¹⁷.

Алданов показывает, насколько традиционным и «европеизированным» был у Тургенева выбор героев действия: «Классические русские писатели обычно вливали в жилы “людям силы и действия” иностранную кровь. Тургенев выбрал болгарина Инсарова, Гончаров немца Штольца, Чехов немца или шведа фон Корена, Лесков швейцарца Рейнера и поляка Ярошинского. Базаров исключение, да его действие волей судьбы и не началось...» [4, т. 6, с. 371]. Ко всему прочему, и сам Тургенев в числе других писателей был отнесен к умеренным людям, «без малейших признаков бескрайности». Но так сложилось, что даже об этой маленькой детали Алданову пришлось спорить после публикации «Ульмской ночи». Г.В. Адамович, прочитав том философских диалогов, в письме от 17 марта 1954 г. сообщил, что хотел бы исписать всю алдановскую книгу вопросами, и не удержался от того, чтобы не выразить свое несогласие «насчет отсутствия “бескрайности” в русской культуре». В письме к Алданову критик был категоричен: «Конечно, с Вами и за Вами Пушкин, но только он один из “вершин”, п<отому> что Тургенев все-таки не в счет» [7, с. 406]. Однако Алданов в ответном письме от 19 марта 1954 г. настаивал на своем суждении [7, с. 409].

Тургенев «пригодился» Алданову и в дальнейших суждениях: в письме к Адамовичу от 24 ноября 1956 г., иронизируя по поводу мнения Ольги Форш (речь об ударении в фамилии Достоевский на втором слоге), он цитирует сатиру «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») 1846 г. Просодия этого известного стихотворения не позволяет Алданову поверить в версию звучания фамилии, изложенную Ольгой Форш: «Едва ли это верно, — сужу по стиху Тургенева: “Достоевский, юный пыщ”» [7, с. 472]. Эта сатира со строкой «Достоевский, милый пыщ...» [10, т. 1, с. 332] написана совместно Некрасовым и Тургеневым [10, т. 1, с. 544]. Алданов же знал его, возможно, по воспоминаниям Я.П. По-

¹⁷ П.Б. [Примечание ред. к ст. Б. Садовского «И.С. Тургенев»] // Русский архив. 1909. Вып. I–IV. С. 629.

лонского, на что указывает и эпитет *юный*, неизвестный в авторизованных списках [6, с. 370].

Алданов упоминал Тургенева не только в критических и публицистических сочинениях и в переписке; тургеньевские мотивы, цитаты он использовал и в художественной прозе.

В «Повести о смерти» (1950–1953) Алданов изобразил просвещенного купца, книготорговца Тяньку, который не только знает иностранные языки и пишет комические стихи, но и пару раз видел Лермонтова, знаком с Тургеневым. Таким образом, тургеньевская биография как бы совмещается с жизнью вымышленных персонажей. Тянька знает Тургенева не как великого писателя, а как талантливого, но весьма дерзкого молодого автора, подающего большие надежды: «...я в Питере познакомился прошлого года с начинающим писателем Тургеневым. С тем, что написал поэму “Поп” ...она нигде не появилась и никогда не появится. Я в списке читал...» [2, с. 64]. Тянька не только любознательный читатель, он тонкий знаток литературы, например, советует своему другу: «...прочти в первой книге “Современника” его же рассказ “Хорь и Калиныч”. Недурно. Так вот, брат, этот самый Тургенев, или он, кажется, Тургенев-Лутовинов, говорил при мне, что все русские писатели совершенно не умеют писать женщин» [2, с. 64]. Такая приближенность к великому писателю делает его образ — почти «домашним»; таким же приемом воспользуется Алданов и в романе «Истоки», познакомив другого вымышленного героя М.Я. Чернякова с Достоевским.

Алданов применяет тургеньевское «слово» и в романе «Бред» (1952–1955). Главная героиня Наташа любит читать Тургенева, живет его образами. Ее возлюбленный, шпион Шелль, напротив, Тургенева не любит. Вместе с тем Шелль как человек образованный, эрудированный, выросший на русской литературе, творчество Тургенева знает очень хорошо и тоже мыслит тургеньевскими образами и ассоциациями. Тургеньевские цитаты герои Алданова используют для построения своих фраз. Шелль говорит о себе: «Я человек без рода и племени, вечный повсеместный “*sale étranger*”. И вдобавок предельный эгоист, “со всех сторон окруженный самим собой”, как говорил Тургенев. Точнее я *был* таким» [2, с. 608]. Получается, что Шелль не любит, но хорошо знает Тургенева и цитирует его стихотворение в прозе «Эгоист»: «Не ведая за собой ни малейшей слабости, он не понимал, не допускал ничьей слабости. Он вообще никого и ничего не понимал, ибо был весь, со всех сторон, снизу и сверху, сзади и спереди, окружен самим собою» [10, т. 10, с. 156]. А потом герой Алданова, еще не поверивший в то, что может влюбиться, иро-

низирует над своим чувством. «Он любил элегантных женщин и не мог понять, как влюбился в Наташу. “Тяжелая страсть!” — объяснял он себе. Ему нравились такие слова, и он почти сожалел, что они тут совершенно не подходили: ничего “тяжелого” в его новой страсти не было» [2, с. 455]. Это определение восходит к характеристике любви Базарова к Одинцовой в романе Тургенева «Отцы и дети»: «...это страсть в нем билась, сильная и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» [10, т. 7, с. 98]. Далее Шелль, желая обрести духовный контакт со своей возлюбленной, дарит ей произведения Тургенева: «...я привез тебе маленький подарок. Нашел у букиниста старое издание Тургенева». Наташа отвечает: «Я ужасно люблю Тургенева. “Вешние воды” и “Первая любовь” — это самые любимые мои книги!» [2, с. 499]. Кстати, именно «Первую любовь» и «Вешние воды» Алданов критиковал в статьях 1930-х гг. [2, с. 574]. Но насильно полюбить писателя невозможно. В этом и ощущается не просто различие интересов героев, но и различие в духовных потребностях: «Иногда по вечерам он читал ей вслух. Тургенева читать решительно отказался; к огорчению Наташи, не любил этого писателя» [2, с. 659]. В свою очередь, Наташа проявляла деликатность и не насаждала чтение Тургенева: «Когда Шелля не было дома, Наташа работала над диссертацией или читала Тургенева» [2, с. 617]. Читала без него, чтобы не раздражать.

Шелль ловит себя на ассоциации с тургеневскими героями: под влиянием «тургеневской девушки» Наташи и неожиданно для себя самого, он переживает «духовное возрождение человека». А Наташа пытается оценить взаимоотношения с Шеллем и себя как женщину с помощью образа «тургеневской девушки». После свадьбы она спрашивает у Шелля: «А ты меня любишь? Правда? Как кто? Как Лаврецкий Лизу? Как Санин Джемму? Я отлично знаю, что мне до них, как до звезды небесной!..» [2, с. 561]. Персонажи романа «Дворянское гнездо» и повести «Вешние воды» не дают покоя Наташе, очень скромной и в то же время стремящейся к возвышенному идеалу. И действительно, нравственная Наташа разрушает эгоизм самовлюбленного Шелля, за душой которого не одно убийство, она передает ему импульс жертвенности, веру в добро. В одном из кульминационных эпизодов Наташа цитирует повесть «Фауст»: «Вот ты Тургенева не любишь, а он сказал: “Кто знает, сколько каждый живущий на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти? Да, сколько он таких семян оставил! Я — никто, но даже я, быть может, оставлю одно. В тебе...» [2, с. 660–661]. Алданов, как и его Шелль, не любил тургеневского «Фауста»: «...весь

этот «Фауст» — из шоколадной фабрики Тургенева»¹⁸, — сентиментально-слащавые образы с «искусственной жизнью» были ему не по душе.

Тургеневские ассоциации свойственны и другим героям. Так, советский разведчик, полковник № 1 воспринимает Шелля следующим образом: «Полковник *хотел бы* чувствовать к нему гадливость, но не чувствовал. *Хотел бы*, чтобы у него был, например, тонкий, писклявый голос, как у некоторых других людей огромного роста, как у Бисмарка, у Тургенева¹⁹; но голос у Шелля был самый обыкновенный, впрочем, скорее неприятный» [2, с. 450].

Несмотря на «высокодуховные» тургеневские аллюзии, Алданов иронизирует. Так, Наташа вспоминает рассказ «Два приятеля»:

« — В той книге Тургенева, которую ты мне подарил, героиня называется Эмеренция Калимоновна.

— Да, Тургенев находил, что это очень остроумно» [2, с. 574].

В романе «Самоубийство» (1956–1957) Алданов сопоставляет ситуацию с эпизодом из «Дневника лишнего человека» Тургенева. Травников с улыбкой отзывается о лекции Ласточкина, удивительным образом утвержденного большевиками на должность приват-доцента: ««содержания оной не одобрил», как говорится у Тургенева...» [3, т. 6, с. 385]. Травников почти дословно цитирует отзыв незнакомца о рассказе лишнего человека [10, т. 4, с. 215].

Таким образом, восприятие Алдановым Тургенева — это длительный процесс: почти 40 лет Алданов цитировал тургеневские произведения, письма, использовал образы его романов и повестей для выражения собственной эстетической оценки — как в литературной критике, публицистике, так и в художественном творчестве. Вместе с тем ощущение литературного дара и права на критическое суждение дало Алданову возможность высказывать мнение не только о достоинствах Тургенева-писателя, но и о недостатках его приемов. Отношение Алданова к Тургеневу не изменяется, однако от рецепции тургеневских идей и мотивов в публицистике и литературной критике 1918–1940-х гг. Алданов переходит к рецепции художественных образов Тургенева в больших эпических формах в 1950-е. Доброта, нравственность героев тургеневских произведений, деликатность художественного слова писателя входят в нравственный мир персо-

¹⁸ Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 416.

¹⁹ Об этом «странным» сочетании у Тургенева «детского пискливого голоса и гигантской фигуры» Алданов мог узнать по свидетельствам его современников: См.: Садовской Б. Иван Сергеевич Тургенев // Русский архив. 1909. Кн. 1. Вып. I–IV. С. 605.

нажей романов Алданова. И даже рассуждения о наличии «литературного шоколада» в творчестве Тургенева, высказанные в 1933 г., не бросают тень на величие автора «Отцов и детей»; напротив, они демонстрируют разные возможности его восприятия, живое, неравнодушное постижение мира его образов и чуткое восприятие каждого слова его стиля.

Список литературы

1. Алданов М.А. Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т.Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.
2. Алданов М. Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. 696 с.
3. Алданов М.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Огонек, 1991.
4. Алданов М.А. Соч.: в 6 кн. М.: Новости, 1994–1996.
5. Герцен А.И. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 гг. 763 с.
6. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст. С.М. Петрова, подгот. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд; коммент. В.Г. Фридлянд. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. 557 с.
7. «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подг. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 290–478.
8. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
9. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–2018.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–2018.
11. Шадульский В.В., Степанова М.В. Публикации Марка Алданова в журнале «Современные записки» (отдел «Критика и библиография») // Вестник Новгородского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (87). С. 88–92.

Статья поступила в редакцию: 28.01.2020

Одобрена после рецензирования: 06.05.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Turgenev as Perceived by Mark Aldanov

© 2020. Vladimir V. Shadursky

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

Abstract: The paper examines various aspects of the perception of I.S. Turgenev's personality and works by Mark Aldanov. The reception of Turgenev in Aldanov's work has been studied diachronically: from mentioning the characters of the novel "Rudin" in the journalistic book "Armageddon" to reviews of the émigré editions of Turgenev's works and criticism in the philosophical dialogues "Ulm Night". The reasons for Aldanov's irony towards some of Turgenev's works, called by him the "chocolate factory", are investigated. Aldanov's position is largely due to the principles of the cultural-historical method. Aldanov explains Turgenev's artistic failures by mistakes in a constant search for an adequate form for expressing rich content. Aldanov tries to be an objective, well-reasoned critic, but he correlates the shortcomings of Turgenev's style with the advantages of L.N. Tolstoy's style. At the same time, Aldanov is concerned of Turgenev's "failures", praising him as one of the five best authors of the "golden" age of Russian literature and an original European intellectual. Aldanov mentions Turgenev in his journalism, criticism, correspondence, uses Turgenev's motives and quotes in his own fiction. The paper describes the novels "The Story of Death", "Delirium", "Suicide", in which Turgenev's biography, images of Turgenev's works are embedded in the life of Aldanov's fictional characters. The kindness and morality of Turgenev's characters, the delicacy of the writer's discourse enter the moral world of Aldanov's characters. For almost 40 years Aldanov quoted Turgenev's works and letters and used the images of his novels and stories to express his own aesthetic assessment. A sense of his own place in literature gave Aldanov the right to express his opinion not only about the merits of Turgenev's work, but also about the shortcomings of his technique.

Keywords: reception; quote; M.A. Aldanov; A.S. Pushkin; I.S. Turgenev; A.I. Herzen; L.N. Tolstoy.

Information about the author: Vladimir V. Shadursky, PhD in Philology, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>. E-mail: shadvlad@mail.ru.

For citation: Shadursky, V.V. "Turgenev as Perceived by Mark Aldanov." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 265–280. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-265-280>

References

1. Aldanov, M.A. “Armageddon” [“Armageddon”]. Aldanov, M.A. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memoirs. Portraits of Contemporaries], comp. by T.F. Prokopov. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2006, pp. 5–112. (In Russ.)
2. Aldanov, M. *Povest' o smerti. Bred* [The Story of Death. Delirium]. Moscow, Gud'ial-Press Publ., 1999. 696 p. (In Russ.)
3. Aldanov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Ogonek Publ., 1991. (In Russ.)
4. Aldanov, M.A. *Sochineniia: v 6 knigakh* [Works: in 6 books]. Moscow, Novosti Publ., 1994–1996. (In Russ.)
5. Gertsen, A.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 18. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 763 p. (In Russ.)
6. Petrov, S.M., and Fridliand, V.G., editors. *I.S. Turgenev v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.], vol. 2, introd. by S.M. Petrov, comm. by V.G. Fridliand. 2nd ed. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 557 p. (In Russ.)
7. Korostelev, O.A., editor. “...Ne skryvaite ot menia Vashego nastoiashchego mneniia...”: Perepiska G.V. Adamovicha s M.A. Aldanovym (1944–1957)” [“...Do not Hide Your Real Opinion from Me...”: Correspondence of G.V. Adamovich with M.A. Aldanov (1944–1957)”. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2011* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2011]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., 2011, pp. 290–478. (In Russ.)
8. Korostelev, O.A., and Schrubka, M., editor. “Sovremennye zapiski” (Paris, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940). From the Editorial Archive], vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 976 p. (In Russ.)
9. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols.]. 2nd ed., rev. and edd. Moscow, Nauka Publ., 1978–2018. (In Russ.)
10. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 12 vols.]. 2nd ed., rev. and edd. Moscow, Nauka Publ., 1978–2018. (In Russ.)
11. Shadurskii, V.V., Stepanova, M.V. “Publikatsii Marka Aldanova v zhurnale ‘Sovremennye zapiski’ (otdel ‘Kritika i bibliografiia’)” [“Publications of Mark Aldanov in the Magazine ‘Sovremennye Zapiski’ (Section ‘Criticism and Bibliography’)”]. *Vestnik Novgorodskogo GU. Seria Gumanitarnye nauki*, no. 4 (87), 2015, pp. 88–92. (In Russ.)

The article was submitted: 28.01.2020

Approved after reviewing: 06.05.2020

Date of publication: 25.09.2020

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-281-291>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

«Неназванная» муза Валерия Брюсова. Южноафриканский эпилог*

© 2020, Б.М. Горелик

Институт Африки Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В публикациях последнего десятилетия, посвященных биографии Валерия Брюсова, указывается на необходимость продолжить разыскания, чтобы выяснить судьбу героини 14-го сонета «Рокового ряда» М.В. Вульфарт. Ее поэтический образ также постоянно присутствует в любовной лирике Брюсова 1914–1915 гг., того периода, когда поэт и его подруга были особенно близки. История взаимоотношений Брюсова и М.В. Вульфарт уже исследована, прежде всего, по материалам его архива, но до сих пор не получалось проследить ее судьбу после расставания с Брюсовым. Сделать это удалось при работе над данной статьей, за счет использования впервые вводимых в оборот источников из других архивов (в России и ЮАР), генеалогических баз данных, а также интервью с родственниками Вульфарт. Установлено, что Вульфарт эмигрировала в Южную Африку в 1920-е гг., но не оставляла надежды вернуться в Россию и встретиться с вдовой Брюсова. Выявлены причины не раз отмеченной исследователями «интонации нервической навязчивости», которая задавала эмоциональный фон отношений Брюсова и Вульфарт. Изложены основные события жизни героини 14-го сонета, а также уточнены и дополнены сведения относительно ее взаимоотношений с поэтом, содержащиеся в ранее опубликованных статьях о ней.

Ключевые слова: Брюсов; Вульфарт; символизм; венок сонетов; Серебряный век.

Информация об авторе: Борис Моисеевич Горелик — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки Российской академии наук, ул. Спиридоновка, д. 30/1, 123001 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8839-3889>. E-mail: boris.gorelik@inafr.ru.

Для цитирования: Горелик Б.М. «Неназванная» муза Валерия Брюсова. Южноафриканский эпилог // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 281–291. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-281-291>

* Автор благодарит за помощь в работе над статьей А.Л. Соболева, а также родственников М.В. Вульфарт: М. Розен, М. Шифф, С. Каплан (ЮАР); Б. Вульфарта, Г. Вульфарта (Канада) и Б. Уорренера (Австралия).

В советском литературоведении преобладало целомудренное отношение к поэтическому «дон-жуанскому списку» Брюсова, циклу сонетов «Роковой ряд». Комментаторы считали неэтичным «раскрывать подлинные имена» и фамилии женщин, которым посвящены эти стихи [2, т. 2, с. 458]. В то же время история романтических отношений поэта заслуживала исследования, по крайней мере, для более полного восстановления его биографии.

Загадочным представлялся четырнадцатый сонет: «Пребудешь ты неназванной, безвестной» — лишь он не озаглавлен именем героини. В публикациях о Брюсове ее имя впервые упомянуто лишь в начале 1970-х гг. [2, т. 3, с. 567]. Но только в последнее десятилетие исследователи жизни и творчества Брюсова опубликовали работы о подруге поэта [7; 4; 5].

По мнению А.В. Лаврова, в венке сонетов она воплощает «образ “потаенной” любви», и обстоятельства ее жизни способствовали такому восприятию [4, с. 180]. Известная литературоведам как Мария Владимировна Вульфарт, эта возлюбленная Брюсова, в отличие от предыдущих, не имела отношения к литературе, не была вхожа в круг творческой интеллигенции и проживала вдали от Москвы и Петербурга. По этой причине о ней осталось мало свидетельств в мемуарах и других связанных с Брюсовым источниках.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки есть десятки писем и телеграмм Вульфарт к Брюсову. На основе сведений из этих посланий исследователям удалось восстановить хронологию ее общения с поэтом, а также прояснить характер этих отношений. Однако эти материалы не содержат данных о дальнейшей судьбе «неназванной, безвестной» музы Брюсова.

Между тем, в другом московском архиве я обнаружил краткую автобиографию Вульфарт с изложением не только истории ее отношений с поэтом, но и событий ее жизни в последующие десятилетия. Благодаря этим данным мне удалось разыскать родственников Вульфарт и получить дополнительные сведения о судьбе женщины, чей образ постоянно присутствует в любовной лирике Брюсова 1914–1915 гг.

В этой статье делается попытка завершить рассмотрение биографического сюжета, финал которого, в отсутствие достоверной информации, до сих пор оставался открытым. Кроме того, сведения, относящиеся к 1910-м гг. и приведенные в опубликованных ранее работах других исследователей, будут уточнены и дополнены.

Отправной точкой исследования послужило письмо Вульфарт, хранящееся среди материалов советского генконсульства в Пре-

тории. В 1947 г. генконсул Атрощенко получил от нее заявление о желании получить советский паспорт. В этом не было ничего необычного: в военные и первые послевоенные годы десятки, если не сотни южноафриканцев, преимущественно евреи с бывшей территории Российской империи, направляли подобные обращения в диппредставительства СССР. Необычным было имя заявительницы: «Маня Брюсова». Вульфарт утверждала, что под этим именем, взятым в память о поэте, ее знают в Южной Африке¹.

В письме не упоминалось о романтических отношениях, которые связывали ее с Брюсовым. Но в остальном описание канвы событий середины 1910-х гг. совпадало с хронологией, восстановленной литературоведами. Изложим ее с необходимыми дополнениями.

Марьяше Вульфовна Вульфарт (именно так ее имя было записано в российском паспорте)² родилась в 1894 г. на нынешней территории Латвии³. Есть сведения, что она была родом из курземского уездного города Тальсена (ныне Талси), хотя в письме в генконсульство она указала, что место ее рождения — Рига [6, с. 113]⁴.

После переезда в Южную Африку в документах государственного образца ее имя было записано как «Маня» (Manya). Так же она называла себя в письмах Брюсову. Только под этим именем ее знают родственники, с которыми я беседовал.

Семья происходила из уездного города Туккума (Тукумс), где дед Мани Вульфарт, Гирш-Абрам, был раввином. Его младший сын, Моисей, обучался в Одесской академии художеств, потом эмигрировал во Францию, занимаясь у Фернана Кормона и Жан-Поля Лорана и написал портрет Альберта Эйнштейна, который находится в собрании Французской академии наук. Старший сын Гирша-Абрама, Вульф, в середине 1913 г. уехал в Южную Африку, оставив на родине семью: жену Басю-Меру (Мирьям) и восемь детей⁵. Маня Вульфарт была старшей дочерью Вульфа.

В 1880–1910-е гг. десятки тысяч евреев из Российской империи переселились на юг Африки [3, с. 22–27]. Благодаря возможностям,

¹ АВП РФ. Ф. 282. Оп. 7. П. 6. Д. 8. Л. 312–314а.

² НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 17. Л. 16.

³ По данным системы учета населения МВД ЮАР. Источник: Gendatabase.com. В вышеуказанном письме в советское генконсульство Вульфарт сообщала, что родилась 16 июня 1894 г.

⁴ Рига также указана в качестве места рождения Вульфарт в распоряжении нацистских властей о лишении ее гражданства Германии в 1941 г. (сообщено А.Л. Соболевым): [8, S. 584].

⁵ SA Jewish Rootsbank. URL: <http://www.jewishroots.uct.ac.za/> (дата обращения 25.06.2020).

открывшимся после обнаружения богатейших месторождений алмазов и золота, и сравнительно доброжелательному отношению местного населения, Южная Африка стала одним из основных направлений эмиграции евреев — российских подданных.

Вероятно, Вульф Вульфарт отправился на юг Африки в одиночку, чтобы сориентироваться в обстановке и, обосновавшись в стране, перевезти туда жену и детей. Вплоть до начала Первой мировой войны семья получала от него письма. Переезд в Южную Африку предполагался в 1914 г., но война нарушила эти планы⁶. С тех пор письма от Вульфа приходили нечасто.

По-видимому, первая встреча Мани Вульфарт с Валерием Брюсовым состоялась в санатории на Рижском взморье, где поэт отдыхал с женой «для укрепления нервов» [4, с. 180]. Он приехал туда в декабре 1913 г. после самоубийства возлюбленной, поэтессы Надежды Львовой, обвиняя себя в ее смерти. Начавшийся роман с девятнадцатилетней Вульфарт стал для него отдушиной:

Нет ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся детский лик,
И морозный ветер с моря
В душу ласково проник.

Это из стихотворения Брюсова «На санках», которое он написал в санатории, в январе 1914 г.

После отъезда Вульфарт из санатория между ней и Брюсовым завязывается активная переписка. В середине февраля 1914 г. они вновь встречаются — в Петербурге, куда поэт приехал, по-видимому, специально для свидания с новой подругой [4, с. 180–181]. Весной они проводят время вместе в нынешней столице Латвии, что засвидетельствовано в одном из его самых оптимистических стихотворений того года — «В старинной Риге».

Женщине, дарившей ему «маленькие миги маленького счастья», он посвящает мадригал «Мой маяк» (1914), в котором каждое слово начинается с первой буквы имени возлюбленной:

Мой милый маг, моя Мария, —
Мечтам мерцающий маяк.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 17. Л. 34.

В начале мая поэт и его тайная муза расстались: Брюсов должен был вернуться домой. Но к концу лета, после начала Первой мировой войны, им удалось воссоединиться в Тальсене. Брюсов стал военным корреспондентом «Русских ведомостей» и на время работы перебрался вместе с Вульфарт в Варшаву, ближе к фронту. С августа 1914 по апрель 1915 г. они проживали в квартире на Мазовецкой улице. Это был самый долгий период, проведенный ими вместе.

В эти месяцы образ Вульфарт то и дело появляется в поэзии Брюсова. Например, стихотворение «Еврейским девушкам» (август 1914) создано, возможно, под впечатлением от совместных поездок с Маней:

В Варшаве, и в Вильне, и в задумчивом Тальсене
За вами я долго и грустно следил.

Снова и снова возникает тема чистой, по-юношески наивной любви, даже в описаниях эротических переживаний. В стихотворении «Как неяркие бутоны» (ноябрь 1914) находим такие строки:

И, как белая лилея, над прозрачностью пруда,
Закрывает в лунном свете свой убор, дыша чуть-чуть, —
Так, несмелая, пьянея, в дрожи брачного стыда,
Опускаешь взор, как дети, ты, — спеша ко мне на грудь! <...>

При этом в посланиях к жене, оставшейся в Москве, Брюсов ни разу не упоминает Вульфарт. Когда Иоанна Матвеевна, не желая быть оставленной мужем, напомнила ему в письме от 16 июля, что Алексей Толстой перед отъездом на фронт развелся с женой, поэт заверил ее в своей любви и намерении вернуться, чтобы начать с ней новую жизнь [1, с. 11].

Вульфарт, обладавшая музыкальными способностями, брала в Варшаве уроки игры на скрипке у польского педагога. Она начала учиться музыке еще в свой предыдущий приезд в Варшаву, за несколько месяцев до прибытия Брюсова. Поскольку ее семья жила в стесненных обстоятельствах, уроки оплачивал Брюсов. Также, по словам Вульфарт, она занималась у Здислава Бирнбаума, музыкального директора Варшавского филармонического оркестра⁷.

После отъезда Брюсова в Москву поэт и его юная спутница, по-видимому, больше никогда не встречались, хотя оживленная

⁷ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 17. Л. 55; АВР РФ. Ф. 282. Оп. 7. П. 6. Д. 8. Л. 313.

переписка между ними продолжалась. Вульфарт писала ему хотя бы раз в неделю: описывала подробности своей жизни в Варшаве, рассказывала об успехах в учебе, сетовала на одиночество, клялась в вечной любви и верности, надеялась на новую встречу. Некоторые ее письма написаны в подчеркнуто формальном стиле: скорее всего, для конспирации, на случай если они будут перехвачены женой Брюсова.

Ответы Брюсова не сохранились. Судя по письмам Вульфарт, поэт писал ей часто и поддерживал в ней ожидание воссоединения. Также постоянно, по ее просьбе, присылал ей в Варшаву деньги на проживание и занятия. «Я знаю, что ты меня любишь, твердо, *твердо до верю этому*, и поэтому буду учиться, а ты все сделаешь, чтобы мы могли быть счастливы», — так отвечает Вульфарт на одно из эмоциональных посланий Брюсова⁸.

С весны 1915 г. власти начинают высылать из столицы Польши тех, кто поселился там после начала войны. Хотя Вульфарт обязана уехать, она старается закрепиться в городе, чтобы продолжать занятия музыкой. Педагогу удается зачислить ее в музыкальное училище, поскольку студенты не подвергаются высылке⁹. Брюсов пытается убедить ее уехать дальше от фронта, но, несмотря на приближение германских войск, Вульфарт решает остаться в Варшаве. Она успешно учится, и варшавские знакомые говорят ей, что «грешно бросить музыку»¹⁰. Последнее из ее сохранившихся писем Брюсову отправлено в начале июля, а через месяц город был взят немцами.

Родные Мани как беженцы были эвакуированы вглубь России еще в июне. Не имея денег на билеты, вся семья, со старой бабушкой и пятилетней сестрой Мани, неделю добирались до Воронежа в товарном вагоне¹¹. В этом городе они прожили следующие шесть лет.

С Маней связь поддерживали нерегулярно: в Варшаву, оккупированную противником, приходилось писать через посольства нейтральных стран. В 1916 г., когда ответа от нее не было несколько месяцев, ее сестра Эрика обратилась к Брюсову в надежде, что у него есть сведения о Мане. Брюсов таких сведений не имел, но узнал у Эрики почтовый адрес Мани и просил сообщить, если она даст о себе знать¹².

⁸ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 18. Л. 3 об.

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 5, 16 об., 58.

¹² Там же. Ед. хр. 20. Л. 1, 3–5 об.

Возможно, Брюсову удалось связаться с Вульфарт, потому что летом 1917 г., в ответ на ее запрос о материальной помощи через «Общество польских евреев», он отправил ей перевод. А еще через год Вульфарт прислала ему просьбу разыскать ее родных в России, потому что давно не получала от них вестей¹³. В то время она работала в кассе варшавской Школы летчиков-наблюдателей.

Последнее из сохранившихся в архиве Брюсова сообщений от Мани Вульфарт написано на открытке с фотографией Дрездена. На открытке указан германский почтовый адрес и имя отправителя: «Марыла Вульфарт»¹⁴. Ни даты, ни почтового штемпеля мне не удалось найти. Вульфарт просила Брюсова сообщить новости о себе и о ее родных в России. В архивном деле нет указаний на то, что поэт ответил ей.

Из письма Вульфарт в советское генконсульство в Претории известно, что она оказалась в Германии в 1919 г. и проживала там, по крайней мере, до 1923 г.¹⁵ Впоследствии она рассказывала, что нужда заставила ее играть на скрипке прохожим на улицах. Чтобы обезопасить себя, она коротко подстригла волосы, став похожей на юношу. Ее приютила немецкая семья.

Тем временем в Воронеже умерла ее мать, а сестры и братья возобновили переписку с отцом. Согласно базе данных по еврейской иммиграции Центра иудаики Кейптаунского университета, младшие братья и сестры Мани Вульфарт переехали в Южную Африку в 1921 г.¹⁶ Маня присоединилась к ним через несколько лет, когда отец разыскал ее и прислал билет.

В 1938 г. Вульфарт вышла в Йоханнесбурге замуж за архитектора Августа Вильгельма Шрётера из Франкфурта¹⁷. Они поселились в Дурбане, на побережье Индийского океана. Ее еврейская семья в Йоханнесбурге не одобрила брак с немцем.

После смерти мужа Вульфарт вернулась в Йоханнесбург. Отец, много лет работавший брачным посредником, познакомил ее с часовщиком Джо Фишером, уроженцем Литвы. В 1952 г. они поженились¹⁸.

Это замужество также было недолгим: второй муж Мани Вульфарт скончался через восемь лет после их свадьбы. Детей у нее не

¹³ Там же. Ед. хр. 18. Л. 45, 45 об., 70.

¹⁴ Там же. Лист без номера.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 282. Оп. 7. П. 6. Д. 8. Л. 313.

¹⁶ SA Jewish Rootsbank.

¹⁷ АВПРФ. Ф. 282. Оп. 7. П. 6. Д. 8. Л. 314а; National Archives of South Africa (NASA). Depot: NAB.Source: MSCE. Reference: 2491/1947.

¹⁸ Там же. Depot: TAB. Source: MHG. Reference: 3430/60.

было. Она проживала в одной квартире с сестрами в небогатом районе Йоханнесбурга, а позже, до самой смерти в 1989 г., — в еврейском доме престарелых.

По воспоминаниям родственников, она была приятной в общении, добродушной и очень музыкальной. Работала в универмаге, в отделе женского платья, где считалась одной из лучших продавщиц. Любила пористый шоколад и романс «Очи черные». В Дурбане Вульфарт играла в оркестре, а в Йоханнесбурге, даже не имея возможности часто практиковаться, могла исполнить для домашних по памяти интермеццо из оперы «Сельская честь» Пьетро Масканы.

Племянникам в ЮАР она казалась «обычной еврейской старушкой из Восточной Европы». Вульфарт не говорила о романе с Брюсовым даже приемной дочери, с которой часто общалась почти сорок лет. Рассказывая об учебе в Европе, сообщала, что отправил ее туда отец.

Биографы поэта отмечали в письмах Вульфарт Брюсову «интонацию нервической навязчивости», которая задавала эмоциональный фон их отношений [7, с. 71–72]. Она писала ему надрывно, экзальтированно, угрожала покончить с собой, если он ее отвергнет. На одном из ее посланий, полученном Брюсовым еще до их личного знакомства, он сделал пометку: «Сумасшедшая Маня Вульфарт» [7, с. 72].

В санатории, где в 1913 г. они впервые встретились, Вульфарт была одной из «нервных больных». Когда супруга Брюсова попыталась поговорить о нем с Вульфарт, у девушки началась истерика [5, с. 342–343]. По сведениям, восходящим к поздним рассказам Иоанны Матвеевны, Вульфарт страдала «эротическим помешательством» [7, с. 71].

В Южной Африке у Вульфарт была диагностирована «маниакальная депрессия» (биполярное расстройство), и она периодически проходила лечение в психиатрической больнице. При обострении заболевания она совершала действия, которые доставляли хлопоты родным: например, отправлялась по магазинам и приобретала дорогой рояль и шикарную мебель, которые потом приходилось срочно возвращать.

В этом состоянии она могла нарядиться в свой концертный костюм в русском народном стиле и поехать в ресторан, где начинала в таком виде прогуливаться и играть на скрипке. Возможно, она делала это под влиянием воспоминаний о своих уличных выступлениях в голодные годы в послевоенной Германии. Сотрудники ресторана вызывали полицию, и Вульфарт играла для полицейских, пока за ней не приезжали родственники.

*Маня Вульфарт, Варшава, середина 1910-х гг.
Manya Wulffhart, Warsaw, mid 1910s*

*Маня Вульфарт в Дурбане,
Южная Африка, 1940-е гг.
Manya Wulfahrt in Durban,
South Africa, 1940s*

*С мужем в
Йоханнесбурге, 1957 г.
With her husband in
Johannesburg, 1957.*

В такие дни она также писала обращения в различные инстанции или организации. Скорее всего, в этом состоянии она отправила и заявление о получении советского паспорта в генконсульство СССР в Претории. Вульфарт утверждала, что собирается посетить Ригу, отыскать могилу матери в Воронеже, а также встретиться в Москве с вдовой своего благодетеля, «Марией Ивановной Брюсовой». В дальнейших планах Вульфарт было гастрольное турне по России, Западной Европе, Латинской Америке и Палестине.

Сотрудник генконсульства уведомил ее, что сначала необходимо подать официальное ходатайство о получении советского гражданства и ждать ответа из Москвы¹⁹. Это было бесперспективным делом: за все время работы в Южной Африке (1942–1956) генконсульство выдало менее десяти советских загранпаспортов и ни одного разрешения на возвращение в СССР. Вряд ли советские власти сделали бы исключение для Вульфарт.

И все же письмо Вульфарт принесло пользу. Оно помогло проследить до конца жизненный путь той, которую Брюсов назвал в 14-м сонете «завершеньем рокового ряда».

Пребудешь ты неназванной, безвестной,
Хоть рифмы всех сковали связью тесной.
Прославят всех когда-то наизусть.

Действительно, хотя по воле поэта имя его возлюбленной долго оставалось тайной, теперь она «прославлена» так же, как другие женщины, дарившие ему вдохновение.

Список литературы

1. *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента. Письма к жене (август 1914 – май 1915). М.: Водолей, 2015. 230 с.
2. *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973–1975.
3. *Горелик Б.М.* Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Ин-т Африки РАН, 2007. 255 с.
4. *Лавров А.В.* «Санаторная встреча» (Мария Вульфарт в жизни и стихах Валерия Брюсова) // *Лавров А.В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 178–186.
5. *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов. Будь мрамором. М.: Молодая гвардия, 2020. 541 с.

¹⁹ АВГРФ. Ф. 282. Оп. 7. П. 6. Д. 8. Л. 311.

6. *Приедитис А.* Курземские друзья Брюсова // Даугава. 1986. № 5. С. 112–114.
7. *Соболев А.Л.* Летейская библиотека: Очерки и материалы по русской литературе XX века. Т. 2: Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар. М.: Трутень, 2013. 440 с.
8. Die Ausbürgerung deutscher Staatsangehöriger 1933–45 nach den im Reichsanzeiger veröffentlichten Listen. B. 1. / ed. Hepp Michael. München; NewYork; London; Paris: Saur, 1985. 782 s.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2020

Одобрена после рецензирования: 13.08.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Valery Bryusov's "Unnamed" Muse. A South African Epilogue

© 2020. Boris M. Gorelik

Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: In the past ten years, biographers of Valery Bryusov pointed out that it was necessary to continue research into the life of M.V. Wulffahrt, to whom Bryusov dedicated the fourteenth sonnet of his *Fatal Set*. Her image permeated Bryusov's love poems in 1914–1915, the period when he was particularly close with her. The history of their relationship was thoroughly researched by analysing their correspondence preserved in the Russian State Library. However, until now, scholars were unable to extend her biography past the end of her love affair with Bryusov. The task has been accomplished by using sources from other archives in Russia and South Africa, which are being introduced into scholarly discourse for the first time, as well as genealogical databases and interviews with Wulffahrt's family members. It has been established that Wulffahrt immigrated to South Africa in the 1920s but did not give up the hope of returning to her native country and meeting Bryusov's widow. The article explains the reason for the 'anxious obsessiveness' of Wulffahrt's attitude towards Bryusov, which has been repeatedly noted by scholars, and sets the emotional background of the relationship between the poet and his last muse. The most important events in Wulffahrt's life are identified and described, and several aspects of her relationship with Bryusov as well as her presence in his work that were mentioned in the literature on this subject are clarified.

Keywords: Bryusov; Wulffahrt; Russian symbolism; crown of sonnets; *The Fatal Set*; Silver Age.

Information about the author: Boris M. Gorelik, PhD in History, Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Spiridonovka

30/1, 123001 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8839-3889>.
E-mail: boris.gorelik@inafr.ru.

For citation: Gorelik, B.M. “Valery Bryusov’s ‘Unnamed’ Muse. A South African Epilogue.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 281–291. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-281-291>

References

1. Briusov, V. *Pis'ma neofitsial'nogo korrespondenta. Pis'ma k zhene (avgust 1914 – mai 1915)* [*Letters of the Unofficial Correspondent. Letters to His Wife (August 1914 – May 1915)*]. Moscow, Vodolei Publ., 2015. 230 p. (In Russ.)
2. Briusov, V.Ia. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [*Collected Works: in 7 vols.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973–1975. (In Russ.)
3. Gorelik, B.M. *Rossiiskaia immigratsiia v Iuzhnuu Afriku: vchera i segodnia* [*Russian Immigration to South Africa: Yesterday and Today*]. Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2007. 255 p. (In Russ.)
4. Lavrov, A.V. “‘Sanatornaia vstrecha’ (Mariia Vul’fart v zhizni i stikhakh Valerii Briusova)” [“‘Meeting at Sanatorium’ (Maria Wulffahrt in the Life and Poetry of Valery Bryusov)”]. Lavrov A.V. *Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [*Symbolists and Others: Essays. Discoveries. Publications*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 178–186. (In Russ.)
5. Molodiakov, V.E. *Valerii Briusov. Bud' mramorom* [*Valery Bryusov: Be Like Marble*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2020. 541 p. (In Russ.)
6. Prieditis, A. “Kurzemskie druz'ia Briusova” [“Bryusov’s Courland Friends”]. *Daugava*, no. 5, 1986, pp. 112–114. (In Russ.)
7. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka: Ocherki i materialy po russkoi literature XX veka* [*The Lethian Library: Essays and Materials on Russian Literature of the 20th Century*], vol. 2: Strannoliubskii perebarshchivaet: Skonapel' istoar [Strannolyubsky Goes Overboard: Ce Qu'on Appelle Histoire]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 440 p. (In Russ.)
8. *Die Ausbürgerung deutscher Staatsangehöriger 1933–45 nach den im Reichsanzeiger veröffentlichten Listen*, b. 1, ed. Hepp Michael. München, New York, London, Paris, Saur, 1985. 782 p. (In German)

The article was submitted: 30.06.2020

Approved after reviewing: 13.08.2020

Date of publication: 25.09.2020

Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: А. Эфрос

© 2020, Р.Д. Тименчик

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Аннотация: Статья из авторского цикла «Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой», открывающая пятый десяток в ряду подобных ей, демонстрирует опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастике совмещены разные времена ее долгой жизни. Комментарий такого рода выхватывает репрезентативные фрагменты эпохи Ахматовой, но степень присутствия разных персон в именнике и их отсутствие, не всегда отражают их вес в ахматовской биографии. Данная статья посвящена искусствоведу, поэту, пушкинисту Абраму Эфросу.

Ключевые слова: Анна Ахматова, А.М. Эфрос, комментарий, записные книжки, биографика.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик — кандидат филологических наук, профессор, Еврейский университет, НУJI, Иерусалим 91904, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Для цитирования: Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: А. Эфрос // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 292–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-292-303>

Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) — поэт, искусствовед. Упомянут на страницах записных книжек только единожды — как редактор однотомника Поля Валери, из которого Ахматова сделала выписку: «Поль Валери. Кризис духа. П. Валери. Избранное. Под редакцией Абр<ама> Эфроса. М., Гослитиздат, 1936, стр. 78. *Запись другой рукой*» [4, с. 276].

Знакомы они, по-видимому, с конца 1922 г. — см. инскрипт на «Белой стае» (Пб., 1922): «Абраму Эфросу память встречи Ахматова. 14 декабря 1922. Петербург»; на контртитule выписано:

.....
Когда Приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница
Не знала, кто берет ее...

.....
1917. Осень
Петербург [2, с. 168]

Вероятно, к этой же встрече относится и надпись на фотопортрете Ахматовой работы М.С. Наппельбаума:

Абраму Эфросу – Анна Ахматова
с приветом
1922¹.

Ср. записи К.Чуковского в связи с его посещениями — 15 декабря 1922 г.:

Разговор вертелся около Москвы. Ахматовой очень хочется ехать в Москву — но она боится, что будет скандал, что московские собратья сделают ей враждебную манифестацию. Она уже советовалась с Эфросом, тот сказал, что скандала не будет, но она все еще боится. Эфрос советует теперь же снять Политехнический Музей, но мне кажется, что лучше подождать и раньше выступить в Худ <оже-
ственном> Театре;

и от 23 декабря 1922 г.:

¹ НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 29. Ед. хр. 10.

Эфрос готовится теперь все для встречи Анны Ахматовой в Москве. Ее встретят колокольным звоном 3-го января (она со <П.Е.> Щеголевым выезжает 2-го), Эфрос пригласил ее жить у себя.

— Но не хочется мне жить у Эфроса. По наведенным справкам, у него две комнаты и одна жена. Конечно, было бы хуже, если бы было наоборот: одна комната и две жены, но и это плохо.

— Да он для вас киот готовится, — сказал <А.Н.> Тихонов. — Вы для него икона...

— Хороша икона! Он тут каждый вечер тайком приезжал ко мне...

Тихонов, смеясь, рассказал, как Эфрос условился с ним пойти к Анне Андреевне в гости и не зашел за ним, а отправился один, «а я ждал его весь вечер дома».

— Вот то-то и оно! — сказала Ахматова [19, с. 60, 63–64].

Ранее, в конце 1921 г., Эфрос планировал участие Ахматовой в создававшейся им группе «Лирический круг»². Альманах этой группы, включавший стихотворение «близкой к акмеизму Ахматовой»³ «Я с тобой, мой ангел, не лукавил» (написанное, по-видимому, как загробный монолог Н. Гумилева), подвергся желчной критике Георгия Иванова: «Липскеров, Гроссман, Соловьев и Эфрос — дали программные статьи. Они пошлы и беспомощны. Стихи не лучше. Порнография Эфроса, впрочем, как курьез, забавна. <...> Вывод из прочтения книжки следующий: тупицы и бездарности в искусстве всегда одинаково противны, толкуют ли они о классицизме или выступают в роли потрясателей основ. Каким-то образом в альманах затесались А. Ахматова, Мандельштам и Ходасевич»⁴. Критика эта в свою очередь вызвала одергивание Нины Берберовой: «Иванов пытается говорить о том, что лежит вне его понимания. <...> ничем не оправдана критика “Лирического круга” и “Скифов” Блока (“посредственные ямбы”))»⁵. Точно оценил зазор между программной статьей А. Эфроса и стихами сборника будущий видный советский литературовед Исаак Григорьевич Ямпольский в отзыве в киевском еженедельнике: «Но не участникам сборника создать то классическое искусство, о котором они мечтают. Об этом говорит нам

² См. подробнее в связи с отзывом Л.Д. Троцкого об одноименном альманахе: [13, с. 602–603].

³ Горнунг Б. <Рец. на:> Лирический круг. 1. М., 1922 // Гермес. 1922. № 1. С. 150.

⁴ Иванов Г. Почтовый ящик // Цех поэтов. Берлин, 1923. Кн. 4. С. 69.

⁵ Ивелич <Берберова Н.Н.> <Рец. на:> Цех поэтов. Кн. 4-ая. Берлин: Трирема, 1923 // Современные записки. 1924. Кн. XIX: Критика и библиография. С. 431–433.

художественная часть сборника. Почти все имена знакомы нам, это — А. Ахматова, В. Ходасевич, С. Соловьев, С. Парнок, А. Глоба, Ю. Верховский, О. Мандельштам и др. Характерно, что и за несколько лет до войны, когда, по словам А. Эфроса, уже чувствовалась ломка всего мира, они были ведь не с футуристами, выразителями этой ломки в искусстве. И в будущем, когда опять явятся нарушители канона, новые писатели, они отнесутся к ним, верно, очень и очень подозрительно. В их классицизме нет того синтеза всех достижений последнего времени, о котором они говорят» [10, с. 256].

Предположительно Эфрос также привлек тогда Ахматову к другому московскому альманаху, о котором рецензент писал: «Стихи — Сологуба, Кузмина, Ходасевича, Ахматовой — приятны, но внимания особенного не приковывают. Они как-то дополняют, завершают общее впечатление от книги. Это впечатление <...> можно выразить словами: концы без начал (заглавие статьи А. Эфроса, помещенной в сборнике). Концы — старой мысли, старой поэзии... Начал — начал новых — нет в ней»⁶.

В 1924 г. Ахматова и Эфрос — участники журнала «Русский современник»; возможно, к каким-то перипетиям редакционных разногласий отсылает надпись на фотографии, запечатлевшей Ахматову у фонтана «Молочница» в Царском Селе: «Абраму Марковичу / Эфросу / на память о “борьбе за Ахматову”» / 1925» [16, с. 32 / 33].

Рассказ Ахматовой об одной из встреч зафиксирован дневником П.Н. Лукницкого:

«А. Эфрос, будучи в Париже, прочитал какую-то хвалебную статью А. Левинсона на франц<узском> яз<ыке> об А.А. Поэтому, встретив ее у Замятиных 1.IV.<19>28, он льстил ей тошнотворно; между прочим говорил: “Вы, конечно, знаете эту статью?”. А.А. этой статьи не знает, не интересуется ею» [7, с. 471–472]⁷.

Парижская поездка Эфроса освещалась в советской печати:

А.М. Эфрос – известный критик искусства, видный деятель московских писательских объединений. В прошлом он — символист, влиятельный сотрудник «Аполлона», воспитанник и участник

⁶ *Стрелецкий М.* <Столяров М.> Концы без начал [<Рец. на:> Шиповник. Сборник 1 // Россия. 1922. № 3. С. 29. В альманахе «Шиповник: Сборники литературы и искусства» под редакцией Ф. Степуна были напечатаны стихотворения Федора Сологуба «Зыбкой радостью земною...», Михаила Кузмина «Мне не горьки нужда и плен...», «Живется нам неплохо...», «Утраченного чародейства...», Ахматовой «Как люблю, как любила глядеть я...», Владислава Ходасевича «Леди долго руки мыла...», «Ни розового сада...», «Перешагни, перескачи...».

⁷ Речь идет о статье А. Левинсона «Анна Ахматова — Русская Марселина» (см. нашу вступительную заметку к переводу ее на русский язык И. Стаф: [5]).

художественных группировок, которые считали, что «искусство — украшение жизни», которые отрицали связь этого искусства с общественностью.

Революция в достаточной мере потрепала эту идеологию. Но, оказывается, чтобы окончательно от нее отделаться, А.М. Эфросу надо было... съездить в Париж. Так, по крайней мере, он сам рассказывал вчера в «Обществе друзей книги».

Париж — общепризнанный «центр мировой культуры», бесспорная «столица чистого искусства». Как же не стремиться под беспечную сень его Академий, под согревающие лучи парижских писательских светил российскому интеллигенту, уставшему от московской жизни, «полной сложности и ответственности», от жизни, где «каждый день приходится напряженно задумываться над крупнейшими жизненными проблемами» (??). Российский интеллигент едет в Париж, живет там месяц, полтора, два, но... искомого Парижа не находит.

Оказывается: литературного Парижа, как чего-то единого, самодовлеющего и замкнутого в самом себе нет, — а, может быть, и никогда не было, — в помине. Литераторы Парижа дифференцированы, все писатели, не исключая тех, кто создает изысканнейшие произведения искусства, разбиты на группировки, живут напряженной общественной жизнью. Более того, российский интеллигент узнает, что «для того, чтобы получить значимость, французскому писателю надо примкнуть к какой-нибудь общественной группе». И тут-то из символиста интеллигент становится... марксистом.

— Когда все это мы слышим в Москве, — говорит А.М. Эфрос, — мы на словах как будто соглашаемся с этим, — но, в сущности говоря, реагируем на это, как на... политграмоту, рассматриваем это, как... нечто скорее желаемое, чем реальное. В Париже эта политграмота облекается плотью и кровью. Ее реальность видна воочию. В Париже А.М. Эфрос, по его словам, «излечился от многих болезней». Сидя в Москве, он восхитился пестротой и разноголосицей французской печати. Эту пестроту он возводил к различию свободно высказываемых и спорящих между собой мнений. Нужно же было А.М. Эфросу застать в Париже момент антисоветской кампании, когда все эти оттенки сразу ступевались, и «как бы по дирижерской палочке» почти все газеты начали требовать разрыва с СССР «чуть ли не в одних и тех же выражениях!». <...> А.М. Эфрос высказывал много и других, казалось бы, азбучных истин насчет буржуазной печати и литературы, но произнесенные в среде такой ультраинтеллигентской организации, как «Общество Друзей книги», его слова

производили на слушателей... потрясающее впечатление. Ведь это же говорил не приглашенный «оратор со стороны», это был «свой» докладчик, который все это «видел сам»⁸.

В 1930 г. он привлек Ахматову к переводу писем П.П. Рубенса, и связанный с историей издания этой книги поход с Эфросом в ресторан запомнился Ахматовой остроотой Виктора Шкловского, который «решился доставить себе удовольствие и, перефразируя известный бабелевский афоризм, проговорил: “Абрам может пригласить русскую женщину в ресторан, и она останется им довольна”» [10, с. 206]. На книге «Петр Павел Рубенс. Письма. Перевод А.А. Ахматовой. Редакция и предисловие А.М. Эфроса. М.; Л., 1933» существует якобы ахматовский инскрипт 1945 г., учиненный незабвенным почерком покойного М.М. Кралина⁹. Свидетельством следующего, не состоявшегося проекта является телеграмма к Эфросу (1933 г.?): «Немедленно высылайте Ван Гога = Ахматова»¹⁰.

Возможно с этим (но также и с дружескими коллегияльными отношениями Н.Н. Пунина и Эфроса) связаны последующие встречи: в 1934 г. жена С. Клычкова встречала у Мандельштамов «Эфроса, который приходил к Анне Андреевне» [13, с. 216]. Издание писем Ван-Гога вышло в свет в 1935 г. в издательстве «Academia» в переводах Н.М. Щекотова.

В пору ежовщины Эфрос с его постоянной социальной подвижностью не мог не вызывать интереса охранки, например, подследственный Леопольд Авербах (которого, между прочим, современники определяли: «Л. Авербах — Абрам Эфрос в молодости» [14, с. 476]) признавался в заявлении Н.И. Ежову:

Ведь я считал для себя вполне возможным, приезжая из-за границы, привезти с собой какие-либо эмигрантские или троцкистские издания, хранить их совершенно открыто, считать естественным, что они у меня имеются и что я могу ими пользоваться. Однажды даже Эфросу я дал белый альманах «Числа» – альманах не политический, а только литературный, свидетельствующий ярчайшим образом о разложении эмиграции и ее упадочничестве, но не в этом суть

⁸ Кут<ачевский> А. Интеллигент, который сообразил... (На докладе А.М. Эфроса в «Обществе друзей книги») // Вечерняя Москва. 1927. 31 декабря.

⁹ Библиофильский венок Анне Ахматовой: К 125-летию со дня рождения: Автографы в собрании М. Сеславинского / [Авт.-сост. М. Сеславинский]. М.: Про книги: Журнал библиофила, 2014. С. 114.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 10. Ед. хр. 2.

дела, важно, что это — эмигрантское издание. Я считал, что вполне достаточно моего доверия к человеку для того, чтобы разговаривать с ним, о чем я сочту нужным, иногда явно не проводя грани между дозволенным и недозволенным, между общеизвестными фактами и секретными. При моем неумении разбираться в людях это могло носить преступный характер [3, с. 485–486].

Эфрос был выслан в Ростов Великий на три года, о чем Ахматова сообщала мандельштамовскую остроту: «...когда в Москву приехал Андре Жид, Эфросу предложили или поручили сопровождать знаменитого писателя; вернувшись во Францию, Жид написал о Советском Союзе не то, чего здесь от него ждали, и Эфроса сослали, но “времена были еще вегетарианские”, он легко отделался, попал в Ростов Великий, сравнительно недалеко — на что Мандельштам сказал: “Это не Ростов — великий, это Абрам — великий”» [10, с. 205–206]. О встрече с ним в 1938 г. вспоминала Н.Я. Мандельштам: «Он побледнел, узнав про арест О.М., — ему только что пришлось отсидеть много месяцев во внутренней тюрьме. Он был едва ли не единственным человеком, который отделался при Ежове простой высылкой. О.М., услышав за несколько недель до своего ареста, что Эфрос вышел и поселился в Ростове, ахнул и сказал: “Это Эфрос великий, а не Ростов”... И я поверила мудрости великого Эфроса, когда он посоветовал мне не селиться в Ростове: “Уезжайте, нас здесь слишком много”...» [9, с. 325].

Ссыльная Анна Баркова писала из Ростова Великого 14 июня 1940 г.: «Познакомилась я здесь с Абрамом Эфросом, переводчиком и искусствоведом. Как он из Москвы попал сюда, надеюсь, понятно без слов. Он печатается, этим и живет, и говорит, что печататься можно» [1, с. 56].

Ахматова встретила с ним в эвакуации в Ташкенте [18, т. 1, с. 377–378]. Документами их встреч остались стихотворения и фрагменты Ахматовой, внесенные Эфросом в подборку «Стихи, не вошедшие в ее книги», датированную 25 апреля 1945 г., инскрипт на ташкентском сборнике «Стихотворений»: «Абраму Марковичу Эфросу на память об Анне Ахматовой. 7 июня 1943. Ташкент»¹¹ и оторванная от чего-то подпись: «13 февраля 1943 г. Анна Ахматова»¹². Наконец, он был слушателем «Поэмы без героя» — Ахматова говорила тогда Чуковской: «Эфрос, Липскеров, Шервинский и другие эстеты противопоставляли меня Пастернаку, Мандельштаму

¹¹ Фотокопия титула: НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 29. Ед. хр. 10.

¹² НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 3.

и считают, что теперь, изменив кларизму, я сбилась с пути? Так вот, Эфрос тут говорил Цявловскому, что поэма моя связана с Пастернаком!» [18, т. 1, с. 382].

11 июня 1955 г. Лидия Чуковская записала: «Излагая в “Письме” мнение о “Поэме” Абрама Эфроса (по “Письму” он — “Х.”), Анна Андреевна теперь развила его слова, выделила, удлинила; говорит — специально призывала к себе Штока и допрашивала с пристрастием» [18, т. 2, с. 139–140]. В 1971 г. пишущему эти строки И.В. Шток рассказывал, что при нем поэма читалась супругам Городецким и Эфросу, с которым у Ахматовой были сложные взаимоотношения. Последний сказал по поводу образа Судейкиной: «Вы сводите счеты с покойниками», на что Ахматова ответила: «Боже мой, неужели я буду сводить счеты с покойниками».

В 1946 г. в справке, составленной госбезопасностью, среди «связей» Ахматовой наряду с Пастернаком, Эренбургом, Берггольц, Кетлинской назывался Эфрос¹³.

В 1950–1954 гг. он, как формалист, антимарксист и космополит, был удален из Москвы в Ташкент, где был профессором искусствоведения в институте театрального искусства им. А.Н. Островского. В неведении о его судьбе старый друг вспоминал о нем:

Это просто интеллигент, быстрый, многоречивый и предприимчивый, с тонким, изящным лицом, большими глазами, в бархатной артистической куртке — свой человек, не примитив, его дружески звали “Бам”, он всегда в хлопотах, что-то устраивает, читает и пишет, увлечен искусством и литературой (у меня сейчас в руках его книжечка «Автопортреты Пушкина», 1945 год).

— Ах, БамБам, отчего не выслали вас в 22 году вместе с профессорами, писателями в Германию? Были бы вы и сейчас живы. Писали бы в «Новом Журнале», «Новом Русском Слове», и так как вы много моложе нас, принимали бы из рук старших, коих недолго уж век, завет свободы, человечности, творчества — всего наследия литературы нашей. — Но вас не выслали. «Абрам Эфрос, искусствовед, пропал без вести». Вспоминаю вас — оплакиваю»¹⁴.

Спустя восемь лет после его смерти Ахматовой напомнил о нем посетитель: «...я рассказал Анне Андреевне о моем знакомстве с ее

¹³ Стенограмма доклада О.Д. Калугина // Государственная безопасность и демократия. М.: Гласность, 1993. № 3. С. 51. (Информационный бюллетень международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»).

¹⁴ *Зайцев Б.* Дни. Другие и Марина Цветаева // Русская мысль. 1951. 16 февраля.

неопубликованной и не собранной в книги лирикой 1924–1946 годов, как и с “Поэмой без героя” в Ташкентской редакции, по машинописи из собрания А.М. Эфроса. Я опять-таки ожидал какой-то реакции на имя моего покойного учителя, профессора Эфроса, преданного в конце 40-х годов вместе с “бывшим другом” Ахматовой Н.Н. Пуниным официальной анафеме как представителя космополитического буржуазного искусствознания. Анна Андреевна полуспросила, полуконстатировала: “Вы его знали...” примерно таким же тоном, каким она произносила свое знаменитое: “Вы так думаете?..” и разговора не продолжила (а между тем они с Эфросом были знакомы с начала 20-х годов, сотрудничали в “Русском современнике” и в “Academia” и встречались вплоть до послевоенных лет). “Произошло какое-то переосмысление отношений задним числом”, — почувствовал я и впоследствии, прочитав “Вторую книгу” Мандельштам, подумал, что “пакостница” (Н. Харджиев) Надежда Яковлевна внесла в это свою лепту» [16, 28–29]. Предположение посетителя правдоподобно: О.Э. Мандельштам как-то в 1933 г. «заметил, что Эфроса редко кто любит»¹⁵, «Эфроса, всегда казавшегося человеком мефистофельской складки»¹⁶.

«Очки, наглая бородка и чувственные губы завсегдаята банкетов, премьер и вернисажей, ввертливое Абрама Эфроса» [8, с. 389] заслонили для многих современников немалочисленные достоинства этого человека.

Список литературы

1. Баркова А. Письма к П.А. и М.Н. Кузько (1940–1947) / публ. О.К. Переверзева // *De visu*. 1994. № 5/6. С. 49–62.
2. Варава Б. Воспоминания сибирского книжника и антикара (в поисках Серебряного века). М.: Среди коллекционеров, 2013. 234 с.
3. Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сборник документов / сост. В.К. Виноградов и др.; научн. ред. А.Л. Литвин. Казань: Участок оперативной полиграфии ТПП «КРИСТА», 1997. 542 с.
4. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 849 с.
5. Левинсон А. Анна Ахматова — русская Марселина / вступ. заметка Р. Тименчика // *Литературное обозрение*. 1989. № 5. С. 52–56.

¹⁵ Это высказывание и общий очерк взаимоотношений см.: [11, с. 38–52], ср.: [5, с. 569].

¹⁶ Мемуар Н. Кузьмина «Ольга Гильдебрандт» [17, с. 154].

6. *Лекманов О.* Эфрос А.М. // Мандельштамовская энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 569.
7. *Лукницкий П.Н.* Дневник 1928 года / публ. и комм. Т.М. Двинятиной // Лица. Биографический альманах. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 9. С. 341–495.
8. *Любимов Н.М.* Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 1. 411 с.
9. *Мандельштам Н.* Воспоминания. М.: Книга, 1989. 483 с.
10. *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
11. *Нерлер П.* Мандельштам и Эфрос: о превратностях нетворческих пересечений // Наше наследие. 2015. № 114. С. 38–52.
12. *Поберезкина П.Е.* Вокруг Ахматовой. М.: Азбуковник, 2015. 320 с.
13. Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии / публ., сост. Н.В. Клычковой, вступ. ст., коммент. С.И. Субботина // Новый мир. 1989. № 9. С. 103–224.
14. *Субботин С.И.* Иван Васильевич Евдокимов: из дневников и записных книжек // Текстологический временник: Русская литература XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3. С. 449–486.
15. *Тименчик Р.* Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. Ч. 2. С. 561–617.
16. *Толмачев М.* Бутылка в море: Страницы литературы и искусства. М.: Д. Аронов, 2002. 558 с.
17. Художники группы «Тринадцать»: (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.) / сост., вступ. ст. М.А. Немировской. М.: Сов. художник, 1986. 216 с.
18. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997.
19. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра, 2006. Т. 12. 660 с.

Статья поступила в редакцию: 25.04.2020

Одобрена после рецензирования: 19.07.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

From the Index to Akhmatova's "Notebooks": A. Efros

© 2020. Roman D. Timenchik

The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

Abstract: An essay from the author's cycle "From the Index to Akhmatova's 'Notebooks' ", opening the fifth dozen in a series of similar ones, demonstrates an attempt of extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the names of characters present on the pages of her notebooks, a kind of free Akhmatova encyclopedia, where different times of her long life are combined in an onomasticon. A commentary of this kind snatches out representative fragments of Akhmatova's epoch, but the degree of presence or absence of different persons in the index do not always reflect their weight in Akhmatova's biography. This essay is dedicated to the art critic, poet, Pushkinist Abram Efros.

Keywords: Anna Akhmatova, A.M. Efros, commentary, notebooks, biography.

Information about the author: Roman D. Timenchik, PhD in Philology, Professor, The Hebrew University of Jerusalem, HUJI, Jerusalem 91904, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

For citation: Timenchik, R.D. "From the Index to Akhmatova's 'Notebooks': A. Efros." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 292–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-292-303>

References

1. Barkova, A. "Pis'ma k P.A. i M.N. Kuz'ko (1940–1947)" ["Letters to P.A. and M.N. Kuzko (1940–1947)"], publ. by O.K. Pereverzev. *De visu*, no. 5/6, 1994. pp. 49–62. (In Russ.)
2. Varava, B. *Vospominaniia sibirskogo knizhnika i antikvara (v poiskakh Serebrianoogo veka)* [*Memoirs of a Siberian Bibliophile and Antiquarian (in Search of the Silver Age)*]. Moscow, Sredi kollektionerov Publ., 2013. 234 p. (In Russ.)
3. *Genrikh Iagoda: Narkom vnutrennikh del SSSR, General'nyi komissar gosudarstvennoi bezopasnosti: Sbornik dokumentov* [*Genrikh Yagoda: People's Commissar of Internal Affairs of the USSR, General Commissioner of State Security: Collection of Documents*], comp. by V.K. Vinogradov et al., sci. ed. A.L. Litvin. Kazan', Uchastok operativnoi poligrafii TPP "KRISTA" Publ., 1997. 542 p. (In Russ.)
4. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [*Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)*], comp. and text prep. by K.N. Suvorova, entry art. E.G. Gerstein, scientific advice, introd. to notebooks, indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 849 p. (In Russ.)

5. Levinson, A. “Anna Akhmatova — russkaia Marselina” [“Anna Akhmatova — Russian Marceline ”], publ., introd., notes by I. Staf. *Literaturnoe obozrenie*, no. 5, 1989, pp. 52–56. (In Russ.)
6. Lekmanov, O. “Efros A.M.”. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia [Mandelstam Encyclopedia]*, vol. 1. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 569. (In Russ.)
7. Luknitskii, P.N. “Dnevnik 1928 goda” [“Diary of 1928 ”], publ. and comm. by T.M. Dvinyatina. *Litsa. Biograficheskii al'manakh [Faces. Biographical almanac]*, issue 9. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 341–495. (In Russ.)
8. Liubimov, N.M. *Neuviadaemyi tsvet. Kniga vospominanii [Fadeless Color. Book of Memoirs]*, vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2000. 411 p. (In Russ.)
9. Mandel'shtam, N. *Vospominaniia [Memoirs]*. Moscow, Kniga Publ., 1989. 483 p. (In Russ.)
10. Naiman, A. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi [Stories about Anna Akhmatova]*. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1989. 302 p. (In Russ.)
11. Nerler, P. “Mandel'shtam i Efros: o prevratnostiakh netvorcheskikh peresechenii” [“Mandelstam and Efros: on the Vicissitudes of Non-Creative Intersections”]. *Nashe nasledie*, no. 114, 2015, pp. 38–52. (In Russ.)
12. Poberezkina, P.E. *Vokrug Akhmatovoi [Around Akhmatova]*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
13. Sergei Klychkov: *Perepiska, sochineniia, materialy k biografii [Sergey Klychkov: Correspondence, Works, Materials for Biography]*, publ., comp. by N.V. Klychkova, introd., comm. by S.I. Subbotin. *Novyi mir*, no. 9, 1989, pp. 103–224. (In Russ.)
14. Subbotin, S.I. “Ivan Vasil'evich Evdokimov: iz dnevnikov i zapisnykh knizhek” [“Ivan Vasilievich Evdokimov: from Diaries and Notebooks”]. *Tekstologicheskii vremennik: Russkaia literatura XX veka [Textology Chronicle: Russian Literature of the 20th Century]*, book 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 449–486. (In Russ.)
15. Timenchik, R. “Putevoditel' po ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi” [“A guide to Akhmatova's ‘Notebooks’.”]. *Permiakovskii sbornik [Permyakov Collection]*, part 2. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 561–617. (In Russ.)
16. Tolmachev, M. *Butylka v more: Stranitsy literatury i iskusstva [A Bottle in the Sea: Pages of Literature and Art]*. Moscow, D. Aronov Publ., 2002. 558 p. (In Russ.)
17. *Khudozhniki gruppy “Trinadtsat’”: (Iz istorii khudozhestvennoi zhizni 1920–1930-kh gg.) [Artists of the “Thirteen” Group: (From the History of Artistic Life of the 1920–1930s)]*, comp., introd. by M.A. Nemirovskaya. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1986. 216 p. (In Russ.)
18. Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t. [Notes about Anna Akhmatova: in 3 vols.]*. Moscow, Soglasie Publ., 1997. (In Russ.)
19. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected works: in 15 vols.]*, vol. 12. Moscow, Terra Publ., 2006. 660 p. (In Russ.)

The article was submitted: 25.04.2020

Approved after reviewing: 19.07.2020

Date of publication: 25.09.2020

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-304-342>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Н.И. Новиков — издатель поэзии А.П. Сумарокова

© 2020, К.Ю. Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Среди заслуг выдающегося просветителя Николая Ивановича Новикова (1744–1818) есть и такая, как издание «Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе» А.П. Сумарокова, ставшее первым опытом создания собрания сочинений русского писателя. В распоряжении Новикова была часть литературного архива Сумарокова, которая позднее оказалась утеряна. В статье рассматривается значение для новиковского собрания поэтических произведений Сумарокова, опубликованных ранее в периодике XVIII столетия. Когда это было возможно, привлекались рукописи его стихотворений, хранящиеся в петербургском филиале Архива Российской академии наук. Специальное внимание уделено издательской истории эклог Сумарокова. Также анализируются некоторые аспекты позднейших изданий поэта, подготовленных Г.А. Гуковским (1935) и П.Н. Берковым (1957).

Ключевые слова: русская литература XVIII века; Н.И. Новиков; «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» А.П. Сумарокова; Г.А. Гуковский; П.Н. Берков.

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, наб. Макарова, 4, 199034 Санкт-Петербург, Россия. E-mail: irliran@mail.ru.

Для цитирования: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Н.И. Новиков — издатель поэзии А.П. Сумарокова // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 304–342. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-304-342>

Список сокращений

БП (1935) — Сумароков А.П. Стихотворения / под ред. А.С. Орлова при участии А. Малеина, П. Беркова и Г. Гуковского. Л.: Советский писатель, 1935. 486 с.

БП (1957) — Сумароков А.П. Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с.

ЕС — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие.

НР (1756) — Статьи, напечатанные в «Ежемесячных сочинениях» 1755 г. с ред. пометами Г.Ф. Миллера // СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 217. 607 л.

ОТ (1774) — Оды торжественные / сочинение Александра Сумарокова. СПб., при Имп. Акад. наук, 1774.

ПВ — Праздное время в пользу употребленное.

ПСВС-1 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова / собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 1–10.

ПСВС-2 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова / собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете / издание второе. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. Ч. 1–10.

РС (1769) — Разные стихотворения Александра Сумарокова. СПб., при Имп. Акад. наук, 1769.

СД (1774) — Сумароков А.П. Стихотворения духовные. [СПб., при Имп. Акад. наук, 1774].

ТП — Трудолюбивая пчела.

Эклоги (1774) — Эклоги Александра Сумарокова. [СПб., при Имп. Акад. наук, 1774].

Среди многообразных и широко известных заслуг выдающегося русского просветителя Николая Ивановича Новикова есть и такая, как опыт издания первого «Полного собрания всех сочинений» отечественного писателя-классика. Объектом трудоемких эдичионных усилий Новикова по очевидным причинам стало творческое наследие автора, которого он в высшей степени почитал и талантом которого восхищался. Собрания сочинений Александра Петровича Сумарокова великий русский просветитель публиковал в десяти частях дважды: в 1781–1782 гг. (*ПСВС-1*) и в 1787 г. (*ПСВС-2*); оба они не утратили значения для исследователей по сей день. К тому же научные издания сочинений Сумарокова XX–XXI вв. немногочисленны: в 1935 и 1957 гг. его произведения выходили в свет в Большой серии «Библиотеки поэта» (*БП (1935)*; *БП (1957)*) и дважды в Малой серии — в 1935 и 1953 гг.¹; в 1990 г. Ю.В. Стенник издал драматические произведения в серии «Библиотека русской драматургии» [15], а в 2009 г. вышло в свет репринтное воспроизведение двух прижизненных поэтических сборников Сумарокова – «Оды торжественные» (1774) и «Элегии любовные» (1774), подготовленное Р. Вроном [16]². Упомяну здесь и «Избранные сочинения в стихах», изданные Т.Е. Абрамзон и М.А. Амелиным к 300-летию со дня рождения поэта [14]. По очевидным причинам сами произведения Сумарокова находились в этих изданиях в центре внимания их исследователей и комментаторов. Что же касается настоящей статьи, то в ней мне бы хотелось сменить угол зрения, выдвинув на первый план новиковские собрания сочинений Сумарокова, и попытаться хотя бы предварительно оценить их из эдичионной перспективы. Это тем более важно, что в распоряжении просветителя оказалась часть архива Сумарокова (позднее погибшая), а ряд произведений поэта был опубликован Новиковым впервые³. При этом детальному анализу мною пока подвергнута лишь сравнительно небольшая часть

¹ Обзор принципов этих изданий см.: *БП (1957)*. С. 515.

² Книга включает исследовательские статьи Р. Врона, М.Л. Гаспарова, В.М. Живова, А.Б. Каменского, М. Левитта, К.Л. Осповата.

³ В объявлении Новикова о начале подписки на Собрание сочинений Сумарокова указано, что на две трети их составят произведения, опубликованные ранее, и лишь одну треть сочинения, еще не напечатанные и, значит, извлекаемые из доставшихся Новикову бумаг: «Наше же собрание будет содержать все его (Сумарокова. — К. Л.-Д.) труды, как прежде печатанные, так и оставшиеся по смерти его, коих наберется около третьей части всего издания» (Московские ведомости. 1780. 8 янв., № 3. С. 23). В объявлении о подписке на *ПСВС-2* никаких данных о его составе не сообщалось (Московские ведомости. 1786. 28 окт., № 86. С. 750); объявление было до конца года еще не раз перепечатано в кратком и в полном виде в «Московских ведомостях». Появилось это известие и в «Санктпетербургских ведомостях» (1786. 27 нояб., № 95. С. 1200–1201), которые сообщили в середине февраля следующего

текстов — отдельные поэтические оригинальные и переводные произведения, рукописями которых мы располагаем, а также сборник «Эклоги» (1774)⁴. Накопившиеся наблюдения уже достаточно многочисленны и, думается, имеют важное значение для эвальной новиковских собраний сочинений Сумарокова в целом. Способны они и до известной степени пролить свет на то, как велась работа над этими изданиями. В дальнейшем, конечно же, следует распространить начатый текстологический анализ на другие произведения Сумарокова и выявить особенности воспроизведения Новиковым всех текстов. Предлагаемые выводы приобретают необходимую весомость лишь в контексте суждений предшественников о новиковских собраниях Сумарокова — в первую очередь Г.А. Гуковского и П.Н. Беркова. К их обзору и имеет смысл здесь обратиться.

§ 1. Г.А. Гуковский о новиковских собраниях сочинений Сумарокова

В своей до сих пор не опубликованной статье «Библиографические заметки к “Полному собранию сочинений Сумарокова”, изданному Н.И. Новиковым в десяти томах» [1] Г.А. Гуковский предложил комментированный обзор содержания и композиции как *ПСВС-1*, так и *ПСВС-2*. Попробую суммировать важнейшие замечания ученого, релевантные для настоящей статьи:

А. Новиков не только выступил составителем десятитомника в целом, определив его композицию, но в ряде случаев выстроил отдельные тематические разделы в томах, т. е. «книги в книгах». По мнению Гуковского, «Новиков свел изданные в разное время псалмы воедино и расположил их по порядку Псалтыри» в части I, а также сформировал шестую книгу притч Сумарокова (49 из них было

года о поступлении в продажу *ПСВС-2* в Петербурге (Там же. 1787. 16 февр., № 14. С. 195–196).

Ср. также: «В течение XIX в. сочинения Сумарокова не переиздавались. Памятником его былой известности остается “Полное собрание всех сочинений” (1780–1781. Ч. 1–10; 2-е изд., с небольшими изменениями, 1787), осуществленное Новиковым. При определении корпуса произведений Новиков использовал рукописи писателя, архив которого затем бесследно исчез» [13, с. 199]. Важные соображения об издательской стратегии Новикова в связи с изданием Сумарокова сделаны в книге: [6, с. 108–109].

⁴ В связи с рассмотрением издательской истории этого сборника хочу упомянуть доклад Н.А. Гуськова «“Эклоги” А.П. Сумарокова как поэтическая книга: к постановке проблемы», сделанный 2 октября 2017 г. на конференции «Литературное творчество Александра Петровича Сумарокова» в ИРЛИ РАН и давший важные импульсы данному исследованию.

рассеяно по журналам, остальные же 11 были напечатаны впервые, видимо, по рукописям Сумарокова) [1].

Б. Обращение Новикова с текстами было более чем свободным. Так, в связи с тем, что Сумароков сводил порой в одном из своих переложений части нескольких псалмов, Новиков затем дробил их, чтобы расположить «по порядку Псалтыри».

В. Заглавия ряда стихотворений оказались изменены — по большей части в связи с необходимостью поместить их в определенные подборки и разделы; подзаголовки, нередко весьма существенные, были подчас без всяких оговорок опущены.

Г. Ориентируясь, с одной стороны, на прижизненные сборники Сумарокова, с другой — на журнальные публикации его стихотворений, Новиков, подавленный обилием материалов, в ряде случаев по недосмотру печатал одни и те же тексты по несколько раз:

1) Перевод из Горация с названием «Ода. Из Горация. Кн. II. Од. XIV» («Ийти конечно вон из света...») был впервые напечатан в журнале «Праздное время в пользу употребленное» в 1760 г. (*ПВ*. С. 161–163) В новиковских собраниях сочинений Сумарокова он был воспроизведен и в первой (раздел «Отрывки»), и во второй части (раздел «Оды разные») обоих изданий (*ПСВС-1. Ч. 1 (1781)*. С. 309–310; *ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 193–194; *ПСВС-2. Ч. 1 (1787)*. С. 311–312; *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 165–166). Тексты идентичны, но названия различаются: в частях первых над текстом читаем: «Преложено в стихи из русского перевода», т. е. отсутствие здесь указания на Горация затруднило Новикову соотнесение с публикацией в *ПВ*, по которой текст опубликован во вторых частях. Из чего можно заключить, что в части I *ПСВС-1* перевод был напечатан по некой рукописи (автографа или списку).

2) Ода с названием «Ода на суету мира» («Среди игры, среди забавы...»), обращенная к Хераскову, была впервые опубликована в 1763 г. в «Свободных часах»⁵, а затем перепечатана в 1769 г. в сборнике «Разные стихотворения» (*РС (1769)*. С. 64–66), в 1774 г. — в «Некоторых духовных стихотворениях» (*СД (1774)*. С. 207–210) и позднее в первых частях обоих собраний сочинений в разделе «Оды и другие духовные сочинения и преложения» (*ПСВС-1. Ч. 1 (1781)*. С. 220–222; *ПСВС-2. Ч. 1 (1787)*. С. 222–224; раздел «Оды и другие духовные сочинения и преложения»). То же стихотворение с названием «Ода XXV. К Михайлу Матвеевичу Хераскову» вос-

⁵ Сумароков А.П. Ода на суету мира («Среди игры, среди забавы...») // Свободные часы. 1763. Март. С. 172–174 (подп. в конце подборки: А.С.).

произведено в разделе «Оды разные» обоих новиковских изданий (*ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 217–219; *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 184–186).

3) Притчу «Кукушки» («Наместо соловьев кукушки здесь кукуют...») Новиков впервые опубликовал в VII части сумароковского собрания 1781 г. (*ПСВС-1. Ч. 7 (1781)*. С. 331; *ПСВС-2. Ч. 7 (1787)*. С. 331; в составе шестой книги «Притч», которую формировал Новиков). Но она также «затесалась» и в раздел «Эпиграммы» IX части (*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 134; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 126).

4) Стихотворная загадка («Под камнем сим лежит какой-то черепок...») опубликована была в части IX дважды: сначала в разделе «Загадки», затем среди «Разных прозаических сочинений и переводов» (*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 160; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 149; *ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 357; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 318).

Эти примеры неоднократного печатания одних и тех же стихотворений в разных томах, приведенные Гуковским, можно умножить:

1) «К неправедным судьям» («О вы, хранители уставов и суда...») ⁶ находим в части I собрания и в числе «Од и других духовных сочинений и преложений» (*ПСВС-1. Ч. 1 (1781)*. С. 232–233; *ПСВС-2. Ч. 1 (1787)*. С. 234–235), и среди эпистол (*ПСВС-1. Ч. 1 (1781)*. С. 328; *ПСВС-2. Ч. 1 (1787)*. С. 330).

2) «Апреля первое число» («Апреля в первый день обман...») ⁷ оказалось напечатано и в части VII среди притч (*ПСВС-1. Ч. 7 (1781)*. С. 315–316; *ПСВС-2. Ч. 7 (1787)*. С. 315), и в части IX в разделе «Разные мелкие стихотворения» (*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 162; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 150–151).

3) Ода «О добродетели» («Все в пустом лишь только цвете...») ⁸ воспроизведена и в I части в разделе «Оды и другие духовные сочинения и преложения» (*ПСВС-1. Ч. 1 (1781)*. С. 222–224; *ПСВС-2. Ч. 1 (1787)*. С. 224–226), и в числе «Од разных» (*ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 181–182; *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 155–157).

⁶ *ТП. 1759*. Май. С. 282–283. Также: *РС (1769)*. С. 59–60; *СД (1774)*. С. 215–216.

⁷ *ТП. 1759*. Май. С. 310. Указание в конце номера: «Весь сей месяц сочинения Александра Сумарокова».

⁸ *ТП. 1759*. Ноябрь. С. 699–701 (с назв.: «Ода»; подп. в конце подборки: А.С.). Также: *РС (1769)*. С. 66–68 (с назв.: «Ода о добродетели»); *СД (1774)*. С. 210–212 (с назв.: «Ода о добродетели»).

Отмечу, что данные случаи, возникшие по недосмотру, следует отличать от других, когда одни и те же тексты оказывались включены в иные жанровые единства, как, например, было с четырьмя эпиграммами⁹, вошедшими позднее в «Новую забавную лотерейную игру, состоящую из 60 эмблем с 60 девизами, разделенную на четыре класса» (М., 1764), а потому также напечатанную Новиковым и среди эпиграмм¹⁰, и в числе билетцев в IX части: 1) «Что я в любви таюся, кого я тем врежу?...»; 2) «Знай, тебе я непременно...»; 3) «За что неверно тебе я прослыла...»; 4) «Всем сердцем я люблю и вся горю любя...»¹¹. Среди билетцев находим также два мадригала, у которых оказалась сходная эдиционная судьба: 1) «Мы не в равной доле...»; 2) «Стоя при водах, ощущаю жажду...»¹².

Д. Новиков, как справедливо отметил Гуковский, опубликовал в собраниях сочинений поэта также ряд произведений, Сумарокову не принадлежащих:

1. Следующий перевод был сделан неизвестным автором, а не Сумароковым: «Ода Дстойная любви, перевод из Геллерта» («Пред всеми хвальна будь иными...»; *ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 169–171; *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 147–149; в разделе «Оды разные»)¹³.

2. В 1759 г. в подборке за подписью «А.А.», что неопровержимо указывает на авторство А.А. Аблесимова, в *ТП* были опубликованы следующие стихотворения (*ТП*. 1759. Сент. С. 574–575; подп. в конце подборки: А.А.)¹⁴, позднее включенные Новиковым в сумароковский корпус: 1) «Как я женат, тому четырех нет недель...»; 2) «Приказчик в деревнях иль в доме управитель...»; 3) «Живу на свете я уж лет десятков шесть...»; 4) «В пресильном я любви горю к тебе огне...»;

⁹ Все четыре стихотворения опубликованы впервые как эпиграммы: *ЕС*. 1756. Март. С. 365 (подп. в конце подборки: А.С.).

¹⁰ *ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 118; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 112–113.

¹¹ Как билетцы напечатаны: *ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 201, 202, 206, 209; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 188, 186, 192, 194.

¹² Впервые опубликованы именно как мадригалы: *ЕС*. 1756. Апр. С. 362–363 (подп. в конце подборки: А.С.). В части IX напечатаны и как мадригалы (*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 154; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 145, 144), и как билетцы (*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 198, 200; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 184, 185).

¹³ Ср. у Гуковского: «“Ода VIII. Дстойная любви, перевод из Геллерта” напечатана впервые в 1755 г. в “Ежем. соч.” (т. II, стр. 151) при “Письме к издателю ежемесячных сочинений”; из этого письма явствует, что автор — не поэт, а робкий дилетант. Подписи нет. Стихи явно не похожи на сумароковские. Очевидно, это стихи не Сумарокова. Новиков внес их в свое издание, видимо, по ошибке, так как они напечатаны в “Ежем. соч.” рядом с сумароковскими» [1]. См. также: [5].

¹⁴ Данную подборку замыкает эпиграмма «Мужик не позабудет...», подписанная «А.С.», что, видимо, и стало причиной оплошности.

5) «Ты, муж мой, сердисься, зовешь меня суровой...»; 6) «Я с малых лет одной привычки сей держуся...»; 7) «Подьячий здесь зарыт, нашел которой клад...»¹⁵. Данный огрех, увы, не обошелся без последствий: П.Н. Берков включил седьмое из вышеперечисленных стихотворений в том произведении Сумарокова в «Библиотеке поэта» (*БП (1957)*. С. 260), а эпиграмма «Живу на свете я уж лет десятков шесть...» напечатана как сумароковская в одном из наиболее авторитетных изданий русских эпиграмм в Большой серии той же «Библиотеки поэта» [10, с. 82].

3. Надпись «Ко статуе государя Петра Великого», помещенная в части I, видимо, по какому-то списку (*ПСВС-1. Ч. 1 (1781)*. С. 266; *ПСВС-2. Ч. 1 (1787)*. С. 268) также появилась в *ПСВС-1* в составе «Письма к издателям “Всякой всячины”» (*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 325–327; надпись на с. 326)¹⁶, но была исключена из *ПСВС-2*, в связи с чем в части X сзади подклеено следующее обращение «К читателю»: «В первом издании сочинений г. Сумарокова ошибку внесено было в IX часть “Письмо к господам издателям “Всякия всячины””, с приобщением “Надписи к статуе Петра Великого”, которая сочинена не им, но неизвестным сочинителем, почему оные в нынешнем издании и выключены» (*ПСВС-2. Ч. 10 (1787)*. С. 279).

Е. С одним упреком Гуковского все же нельзя согласиться — с тем, что Новиков публиковал части стихотворений как отдельные произведения без каких-либо на то оснований. Ученый имел в виду «Оду государыне великой княгине Наталии Алексеевне» («Колико Ты прекрасна зрима...»)¹⁷, состоящую из 7-й, 9-й и 10-й строф «Оды государыне великой княгине Наталии Алексеевне на первый день 1774 года» («Из дальних нам и смежных вод...»)¹⁸, и стихотворение

¹⁵ Первые шесть из них находим среди эпиграмм (№ 52–57): *ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 131–132; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 123–124. Седьмое — в корпусе эпитафий: *ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 148; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 138. И в *ПСВС-1. Ч. 9*, и в *ПСВС-2. Ч. 9* также напечатаны как сумароковские стихи Ф.А. Козловского; перепеч.: *БП (1957)*. С. 295. Отмечено в статье Р.Г. Бокк (XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 396–398).

¹⁶ Всякая всячина. 1769. С. 138–139.

¹⁷ *ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 131–132 (раздел «Оды торжественные»); *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 117–118 (раздел «Оды торжественные»).

¹⁸ Впервые отд. изд.: Ода е. и. в. государыне Наталии Алексеевне великой княгине супруге наследника российского престола на первый день 1774 года / сочинение Александра Сумарокова. СПб., 1774. Также: *ОТ (1774)*. С. 100–103; *ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 141–144 (раздел «Оды торжественные»); *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 125–127 (раздел «Оды торжественные»).

«О Америке» («Коснулись европейцы суши...»),¹⁹ одновременно являющееся 17-й строфой «Оды, сочиненной в первые лета моего во стихотворении упражнения» («Вперяюся в премены мира...»).²⁰ Дело в том, что оба этих стихотворения были изъяты из собственных более объемных текстов и первоначально напечатаны *самим Сумароковым* как отдельные произведения²¹, т. е. эдиционное решение Новикова нужно считать вполне обоснованным.

Справедливо полагая Новикова архитектором сумароковского собрания, Гуковский видел в его структуре, с одной стороны, отражение господствовавших литературно-иерархических представлений эпохи, с другой же, анализируя отклонения от них, — «установок новиковского масонского морализма» [1]²². Ученый отметил и ряд композиционных неувязок, которые, на мой взгляд, объясняются в первую очередь тем, что многие разделы формировались по ходу дела, параллельно с разбором печатных и рукописных материалов, имевшихся в распоряжении Новикова²³. Также, судя по всему, часть из них поступила к издателю-просветителю позднее, когда ряд томов уже вышел в свет. Тщательно указывая первопубликации сочинений Сумарокова, вошедших в собрание, Гуковский не имел возможности, да и не ставил своей задачей проанализировать, с какой степенью точности они были воспроизведены Новиковым и можно ли сделать вывод о том, что в ряде случаев он располагал или же не располагал более авторитетными рукописями ранее напечатанных произведений поэта, так что посмертные их публикации в новиковском собрании можно признать более авторитетными по отношению к прижизненным. Именно этот аспект меня интересует в наибольшей степени в данной работе, но прежде чем перейти к его рассмотрению, необ-

¹⁹ *ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 168 (раздел «Разные мелкие стихотворения»); *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 156–157 (раздел «Разные мелкие стихотворения»).

²⁰ *ПСВС-1. Ч. 2 (1781)*. С. 195–201 (раздел «Оды разные»); *ПСВС-2. Ч. 2 (1787)*. С. 166–172 (раздел «Оды разные»).

²¹ «Ода государыне великой княгине Наталии Алексеевне» («Колико Ты прекрасна зрима...») опубликована впервые как отдельное произведение в кн.: *ОТ (1774)*. С. 94–95. Стихотворение «О Америке» («Коснулись европейцы суши...») увидело свет в журнале «Трудолюбивая пчела» (*ТП*. 1759. Ноябрь. С. 704; подп. в конце подборки: А.С.).

²² Некоторые из этих неувязок Новиков устранил в *ПСВС-2*, но в данной статье я не имею возможности рассматривать их подробно, как и композиционные особенности обоих сумароковских собраний.

²³ Ряд произведений Сумарокова, помещенных в новиковских собраниях сочинений, являются не оригинальными, а переводными, как было выяснено совсем недавно. Знай об этом Новиков, он, возможно, выстроил бы иначе разделы в составленных им томах. В связи с этим см. статью, устанавливающую источники ряда переводов: [3].

ходимо уделить некоторое внимание тому Сумарокова в «Библиотеке поэта», подготовленному П.Н. Берковым в 1957 г.

§ 2. Некоторые соображения в связи с «Избранными произведениями» Сумарокова, подготовленными П. Н. Берковым

Готовя в 1957 г. том Сумарокова в Большой серии «Библиотеки поэта», П.Н. Берков пришел к мнению, что «Новиков тщательно обследовал русские журналы за целое двадцатилетие — с 1755 по 1776 г. и извлек оттуда все подписанные Сумароковым и анонимные, но приписывавшиеся ему» (*БП (1957)*. С. 513). К заслугам Новикова ученый причислял то, что тот не только стремился «собрать по возможности все тексты Сумарокова»²⁴, но и в ряде случаев дать первые редакции произведений, порой значительно отличающиеся от позднейших прижизненных (так было, к примеру, с эклогами и элегиями), хотя он и не провел этот принцип последовательно в отношении всех текстов.

В то же время Берков отмечал, что в некоторых текстах, напечатанных по рукописям, великий просветитель порой не мог прочесть отдельные слова и даже строки, а потому обозначал такие места отточиями. Вслед за Гуковским Берков не исключал и того, что, возможно, данные места не были приведены в окончательный вид самим Сумароковым. При этом он утверждал, что произведения, печатавшиеся при жизни поэта, были воспроизведены в новиковских собраниях сочинений с большой тщательностью. Берков также выражал оправданные сомнения в том, что все напечатанное Новиковым впервые (в особенности песни, хоры и мелкие произведения), принадлежит перу Сумарокова.

По настоянию А.С. Орлова в основу *БП (1935)* был положен и последовательно осуществлен принцип воспроизведения первопечатных текстов поэта. Для издания 1957 г. Берков избрал иной подход: согласно его собственному утверждению, он печатал произведения Сумарокова, как правило, «в последней прижизненной редакции». В комментариях ученый неизменно указывает первые публикации произведений и, когда нет других указаний, из этого

²⁴ Подчеркивая, что первое новиковское издание отличается большой полнотой, Берков смог назвать лишь три оды, одну эпиграмму и «Сокращенную повесть о Стеньке Разине» как произведения Сумарокова, Новиковым не напечатанные (*БП (1957)*. С. 513, 515).

должно следовать, что именно по ним воспроизводится текст. Все же в ряде случаев можно утверждать, что П.Н. Берков опирался на одно из новиковских собраний сочинений (как кажется, второе по счету) и по каким-то причинам не произвел сверок с журналами. Иначе невозможно объяснить напечатание в *БП (1957)* эпиграммы Аблесимова «Подьячий здесь зарыт, нашел которой клад...» (см. об этом выше).

Приведу еще несколько примеров в пользу этого соображения.

Во всех прижизненных публикациях «Перевода пятой Фонтенелевой эклоги» в стихе 14 имеем словосочетание «для того то» со значением «по той причине» (имеется в виду ожидание Эрастом нежных речей Ирисы):

И для **того-то**²⁵ ночь ему длинна казалась.

(*ЕС*. 1756. Март. С. 268; *ПСВС-1*. Ч. 8 (1781). С. 155).

И в *ПСВС-2*, и в *БП (1957)* здесь находим не энклитику «то», а указательное местоимение «та», что существенно меняет значение стиха:

И для **того та** ночь ему длинна казалась.

(*ПСВС-2*. Ч. 8 (1787). С. 147; *БП (1957)*. С. 476)²⁶.

Заслуживает внимания и случай в эклоге «Дориза», где Берков в стихе 57 вопреки смыслу печатает «зрак» вместо «мрак», игнорируя правильный вариант двух первых первопубликаций (об этом см. подробнее ниже)²⁷. Также и в стихе 12-го сонета «Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил...» ученый следует *ПСВС-1* и *ПСВС-2*, а не прижизненным его вариантам²⁸.

²⁵ Здесь и далее полужирным шрифтом выделяются loci, находящиеся в фокусе текстологического анализа. Дефис, отсутствующий в изданиях XVIII столетия, проставлен мною.

²⁶ Других существенных расхождений между этими тремя воспроизведениями текста перевода из Фенелона не имеется (т. е. *ЕС*, *ПСВС-1*, *ПСВС-2*). П.Н. Берков отступает от них лишь один раз — в стихе 62, меняя в нем (возможно, по настоянию издательского редактора) «прешел» на «прошел». Весь стих в исконном виде выглядит так: «Весь страх его прешел, скончалось время грозно».

²⁷ См. примеч. 55 и текст в § 9, поясняемый им.

²⁸ См. примеч. 31 и текст в § 3, поясняемый им.

§ 3. Из наблюдений над текстом отдельных оригинальных и переводных стихотворений

Сохранились наборные рукописи сравнительно большого числа стихотворений, печатавшихся Сумароковым в 1755 г. в «Ежемесячных сочинениях» (*HP (1756)*)²⁹. По мнению Л.Б. Модзалевского, впервые обратившего на них внимание, это автографы писателя³⁰. Данные материалы предоставляют довольно редкую возможность проанализировать, сколь качественно производилось печатание его произведений в первом русском литературном журнале, а также проследить, использовались ли при их более позднем воспроизведении в новиковских собраниях сочинений Сумарокова какие-то иные источники текста, кроме первопубликаций. И хотя мне пока удалось обследовать не все рукописные материалы, релевантные для темы, накопившиеся наблюдения представляют, на мой взгляд, безусловную ценность.

1. Заключительный катрен сонета Сумарокова «Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил...» читается и в *HP (1756)*, и в журнале следующим образом:

Но как ни горестен был век мой, я стоною,
Что кончается сей долгий страшный сон:
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

(*HP (1756)*. Л. 298; *EC*. 1755. Июнь. С. 534).

И в *ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*, и в *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)* здесь в стихе 12 находим, хотя и не очень явную, но все же опечатку³¹:

Но как ни горестен был век мой, а стоною,

(*ПСВС-1. Ч. 9 (1781)*. С. 109; *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*. С. 105).

²⁹ Статьи, напечатанные в «Ежемесячных сочинениях» 1755 г. с редакторскими пометами Г.Ф. Миллера // СПбФ АРАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 217. 607 л. (далее — *HP (1756)*). Подробную комментированную роспись содержащихся здесь материалов см. в: [8, с. 83–104].

³⁰ «А.П. Сумароков, участвовавший в “Ежемесячных сочинениях” с мартовского номера, всегда переписывал, как это нами установлено на основании обнаруженных его рукописей, свои сочинения также собственноручно» [7, с. 50; 8, с. 35].

³¹ П.Н. Берков следует варианту *ПСВС-1. Ч. 9. (1781)* и *ПСВС-2. Ч. 9 (1787)*: *БП (1957)*. С. 170.

2. Седьмая строфа сумароковского «Дитирамба» (стихи 37–42)³² читается во всех публикациях, имевших место до сего времени, следующим образом:

Разверзается мне боле
 Высоты небесной вид:
 Петр Великий к нам оттоле
 Превеселым ликом зрит.
 Зри, **исполнены** утехи,
 В мире, Петр, свои успехи!

(*ЕС*. 1755. Июль. С. 67; *ПСВС-1*. Ч. 2. (1781). С. 156; *ПСВС-2*. Ч. 2 (1787). С. 138; *БП* (1957). С. 97).

НР (1756) дает более убедительный вариант стиха 41:

Зри, **исполненный** утехи,
 В мире, Петр, свои успехи!

(*НР* (1756). Л. 348 об.).

Действительно, куда более сообразуется со смыслом то, что царь, созерцающий свои успехи, «исполнен утехи», чем успехи, «исполненные утехи».

3. «Гимн Венере, сафическим стопосложением» справедливо считается одним из наиболее удавшихся лирических произведений Сумарокова и блестящим опытом силлабо-тонической логэдиической строфы³³. Надо сказать, что Новиков, включив это стихотворение в раздел «Од разных», был вынужден и переименовать его, и присвоить порядковый номер, почему оно и в *ПСВС-1*, и в *ПСВС-2* получило название «Ода IV. Венере, сафическим стопосложением».

Прочитую первые три катрена этого стихотворения так, как они были трижды напечатаны в XVIII в.:

³² И в *ПСВС-1*. Ч. 2. (1781), и в *ПСВС-2*. Ч. 2 (1787) стихотворение озаглавлено как «Дифирамв» (разумеется, через фиту, а не через ферг), что является недопустимым искажением. Новиков, подправляя название, опирался на более позднее написание этого слова Сумароковым (ср.: «Дифирамв е. и. в. государыне Екатерине Алексеевне ... на день тезоименитства ея ноября 24 дня 1763 года», «Дифирамв Пегасу»).

³³ В «Гимне Венере» стихи парно зарифмованы в отличие от еще одного примера силлабо-тонической логэдиической строфы в поэзии Сумарокова, в котором рифм нет, — «Второй оды Сафы, сочиненной по русскому переводу г. Козицкого» («Разных Афродита царица тронов...», 1758).

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всею вселенной правишь,
Праздности славишь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно **ль изъяснить** сии утехи:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Темно вешает.

(*ЕС*. 1755. Июль. С. 69; *ПСВС-1*. Ч. 2 (1781). С. 164; *ПСВС-2*. Ч. 2 (1787). С. 144; *БП* (1935). С. 61).

В первых трех стихах вышеприведенных строф находим сапфический одиннадцатисложник с вольной цезурой (× ∪ × ∪ ' ∪ ∪ ' ∪ ' ∪), за исключением стиха 10, в котором вместо одиннадцати всего десять стихов. Именно поэтому, как кажется, П.Н. Берков добавил в этот стих один слог, чтобы его метрический рисунок был восстановлен (по условиям серии «Библиотека поэта» он не имел возможности обосновать это вторжение, отчего оно произошло «по умолчанию»):

Можно **ли изъяснить** сии утехи...

(*БП* (1957). С. 98).

Однако благодаря обращению к наборной рукописи можно восстановить верный авторский вариант стиха, и он несколько отличается от предложенного Берковым, а именно:

Можно **ль изъяснити** сии утехи...

(*НР* (1756). Л. 349)³⁴.

³⁴ Рукопись дает более верное и более частотное у Сумарокова «прийти» вместо «прейти» в стихе 5.

4. Все же, как убеждает следующий пример, журнальные первопубликации и в тех случаях, когда автографов нет, оказываются более надежными источниками текста, чем тексты в *ПСВС-1* и в *ПСВС-2*. Так, шестистопный ямб не нарушен в стихе 11-м подражания Горацию (*Hor. Carm. III, IX*) на страницах *ТП*:

Миртиллою я плененна:
Не буду я к нему в любви **премененна**;
Он искренен со мной, и жар его не лжив.

(*ТП*. 1759. № 6. С. 382).

А в *ПСВС-1* и в *ПСВС-2* читаем здесь «пременна» вместо «премененна», что ломает размер.

5. Эмendaция порой крайне затруднена, когда рукопись, использованная при наборе Новиковым, пропала, а журнальные первопубликации отсутствуют. Так, в анакреонтической оде «Во мразные минуты...» дважды нарушен трехстопный ямб (стихи 1–3, 19–20):

Во мразные минуты
Сын дочери Сатурна
Озяб **он** и чуть **он** дышит. <...>
А этого не знаю,
Твое исправно **ли** сердце?

(*ПСВС-1*. Ч. 2 (1781). С. 226; *ПСВС-2*. Ч. 2 (1787). С. 192).

Если в финальном стихе 20 исправление самоочевидно, то стих 3 допускает три варианта улучшения. На мой взгляд, он должен читаться так:

Во мразные минуты
Сын дочери Сатурна
Озяб, и чуть **он** дышит.

Хотя возможен и другой вариант стиха 3, также укладываемый в размер – «Озяб **он** и чуть дышит». Ну, и наконец: «Озяб он, чуть он дышит».

§ 4. Эклоги Сумарокова (творческая и эдиционная история)

Прежде чем перейти к текстам восемнадцати эклог, наиболее интересных в текстологическом отношении, имеет смысл очертить основные этапы работы поэта в этом жанре. Обращение к нему произошло в 1756 г., когда Сумароков перевел пятую эклогу Бернара Ле Бовье де Фонтенеля и опубликовал ее в «Ежемесячных сочинениях»³⁵. На этот выбор повлияла высокая оценка эклог Фонтенеля французскими писателями-классицистами; ее известности в России способствовал Третьяковский. Уже в 1735 г. в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» он писал о Фонтенеле как об «исправителе эклоги» (то же в «Эпистоле от Российской поэзии к Аполлину», содержащейся в «Способе»: «Эклогу поправил там Фонтенель пристойно»³⁶).

Неотторжимой частью классицистического жанрового канона эклога стала благодаря ее упоминанию во второй песни «Поэтического искусства» Н. Буало (1674; около 1752 г. переведено Третьяковским на русский язык как «Наука о стихотворении и поэзии»), где, впрочем, содержится лишь краткий критический выпад против тех, кто допускает в эклоги панегирический стиль. В соответствии с этим суждением и также весьма кратко об эклоге писал Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758), полагавший, что они «больше должны держаться» среднего стиля.

К пониманию жанра Сумароковым мало приближает краткое упоминание эклоги во второй из его «Двух эпистол» (СПб., 1749): «Всё хвально: драма ли, эклога или ода — / Слагай, к чему тебя влечет твоя природа»³⁷. Эклога мыслились поэтом как составная часть пасторальной поэзии, к которой относятся и другие жанры (в первую очередь идиллии) и между которыми нет четкой грани, о чем можно заключить по следующему интересному факту: эклогу «Дорис» Сумароков в 1769 г. переработал и включил в *РС (1769)*, озаглавив

³⁵ *ЕС*. 1756. Март. С. 268–270. Детальный анализ стилистики перевода и его сопоставление с оригиналом произведено Иоахимом Клейном, в силу чего этот аспект здесь не рассматривается. См.: [4, с. 71–80].

³⁶ Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий / чрез Василья Третьяковского С. Петербургския имп. Академии наук секретаря. СПб., 1735. С. 39.

³⁷ Две эпистолы Александра Сумарокова. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. [СПб., 1749]. С. 20. В связи с датировкой этой книжки см.: [17, с. 205].

«Орфиза. Пастушеская элегия»; позднее с названием «Дорис» это стихотворение было включено в *Эклоги* (1774). Это суммарное восприятие пасторальной поэзии свойственно и Фонтенелю — оно наиболее полно выражено в «Рассуждении о природе эклоги», возникшем в контексте спора Древних и Новых³⁸. Будучи далек от безоговорочного восхищения древними, Фонтенель подвергает идиллии Теокрита и эклоги Вергилия в «Рассуждении» критике; при этом, склонный неизменно подчеркивать благотворность прогресса, он находит вторые из них более совершенными в художественном отношении. Не давая рекомендаций относительно построения сюжета в пасторальных произведениях, Фонтенель обращает свое главное внимание на проблему изображения жизни пастухов, воспроизведения их речи, мира их чувств, которым призывает предавать форму «более тонкую и более деликатную» («plus fins & plus délicats»), чем у действительных пастухов, но в то же время по возможности «наиболее простую и наиболее сельскую» («la plus simple & la plus champêtre»). Он также считает, что нельзя игнорировать движение времени и изменчивость нравов, а потому полагает важным приспособление пасторальных произведений к нравам своего века и соблюдение соответствующего им стиля, как это имеет место в произведениях его современника Ж.Р. де Сегре.

Через три года после появления перевода из Фонтенеля в «Ежемесячных сочинениях» Сумароков напечатал в 1759 г. в «Трудолюбивой пчеле», им издаваемой, одиннадцать оригинальных пространных эклог: 1) «Клариса», 2) «Тирсис», 3) «Ириса», 4) «Филиса», 5) «Аркас», 6) «Ликаст», 7) «Дафнис», 8) «Климена», 9) «Дорис», 10) «Дамон», 11) «Калиста»³⁹. Еще одна эклога «Исмена» появилась в 1760 г. в журнале «Праздное время в пользу употребленное». Как и у Фонтенеля, в этой группе эклог в заглавия вынесены как мужские, так и женские имена. Судя по всему, так как ни Тредиаковский, ни Ломоносов не создали эклог, Сумароков стремился заполнить имевшуюся жанровую нишу, вступив в соперничество с самим Фонтенелем. На эту мысль наводит тот факт, что он активно заимствовал имена пасторальных персонажей из сборника французского поэта, но создавал для них иные сюжетные ситуации. Так, Клариса (Clarice) упомянута Фонтенелем в галантном стихотворении «Портрет Кларисы» («Portrait de Clarice»), Тирсис (Tirsis) и Ирис (Iris) в эклоге V («Egaste»),

³⁸ Дпервые опубликовано в кн.: Poesies pastorales de M. D. F. Avec un Traité sur la Nature de l'Eglogue, & une Digression sur les Anciens et les Modernes. Paris: M. Gueron, 1688. P. 137–224.

³⁹ Сведения об их объеме см. далее в сопоставлении с объемом других эклог.

Филис («Philis») в эклоге VI («Daphné»), Аркас (Arcas) в эклоге IV («Arcas, Palemon, Timante») и др. В то же время надо отметить, что эклоги Фонтенеля структурно более сложны: помимо основной части, написанной александрийским стихом, они почти всегда содержат посвящения, вводные и заключительные части (в том числе и в форме диалогов). В книге они набраны курсивом; в них нередко использованы иные размеры.

Сумароков продолжал работу над эклогами, планируя включить их в *РС (1769)*, о которых писал в Комиссию Академии наук 11 декабря 1768 г.: «Намерен я до отъезда моего в Москву, — куда я по последнему отправлюся пути, — мои оды, элегии, эклоги и псалмы и прочие к сему принадлежащие поэзии печатать, которые по большей части в разных книгах уже напечатаны; а иные в рукописях, которые рукописи при сем прилагаю, прося, чтоб они по освидетельствовании мне отданы были обратно, дабы я их мог отдавать, располагая и нумера, в набор по порядку»⁴⁰. Перечисляя созданное им за 1768 г., в письме Г.Г. Орлову от 25 января 1769 г. Сумароков упомянул о том, что: «старые эклоги все переделаны», а «новые сочинены» [9, с. 116–117].

Тираж *РС (1769)* был получен Сумароковым 25 февраля 1769 г.⁴¹ В книгу вошла подборка из восемнадцати эклог. Двенадцать из них, опубликованные ранее в периодике, подверглись кардинальной переработке (при этом, в частности, все мужские имена собственные были заменены в названиях на женские): 1) «Ириса», 2) «Дориза» («Дамон»), 3) «Климена» («Агнеса»), 4) «Филиса», 5) «Клариса», 6) «Пальмира» («Тирсис»), 7) «Калиста», 8) «Сострата» («Аркас»), 9) «Антиклея» («Ликаст»), 10) «Дельфира» («Дафнис»), 11) «Делия», 12) «Сильвия». К ним прибавилось еще шесть новонаписанных: 13) «Ниса», 14) «Флориза», 15) «Исмена», 16) «Мелицерта», 17) «Дафна», 18) «Орфиза. Пастушеская элегия» («Дорис»). Почти все эклоги при переработке подверглись сокращению. Лишь одна, «Клариса», сохранила свой объем (106 стихов), а еще одна, «Исмена», увеличилась в объеме (с 87 стихов до 100).

Как явствует из письма Сумарокова Г.В. Козицкому от 26 марта 1772 г., значительное число ранее не публиковавшихся эклог было написано во время длительной болезни поэта в 1771–1772 гг.: «20 но-

⁴⁰ Семенников В.П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914. С. 102.

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 160; [9, с. 204].

вых эклог, и лучше почти все всех старых, и еще кое-что» [9, с. 147]⁴². По-видимому, уже к этому времени у Сумарокова созрел замысел издать эклоги отдельной книгой, которая была готова в конце 1773 г. 7 января 1774 г., приехав из Москвы в Петербург, поэт обратился в Академию наук с доношением, в котором вскользь упоминались и эклоги: «Сатир и эклог желаю я напечатать по тысяче и по двести экземпл<яров> на обыкновенном моем формате и на такой же бумаге»⁴³. Книга таким образом должна была занять свое место в ряду жанрово-тематических сборников, которые Сумароков публиковал в 1774 г.: «Оды торжественные» (1774), «Элегии любовные» (1774), «Стихотворения духовные» (1774).

В *Эклоги* (1774) было включено восемнадцать стихотворений из *РС* (большинство из них было переработано, некоторые заглавия были в очередной раз изменены). Ниже они перечислены в том порядке, в котором были напечатаны в сборнике 1774 г. (в скобках указывается, под какими названиями они публиковались ранее и каким при этом был их объем):

- 1) «Ириса», стихов 58 («Ириса», 1759, стихов 120; «Ириса», 1769, стихов 50);
- 2) «Агнеса», стихов 62 («Климена», 1759, стихов 90; «Климена», 1769, стихов 58);
- 3) «Цефиза», стихов 72 («Дорис», 1759, стихов 100; «Орфиза», 1769, стихов 60);
- 4) «Дориза», стихов 76 («Дамон», 1759, стихов 136; «Дориза», 1769, стихов 92);
- 5) «Клариса», стихов 102 («Клариса», 1759, стихов 106; «Клариса», 1769, стихов 106);
- 6) «Пальмира», стихов 74 («Тирсис», 1759, стихов 116; «Пальмира», 1769, стихов 76);
- 7) «Филиса», стихов 98 («Филиса», 1759, стихов 130; «Филиса», 1769, стихов 102);
- 8) «Калиста», стихов 106 («Калиста», 1759, стихов 192; «Калиста», 1769, стихов 108);
- 9) «Белиза», стихов 72 («Аркас», 1759, стихов 128; «Сострата», 1769, стихов 56);

⁴² Ср. краткое упоминание в письме Екатерине II от 30 апреля 1772 г.: «Много сделал я эклог» [9, с. 153].

⁴³ Семенников В.П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. С. 102.

- 10) «Амаранта», стихов 90 («Ликаст», 1759, стихов 132; «Антиклея», 1769, стихов 110);
- 11) «Дельфира», стихов 90 («Дафнис», 1759, стихов 120; «Дельфира», 1769, стихов 90);
- 12) «Исмена», стихов 88 («Исмена», 1760, стихов 87; «Исмена», 1769, стихов 100);
- 13) «Делия», стихов 118 («Делия», 1769, стихов 122);
- 14) «Сильвия», стихов 122 («Сильвия», 1769, стихов 134);
- 15) «Ниса», стихов 94 («Ниса», 1769, стихов 98);
- 16) «Флориза», стихов 100 («Флориза», 1769, стихов 100);
- 17) «Мелицерта», стихов 80 («Мелицерта», 1769, стихов 92);
- 18) «Дафна», стихов 66 («Дафна», 1769, стихов 80).

Как несложно заметить, у эклог 1–12 трехэтапная эдиционная история: первоначально они были напечатаны в периодике, затем в *РС (1769)* и наконец вошли в *Эклоги (1774)*. У эклог 13–18 история эта двухступенчатая: в журналах они до *РС (1769)* в свет не выходили. К восемнадцати вышеперечисленным стихотворениям в 1774 г. было добавлено еще сорок шесть эклог, ранее не опубликованных, так что общее число стихотворений в сборнике *Эклоги (1774)* составило шестьдесят четыре.

Ниже излагаются наблюдения, сделанные над текстом восемнадцати эклог, подвергшихся переработке, а потому изначально в большей степени подверженных риску искажений — как в прижизненных изданиях Сумарокова, так и в *ПСВС-1* и в *ПСВС-2*. Рассмотрению отдельных эклог предпосланы их названия и краткие характеристики, идентичные тем, что даны в вышеприведенном перечне.

§ 5. Авторские несуразности в эклогах

Двенадцать эклог, опубликованных сначала в периодике, были отредактированы дважды, сначала для включения в *РС (1769)*, и на этом этапе произошли наиболее существенные структурные изменения. При этом сам автор не раз попросту запутывался, когда начинал переименовывать персонажей и перераспределять реплики между ними.

8. «Калиста», 1774, стихов 106 («Калиста», 1759, стихов 192; «Калиста», 1769, стихов 108).

Первую, наиболее просторную редакцию «Калисты», на мой взгляд, можно признать одной из наиболее удавшихся эклог Сума-

рокова. Ее гривуазная сюжетная коллизия такова: Альфиза, желая увериться в любви Атиса, подсылает к нему свою подругу Калисту, которая должна испытать его верность. Притворно искушая Атиса, Калиста увлекается его соблазнением и сама распаляется не на шутку. Когда же Атис с честью выдерживает испытание, она крайне смущена и принуждена повиниться и перед Альфизой, и перед Гиласом, с которым, как выясняется, «она в любви уж жила».

Во второй редакции эклоги, вошедшей в *PC (1769)* (также с минимальными изменениями позднее в *Эклоги (1774)*, в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* и в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)*), перераспределение ролей кардинально меняется: Атис изнемогает от любви к Калисте, которая подсылает к нему Альфизу. На несообразность в следующей ее обширной реплике, скроенной из нескольких в предыдущей редакции, впервые указал еще Берков (*БП (1957)*. С. 531):

«Ты хочешь, — говорит пастушка, — век пресечь?
 Отчаянная мысль, отчаянная речь
 Цветущей младости нимало не обычны. <...>
 Но если бы в тебе имела я успех,
 Ты вместо здесь тоски имел бы тьмы утех:
 Я стадо бы свое в лугах с твоим водила,
 По рощам бы с тобой по всякий день ходила,
Калисте⁴⁴ бы ты был участником всего,
 А шед одна, пошла б я с спросу твоего,
 Без воли бы твоей не сделала ступени
 И клала б на свои я Атиса колени. <...>»

(*PC (1769)*. С. 250–251; стихи 59–61, 73–80).

Действительно, в вышеприведенной цитате в глаза бросается несообразность: поначалу Альфиза говорит о том, как она водила бы стадо в лугах вместе с Атисом, как ходила бы с ним по лугам. И вдруг потом Альфиза заявляет, что Атис должен быть «участником всего» не ей, но Калисте. В заключительных строках второй редакции эклоги Альфиза, наученная Калистой, сама отправляется к Атису:

Альфиза у его овец уже была
 И ласково с собой гулять его звала,
 Час времени ему тогдашний похваляя
 И горести любви надеждой утоляя.

(*PC (1769)*. С. 252; стихи 105–108).

⁴⁴ Должно быть: Альфизе. — К. Л.-Д.

Однако в третьей редакции «Калисты» в *Эклоги (1774)* мы сталкиваемся с еще одним казусом; она завершается следующими стихами:

Альципа искусить Калиста научила,
А в верности нашед, себя ему вручила.

(*Эклоги (1774)*. С. 31; стихи 105–106).

Ничто не предвещало появления этого загадочного Альципа в финале третьей редакции «Калисты», ибо всюду в ней речь шла об Атисе, как и в предыдущих версиях текста. Внезапное обретение им Калисты и указание на то, что именно его она искушала, убеждает в том, что здесь имелся в виду все-таки Атис. Ни в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)*, ни в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)* никаких исправлений здесь сделано не было.

9. «*Аркас*», 1759, стихов 128 («*Сострата*», 1769, стихов 56; «*Белиза*», 1774, стихов 72).

В пространном «Аркасе» смена имен персонажей происходила дважды. В первой версии эклоги Аркас увлечен Мелитой, но без оснований почитает ее «чужой любовницей»; и вот Мелита как-то прячется от непогоды в его шалаше, благодаря чему происходит объяснение и соединение любящих. Во второй версии Аркас увлечен Состратой; а в третьей — Белизой. Но если в *РС (1769)* смена имен была произведена полностью, то в стихах 17–18 издания 1774 г. Сострата все же осталась вместо Белизы:

Когда печальну мать Сострату быти чает;
Сострата вымыслом таким же отвечает: <...>.

(*Эклоги (1774)*. С. 32).

Та же несурaziца повторена и в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* и в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)*.

§ 6. Переработка текста эклог и их метрика

12. «*Исмена*», стихов 88 («*Исмена*», 1760, стихов 87; «*Исмена*», 1769, стихов 100).

Эклоги Сумарокова написаны alexandрийским стихом с цезурой, неизменно выдерживаемой после третьей стопы; в них двустишия с мужскими рифмами чередуются с двустишиями с рифмами

женскими. Эти требования автор нарушил всего один раз, в заключительной части ранней редакции «Исмены», в стихах 75–77 и 80–84:

Пастушки, пастухи ни на единый час
 Не могут тайны скрыть любовные от вас,
 И се уже одной я слышу нимфы глас:
 «В пещере, на местах, от паства удаленных,
 Я зрела их, всей кровью распаленных:
 В жарчайшем пламени горят
 Друг друга о любви, кляняся, уверяют
 И поцелуями те клятвы повторяют:
 “Люблю, — в получасе раз по сту говорят, —
 Люблю тебя, люблю, люблю тебя неложно”, —
 Впоследствии... этого изобразить не можно:
 Что начал Купидон, то Гимен окончал
 И жар любовничий утехой увенчал».

(ПВ. 1760. Сент. С. 151–152; стихи 75–87).

Как нетрудно заметить, в вышеприведенном отрывке немало отступлений от доминирующего размера: 1) его открывают три рифмованных стиха (в результате и общее число строк стало нечетным — 87); 2) стих 79 написан пятистопным ямбом, а 80-й — четырехстопным (эти перебои были также отмечены графически, отступами); 3) стихи 80–84 представляют из себя катрен с охватной рифмой.

Этот пассаж в *РС (1769)* был заменен совсем иным, в результате чего заключительная часть эклоги приняла следующий вид; таким же она осталась в *Эклоги (1774)*, в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* и в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)*:

Любовники тогда, имея мысли пленны,
 От шума деревень в пустынях удаленны;
 И, удалясь еще и от стругомых стад,
 Ко исполнению в желании отрад,
 Ко увенчанию веселия приходят
 И беспрепятственно, что надобно, находят:
 И не завидуют на свете ничему,
 Предпочитая то сокровище всему.
 Целуясь, говорят стократ: люблю неложно.
 Впоследствии... этого изобразить неможно.

Что начал Купидон, то Гимен окончал,
И жар их радостным восторгом увенчал.

(*ПС (1769)*. С. 286; стихи 89–100)⁴⁵.

Как видим, Сумароков считал допущенные в первой редакциивольности несовместимыми с канонической формой эклоги, в результате в финале «Исмены» исчезло то, что придавало ему определенную живость и отличало от большинства эклог (в силу их пространности и монометризма весьма монотонных) — нерегулярное расположение рифм и как следствие непредсказуемость мужских и женских клаузул, а также два более коротких стиха.

§ 7. К истории текста «эклог, по первому изданию напечатанных» в *ПСВС-1. Ч. 9* и в *ПСВС-2. Ч. 9*

Как уже указывалось выше, первые двенадцать стихотворений в сборнике *Эклоги (1774)* имели журнальную предысторию, т. е. впервые вышли в свет в *ТП* в 1759 г. или же в *ПВ* в 1760 г. Именно эти первые редакции были вынесены Новиковым в отдельный раздел в *ПСВС-1. Ч. 9*, а позднее воспроизведены в *ПСВС-2. Ч. 9*. Естественно возникает вопрос: не улучшался ли текст при перепечатке, не дает ли он более убедительных вариантов? Однако, как и в других случаях, нет никаких оснований полагать, что у Новикова были какие-либо рукописные источники публиковавшихся им в этом разделе текстов, что наглядно видно на примере следующих эклог:

1. «Климена» 1759, стихов 90 («Климена», 1769, стихов 58; «Агнеса», 1774, стихов 62).

Здесь слышит пастуха, клянущего измену,
Там **жесткость, тамо** гнев, а он свою Климену
Всегда в своих стихах без жалобы поет,
А, жалуясь, вину на злой случай кладет;
Хотя когда часы ему и докучают,
Климена невинна: случаи разлучают.
И мысля, что ее прекрасней в свете нет,
Любви его, мнит он, завидует весь свет,

⁴⁵ Из-за дальнейшего сокращения «Исмены» нумерация цитируемых строк в *Эклоги (1774)*, в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* и в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)* изменилась; они стали стихами 77–88.

И помнит, веселясь, чьим сердцем он владеет:
 Что надобно другим, то он уже имеет.

(ТП. 1759. Авг. С. 491).

В приведенных стихах 21–30 искажениям при позднейших перепечатках Новиковым подверглись два стиха. Так, в *ПСВС-1. Ч. 9* в стихе 22 была допущена опечатка, нарушающая метр, — «жесткость», по-видимому, сочтенная наборщиком менее сообразующейся с контекстом, преобразилась в «жестокость»:

Там **жестокость**, **тамо** гнев, а он свою Климену

(*ПСВС-1. Ч. 9 (1781). С. 30*).

В *ПСВС-2. Ч. 9* метр был исправлен, но явно без обращения к протографу или к журнальной публикации 1759 г., в сравнении с которой подверглось искажению еще одно слово — «тамо» преобразилось в «там», что вызвало переакцентуацию:

Там **жестокость**, **там** гнев, а он свою Климену

(*ПСВС-2. Ч. 9 (1787). С. 31*).

Еще в одном стихе, 27-м, в *ПСВС-1. Ч. 9* была также допущена опечатка, на этот раз нарушающая грамматическое согласование: было напечатано «И мысли» вместо «И мысля». В *ПСВС-2. Ч. 9* это искажение сохранилось.

2. «Дамон», 1759, стихов 136 («Дориза», 1769, стихов 92; «Дориза», 1774, стихов 76).

Непривычная, стяженная форма наречия, вынесенного в рифму, — «уединенно» в ТП (стих 89), стала причиной ее замены при наборе в *ПСВС-1. Ч. 9* и в *ПСВС-2. Ч. 9* на более привычно звучащее «уединенно», хотя и «ломающее» размер:

И там ишу грибов, под дубом на реке,
 Который там стоит от паства вдалеке,
 Я и вчера была: там место **уединенно**;
 Ты можешь зреть меня и тамо несумненно.

(ТП. 1759. Окт. С. 596; стихи 87–90).

Опечатка в *ПСВС-1. Ч. 9* в стихе 119 («который» вместо «которы»), ухудшавшая текст в отношении предыдущих изданий, была исправлена с восстановлением грамматического согласования в *ПСВС-2. Ч. 9*, видимо, в силу ее очевидности:

Но молвив, множество забав она имеет,
Которы чувствует взаимно и Дамон;
 Сбылся, пастушка, твой, сбылся приятный сон.

(*ТП. 1759. Окт. С. 597; в ПСВС-2. Ч. 9 (1787). С. 40; стихи 118–120).*

3. «Тирсис», 1759, стихов 116 («Пальмира», 1769, стихов 76; «Пальмира», 1774, стихов 74).

В стихе 65 и в *ТП*, и в *ПСВС-1. Ч. 9* находим одну и ту же опечатку в имени героини («Ифиса» вместо «Ифиза»), многократно упоминаемой в эклоге.

Всех Тирсис зрит, не зрит **Ифисы** он единой

(*ТП. 1759. Март. С. 178; ПСВС-1. Ч. 9 (1781). С. 8).*

Лишь в *ПСВС-2. Ч. 9* она наконец была названа верно (т. е. Ифизой)⁴⁶.

Стих 113 лишь в *ТП*, был напечатан верно (и в *ПСВС-1. Ч. 9*, и в *ПСВС-2. Ч. 9* читаем «в их» вместо «в них»):

Ты много **в них** имел Ифизина приятства

(*ТП. 1759. Март. С. 180).*

4. «Аркас», 1759, стихов 128 («Сострата», 1769, стихов 56; «Белиза», 1774, стихов 72).

Стих 123 читается и в *ТП*, и в *ПСВС-1. Ч. 9* правильно, но оказывается искажен в *ПСВС-2. Ч. 9* («имела» вместо «умела»)⁴⁷:

Что отречись ничем от зову **не умела**,
 А матери будить, в сне крепком, пожалела.

(*ТП. 1759. Апр. С. 256; ПСВС-1. Ч. 9 (1781). С. 21).*

⁴⁶ *ПСВС-2. Ч. 9 (1787). С. 9.*

⁴⁷ *ПСВС-2. Ч. 9 (1787). С. 22.*

5. «Ликаст», 1759, стихов 132 («Антиклея», 1769, стихов 110; «Амаранта», 1774, стихов 90).

В стихе 123 лишь *ТП* дает верный вариант (и в *ПСВС-1. Ч. 9*, и в *ПСВС-2. Ч. 9* находим «толь» вместо «столь»):

Краса твоя, что **столь** меня безмерно мучит,
Клянусь, что никогда Ликасту не наскучит.

(*ТП*. 1759. Июль. С. 441).

Как видно из вышеприведенных примеров, при публикации раздела «Эклоги, по первому изданию напечатанные», в *ПСВС-1. Ч. 9* и в *ПСВС-2. Ч. 9* не использовался никакой иной источник, кроме их журнальных первопубликаций. Возникшие разночтения минимальны, это последствия опечаток, порой очевидных и тогда исправляемых даже самими наборщиками. Помимо этих, случайных опечаток, есть другая группа искажений, предсказуемо возникавших в случаях, когда Сумароков прибегал к словоформам менее употребительным («жесткость» в смысле «жестокость» или же «уедненно»). О том же, что Новиков и его подручные располагали еще какими-то списками эклог, содержащими авторскую правку и использованными при наборе, говорить не приходится.

§ 8. «Флориза» как вопиющая жертва типографского брака

Еще шесть стихотворений (помимо рассмотренных выше, а именно: «Делия», «Сильвия», «Ниса», «Флориза», «Мелицерта», «Дафна») были сначала опубликованы в *РС (1769)* и после переработки включены в *Эклоги (1774)* (названия при этом не изменились).

При их дальнейшем воспроизведении в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)*, и в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)* наиболее пострадал текст «Флоризы»⁴⁸, что в первую очередь побуждает уделить внимание этой эклоге, ибо при перепечатке в собраниях сочинений Сумарокова число ее стихов возросло со ста до ста шести, но не в результате переработки, а из-за типографского брака. Стихи 86–91 (по порядку их воспроизведения в *РС (1769)* и в *Эклоги (1774)*) были в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* и в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)* напечатаны дважды, в первый раз между стихами 62 и 63, выше того места, где они должны были располагаться (в цитате ниже

⁴⁸ Текст «Флоризы» из *РС (1769)* без изменения числа стихов и с минимальными поправками был перепечатан в *Эклоги (1774)*.

идентичные пассажи выделены курсивом), что привело к нарушению синтаксической и семантической когерентности текста, а также и рифмовки:

Стыдилась я лугов, рек, рошей и всего, 61
 Стыдилась наконец и сердца своего,
Приятен таковъй в отчаянье и сон:
А это наяву упало с сердца бремя!
О час прерадостный! о счастливое время!
Подобно ли сие приятнейшему сну?
Вкушайте подлинну, любовники, весну!
Прекрасны нимфы то с горячностью зрели.
 Наполнив горы, дол я мыслию такую,
 Которою всегда лишалась я покою.
 Что я ни делала, он был в уме моем, 65
 Что я ни мыслила, все мыслила о нем.
 А ныне, ах! когда его навеки трачу,
 Уже не от стыда, от жалости я плачу.
 Дамет! хоть раз когда ты к сей стране взгляни
 И с прежней нежностью Флоризу вспомяни! 70
 Сия единая осталася мне жертва.
 Как роза, вяну я и скоро буду мертва:
 А ты то знай, что я зову тебя своим,
 И душу испущу я с именем твоим.
 И ежели любви⁴⁹ не пременила злоба, 75
 Прийди⁵⁰ на паство ты ко мне наместо гроба,
 Вздохни, пришед на гроб под тень густых древес,
 И вырони из глаз хотя две капли слез!»
 И се⁵¹ отчаянье упорство притупило
 И мысли нежные в уме совокупило: 80
 Подружку в тот же час она к Дамету шлет,
 И возвращается на паство к ней Дамет.
 Склонившася к нему, она его ласкает
 И ко всему, чего он хочет, допускает.
 Исполнится то все, чего желает он: 85
Приятен таковъй⁵² в отчаянье и сон,

⁴⁹ РС (1769): любовь.

⁵⁰ РС (1769): Приди.

⁵¹ РС (1769): Но се.

⁵² РС (1769): Таковой.

А это наяву, упало с сердца бремя!
 О час прерадостный! о счастливое время!
 Подобно ли сие приятнейшему сну?
 Вкушайте подлинну, любовники, весну! 90
 Прекрасны нимфы то с горячностью зрели,
 Как жаркие сердца под тению горели.

(ПСВС-1. Ч. 8 (1781). С. 47–48; ПСВС-2. Ч. 8 (1787). С. 49).

В постраничные примечания мною вынесены разночтения данного текста с *РС* (1769). При этом и *ПСВС-1. Ч. 8*, и *ПСВС-2. Ч. 8* во всем до мелочей следуют сборнику *Эклоги* (1774); единственное, что их различает, это шесть стихов, вклинившихся между стихами 62 и 63.

Но не будем пока спешить с напрашивающимися выводами (о том, что Новиков вряд ли выверил корректуру элегий, что мало кто за прошедшие двести пятьдесят лет прочел «Флоризу» внимательно по новиковским собраниям и проч.) и обратимся к другим примерам, позволяющим критически осмыслить разночтения эклог в *ПСВС-1. Ч. 8* и *ПСВС-2. Ч. 8*.

§ 9. Текст авторского сборника *Эклоги* (1774) в сравнении с *ПСВС-1. Ч. 8* и *ПСВС-2. Ч. 8*

Сборник Сумарокова *Эклоги* (1774) был воспроизведен в *ПСВС-1. Ч. 8* и в *ПСВС-2. Ч. 8* с полным сохранением его композиции. Таким образом, в собраниях сочинений, подготовленных Новиковым, первые двенадцать эклог оказались напечатаны дважды: один раз в девярых частях по текстам журнальных первопубликаций без учета какого-либо позднейшего редактирования и еще один раз в частях восьмых в виде переработанном, т. е. в редакциях 1774 г.

Анализ текстов эклог в *ПСВС-1. Ч. 8* и в *ПСВС-2. Ч. 8* (в отличие от текста «Флоризы», особо рассмотренного § 8) позволяет выявить лишь мелкие расхождения в отношении их непосредственного источника, т. е. *Эклоги* (1774).

1. «Дориза», 1774, стихов 76 («Дамон», 1759, стихов 136; «Дориза», 1769, стихов 92).

В двух первых прижизненных изданиях эклоги (в *ТП* и в *РС* (1769)) в данном пассаже напечатано слово «мрак», вполне соотносящееся с контекстом:

Возводит к небу взор: «О ночь, о темна ночь,
Усугубляй свой **мрак**, мой разум отступает, —
И, — Скрой мое лицо! — вздыхаючи, вещает, —
Дамон! мучитель мой! я мню, что и шалаш
Смеется, зря меня и слыша голос наш. <...>».

(*ТП*. 1759. Окт. С. 596–597; стихи 108–112)⁵³,

Опечатка («зрак» вместо «мрак») просачивается в *Эклоги* (1774)⁵⁴, а затем воспроизводится и в *ПСВС-1. Ч. 8* (1781), и в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787):

Взвела на небо взор: «О ночь, о темна ночь!
Усугубляй свой **зрак**; жар разум возмущает, —
И, — Скрой мое лицо! — вздыхаючи, вещает, —
Дамон! мучитель мой! я мню, что мой шалаш
Смеется, зря меня и слыша голос наш. <...>».

(*ПСВС-1. Ч. 8* (1781). С. 12; *ПСВС-2. Ч. 8* (1787). С. 13)⁵⁵.

2. «*Аркас*», 1759, стихов 128 («*Сострата*», 1769, стихов 56; «*Белиза*», 1774, стихов 72).

Стих 44 в *ТП*, он же стих 41 в *РС* (1769), читается следующим образом:

Старуха **по трудах** легла, спокоясь, спать...

(*ТП*. 1759. Апр. С. 253; *РС* (1769). С. 254).

Опечатка («по трудам» вместо «по трудах»)⁵⁶ в *Эклоги* (1774) не была замечена автором и перекочевала отсюда и в *ПСВС-1. Ч. 8* (1781), и в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787).

3. «*Деляя*», 1769, стихов 122 («*Деляя*», 1774, стихов 118).

В ряде стихотворений, не публиковавшихся в периодике, имелись явные опечатки при их первом появлении в *РС* (1769), как, например,

⁵³ *РС* (1769). С. 232; здесь это стихи 72–76.

⁵⁴ *Эклоги* (1774). С. 16; здесь это стихи 56–60.

⁵⁵ Опечатка «зрак» вместо «мрак» воспроизведена и Берковым в основном тексте *эклоги*: *БП* (1957). С. 141; ср.: С. 497.

⁵⁶ Ср. начальный стих басни И.И. Дмитриева «*Муха*» (1805): «Бык с плугом на покой тащился по трудах...». Также у Сумарокова стих 73 *эклоги* «*Климена*»: «Она по днях, что с ним так долго не видалась» (*ТП*. 1759. Авг. С. 493).

в стихе 90. Он же стих 86 в *Эклоги* (1774) и *ПСВС-1. Ч. 8* (1781), где этот очевидный дефект был сохранен, несмотря на вызываемое им нарушение размера:

Не мил уже цветок, когда в лугу засохнет,
Ни той лицо, о ком любовник **уже** не вздохнет...

(*РС* (1769). С. 267–268; *Эклоги* (1774). С. 47; *ПСВС-1. Ч. 8* (1781). С. 37).

Лишь в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787) «уже» было заменено на «уж» и метр восстановлен.

4. «Сильвия», 1769, стихов 134 («Сильвия», 1774, стихов 122).
В *РС* (1769) стихи 99–102 имели следующий вид:

Потом ем ягоды или грызу орехи,
Или с пастушками вхожу в игры и смехи,
Или своих овец лелею я **тогда**,
Иль песни я пою; купаюсь иногда.

(*РС* (1769). С. 273).

В *Эклоги* (1774) была допущена опечатка: «когда» вместо «тогда», которая была повторена и в *ПСВС-1. Ч. 8* (1781), и в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787).

5. «Ниса», 1769, стихов 98 («Ниса», 1774, стихов 94).

а) Опечатка в стихе 14 в *РС* (1769), нарушающая размер, триумфально прошествовала по *Эклоги* (1774) и *ПСВС-1. Ч. 8* (1781) и была исправлена лишь в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787) (здесь вместо «во» было напечатано «въ»):⁵⁷

13 В те дни, как ты со мной и у меня бывала,
14 Другого **во** роще сей, объемля, целовала.

(*РС* (1769). С. 275; *Эклоги* (1774). С. 54; *ПСВС-1. Ч. 8* (1781). С. 42).

б) Непривычная глагольная форма «прельпите» (возможно, изначально обезображенная опечаткой) употреблена в стихе 82 в *РС* (1769) (он же стих 78 в *Эклоги* (1774)). Как кажется, это императив

⁵⁷ *ПСВС-2. Ч. 8* (1787). С. 44.

второго лица множественного числа, по-сумароковски своенравно образованный от глагола «приль(п)нуть»:⁵⁸

81 О жители сих рощ! почто вы, птички, спите?
 82 Ко ветвию сих древ, ко ветвию **прельпните**,
 82 Венера коими зеленый кроет одр!
 83 Проснися, соловей, проснись и буди бодр:
 84 Воспой Меналкову в любви победы славу
 85 И общу тающих любовников забаву!

(*РС* (1769). С. 277–278; *Эклоги* (1774). С. 56⁵⁹).

Данный императив и в *ПСВС-1. Ч. 8* (1781), и в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787) был заменен на форму «прельпните» либо самим Новиковым, либо кем-то из наборщиков⁶⁰.

6. «Дельфира», 1774, стихов 90 («Дафнис», 1759, стихов 120; «Дельфира», 1769, стихов 90).

Впрочем, в одном случае очевидная опечатка («топяся» вместо «томяся») не была исправлена по смыслу ни в *РС* (1769), ни в *Эклоги* (1774), ни в *ПСВС-1. Ч. 8* (1781), ни в *ПСВС-2. Ч. 8* (1787), что еще раз убеждает в том, что при наборе эклог в посмертных новиковских собраниях сочинений Сумарокова использовались лишь печатные источники:

61 Так я, любовию **топяся**, огорчалась;
 62 Ни на единый миг любовь не отлучалась:
 63 Впоследок страсть моя мой ум превозмогла:⁶¹

(*РС* (1769). С. 263; *Эклоги* (1774). С. 40; *ПСВС-1. Ч. 8* (1781). С. 31; *ПСВС-2. Ч. 8* (1787). С. 32–33).

7. «Мелицрта», 1769, стихов 92 («Мелицрта», 1774, стихов 80).

⁵⁸ Для этого окказиональном образовании, по-видимому, имел значение и старославянский однокоренной глагол «прильпѣти» со значением «приникнуть, прильнуть, прилепиться» [12, с. 287]. Выражаю признательность Г.А. Молькову в связи с обменом мнениями о данных словоформах.

⁵⁹ В *Эклоги* (1774) это стихи 77–82.

⁶⁰ *ПСВС-1. Ч. 8* (1781). С. 44; *ПСВС-2. Ч. 8* (1787). С. 46.

⁶¹ В «Дафнисе», первоначальной редакции эклоги, соответствующие стихи 77–79 не содержали слова «топяся»: *ТП*. 1759. Июль. С. 445.

В обоих прижизненных изданиях «Мелицерты» читаем в зачине следующее двустипие с явным нарушением размера из-за словоформы «мечтутся» (стихи 1–2):

«Не чувствуя уже прекрасныя весны,
Какие разные **мечтутся** мне сны! <...>»⁶².

(*РС (1769)*. С. 287).

В каждом из новиковских изданий стих 2 исправлен по-разному, но с восстановлением размера:

Какие страшные **мечтуются** мне сны!

(*ПСВС-1. Ч. 8 (1781)*. С. 48).

Какие страшные **мечтаются** мне сны!

(*ПСВС-2. Ч. 8 (1787)*. С. 50).

Думается, что исправление в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* следует признать единственно верным, ибо глагол «мечтоваться»⁶³ имеет яркую сумароковскую окраску, он был употреблен поэтом, к примеру, также в стихе «Монарху слава вся мечтуется и снится» в начале третьего действия трагедии «Димитрий-самозванец» (из реплики Пармена)⁶⁴. Именно этот глагол Третьяковский в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанном от приятеля к приятелю» (1750; изд. в 1865) причислял к «неупотребительным словам»:

При том, вводит наш автор в свои сочинения неупотребительные слова, как то: *в последок за напоследок, не времянно за не навремя, мгновенно за во мгновеници, отколе в Гамлете за откуда, навела за навела в «Хореве», бремяило за отягощало, сугублю за усугубляю,*

⁶² Во втором прижизненном издании был заменен эпитет и строка приобрела следующий вид: «Какие страшные **мечтутся** мне сны!» (*Эклоги (1774)*. С. 60).

⁶³ Ср.: «Мечтоваться, чтуется, несов. Представляться, воображаться» [11, с. 167].

⁶⁴ Димитрий Самозванец / трагедия Александра Сумарокова; представлена в первый раз в 1771 году февраля 1 дня на Императорском театре, в Санктпетербурге. [СПб., 1771]. С. 34. Ср. также стих «И светлостию тьма мечтуется в глазах» в драме Сумарокова «Пустынник» (*ПСВС-1. Ч. 8 (1781)*. С. 284).

*мечтуйся за мечтайся, жесточе за жесточае или жесточайшие, из нова за из нового или просто нового; умеряй, умеряючи, не знаю, за что полагает*⁶⁵.

Надо сказать, что это единственный случай, когда стих в *ПСВС-1. Ч. 8 (1781)* улучшает прижизненные издания эклог (обычно дело обстоит как раз наоборот), что наводит на мысль, что автором этой поправки мог быть именно Новиков, трепетно относившийся к памяти Сумарокова, «пропустивший через себя» многие его тексты. Но как бы то ни было, в *ПСВС-2. Ч. 8 (1787)* данный стих подвергся дальнейшим метаморфозам, а непривычное сумароковское словцо было заменено расхожим «мечтаются».

Вместо заключения

Рассмотренный выше массив поэтических произведений Сумарокова позволяет утверждать, что при работе над *ПСВС-1* Новиков опирался в первую очередь на печатные источники, по отношению к которым оно является *вторичным* (в свою очередь, и *ПСВС-2* является вторичным к *ПСВС-1*). Как было показано, стихотворения набирались обычно с журнальных публикаций, сведенных воедино Новиковым; в редких случаях можно предположить, что у него были еще какие-то их списки (как, например, в случае с подражанием Горацию (*Hor. Carm. III, IX*), напечатанным поэтом дважды: и в части I, и в части II). Не подлежит также сомнению, что колоссальный по объему массив эклог в части VIII является воспроизведением книги *Эклоги (1774)* и нет никаких оснований утверждать, что при наборе этого раздела в распоряжении Новикова и его помощников имелась какая-то более авторитетная рукопись Сумарокова. Набор производился весьма тщательно, а потому и «слепо», что приводило к воспроизведению и авторских несуразностей, и погрешностей, просочившихся в прижизненные издания Сумарокова, а также и к их неизбежному умножению. Исправлялись в *ПСВС-1* и в *ПСВС-2* лишь самые очевидные опечатки, нарушавшие орфографию или же метр стиха, но и это происходило отнюдь не всегда.

Сложно сказать, сколь систематично Новиков и его подручные производили выверку текстов по источникам набора на стадии корректуры. Как показывает пример эклог, произведения объемные вычитывались порой поспешно и поверхностно. В противном случае

⁶⁵ Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / издал А.А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 477.

от Новикова вряд ли бы укрылось нарушение синтаксической и семантической когерентности во «Флоризе» (а также и рифмовки!), в результате вторжения шести стихов в место, им не подобающее.

Выстраивая композицию собрания, Новиков был принужден создавать разделы для произведений, Сумароковым не предполагавшиеся, а также заново формировать те, что уже существовали в прижизненных изданиях. Это неоднократно приводило к искажениям авторских названий стихотворений, помещаемых в новый для них контекст⁶⁶. Имел место и композиционный произвол, который, как справедливо отметил еще Гуковский, проявился наиболее полно в разделе «Преложение псалмов» части I, где некоторые произведения Сумарокова были разделены на несколько текстов, чтобы расположить их «по порядку Псалтыри».

Такие огрехи, как неоднократное воспроизведение одних и тех же текстов в разных частях издания, объясняются как многообразием материалов, оказавшихся в распоряжении Новикова, так и «живым» характером работы над *ПСВС-I*, к которому ряд рукописей и печатных изданий, видимо, поступал по ходу дела.

Высказанные выше наблюдения и соображения никоим образом не должны и не могут умалить заслуг Новикова в качестве инициатора и творца двух собраний сочинений Сумарокова. Новиков весьма полно представил наследие почитаемого им автора, предложив убедительную для своего времени архитектуру и издания в целом, и отдельных томов. Особенно следует подчеркнуть то, что выдающийся просветитель осознавал ценность ранних редакций произведений и в ряде случаев привел их — так, помимо итогового сборника *Эклоги (1774)*, он включил в десяти томник раздел «Эклоги, по первому изданию напечатанные» (т. е. извлеченные из периодики). Исходя из масштаба предприятия и возможностей Новикова, имевшего, судя по всему, в своем распоряжении лишь нескольких наборщиков, нужно признать и то, что число огрехов в собраниях сочинений воистину мало. В то же время значение этих изданий для русской культуры было огромным, в силу чего вплоть до 1930-х гг. наследие Сумарокова воспринималось через их призму. И хотя собственно эдиционное значение двух новиковских собраний невелико (оно сохраняет свою ценность лишь в отношении произведений, опубликованных в них впервые, хотя и здесь не обойтись без оговорок), квалифицированные издатели и комментаторы наследия Сумарокова, опираясь по очевидным причинам на прижизненные

⁶⁶ См. об этом в § 3 в связи с «Дитирамбом» и «Гимном Венере, сафическим стопосложением». Число этих примеров можно умножить.

издания поэта, должны будут неизменно учитывать опыт Новикова и оглядываться на него.

Список литературы

1. *Гуковский Г.А.* Библиографические заметки к «Полному собранию сочинений Сумарокова», изданному Н.И. Новиковым в десяти томах. URL: https://imwerden.de/pdf/gukovsky_bibliograficheskie_zametki_k_polnomu_sobraniya_sumarokova_1948__ocr.pdf (дата обращения 01.09.2020).
2. *Гуськов Н.А.* «Эклоги» А.П. Сумарокова как поэтическая книга: к постановке проблемы // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30. (в печати)
3. *Дёмин А.О.* А.П. Сумароков — переводчик итальянских либреттистов П. Метастазιο и М. Кольтеллини // Русская литература. 2018. № 1. С. 52–61.
4. *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. 576 с.
5. *Кочеткова Н.Д.* О переводчике стихотворения Х.Ф. Геллерта // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30. (в печати)
6. *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М.: Книга, 1981. 176 с.
7. *Модзалевский Л.Б.* Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 45–65.
8. *Модзалевский Л.Б.* М.В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2011. 380 с.
9. Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. 472 с.
10. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. / вступ. ст. Л.Ф. Ершова; сост., подгот. текста и примеч. В.Е. Васильева, М.И. Гиллельсона, Н.Г. Захаренко. Л.: Советский писатель, 1975. 966 с.
11. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 253 с.
12. Словарь старославянского языка. Репр. изд.: в 4 т. СПб.: Изд-во С.–Петербургского ун-та, 2006. Т. III. 680 с.
13. *Степанов В.П.* Сумароков Александр Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3: Р–Я. С. 184–199.
14. *Сумароков А.* Избранные сочинения в стихах / вступ. ст. Т. Абрамзон, сост. и примеч. М.А. Амелина. М.: ОГИ, 2017. 848 с.
15. *Сумароков А.П.* Драматические сочинения / под ред. Ю.В. Стенника. Л.: Искусство, 1990. 477 с.
16. *Сумароков А.П.* Оды торжественныя. Елегии любовныя / Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложение: редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи / под ред. Роналда Вроона. М.: ОГИ, 2009. 144 с. + 696 с.
17. *Тюличев Д.В.* Материалы о некоторых изданиях, напечатанных в типографии Академии наук в 40–60-е годы XVIII века (дополнения к комментарию «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800») // Книга: исследования и материалы. М.: Наука, 2005. Вып. 83. С. 171–221.

Статья поступила в редакцию: 10.01.2020
Одобрена после рецензирования: 15.05.2020
Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Nikolai Novikov as a Publisher of Aleksandr Sumarokov's Poetry

© 2020. Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: Among other things, the outstanding enlightener Nikolai Novikov (1744–1818) contributed to Russian culture as the editor-publisher of the *Complete Works in Verse and Prose* by Aleksandr Sumarokov (1781–1782, 10 vols.; 2nd ed.: 1787, 10 vols.). It was the first attempt of publishing the complete works of a modern Russian author. A part of Sumarokov's papers Novikov had at his disposal were lost about the time of Novikov's arrest. The paper examines the importance of Sumarokov's poetry published in periodicals for Novikov's edition; in the course of the study the manuscripts of these poems (preserved in the St. Petersburg archive of the Russian Academy of Sciences) were consulted. A special attention is paid to the editorial history of Sumarokov's eclogues. Concurrently, some aspects of later editions of Sumarokov prepared by G.A. Gukovskii (1935) and P.N. Berkov (1957) are considered.

Keywords: Eighteenth-century Russian literature; Nikolai Novikov; *Complete Works in Verse and Prose* by Aleksandr Sumarokov; G. Gukovskii; P. Berkov.

Information about the author: Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii, Doctor habil. in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: irliran@mail.ru.

For citation: Lappo-Danilevskii, K.Yu. "Nikolai Novikov as a Publisher of Aleksandr Sumarokov's Poetry." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 304–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-304-342>

References

1. Gukovskii, G.A. “*Bibliograficheskie zametki k “Polnomu sobraniuu sochinenii Sumarokova”, izdannomu N.I. Novikovym v desiati tomakh*” [“*Bibliographic Notes to “Sumarokov’s Complete Works” in Ten Vols. Published by N.I. Novikov*”]. Available at: https://imwerden.de/pdf/gukovsky_bibliograficheskie_zametki_k_polnomu_sobraniya_sumarokova_1948__ocr.pdf (Accessed 01 September 2020). (In Russ.)
2. Gus'kov, N.A. ““Eklogi” A.P. Sumarokova kak poeticheskaia kniga: k postanovke problemy” [“A.P. Sumarokov’s “Eclogues” as a Book of Poetry: Raising an Issue”]. *XVIII vek: sbornik statei [18th century: Collection of Essays]*, issue 30. St. Petersburg, 2020. (In print) (In Russ.)
3. Demin, A.O. “A.P. Sumarokov — perevodchik ital'ianskikh librettistov P. Metastazio i M. Kol'tellini” [“A.P. Sumarokov as a Translator of Italian Librettists P. Metastasio and M. Coltellini”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2018, pp. 52–61. (In Russ.)
4. Klein, I. *Puti kul'turnogo importa. Trudy po russkoi literature XVIII veka [Cultural Import Paths. Works on Russian Literature of the 18th Century]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 576 p. (In Russ.)
5. Kochetkova, N.D. “O perevodchike stikhotvoreniia Kh.F. Gellerta” [“About the Translator of the Ch.F. Gellert’s Poem”]. *XVIII vek: sbornik statei [18th Century: Collection of Essays]*, issue 30. St. Petersburg, 2020. (In print) (In Russ.)
6. Martynov, I.F. *Knigoizdatel' Nikolai Novikov [Book Publisher Nikolai Novikov]*. Moscow, Kniga Publ., 1981. 176 p. (In Russ.)
7. Modzalevskii, L.B. “Literaturnaia polemika Lomonosova i Trediakovskogo v ‘Ezhezmesiacnykh sochineniakh’ 1755 goda” [“Literary Polemics between Lomonosov and Trediakovsky in the ‘Monthly Works’ of 1755”]. *XVIII vek: sbornik statei [18th Century: Collection of Essays]*, issue 4. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, pp. 45–65. (In Russ.)
8. Modzalevskii, L.B. *M.V. Lomonosov i ego literaturnye otnosheniia v Akademii nauk. Iz istorii russkoi literatury i prosveshcheniia serediny XVIII veka [M.V. Lomonosov and His Literary Relations at the Academy of Sciences. From the History of Russian Literature and Enlightenment of the mid-18th Century]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011. 380 p. (In Russ.)
9. *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka [Letters of Russian Writers of the 18th Century]*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 472 p. (In Russ.)
10. *Russkaia epigramma vtoroi poloviny XVII – nachala XX v. [Russian Epigram from the Second Half of the 17th to the Early 20th Century]*, introd. by L.F. Ershov, comp., ed., comm. by V.E. Vasil'ev, M.I. Gillel'son, N.G. Zakharenko. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1975. 966 p. (In Russ.)
11. *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]*, issue 12. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 253 p. (In Russ.)
12. *Slovar' staroslavianskogo iazyka. Reprintnoe izdanie: v 4 t. [Dictionary of the Old Slavonic Language. Reprinted edition: in 4 vols.]*, vol. 3. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006. 680 p. (In Russ.)
13. Stepanov, V.P. “Sumarokov Aleksandr Petrovich” [“Sumarokov, Alexander Petrovich”]. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]*, issue 3. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 184–199. (In Russ.)

14. Sumarokov, A. *Izbrannye sochineniia v stikhakh* [Selected Works in Verse], introd. by T. Abramzon, comp. and ref. by M.A. Amelin. Moscow, OGI Publ., 2017. 848 p. (In Russ.)

15. Sumarokov, A.P. *Dramaticheskie sochineniia* [Dramatic Works], ed. by Iu.V. Stennik. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1990. 477 p. (In Russ.)

16. Sumarokov, A.P. *Ody torzhestvennyia. Elegii liubovnyia. Reprintnoe vosproizvedenie sbornikov 1774 goda. Prilozhenie: redaktsii i varianty. Dopolneniia. Kommentarii. Stat'i* [Solemn Odes. Love Elegies. Reprint of 1774 Collections. Appendix: Versions and Variants. Additions. Comments. Articles], ed. by R. Vroon. Moscow, OGI Publ., 2009. 144 p. + 696 p. (In Russ.)

17. Tiulichev, D.V. “Materialy o nekotorykh izdaniiax, napechatannykh v tipografii Akademii nauk v 40–60-e gody XVIII veka (dopolneniia k kommentariiu ‘Svodnogo kataloga russkoi knigi grazhdanskoi pečati XVIII veka. 1725–1800’)” [“Materials on Some Editions Printed by the Academy of Sciences in the 1740s and 1760s (Additions to the Comment on the ‘Cumulative Catalog of Russian Type Books of the 18th Century. 1725–1800’)”]. *Kniga: issledovaniia i materialy* [Book: Studies and Materials], issue 83. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 171–221. (In Russ.)

The article was submitted: 10.01.2020

Approved after reviewing: 15.05.2020

Date of publication: 25.09.2020

ДОПОЛНЕНИЯ. ОТКЛИКИ. ОБЗОРЫ

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная публикация архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-343-349>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Два письма В.Я. Брюсова к П.И. Бартеневу

© 2020, М.В. Орлова, А.В. Лавров

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук,
Москва, Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-012-00460, «Валерий Яковлевич Брюсов. Переписка: Аннотированный каталог».

Аннотация: Настоящая публикация является документальным дополнением к материалам сборника «Валерий Брюсов — историк литературы» (М., 2019; серия «Библиотека “Литературного наследия”»), включившему переписку поэта с П.И. Бартеневым и Н.О. Лернером. В сборнике представлена двусторонняя переписка Брюсова с Петром Бартеневым, в том числе 39 писем Брюсова за 1898–1909 гг. по подлинникам из Российского государственного архива литературы и искусства. Корпус писем Брюсов–Бартенева прежде всего отражает работу поэта (а Брюсов стал и одним из лучших знатоков своего времени русской классической поэзии) секретарем, автором, рецензентом в издававшемся Бартеневым историческом и историко-литературном журнале «Русский архив». Недавно были обнаружены еще два письма Брюсова, относящиеся к последним годам жизни Бартенева. Эти письма хранятся в Рукописном отделе Государственного Литературного музея и проясняют некоторые детали взаимоотношений двух корреспондентов, объединенных общим увлечением классической литературой, а также дополняют некоторыми фактами биографии как Брюсова, так и его адресата — современника Тютчева, Погодина, Чаадаева, Аксаковых, «архивного рудокопа», названного Брюсовым «по призванию издателем исторических материалов», который и в начале XX в. не казался поэту чужой и чуждой фигурой литературы и культуры.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов; П.И. Бартенеv; письма историков литературы; эпистолярный; русская литература начала XX в.

Информация об авторах: Моника Викторовна Орлова — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля (Гослитмузей), Трубниковский пер., д. 17, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: dombusova@yandex.ru

Александр Васильевич Лавров — доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, наб. Макарова, 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

Для цитирования: Орлова М.В., Лавров А.В. Два письма В.Я. Брюсова к П.И. Бартенеvu // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 343–349. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-343-349>

В 2019 г. в серии «Библиотека “Литературного наследства”» вышел в свет сборник «Валерий Брюсов — историк литературы» [1], включающий переписку поэта с П.И. Бартенеvым и Н.О. Лернером (издание подготовили Н.А. Богомолов и А.В. Лавров). В сборнике были напечатаны одним из авторов настоящей публикации 39 писем Брюсова к Бартенеvu за 1898–1909 гг. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 590, 592–598, 600, 601). Эти письма сохранились в архиве Бартенева и извлечены из альбомов, каждый из которых включает корреспонденцию за определенный год: в них фондообразователь — многолетний редактор-издатель исторического журнала «Русский архив» — собирал полученные им послания от разных лиц в строго хронологической последовательности.

Последнее из писем Брюсова к Бартенеvu в указанном издании датируется 2 мая 1909 г. (по оплошности публикатора оно оказалось помещено в нарушение хронологического ряда — после письма Бартенева к Брюсову от 19 апреля 1910 г.). Между тем были обнаружены за пределами указанных эпистолярных сводов еще два письма Брюсова к Бартенеvu, относящиеся к более позднему времени — последним годам жизни Бартенева, когда он прекратил составление альбомов. Эти письма, хранящиеся в Рукописном отделе Государственного Литературного музея (ГЛМ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 21) в фонде В.Я. Брюсова и его жены Иоанны Матвеевны Брюсовой (урожд. Рунт, 1876–1965), публикуются ниже как документальное дополнение к означенному сборнику.

1.

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Благодарю Вас сердечно за «Архив» и за письмо¹. Все, что касается стихов Пушкина и Тютчева, объясню Вам лично. К сожалению, мне надо уехать на два дня из Москвы, так что я никак не могу быть у Вас раньше четверга². Вкратце говоря, дело в следующем: Стихи Тютчева уже *были в печати*, в университетском сборнике 1820 года; кажется, все вправе оттуда их перепечатать³. А стихи Пушкина разысканы П.О. Морозовым, который имеет потому на них исключительное право⁴. Однако, я доставлю Вам то, что из них появилось в газете («Речь») и потому тоже составляет общее достояние⁵.

С глубоким уважением

Валерий Брюсов.

20 апреля 1910 г.

Закрытое письмо — «секретка»; почтовые штемпели: Москва. 20.4.10; Москва. 21.4.10. Адрес: «Его Превосходительству Петру Ивановичу Бартеневу Ермолаевская Садовая дом собств <енный> 175 “Русский Архив”».

¹ Имеются в виду очередной выпуск журнала «Русский архив» (видимо, № 4 за 1910 г.) и письмо от 19 апреля 1910 г., в котором Бартенев сообщал о возвращении стихов Ф.И. Тютчева, а также предлагал: «Вы одолжили бы, записав для Р<усского> Архива то, что мне говорили о новооткрытых стихах Пушкина» [1, с. 102].

² Вероятно, четверг на следующей неделе — 28 апреля.

³ Речь идет о юношеском стихотворении Тютчева «Уrania» («Открылось! — Не мечта ль? Свет новый! Нова сила...»), впервые опубликованном в сборнике «Речи и отчеты императорского Московского университета» (М., 1820. С. 1–6) и в прижизненные издания Тютчева не включавшемся. Как явствует из упомянутого письма Бартенева от 19 апреля, Брюсов предложил ему перепечатать «Уранию» в «Русском архиве», но тот отказался, поскольку не получил согласия на это наследников поэта — его сыновей И.Ф. Тютчева и Ф.Ф. Тютчева.

⁴ Петр Осипович Морозов (1854–1920) — историк русской литературы, пушкинист, театровед; член-корреспондент петербургской Академии наук (1912). Под его редакцией вышли в свет Сочинения Пушкина в 7 томах (СПб., 1887) и Сочинения и письма Пушкина в 8 томах (СПб., 1903–1906); он участвовал в издании Собрания сочинений поэта под редакцией С.А. Венгерова (Т. 1–6. СПб., 1907–1915) и в подготовке 3-го (1912) и 4-го (1916) томов его академического издания. Имеются в виду выявленные Морозовым черновые наброски, атрибутируемые как относящиеся к 10-й главе «Евгения Онегина», и эпиграмма Пушкина на Н.И. Гнедича — пере-

водчика «Илиады». См. публикации П.О. Морозова «Шифрованное стихотворение Пушкина» (Пушкин и его современники. 1910. Т. IV. Вып. XIII. С. 1–12) и «Эпиграмма Пушкина на перевод “Илиады”» (Там же. С. 13–17).

⁵ Имеется в виду публикация эпиграммы на Гнедича («Крив был Гнедич поэт...»), подготовленная Н.О. Лернером («Неизданная эпиграмма Пушкина» // Речь. 1910. № 24, 25 января). Брюсов представил в «Русский архив» (за подписью: А.) развернутую публикацию «Новые находки пушкинских стихов» (1910. Т. II. № 6. С. 298–303), в которой отметил приоритет Морозова («П.О. Морозову посчастливилось разыскать наброски четырех новых стихотворений, имеющих значение выдающееся» — с. 298), указал также на газетную публикацию Лернера и привел тексты черновых «онегинских» фрагментов, эпиграмму на перевод «Илиады», а также эпиграмму Пушкина на М.Т. Каченовского, опубликованную Морозовым («Неизвестная эпиграмма Пушкина») в «Юбилейном сборнике Литературного фонда» (СПб., 1910. С. 378).

2.

Опалиха, 29 мая 1911.

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Простите, что я не ответил Вам тотчас по получении Вашего письма¹. Но я был довольно серьезно болен и только теперь, живя на даче, начинаю несколько поправляться. Мне очень дорого все, что Вы говорите о моем очерке о Авсонии. Но из снисходительности Вы, конечно, много преувеличиваете мои заслуги (если они вообще есть). Маленький мой очерк как равнять <с> обстоятельным трудом гр. Олсуфьева²!

В этом году, так как мне придется часто бывать в Москве по делам редакции «Русской Мысли», мы живем близко от города, в местечке Опалиха по Виндавской ж. д. Местность здесь, впрочем, довольно приятная и лесистая. Говорят, это — бывшее имение кн. Юсупова. В парке еще есть обломки старинных статуй, «Венер и граций»³.

Иоанна Матвеевна просит передать Вам все лучшие пожелания и очень извиняется, что моя болезнь не позволила ей откликнуться на Ваше любезное приглашение, и вообще очень жалеет, что весной не удосужилась посетить Вас по этой самой причине.

Я надеюсь найти Вас осенью в добром здравии за обычной работой и прошу Вас верить в мое неизменное, глубокое и сердечное уважение.

Валерий Брюсов.

¹ Имеется в виду письмо Бартенева от 7 мая 1911 г. [1, с. 104–105], в котором он благодарит Брюсова за присылку ему его статьи о римском поэте Дециме Магне Авсонии (ок. 310–393 или 394) «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония», опубликованной в «Русской мысли» (1911. № 3. Отд. II. С. 1–48) и выпущенной также отдельным оттиском (М., 1911), и дает ей исключительно высокую оценку.

² Отклик на фразу из письма Бартенева: «Ваш труд об Авзонии выше и шире книги графа Олсуфьева о Марциале» [1, с. 105]. Подразумевается книга «Марциал. Биографический очерк» (М., 1891) графа Алексея Васильевича Олсуфьева (1831–1915), генерала и филолога-классика.

³ Чета Брюсовых снимала дачу во владении Опалиха, с 1886 до 1913 г. принадлежавшем доктору медицины Петру Федоровичу фон Штейну и населенном дачниками: «в 27 верстах от Москвы, Павловской волости, Звенигородского уезда, по Воскресенскому шоссе, ведущему в “Новый Иерусалим”» (Спутник по Московско-Виндавской железной дороге. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1909. С. 97). Ныне Опалиха — микрорайон г. Красногорска Московской области и одноименная пассажирская платформа Рижского направления Московской железной дороги, в 29 км от Москвы. Виндавский вокзал (теперь Рижский, построен в 1901 г.) находился примерно в двух километрах от дома купца И.К. Баева (ул. Первая Мещанская, д. 32), где Брюсовы с 1910 г. снимали квартиру на первом этаже (ныне — отдел Государственного литературного музея «Музей Серебряного века», Дом В.Я. Брюсова). Поездки на дачу занимали немногим более часа. Опалиха мало менялась, оставаясь дачной местностью и в послереволюционные годы, о чем упоминалось в различных путеводителях по окрестностям Москвы: «Железнодорожный разъезд маячит ржавыми крышами трех-четырёх домов. В 10–15 минутах ходьбы стелется смешанный лес. Курчавые березы и высокие угрюмые сосны <...>» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы / Очерки Ю.С. Розенберга [и др.]; под ред. Ю.С. Розенберга. М.: Молодой ленинец, 1926. С. 212). Одним из владельцев Опалихи был Николай Борисович Юсупов (1750–1831) — посланник в Турине, министр департамента уделов, член Гос. совета, директор императорских театров, Эрмитажа, меценат, строитель усадьбы Архангельское. Сельцо Опалиха-Алексеевское Юсупов купил в 1825 г. Владения находились в пешей доступности одно от другого. О парке Юсуповых писали, что он «устроен во французском вкусе XVIII в. на склоне холма, спускающегося к реке отлогими террасами; в парке множество скульптурных произведений, из коих интересны группы гладиаторов и Геркулес. Парк окаймлен густыми аллеями гигантских лип и лиственниц. <...>. Сад открыт для приезжающей публики. В селе сдаются недорогие дачи» (Дачный справочник и путеводитель по окрестностям Москвы / Изд. С.С. Кальмансон. М.: Тип. О.Я. Бурче, 1907. С. 27). Еще в 30-е гг. парк считался лучшим в Подмоскovie: «От дворца раскрывается чудесный вид и широкие горизонты реки Москвы, обрамленной деревьями парковых аллей. Парк разбит по строгим геометрическим линиям. Замечательно разработан

спуск с верхней террасы парка на нижнюю по каменным лестницам, украшенным статуями и балюстрадой с бюстами. На нижней террасе среди подстриженных аллей широкий партер с рядами скульптур по краям» (Вокруг Москвы. Экскурсии. Вып. 1 / Сост. Д.М. Бамин под ред. Н.А. Гейнике [и др.] М.: Работник просвещения, 1930. С. 85–86).

В наши дни сооружения XVIII – XIX вв. не сохранились, от парка осталась только планировка с системой копаных прудов.

Список литературы

Валерий Брюсов — историк литературы: Переписка с П.И. Бартевым и Н.О. Лернером / изд. подгот. Н.А. Богомолов и А.В. Лавров. М.: Литфакт, 2019. 408 с. (Библиотека «Литературного наследства». Вып. 5).

Статья поступила в редакцию: 21.03.2020

Одобрена после рецензирования: 01.07.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Scientific Publication of Archival Materials

Two letters from V. Bryusov to P. Bartenev

© 2020. Monika V. Orlova, Alexander V. Lavrov

Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, St. Petersburg, Russia

Acknowledgement: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no 20-012-00460 d. 28.02.2020 г. “Valery Yakovlevich Bryusov. Correspondence: Annotated Catalogue.”

Abstract: The publication complements the materials collected in the book *Valery Bryusov as a literary historian* (Moscow, 2019, series “Literary Heritage Library”, edited by N.A. Bogomolov and A.V. Lavrov) that contains Bryusov’s correspondence with P.I. Bartenev and N.O. Lerner. The correspondence of Valery Bryusov and Petr Bartenev includes, among others, 39 Bryusov’s letters of 1898–1909, preserved in the Russian State Archive of Literature and Arts. The corpus of Bryusov–Bartenev correspondence reflects the poet’s work as a secretary, contributor, reviewer in the journal of history and literary history *Russkiy Arkhiv* (*Russian Archive*) edited by

Bartenev (Bryusov has become an outstanding Russian classical poetry expert of his time). Two more Bryusov's letters relating to Bartenev's last years have been recently discovered. They are preserved in the State Literary Museum Manuscript Department and shed light on some details of Bryusov's relations with Bartenev, as well as their shared interest in classical literature, and provide some additional data for the biographies of Bryusov and his correspondent — a contemporary of Tyutchev, Pogodin, the Aksakovs, an “archive-digger”, described by Bryusov as “a committed publisher of historical materials” and viewed by the poet as a person not at all alien to literature and culture of the early 20th century.

Keywords: V. Bryusov; P. Bartenev; letters of literary historians; correspondence; early twentieth century Russian literature.

Information about the authors:

Monika V. Orlova, PhD, Leading Research Fellow, Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature (State Literary Museum), Trubnikovskiy Alley 17, 121069 Moscow, Russia. E-mail: dombrusova@yandex.ru

Alexander V. Lavrov, Doctor Hab., Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Makarov Embankment 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

For citation: Orlova, M.V., Lavrov, A.V. “Two Letters from V. Bryusov to P. Bartenev.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 343–349. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-343-349>

References

Bogomolov N.A., and Lavrov A.V., editors. *Valery Bryusov — istorik literatury: Perepiska s P.I. Bartenevym i N.O. Lernerom* [*Valery Bryusov as a Literary Historian: Correspondence with P.I. Bartenev and N.O. Lerner*]. Moscow, Litfact Publ., 2019. 408 p. (In Russ.)

The article was submitted: 21.03.2020

Approved after reviewing: 01.07.2020

Date of publication: 25.09.2020

Дополнения к Летописи жизни и творчества О. Э. Мандельштама

© 2020, А.Г. Мец, Л.М. Видгоф, Е.И. Лубянникова, С.И. Субботин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Российская национальная библиотека,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикация представляет дополнения и уточнения к изданной в 2019 г. «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама» (3-е изд.) и включает 57 позиций за 1911–1937 гг. с фактами, не учтенными в «Летописи...». Среди них биографические сведения о Мандельштаме, свидетельства о его выступлениях, встречах, данные об издательской истории его произведений и переводов, (не)прохождении в Госиздате сборника «Аониды» (1922), факты публикации произведений, в том числе переводов в зарубежной печати. Освещено участие Мандельштама в работах объединения «Литературный особняк», его выступление в Доме печати (Ленинград), приведены отзывы о поэте в критической литературе тех лет и др.

Ключевые слова: Летопись жизни и творчества писателя; О. Мандельштам; историко-ведение; биографика; хроника литературных событий; мемуары.

Информация об авторах:

Александр Григорьевич Мец — независимый исследователь, Гатчина, Россия. E-mail: agmets@mail.ru

Леонид Михайлович Видгоф — эксперт, Мандельштамовский центр Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия. E-mail: vidgof@mail.ru

Екатерина Ивановна Лубянникова — научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lub000@yandex.ru

Сергей Иванович Субботин — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: serg_subbotin@mail.ru

Для цитирования: Мец А.Г., Видгоф Л.М., Лубяникова Е.И., Субботин С.И. Дополнения к Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 350–366. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-350-366>

Список сокращений

О.М. — О.Э. Мандельштам.

Н.М. — Н.Я. Мандельштам.

ВСП и *СОПО* — Всероссийский союз поэтов.

Герштейн мемуары — Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб.: «Инапресс», 1998. 528 с.

Книл — Книжная летопись. Издавалась Главным управлением по делам печати (Петербург–Петроград, 1907–1917), Российской книжной палатой (Петроград, 1917–1920), Гос. издательством (Москва, 1920–1925), Гос. центральной книжной палатой (Москва, с 1925).

ЛЖР — Литературная жизнь России / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920; ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922. 766 с. + 704 с.

Летопись 2019 — Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубяниковой, П. Мицнера. СПб.: Интернет-издание, 2019. 512 с.

Летопись Есенина (с указанием номера тома и номера книги) — Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2010.

ПССиП 2020 — Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. СПб.: Гипернон, 2020.

Путеводитель по фонду Госиздата — Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата. М.: РОССПЭН, 2009. 463 с.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ИМЛИ РАН — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ЦГА Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы.

Настоящие Дополнения составлены на основаниях, изложенных в предисловии «От составителей» 3-го издания Летописи (2019). Общую редакцию осуществил А.Г. Мец. За содействие и помощь соавторы выражают благодарность Н.А. Богомолу, Ю.Е. Галаниной, Ричарду Дэвису, В.П. Енишерлову, Т.В. Котовой.

1911

Май, 18 или 19. Навещает Бориса Синани в Мариинской больнице в Петербурге. Ср. в «Шуме времени»: «Умирая, Борис бредил Финляндией, переездом в Райволу и какими-то веревками для упаковки клад».

Мая 20. Смерть Бориса Синани. «20 мая в 3 часа дня скончался после недолгой тяжелой болезни студент С.Петербургского университета Борис Борисович Синани, о чем с глубокой скорбью извещают родных и друзей отец, жена и сестры. Панихида в часовне Мариинской больницы (Литейный, 56) в 2 часа и в 8 ч. вечера. Вынос в воскресенье, 22-го, в 9 час. утра на Волковом кладбище» (Речь. 1911. № 137, 21 мая (3 июня). С. 1. Установлено Ю.Е. Галаниной).

Мая 22. Участвует в похоронах Б.Б. Синани.

1914

Декабрь, до 6. Встречается с Артуром Лурье в период сочинения «Оды Бетховену» (см. Декабря 6). «За время моей дружбы с Мандельштамом я привык к тому, что он бормотал стихи, сочиняя их на ходу и разговаривая при этом на совершенно посторонние темы, — одно не мешало другому. “Ода Бетховену” сочинялась Мандельштамом довольно долго; я часто слышал, как он выборматывал отдельные строчки и потом строфы во время наших прогулок, причем строчки передвигались то вверх, то вниз, то в середину, пока наконец “Ода” не приняла окончательную форму» (*Лурье А.С.* Чешуя в неводе // Воздушные пути. Альманах. 2. Нью-Йорк, 1961. С. 203).

1915

Ноябрь, до 18. Петроград. Читает стихи в доме С.Э. и А.Д. Радловых. Согласно письму Н.Э. Казанской Б.В. Казанскому за это число: «Устроили они [Радловы] раз вечер с поэтами, с Гумилевым, Мандельштамом, Чудовским и др. Было очень мило, если бы не Мандельштамовские стихи» (*Сальман М.* О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме // *Slavica Revalensia*. 2018. Vol. 5. С. 152).

1916

Марта 25. Письмо И.А. Аксенова С.П. Боброву: «<...> можно будет, когда война кончится, попытаться организовать двухнедельник в один[-]два листа достаточно агрессивный, чтобы заставить себя читать и отбить вкус читателей от Мандельштамма с одной стороны и Бурлюка с другой <...>» (*Аксенов И.А.* Из творческого наследия:

в 2 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Н.Л. Адаскиной. М.: РА, 2008. Т. 1. С. 65–66).

Примечание: в письме обсуждается издательская тактика литературной группы «Центрифуга».

Апреля 29. О. М. в университете на экзамене по истории древнегреческой литературы у проф. Г.Ф. Церетели (экзамен не сдал). Дата и обстоятельства установлены сопоставлением письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве (*Stanford Slavic Studies*. 1987. Vol. 1. С. 22–23. Публ. Л.С. Флейшмана) и университетского дела Оксмана, в ст. М.Г. Сальман: *Slavica Revalensia*. 2016. Vol. III. С. 143–144.

1917

Июля вторая половина. Отъезд из Москвы в Алушту.

Июля 20-е числа — Сентября 23. Находится в Алуште. Согласно письмам Э.Ф. Радловой (урожд. Зандер) к мужу, Н.Э. Радлову, из Алушты в Петроград. В письмах сообщаются сведения о Мандельштаме (имеется также его приписка в письме от **21 августа**), в частности, **1 сентября**: «Сейчас от меня ушли Паллада, Витя [Мочульский] и Мандельштам. Сегодня вечером при большой аудитории Паллада читала свой рассказ, очень хороший по мысли, многими оцененный». В письме от **21 сентября** — о выступлении О.М. с чтением стихов перед публикой в Алуште. В письме от **22 сентября** сообщается о намерении О.М. 23-го выехать из Алушты в Петроград, о передаче с ним продуктовой посылки для родственников и мужа Э. Радловой в Петрограде; указан его петроградский адрес: Каменноостровский пр., д. 24. Републикуется рисунок Э.Ф. Радловой «Паллада и Мандельштам» (*Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 7. К иконографии Осипа Мандельштама // *Литературный факт*. 2018. № 10. С. 368–384).

Примечание: в следующих после 22 сентября письмах Э. Радловой Мандельштам не упоминается. Согласно ее письму от 27 сентября, С.К. Костычев, который должен был уехать в Петроград в один день с О.М., из-за забастовки железнодорожников вынужден был после 3-дневного ожидания возвратиться из Симферополя в Алушту. Вернуться в Петроград поездом ему удалось только 4 октября (*Лавров А.В.* Котикус и Витикус // *Лавров А.В.* Тексты и комментарии. СПб., 2018. С. 404). Той же причиной, очевидно, был задержан и О.М. По-видимому, решив не дожидаться прекращения забастовки, он из Симферополя отправился в Феодосию, где его появление зафиксировано в первых числах октября.

1918

Мая 16. Москва. Анонс «вечера» в обществе «Венок искусств» с участием О.М. и Вл. Ходасевича (Жизнь. М., 16 мая. № 17).

Октября до 9 (?). Москва. Заключает с Литературно-издательским отделом Наркомпроса договор о переводе пьесы Ф. Шиллера «Разбойники» (значится в сводном «Списке авторов по №№ договоров с указанием сданных и не сданных работ на 1 мая 1919 г.» — *ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 251, № 29, с пометой «Подлежит сдаче»). Датируется предположительно (см. след. запись).

Октября 9. Получает в Наркомпросе (аванс по этому договору?) 1660 руб. (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 6. Ед. хр. 5 [Кассовая книга Лит. Изд. Отд. Н. К. П.]. Л. 64).

Ноября до 19 (?). Заключает с Литературно-издательским отделом Наркомпроса договор о переводе пьесы Ф. Шиллера «Дон Карлос» (значится в сводном «Списке авторов по №№ договоров с указанием сданных и не сданных работ на 1 мая 1919 г.» — *ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 252; № 39, с отсылкой: «См. № 29», а также, согласно пометам при позиции № 29 на л. 251). Датируется предположительно (см. след. запись).

Ноября 19. Получает в Наркомпросе (аванс по этому договору?) 600 руб. (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 6. Ед. хр. 5 [Кассовая книга Лит. Изд. Отд. Н. К. П.]). Л. 65).

1919

Декабря 6. Вышел из печати трактат Есенина «Ключи Марии» (*Летопись Есенина*. Т. 5, кн. 2. С. 118), содержащий реминисценцию строк 13–14 стихотворения О.М. «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (наблюдение Б.А. Филиппова; см. его статью «Николай Клюев: Материалы для биографии» в кн.: Клюев Н. Соч. Т. 1. [Мюнхен], 1969. С. 173, примеч. 227). См. также: Есенин С. Полн. собр. соч.: в 7 т. [9 кн.] Т. 5. М.: «Наука–Голос», 1997. Т. 5. С. 487 (коммент. С.И. Субботина). Из «Ключей Марии»: «Для Клюева, например, всё сплошь стало идиллией гладко причесанных английских гравюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников» [курсив наш].

1921

Апреля около 16 — Мая 17. Москва. В один из дней, возможно, выступил на собрании об-ва «Лит. особняк» с чтением стихов (предположительно, согласно «Списку поэтов, выступавших в заседаниях

“Лит. особняка” с 8 февр. 1919 г. по 17 мая 1921 г. с чтением стихов или книг стихов» — *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 22. Д. 57. Л. 28–28 об.).

1922

Марта 9. Киев. Состоялась регистрация брака О.М. и Н.Я. Хазиной (вторично? — ср. **1921, Апреля 9 — Апреля около 16**). Зарегистрирована Печерским [отделом] РАГС [Регистрации актов гражданского состояния] г. Киева, актовая запись № 166/538 от 9 марта 1922 г.: ДАГК [Государственный архив города Киева]. Ф. Р-1654. Оп. 1. Д. 179. Л. 169–169 об. (Collegium. Киев, 2019. № 31/32. С. 8–9. В ст. П. Нерлера «Мандельштамовские чтения в Киеве 30 апреля – 2 мая 2019 г.»).

Мая 24. На очередной «среде» об-ва «Лит. особняк» выступил с чтением стихов. По записи в дневник Т. Мачтета (25 мая), «публики набралось полный зал». Вел собрание поэт Александр Мареев (*РГБ*. Ф. 162. Карг. 8. Ед. хр. 4. Л. 61 об.–63). См. *Летопись 2019*, Мая 24.

Июня 3 и/или 10. Москва. Принимает участие в «академических вечерах» Союза поэтов (Дом Герцена). Датировка основана на дневниковых записях И.Н. Розанова (3 и 10 июня) и Т.Г. Мачтета (18 июня). Эти источники, а также сведения из периодической печати по всем вечерам, указанные в: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 427, заново проверены de visu с целью корректировки даты события.

Июня 7. Москва. Решение Распорядительной комиссии Госиздата «отложить печатание» книги стихов О.М. «Аониды» (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 9. Ед. хр. 140. Л. 142, протокол № 43). Ср. *Летопись 2019*. Мая 11, Сентября 26, Ноября 14, Ноября 17, Декабря 1, Декабря 14; 1923. Января 30.

Июня 14. На исполнительском собрании членов о-ва «Лит. особняк» выступил в прениях по кн. М. Ямпольской «Нерукотворная явь» (*ЦГА Москвы*. Ф. Л-244. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 33).

Июня 21. На исполнительском собрании членов о-ва «Лит. особняк» выступил в прениях по переведенным [А.М.] Арго стихам неизвестного автора, посвященных Франсуа Вийону (по другому источнику, Арго представил переводы из самого Ф. Вийона) (Там же. Л. 36).

Июня 28. На заседании правления о-ва «Лит. особняк» постановлено: «Просить О.Э. Мандельштама войти в число членов Кружка» (Там же. Л. 41 об.).

Июля 5. На исполнительском собрании членов о-ва «Лит. особняк» выступил в прениях по пьесе [А.М.] Арго и Н. Адуева «Жирофле-Жирофля» (Там же. Л. 45).

Июля 19. На заседании правления о-ва «Лит. особняк» постановлено приступить к собиранию рукописей для сборника «Литературный особняк». В редакционную комиссию включены О.М., Н.А. Зархи, И.Л. Сельвинский. На этом же собрании заслушана информация О.М. «о помещениях, занимаемых Союзом писателей» (Там же. Л. 52).

Июль. В Антверпене вышел № 9/10 журнала «Lumière», посвященный России. Помещены французские переводы М. Цветаевой (без указания имени переводчика и, возможно, с редакторской правкой), в том числе «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...») (*Coudenys Wim*. «Те последние вы можете исправлять с точки зрения стилистики»: Четыре забытых французских перевода Марины Цветаевой // *Revue des études slaves*. 1994. Т. LXVI / 2. С. 406, 410). На первой странице журнала был проставлен номер 9 и дата — 15 июня, однако на обложке проставлен иной номер (№ 9/10), а взамен первоначальной даты, скрытой черной краской (на это обстоятельство указано Мишелем Никё), — другая, двойная («15 juin — juillet 1922»). См. *Летопись 2019*, Мая 25 или 27. Запись за **Июня 15** аннулируется.

Июль — Августа 5. Москва. Присутствует на докладе И.А. Аксенова о Хлебникове в связи с кончиной последнего (28 июня) на одном из «академических вечеров» Всероссийского союза поэтов (проводившихся по субботам, 1-го, 8-го, 15-го, 22-го, 29-го июля и 5 августа). Источники даты: прямые указания на предшествующую докладу кончину Хлебникова в статье О.М. «Литературная Москва»: «...но зато в Москве же И.А. Аксенов, в скромнейшем из скромных литературных собраний, *возложил на могилу* ушедшего великого архаического поэта прекрасный венок аналитической критики, осветив принципом относительности Эйнштейна архаику Хлебникова и обнаружив связь его творчества с древнерусским нравственным идеалом шестнадцатого и семнадцатого веков, — в то время, как в Петербурге просвещенный “Вестник литературы” сумел только откликнуться скудоумной, высокомерной заметкой *на великую утрату*» (*ПССиП* 2020. Т. 2. С. 86–87. Курсив наш), в сочетании с указанием в хроникальной заметке на состоявшийся доклад Аксенова: «Союз поэтов устроил 10 академических собраний, на которых читали свои произведения И. Новиков, О. Мандельштам, А. Крученых, Г. Шенгели, В. Федоров, И. Грузинов, С. Клычков, А. Чумаченко, П. Орешин, Н. Рукавишников, Б. Пастернак и др. и *сделали доклады И.А. Аксенов, Г. Шенгели, проф. Жиров, проф. Топорков* и др. Собрания проходят по субботам в помещении Союза

писателей» (Сегодня. Еженедельник литературы, театра, искусства. [Москва], 1922. № 1, сент., С. 6. Курсив наш). См. также: «Август. На еженедельном «академическом вечере» Союза поэтов в Доме Герцена Аксенов читает доклад о поэзии Хлебникова» (Даты и факты жизни И.А. Аксенова. Сочинения И.А. Аксенова // Аксенов И.А. Из творческого наследия: в 2 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Н.Л. Адаскиной. М.: РА, 2008. Т. 2. С. 329. — http://teatr-lib.ru/Library/Aksyonov/t2/#_Точ363224507)¹.

Августа 24. Присутствовал на общем собрании членов о-ва «Лит. особняк» (*ЦГА Москвы*. Ф. Л-244. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 74. Протокол).

Сентября 17. На заседании правления о-ва «Лит. особняк» постановлено утвердить доклады, посвященные творчеству поэтов (в том числе О.М.) (Там же. Л. 94).

Октября не позднее 28. Москва. Книгоиздательство артели писателей «Круг» приобретает у О.М. рукопись книги стихов в 1000 строк за 100000 руб. (датированный сводный список выплат писателям: *ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 48). См. *Летопись 2019*. Октября 30; 1923. Мая не позднее 24.

Ноября 17. Решение Распорядительной комиссии Госиздата об издании «Гоготур и Апшины» Важи Пшавелы в переводе О.М. и его книги стихов «Аониды» (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Ед. хр. 150. Л. 16, протокол № 113).

Примечание: переводы О.М. (отрывки из старофранцузского эпоса и «Гоготур и Апшина») значатся в сводном «Списке рукописей, отклоненных Распорядительной Комиссией и отделами Редсектора ГИЗ'а» (1923): Там же. Ед. хр. 77. Л. 6 об., № 272 и 279, соотв².

Ноября 17. Правление Госиздата определяет тиражи книг, принятых к изданию, в т. ч. книги Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина» в переводе О.М. и книги его стихов «Аониды» (по 3000 экз. каждая: Там же. Ед. хр. 247. Л. 26–27, приложение к протоколу № 79). См. *Летопись 2019*. Апреля 20, Апреля 21, Мая 10, Мая 24, Ноября 14; 1923. Февраля 23, Май.

Декабря 5. Москва. И.В. Евдокимов делает запись в дневнике о знакомстве с О.М. (в Госиздате?) — *РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 129. Л. 88.

¹ Запись в *Летописи 2019: 1922, Июня 3* аннулируется.

² Запись в *Летописи 2019: 1922, Ноября 14* аннулируется. В *Путеводителе по фонду Госиздата* (с. 325) — с ошибочной датой: 14 ноября.

1923

Апреля 12. В Токио в издательстве «Кайдзося» выходит антология «Роно Росия сисю» («Поэзия рабоче-крестьянской России») со стихами О.М. в переводе на японский язык (переводчик Кэйси Осэ)³. Точная дата выпуска книги в свет указана в самом ее тексте (сообщено В.Э. Молодяковым С.И. Субботину).

1925

Июня не позднее 29. Вышла из печати книга: *Горбачев Г.* Очерки современной русской литературы. Л.: Госиздат, 1925. Изд. 2-е, доп. Источник даты: *Книл* № 14, янв. — июль.

Из текста: «Последнее время пробовали утверждать, что акмеистический “неоклассицизм” и есть торжественно-достойный стиль современной революции. Однако, блестящая мертвенность, пустая звонкость и неоставляющее следа волнение книжных воспоминаний в Манделъштамовских “Tristia” не свидетельствуют в пользу этого утверждения, равно как и скучные новые стихи Манделъштама на темы труда (“Бронза” [из О. Барбье]) или социальных и обыденно-жизнейских волнений современности. Но четкая образность, мудрая скупость слова и фразы, волнующая и заставляющая запомнить себя сила звукового строения торжественных ораторских или взволнованных и сдержанных повествовательных стихов Манделъштама — вошли как громадное приобретение, в обиход современности. <...> Расхваленный некоторой частью революционной критики Г. Шенгели, верный ученик Манделъштама, типичный акмеист, действительно сочувствующий революционным эпохам и настроениям, мертвенно-холоден и как-то равнодушен там, где он не описывает без затей современност[ь]. Но и в последнем случае его связывает чинная холодность акмеистической позы, позы, якобы естественности, якобы реализма» (с. 41).

1930

Января первых чисел не позднее. Вышла книга переводов стихотворений на англ. яз.: *Coxwell Ch.F.* Russian poems (London: Daniel, 1929) с предисловием Д.П. Святополк-Мирского и примечаниями переводчика. На с. 272 включен перевод стихотворения О.М. «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...»). Датируется на основании рец. в газете «The Times Literary Supplement» от 9 января 1930 г. (установлено Р. Дэвисом).

³ Запись в *Летописи 2019: 1923. Декабрь* аннулируется.

Января 13. В номере «Литературной газеты» — сообщение о состоявшемся первом пленарном заседании реорганизованного Оргкомитета Всеросс. о-ва Драматургов и композиторов. Указан вошедший в Оргкомитет [Е.Э.] Мандельштам (с. 2).

Декабря 1. Совместное постановление ЦК и ЦКК «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.». Сырцов и Ломинадзе были выведены из ЦК и сняты со своих постов.

1931

Мая конец — Июня конец. Москва. В квартире брата в Старосадском пер. Мандельштамов навещает Н.А. Клюев. «В Старосадском переулке в комнате отсутствующего брата Осипа Эмильевича Мандельштамы встретили меня сурово. “Мы бедны, у нас скудно”, — обиженно произнес Осип Эмильевич. А Надя стала живописно изображать, как к ним потянулись люди, принося дары — деньги или еду. Даже Клюев явился, как-то странно держа в оттопыренной руке бутербродик, насаженный на палочку: “Всё, что у меня есть”» (*Герштейн мемуары*. С. 21).

1932

Апрель. Включен в «список-реестр», который был подан Сталину в момент создания Оргкомитета Союза советских писателей» (*Морев Г.А.* Еще раз о Сталине и Мандельштаме: вокруг Спецсообщения зампреда ОГПУ Агранова // Colta.ru. 2019, 13 дек. — <https://www.colta.ru/articles/literature/22722-bleb-morev-esche-raz-o-staline-i-mandelshtame>, со ссылкой на публ. Л.В. Максименкова: Огонек. 2016. № 1/2. С. 32).

Мая 30. Письмо С.М. Городецкого И.М. Гронскому: «Дорогой Ванюшка <...> Взял ли ты стихи Мандельштама? Он в интереснейшем моменте перелома. К нему нужна особая чуткость. Будь внимателен ко всем, кто к тебе придёт!» (Архив С. Городецкого. Предоставлено В.П. Енишерловым).

Июля 3 или 4. В Доме Герцена, в комнате С. Клычкова — встреча с Н. Клюевым. Присутствует А. Яр-Кравченко. П. Васильев и С. Липкин читают стихи, Н. Клюев — «Погорельщину» (*Липкин С.* Квадрига. М., 1997. С. 332–337). Из книги Липкина: «Это событие (я не оговорился — событие) произошло в 1931-м или в 1932-м году. Осип Эмильевич Мандельштам сказал мне, что в Москву из Ленинграда приехал Клюев, снял комнату недалеко от дома Герцена, где жили тогда Мандельштам и Клычков, что Клычков хочет представить Клюеву Павла Васильева, а он, Осип Эмильевич, приведет к Клычкову меня» (Там же. С. 332).

Примечание: верхняя граница события определяется на основе строк из письма А. Яр-Кравченко брату Владимиру (5 июля 1932): «Я познакомился с казацким поэтом из Павлодара Пашей Васильевым...» (*Кравченко Т., Михайлов А.* Наследие комет: Неизвестное о Николае Ключеве и Анатолии Яре. М.; Томск: Территория, 2006. С. 114), нижняя — предположительно, в соответствии с содержанием писем А. Яр-Кравченко родным от 2 июля и 27 июня 1932 (Там же. С. 109–110). О датировке см. также в кн.: Николай Ключев. Воспоминания современников / [сост. П.Е. Поберезкина; комм. Л.А. Киселевой при участии Т.А. Кравченко, М. Никё и С.И. Субботина]. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 706 (коммент. С.И. Субботина)⁴.

Ноября 23. В «Литературной газете» статья Л. Никулина «Во весь голос». «Он [Маяковский] многое любил и все понимал в этом городе, где хотел бы умереть, «если б не было такой земли — Москва». Но он никогда не поднимал поэтический громкокопящий кубок

За музыку сосен Савойских,
Полей Елисейских бензин,
За розу в кабине Рольс-ройса,
За масло парижских картин⁵.

А он был из того же поколения, из той же исторической эпохи» (с. 2).

1933

Января 5. В «Литературной газете» статья В. Шкловского «Юго-запад». «Акмеизм не был сюжетным насковозь. Мандельштам соединял стихи из отдельных строчек, строчки рождались и кружились, как слепые ласточки. Строчки были объединены более тоном, чем строем» (с. 3).

Январь. В Италии вышла Антология русских поэтов «Ночная фиалка» Р. Поджиоли (*Poggioli R. La violetta notturna: Antologia di poeti russi del Novecento.* Lanciano: Carabba). Включены четыре стихотворения О.М. в переводе на итальянский: «Я не увижу знаменитой Фредры...», «От легкой жизни мы сошли с ума...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...» (с. 123–127).

Марта 2. И.М. Синельников присутствует на вечере О.М. в ленинградском Доме печати. Из его воспоминаний: «Присутствовали

⁴ Запись в *Летописи 2019: 1931, Весна.* У С. Клычкова... аннулируется.

⁵ Из стихотворения О.М. «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» (1931).

журналисты и немногие почитатели творчества поэта. В первых рядах сидели какие-то старые дамы. В общем, публика была, пожалуй, малоискушенной в поэзии. Мандельштам читал стихи, в основном из книги “*Tristia*” и более поздние. Президиума на сцене не было. Поэт просто вышел и выступил один. Читал свои стихотворения темпераментно, звонким голосом, что как-то не соответствовало его довольно тщедушному виду. Я запомнил стихи о Батюшкове, о Державине и Языкове. <...> Началось второе отделение с вопросов. Первым был такой: “Что есть акмеизм?” Мандельштам ответил: — Это еще недооцененное замечательное течение в истории русской культуры. Можно назвать такие имена, как Ахматова (тут он замялся, не осмеливаясь назвать Гумилева, но смысл заминки был ясен...). В истории русской поэзии это совершенно исключительное явление. До акмеистов не было в поэзии такого широкого охвата явлений культуры (поэзия античная, средневековая, современная). Лучшие достижения мировой поэзии стали достоянием русской в результате деятельности акмеистов...

Примерно так говорил Мандельштам. Прозвучал новый вопрос: “Как вы относитесь к современным поэтам, которые печатаются в ленинградском журнале “Звезда”? (Шла речь о Прокофьеве, Корнилове и других)”. — Я не понимаю Тихонова (тогда редактор журнала. — *И.С.*), который предоставляет трибуну этим мальчишкам с картонными наганами. У меня нет слов, чтобы дать оценку этой профанации поэзии...» (*Синельников И.М.* «Это было, было, было...»: Книга воспоминаний. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. С. 44–45).

Июня 30. Москва. Подарил В.Е. Ардову, соседу по квартире в доме № 5 по ул. Фурманова книгу «Камень», 2-е изд. (1916) с надписью: «Главному соседу Виктору Ардову // О. Мандельштам // 30/VI/33 г.» (*Шиндин С.Г.* “Печальну повесть сотворив...”: К выходу в свет “Мандельштамовской энциклопедии” // *Toronto Slavic Quarterly*. 2019. № 67/68. С. 25–26).

1934

Февраля 2. Москва. Арест Н.А. Клюева.

Апреля 6. В «Литературной газете» № 42 — статья Н. Оружейникова «Бесприютное мастерство» (о кн. М.А. Зенкевича «Избранное», 1933). «Сравнительно с такими представителями акмеизма, как О. Мандельштам, М.А. Зенкевич проявил действительно желание “быть зрителем и участником великих событий”. У Зенкевича нет ни мандельштамовского высокомерия к окружающему, уводящего поэта в сферу чисто

книжных переживаний, ни фанатической преданности прошлому опыту, характерной для В. Нарбута, но ему недостает ощущения внутреннего содержания, главного в новых людях. Недостает ему вдобавок и такого острого восприятия судьбы социальной группы, своей прослойки, которое пронизывало творчество Эдуарда Багрицкого» (с. 2).

Июня 1. Спецсообщение ОГПУ об аресте Мандельштама О.Э. секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину. Подписано зам. пред. ОГПУ Я.С. Аграновым («Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Сб. док.: в 10 т. М., 2017. Т. 10. Ч. 1. С. 591; см. также: *Морев Г.А.* Еще раз о Сталине и Мандельштаме: вокруг Спецсообщения зампреда ОГПУ Агранова // Colta.ru. 2019, 13 дек. — <https://www.colta.ru/articles/literature/22722-gleb-morev-esche-raz-o-staline-i-mandelstame>).

1935

Октября 25. В письме из Томска Н.А. Клюев спрашивает В.Н. Горбачеву: «Как поживает Осип Эмильевич? Я слышал, что будто он в Воронеже?» (Николай Клюев в последние годы жизни. Письма и документы / публ., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. Г.С. Клычкова и С.И. Субботина // *Новый мир*. 1988. № 8. С. 187).

1936

Февраля 23. Томск. Из письма Н.А. Клюева В.Н. Горбачевой: «Очень бы хотелось написать Осипу Эмильевичу, но его адреса я тоже не знаю» (Там же. С. 191).

1937

Апреля 22. Н.М. в письме из Москвы сообщает О.М. о чтении К.И. Чуковскому и В.Н. Яхонтову недавно написанных стихотворений О.М. «Я скажу это начерно, шепотом...» и «Может быть, это точка безумия...» (*Тименчик Р.Д.* К биографии Осипа Мандельштама: 1937 год // *Летняя школа по русской литературе*. 2019. № 1. С. 96).

Апреля 24. Н.М. в письме из Москвы сообщает о чтении знакомым стихотворений О.М. 1937 года (Там же. С. 97).

Апреля 27. Н.М. в письме из Москвы сообщает о своей попытке встретиться со Ставским. Сообщает об «очень хорошей реакции» слушателей на «Стихи о неизвестном солдате» (Там же. С. 99)⁶.

Апреля 29. Н.М. в письме из Москвы сообщает, что ее прием у Ставского перенесен на 3 мая. Сообщает о разрешении НКВД,

⁶ Ср. отклик О.М. на это сообщение в письме к Н.М. от 2 мая (*ЛССиП* 2020. Т. 3. С. 477).

данном В.А. Пясту, приезжать в Москву для литературной работы из одесской ссылки и о встрече с ним в Москве (Там же. С. 99–103).

Мая 6. Н.М. в письме из Москвы сообщает о своей встрече со Ставским 5 мая, об ожидании ответа на переданные через него письма или заявления (вероятно, в Секретариат Союза советских писателей от 30 апр. 1937 г., см. *ПССиП 2020*. С. 474–475). Сообщает о предполагаемом приезде в Москву «в ближайшие дни» Е.Э. Мандельштама. Сообщает сведения о здоровье отца и брата Александра, а также сведения о живущей в их квартире семье Костаревых (Там же. С. 103–104).

Октября 8. Расстрелян по приговору Сергей Клычков.

Октябрь, между 23 и 25. Томск. Расстрелян Николай Клюев. Точная дата казни неизвестна.

Список литературы

1. *Морев Г.А.* Еще раз о Сталине и Мандельштаме: вокруг Спецсообщения зампреда ОГПУ Агранова // Colta.ru. 2019, 13 дек. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22722-gleb-morev-esche-raz-o-staline-i-mandelstame> (дата обращения 13.12.2019).

2. *Нерлер П.* Мандельштамовские чтения в Киеве 30 апреля — 2 мая 2019 г. // Collegium (Киев). 2019. № 31/32. URL: <https://burago.com.ua/collegium-31-32/> (дата обращения 13.12.2019).

3. *Сальман М.* О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме // Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 203–225.

4. *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 7. К иконографии Осипа Мандельштама // Литературный факт. 2018. № 10. С. 368–384.

5. *Тименчик Р.Д.* К биографии Осипа Мандельштама: 1937 год // Летняя школа по русской литературе. 2019. № 1. С. 92–106.

6. *Шиндин С.Г.* “Печальную повесть сотворив...”: К выходу в свет “Мандельштамовской энциклопедии” // Toronto Slavic Quarterly. 2019. № 67/68. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/68/Shindin68.pdf> (дата обращения 13.12.2019).

7. *Coudenys Wit.* «Те последние вы можете исправлять с точки зрения стилистики»: Четыре забытых французских перевода Марины Цветаевой // Revue des études slaves. 1994. T. LXVI / 2. P. 401–441.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2020

Одобрена после рецензирования: 01.06.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Biography

Supplement to the Chronicle of Osip Mandelstam's Life and Work

© 2020. Alexander G. Mets, Leonid M. Vidgof,
Ekaterina I. Lubyannikova, Sergei I. Subbotin

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
National Library of Russia,
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, St. Petersburg, Russia

Abstract: The publication supplements and specifies *Chronicle of O.E. Mandelstam's Life and Work* (3rd ed., 2019) and includes 57 positions that refer to 1911–1917 and deal with some facts that were not present in the *Chronicle*. Among them are biographical details, reports of Mandelstam's public appearances, performances, meetings, data on the editorial history of his works and translations (including his publications abroad) and on non-publication of his poetic collection *Aonides* (1922) by Gosizdat. The paper covers Mandelstam's activity in the association *Literary Mansion* and his performance at the House of Press (Leningrad), presents critical publications and press on Mandelstam of that period, etc.

Keywords: Chronicle of a writer's life and work; O. Mandelstam; source studies; biographical studies; chronicle of literary events; memoirs.

Information about the authors:

Alexander G. Mets, independent researcher, Gatchina, Russia. E-mail: agmets@mail.ru.

Leonid M. Vidgof, expert, Mandelstam Centre of the General and Applied Philology Department of the Faculty of Humanities of the National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya 21/4, 105066 Moscow, Russia. E-mail: vidgof@mail.ru.

Ekaterina I. Lubyannikova, researcher, National Library of Russia, Sadovaya 18, 191069 St. Petersburg, Russia. E-mail: lub000@yandex.ru.

Sergei I. Subbotin, PhD, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: serg_subbotin@mail.ru.

For citation: Mets, A.G., Vidgof, L.M., Lubyannikova, E.I., Subbotin, S.I. "Supplement to the Chronicle of Osip Mandelstam's Life and Work." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 350–366. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-350-366>

References

1. Morev, G.A. “Eshche raz o Staline i Mandel'shtame: vokrug Spetssoobshchenia zampreda OGPU Agranova” [“Once Again about Stalin and Mandelstam: Around the Special Message of the OGPU Deputy Chairman Agranov”]. *Colta.ru*. December 13, 2019. Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/22722-gleb-morev-esche-raz-o-staline-i-mandel'shtame> (Accessed 13 December 2019). (In Russ.)

2. Nerler, P. “Mandel'shtamovskie chteniia v Kieve 30 apreliia – 2 maia 2019 g.” [“Mandelstam Proceedings in Kiev, April 30 – May 2, 2019”]. *Collegium (Kiev)*, no. 31/32, 2019. Available at: <https://burago.com.ua/collegium-31-32> (Accessed 13 December 2019). (In Russ.)

3. Sal'man, M. “O Sergee Radlove i Osipe Mandel'shtame” [“About Sergey Radlov and Osip Mandelstam”]. *Slavica Revalensia*, vol. 5, 2018, pp. 203–225. (In Russ.)

4. Timenchik, R.D. “Zametki kommentatora. 7. K ikonografii Osipa Mandel'shtama” [“Notes of a Commentator. 7. To the Iconography of Osip Mandelstam”]. *Literaturnyi fakt*, no. 10, 2018, pp. 368–384. (In Russ.)

5. Timenchik, R.D. “K biografii Osipa Mandel'shtama: 1937 god” [“On Osip Mandelstam's Biography: 1937”]. *Letniaia shkola po russkoi literature*, no. 1, 2019, pp. 92–106. (In Russ.)

6. Shindin, S.G. “‘Pechal'nu povest' sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel'shtamovskoi entsiklopedii’.” [“‘Having Made a Sad Tale...’: To the Publication of the ‘Mandelstam Encyclopedia’.”]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 67/68, 2019. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/68/Shindin68.pdf> (Accessed 13 December 2019). (In Russ.)

7. Coudenys, W. “‘Te poslednie vy mozhete ispravliat' s tochki zreniia stilistiki’: Chetyre zabytykh frantsuzskikh perevoda Mariny Tsvetaevoi” [“‘Those Latest You Can Correct in Terms of Style’: Four Forgotten French Translations by Marina Tsvetaeva”]. *Revue des études slaves*, vol. LXVI / 2, 1994, pp. 401–441. (In Russ.)

The article was submitted: 12.02.2020

Approved after reviewing: 01.06.2020

Date of publication: 25.09.2020

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Рецензия на книгу
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-366-386>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

«Большая книга ошибок» (новое собрание сочинений В.И. Нарбута)

© 2020, В.Г. Беспрозванный

Мичиганский университет,
Анн Арбор, США

Аннотация: В рецензии на недавно изданную книгу (*Нарбут В.И. Собрание сочинений: Стихи. Переводы. Проза / сост., подгот. текста, ст. и примеч. Р.Р. Кожухарова. М.: ОГИ, 2018. 832 с.*) рассматриваются текстологические методы, использованные при подготовке сборника, оценивается уровень комментариев и вступительной статьи и выявляется значительное число промахов составителя, которыми отмечено новое издание, в том числе в датировках произведений, их расположении по хронологии, библиографии, вариантах текстов, встречающихся в разных изданиях. Комментарии, которыми снабжена книга, демонстрируют дефицит профессионализма: они то чрезмерно перегружены деталями, то, напротив, даны в «телеграфном стиле», лишены связи с контекстом, нерелевантны или вводят читателя в заблуждение. Последнее в первую очередь касается русско-украинских межъязыковых омографов, омонимов и этнографических реалий. Пространная вступительная статья, содержащая подробный биографический очерк, включает ряд спорных предположений и произвольных умозаключений.

Ключевые слова: Владимир Нарбут, текстология, комментарии, рецензии.

Информация об авторе: Вадим Григорьевич Беспрозванный — PhD, лектор Школы информации, Мичиганский университет, Анн Арбор, США. ORCID ID: 0000-0002-5788-6557. E-mail: vbesproz@umich.edu.

Для цитирования: *Беспрозванный В.Г.* «Большая книга ошибок» (новое собрание сочинений В.И. Нарбута) // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 366–386. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-170-366-386>

Новое собрание произведений Владимира Нарбута (1888–1938), поэта акмеистической школы, члена «Цеха поэтов», талантливого издателя, публициста, литератора, создавшего сложную, во многом уникальную стихотворную технику, опубликовано в издательстве ОГИ [8]. Выход из печати такой книги — значительное событие, прежде всего, для тех, кто занимается исследованием творчества Нарбута и, шире, русской литературы Серебряного века, поскольку книга анонсирована как «наиболее полное собрание стихотворных и прозаических сочинений поэта». Впрочем, и широкая читательская аудитория, увлеченная поэзией Нарбута, наверняка не откажется от возможности познакомиться с творчеством поэта в большем объеме.

Несмотря на вышесказанное, новая книга, к сожалению, не привлекла достаточного внимания рецензентов; за исключением короткой критической заметки Сергея Зенкевича [3]¹, какие-либо отзывы на это собрание сочинений Нарбута на данный момент нам неизвестны, хотя необходимость ее более подробного рассмотрения вполне очевидна.

Прежде чем обратиться к новому собранию, упомянем предшествующие ему посмертные издания Нарбута. Первым была вышедшая в 1983 г. в Париже книга, подготовленная знатоком поэзии русского модернизма Л.Н. Чертковым [7]. Название «Избранные стихи» достаточно точно отражало намерения ее составителя: этот сборник знакомит читателей с творчеством поэта, руководствуясь критериями «художественности» [7, с. 234]. Издание это было, разумеется, малодоступным. Кстати, предполагалось, что именно Леонид Натанович Чертков будет готовить к печати том стихотворений Нарбута для «Библиотеки поэта» (в 1960-е об этом издании хлопотала Серафима Густавовна Нарбут-Шкловская, однако эти планы реализованы не были²). В 1990 г. Н.С. Бялосинская и Н.В. Панченко выпустили книгу «Стихотворения» [9], за основу которой был взят неизданный сборник Нарбута «Спираль» [9, с. 404]. Для широкого круга читателей эта книга стала основным источником знакомства с поэзией Нарбута. Однако именно с издания 1990 г. начались, во-первых, проблемы установления аутентичности публикуемых текстов Нарбута, и выбора между основной и дополнительными редакциями стихотворений, во-вторых. От нового издания произведений поэта, составленного Р.Р. Кожухаровым, читатель был вправе ожидать

¹ Одновременно с версткой нашей статьи появился анонс рецензии С.Р. Федякина на это издание (Вопросы литературы. 2020. № 4).

² В архиве Т.Р. Нарбут хранятся официальные письма С.Г. Нарбут-Шкловской в издательство «Советский писатель» и в «Гослитиздат». Также см.: [9, с. 6].

появления не только более полного, но и более исправного собрания, в котором решались бы (или хотя бы ставились) проблемы нарбутовской текстологии.

В нашей заметке мы хотим сосредоточиться на принципах составления нового собрания сочинений Нарбута, комментариях к ним, а также на вступительной статье, предвещающей это издание.

Анонс нового собрания сочинений Нарбута и сообщения о нем в прессе обращают внимание на исключительную полноту этого издания, а в преамбуле к комментариям сам составитель

пишет: «Настоящее издание является первой попыткой представить художественное наследие Владимира Нарбута с наибольшей полнотой». Здесь сразу же возникают вопросы: при таком стремлении к полноте не должно быть сомнений в том, что в основу этого собрания легла общеизвестная библиография Нарбута [12, с. 381–409], однако а) почему Р. Кожухаров нигде об этом не упоминает, б) почему он не использовал ее в достаточной степени (или не использовал вовсе?): в книгу не включен целый ряд стихотворений³, указанных в библиографии, не говоря уже о сведениях о прижизненных публикациях.

Обратимся вначале к принципам составления книги. Состоит она из трех частей: «Стихи», «Переводы», «Проза». Мы не станем подробно обсуждать состав публикуемой прозы Нарбута. Эта часть нового издания очень далека от полноты; девятнадцать произведений, среди которых публицистика, художественная проза и небольшие мемуарные очерки, отобраны по принципу, ведомому только составителю, и Нарбута-прозаика и Нарбута-очеркиста представляют плохо⁴; даже вышеназванная (неполная) библиография В.И. Нарбута содержит в соответствующем разделе бóльший перечень прозаических произведений. Что до раздела «Переводы», то он представлен тремя стихотворениями двух поэтов,

³ Примерно восемь десятков стихотворений Нарбута, из числа отмеченных в библиографии, не вошли в это издание.

⁴ Об этом упоминает в своей рецензии С. Зенкевич.

но поскольку осетинского и чеченского языка Нарбут не знал, речь здесь идет о так называемой литобработке. Переводы Нарбута с польского и с украинского в книгу не включены, хотя также указаны в упомянутой библиографии.

Наибольший объем в книге занимает раздел «Стихи». В этой части издание страдает несколькими существенными текстологическими просчетами: составитель чрезвычайно вольно обошелся с поэтическим наследием Нарбута, состоящим из стихотворных сборников, публикаций в периодических изданиях и неопубликованного при жизни автора. Р. Кожухаров, видимо, решив придерживаться хронологического принципа, разрушает структуру сборников, публикует ранние редакции вперемешку с поздними, соединяет их иногда в один текст, совершенно произвольно используя черновые редакции, размещает рядом опубликованное и неопубликованное (далее мы подробнее рассмотрим некоторые примеры перечисленных здесь замечаний).

Но в ряде случаев хронологический порядок публикации стихотворений также нарушен; так, «Телепень и его слуга»⁵ (1913) помещается между стихотворениями «Рождество» (1911 — первая публикация, 1912 — вторая) и «Вечер» (1912); стихотворение «В августе» (1910) напечатано в подборке стихотворений 1911 г.

О важности «пейзажно-календарной» поэзии в творчестве Нарбута упоминалось неоднократно [14; 5; 1], причем даты первых публикаций в периодике по большей части совпадали со временем года. В издании Р. Кожухарова и этот принцип не соблюдается. Без какого бы то ни было внятного резона произведения, опубликованные летом располагаются раньше «пасхальных» стихотворений. Примеров этому в рассматриваемом издании находим множество, вот лишь некоторые из них: стихотворение «На баштане» («Поспели на баштане дыни...»), опубликованное в ноябре 1912 г., помещено между «Весенним днем» (апрель 1912 г.) и «Весенней ночью» (апрель 1912 г.); а после стихотворения «Урожай» (июль 1912 г.) помещено стихотворение «В мае» (май 1912 г.). Более того, иногда стихотворения, напечатанные в одной журнальной подборке, публикуются раздельно⁶.

⁵ «Телепень и его слуга» — название, данное В. Нарбутом стихотворению в 1930-е гг. См. первую публикацию: «Телепень» («Ражий помещик (длиннющие руки)...») // Гиперборей. 1913. № 9–10. С 33–34.

⁶ Так случилось, например, с публикацией двух стихотворений Нарбута из журнала «Сирена»: «Ты улыбнулась и — покорно...», «Красная Россия» («Щедроты сердца не разменяны...») // Сирена. Воронеж, 1918. № 1. Стб. 2–3.

Кажется излишним говорить о том, какое значение в культуре акмеизма придавалось составлению поэтического сборника, книге как единому тексту — все это вещи хорошо известные. Стихотворные книги Нарбута, рассматриваемые в их целостности, — смыслообразующий фактор, без учета которого нельзя ни понять, ни оценить литературную стратегию поэта. Вышедшие из печати сборники и публикации в периодических изданиях становились фактом литературной жизни, неопубликованные — фактом посмертной рецепции творчества поэта.

Предваряя примечания к книге, Р. Кожухаров сообщает следующее: «С 1908 по 1922 г. поэт [...] издал не менее десяти (точное число неизвестно) стихотворных сборников» [8, с. 734]. Вряд ли каждый, кто прочитает это утверждение, немедленно вспомнит весь перечень нарбутовских сборников, вероятно, его стоило бы здесь воспроизвести. Но и у тех, кто знаком с библиографией Нарбута, возникнет недоумение относительно «десяти» изданных стихотворных книг. На сегодняшний день можно считать подтвержденным существование следующих: «Стихи. Кн. I» (1910), «Аллилуиа» (1910; 2-е издание — 1922), «Любовь и любовь» (1913), «В огненных столбах» (1920), «Плоть» (1920), «Советская земля» (1921), «Александра Павловна» (1922). Итого, даже если считать 2-е издание «Аллилуиа» отдельной книгой, — восемь. Сведения об остальных, каковых в библиографии Нарбута еще четыре, — «Вий», «Веретено», «Красноармейские стихи», «Стихи о войне» — почерпнуты из анонсов, помещенных в изданиях из числа этих восьми (на самом деле, названий в анонсах было еще больше), и их существование *de visu* никем не установлено.

В новом издании Нарбута имеются, в общем-то, лишённые выятных оснований разделы: «Ранние стихотворения 1906–1909 годов», «Книга I. Стихи 1909 г. (1910)», «Стихотворения 1910–1912 годов»; после раздела «Стихотворения 1913–1916 годов» сразу представлен сборник «Плоть» (1920). Появляется также раздел «Стихи о войне», куда вошли публикации из одесской периодической печати, часть которых была помечена этим общим названием. Как тут не вспомнить борхесовскую «китайскую энциклопедию» с ее экзотической рубрикой.

Открыв оглавление и сопоставив его с содержанием стихотворных книг Нарбута, существование которых не подлежит сомнению, читатель увидит, что только «Стихи. Книга I» и не опубликованный при жизни автора «Казненный Серафим» сохранили оригинальный состав. Но уже «Аллилуиа» представлена образом, отличным от того,

каким эту книгу знали современники поэта. Составитель поясняет: «Стихи раздела печатаются по обоим изданиям с уточнениями, сделанными по Сб. 1983⁷ и Сб. 1990⁸» [8, с. 747]. О каких уточнениях может идти речь, если мы располагаем аутентичными, составленными самим Нарбутом двумя изданиями книги и зачем их «уточнять», пользуясь позднейшими (посмертными) источниками? В результате столь усложненного подхода читатель получает несуществующий сборник, в состав которого вошли стихи в редакции 1920 г., снабженные эпиграфами и посвящениями 1912-го. Те изменения, в некоторых случаях существенные, которые были внесены поэтом в стихотворения одноименного раздела «Аллилуиа» его итоговой книги «Спираль» (1930-е), отражают как эволюцию идиостиля Нарбута, так и перемены в литературно-общественной ситуации (Нарбут старается пореже употреблять слова с «мистической» семантикой). Варианты следовало бы публиковать отдельно, «послойно» показывая процесс работы Нарбута над стихотворением. Но смешивать редакцию 1930-х гг. с написанным в 1910-е гг. абсурдно.

Сборники «Любовь и любовь» и «В огненных столбах» в оглавлении отсутствуют, о содержании первого из названных можно узнать только из примечаний к входившим в него двум стихотворениям. Между тем, миниатюрное издание «Любовь и любовь» — примечательное событие в поэтической биографии Нарбута, книжка, интересная не только своим составом, но и фактом выпуска — это своеобразный литературный и издательский эксперимент⁹.

Что же касается книги «В огненных столбах», то и о ее существовании читатель может узнать лишь приложив дополнительные усилия — да и то вряд ли ему удастся понять, что же случилось с этим сборником. Впрочем, об отношении к «суверенному» понятию «сборник», «книга стихов» составителя «нового Нарбута» можно узнать из следующего примечания к «Советской земле»:

Сборник стихов с таким названием (?) вышел в 1921 г. в Харькове. Тексты раздела (!) печатаются по СЗ [«Советская земля»], по публикациям

⁷ Здесь и далее имеется в виду: [7].

⁸ Здесь и далее имеется в виду: [9].

⁹ Интересные соображения по поводу истории создания этой книжки, высказанные в статье В. Устиновского и Т. Нарбут [10], дополнил А. Соболев в своей заметке в «Живом Журнале» («Малоспрашиваемые сведения», 3 мая 2013. URL: <https://lucas-v-leymden.livejournal.com/175339.html>).

1918–1921 гг. в газетах и журналах Воронежа, Одессы, Харькова, в сб. ВОС [«В огненных столбах»], а также в Сб. 1983 и Сб. 1990. [8, с. 764]

Из процитированного понятно, что составитель не предполагал следовать ни авторскому решению, ни авторской логике: порядок публикации стихотворений сборника «Советская земля» изменен («Годовщина взятия Одессы» и «Бастилия» перемещены в самый конец), стихотворение «Из книги “Эфиопия”» переименовано по первой его строке, цикл «Большевик» взят в редакции более раннего сборника «В огненных столбах». Кроме того, сюда включены несколько произведений Нарбута из периодических изданий, среди них не имеющее отношения к «советской» тематике раздела стихотворение «Как нежен, наивен и тонок...».

Возвращаясь к примечаниям к сборнику «В огненных столбах», мы находим еще один пример не критичного отношения составителя к материалу. В комментарии к стихотворению «Развернулось сердце розой...» Р. Кожухаров пишет:

Стих-ние послужило причиной запрета ВОС, тираж, за исключением сигнального и авторских экз., был уничтожен, весь сборник находился в списке запрещенной литературы спецхрана на протяжении всего советского периода, вошел в последний и очень небольшой список Главлита, вышедший в самом конце 1988 г., и освобожден в числе самых последних книг спецхрана — в 1993 г. (А.В. Блюм. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб, 2003). [8, с. 767]

Остановимся на сказанном несколько подробнее, хотя бы потому, что утверждение такого рода должно (если оно справедливо) заставить нарбутоведов пересмотреть историю этого издания. Откуда взяты сведения об уничтожении тиража? А.В. Блюм об этом не пишет. Да и само это утверждение звучит анекдотично: «Тираж [...] был уничтожен, весь сборник находился в списке запрещенной литературы спецхрана».

Кроме того, процитированный комментарий Р. Кожухарова разительно напоминает высказывание другого исследователя Нарбута, А.В. Миронова:

Книга «В огненных столбах» была запрещена и, за исключением сигнальных и авторских экземпляров, уничтожена. Судя по сводному указателю спецхрана, она попала в список запрещенной литературы

и при каждом пересмотре (1951, 1973, 1988) оставалась там <далее идет цитата и ссылка на вышеназванную монографию А.В. Блюма. — ВБ> [6].

Между строк обеих цитат можно видеть, однако, фрагмент статьи Т.Р. Нарбут и В.Н. Устиновского (ссылки на него нет ни у Кожухарова, ни у Миронова):

В том же 1920 году в Одессе В.И. Нарбут готовит и издает свои первые из обнаруженных сборников революционных стихов «В огненных столбах». Книжечку эту, как и первое издание «Аллилуиа», постигла незавидная участь. Она была запрещена из-за первого стихотворения («Развернулось сердце розой...»), в значительном числе экземпляров уничтожена и до недавнего времени находилась в спецхране [10, с. 323]¹⁰.

Различия в сказанном уловить нетрудно. Как, увы, и то, что утверждение об уничтожении сборника дано без указания на источник сведений.

Кажется очень сомнительным, что новоназначенный директор ОдукРОСТА, которому покровительствует Сергей Ингулов, так сказать, «большевик в законе», попадает вдруг в весьма скандальную историю и, тем не менее, никаких партийных нагоняев не получает, продолжает печататься и во всех анонсах своих последующих сборников непременно указывает книгу «В огненных столбах» в ряду опубликованных. О многом говорит и то, что сборник был издан одесским Губернским отделом печати, т. е. организацией, обычно исполнявшей в то время и обязанности учреждения цензуры. Итак, утверждение об изъятии книги нуждается в подкреплении фактическим материалом, а не ссылкой на списки спецхрана 1950-х гг.¹¹

Книга стихов «Александра Павловна» в новом издании также стала «разделом». Сюда включена реконструкция одноименной поэмы, сделанная Л. Чертковым, и, хотя сама идея этой реконструкции

¹⁰ Еще одну версию произошедшего см. у М. Кралина: «Поэт, отдавший всю жизнь без остатка служению революции, одним из первых почувствовал гнет новой, уже советской цензуры. Из сборника “В огненных столбах” было выброшено стихотворение, написанное твердой рукой правдивого участника страшных событий: “Развернулось сердце розой, Пьет соленую аорту...”» [11, с. 12].

¹¹ Заслуживает внимания замечание, высказанное Р. Тименчиком по поводу этого сборника. Сообщая об изъятии из не вышедшей из печати монографии Анатолия Андреевича Волкова, печально известного критика русской поэзии начала XX в., фрагмента, посвященного Нарбуту, исследователь пишет: «Не приходится сомневаться, что изъятие его имени связано со сведениями о его аресте в 1936 г. Изъята была и его книга “В огненных столбах” (Одесса, 1920)» [13, с. 170].

не бесспорна, Чертков приводит определенное обоснование своему решению [7, с. 247], чего мы не найдем в рассматриваемом издании, равно как и ссылки на издание 1983 г. [7]. Характерная деталь: у Черткова к этой публикации использован подзаголовок «главы из поэмы» [7, с. 185], тогда как Р. Кожухаров назвал ее «отрывками из поэмы» [8, с. 778]. Стихотворение «Портрет» из сборника «Плоть» было изъято без каких-либо пояснений и, со странным комментарием «впервые: Сб. 1990», превращено в первый «отрывок» [8, с. 778].

Не лучше обстоит дело и со стихотворениями, опубликованными в периодической печати. Раздел «Ранние стихотворения 1906–1909 годов» включает в себя как опубликованное в периодических изданиях, так и произведения, не публиковавшиеся при жизни поэта. Вошло в этот «ювенильный» раздел и стихотворение «Паук-крестовик», без всяких дополнительных объяснений датированное Р. Кожухаровым 1910 г. (опубл. в журнале «Gaudeamus» в 1911 г.). Стихотворение «Левады» («Gaudeamus», 1911) печатается по изданию 1990 г. [9], в котором, в свою очередь, использована редакция стихотворения из сборника «Спираль» (1930-е), существенным образом переработанная Нарбутом, а прижизненная публикация вынесена в примечание [8, с. 742]. И тут уж полное недоумение. Зачем же печатать стихи по книгам-«посредникам» (таких случаев очень много) вместо того, чтобы использовать прижизненные публикации и/или архивные материалы. Почему, располагая рукописями поэта и возможностью ознакомиться с прижизненными публикациями стихотворений, составитель часто перепечатывает их по изданиям 1983 и 1990 гг. [7; 9], перенося таким образом ошибки и опечатки предшественников в новое издание? Яркий пример представляет собой в этом смысле стихотворение «Пуговица». Это, по сути дела, несуществующий нарбутовский текст, поскольку Бялосинская и Панченко составили его из разных рукописных фрагментов, видимо, руководствуясь сугубо эстетическими соображениями, желая, так сказать, «улучшить» Нарбута. А Р. Кожухаров перенес его в этом виде в составленный им сборник. То же самое случилось и со стихотворением «Самоубийца».

Вызывают сомнения датировки ряда стихотворений: это касается как произведений 1910-х гг., не опубликованных при жизни поэта, так и более поздних («Гаданье», «Сквозняк»), тем более что составитель обычно не поясняет основания, по которым эти даты определены. Иногда он просто переносит даты написания стихотворений из изданий 1983 и 1990 гг. [7; 9], часто отождествляет дату написания с датой публикации.

Другие редакции и варианты стихотворений Нарбута помещаются составителем в примечаниях, но иногда помещаются, а иногда нет, и часто не полностью. Варианты цитируются произвольно: иногда по рукописям, иногда по предшествующим изданиям: так, к первому стихотворению из цикла «Лихая тварь» единственное различие, приведенное в комментариях, выглядит следующим образом: «“Две сестры... два тушкана...” — в Сб. 1990: “три сестры”, “три тушкана”» [8, с. 748]. Заметим, что различий с поздней редакцией стихотворения, включенного Бялосинской и Панченко в «Стихотворения», более десятка, и они не менее значительны, чем изменение числа «тушканов».

Издание снабжено 75 страницами примечаний и комментариев, алфавитным указателем стихотворений, а также справочным аппаратом, содержащим неунифицированные или просто ошибочные ссылки; названия стихотворений в примечаниях только иногда сопровождаются указанием первой строки.

Комментарии очень неровные: подробно прокомментированы реалии, относящиеся к событиям Первой мировой войны, а также стихотворения из цикла «Стихи о войне», некоторые из прозаических произведений. Иногда комментарии кажутся излишними (т.е. в них речь идет о том, что комментировать не требуется) или чрезмерными (слишком подробными с точки зрения комментируемого материала): нам объясняют, кто такие Сенека, Сусанин, Махно и даже Дубровский, но о Сергее Судейкине, которому посвящена «Лихая тварь», сообщается лишь, что он «художник» [8, с. 748], а о Марии Чемберс не сообщается вообще ничего. Биография погибшего «председателя Уревкома» Аносова (стихотворение «Памяти С. Аносова») изложена в пассаже, которому место было бы в какой-нибудь популярной краеведческой статье: возникают мошенник пророк Иннокентий, таинственный монастырь и секта «раян», распространенная «на территории Украины, Приднестровья, Бессарабии, Молдовы и Румынии» [8, с. 770], и многое другое, о чем ни слова нет у Нарбута. Зверские мучения, которым был подвергнут Порфирий Панасюк, герой одноименного патриотического стихотворения Нарбута 1915 г., так красочно и подробно описаны Р. Кожухаровым [8, с. 755–756], что заставляют читающего задаться вопросом об их уместности. Сам Нарбут предпочел воспеть подвиг Панасюка, в такие детали не вдаваясь.

Комментатор пытается найти отражение жизни Нарбута в его поэзии, но выходит это у Р. Кожухарова до крайности неловко. Наивный биографизм заставляет комментатора временами приводить

факты, не имеющие, в сущности, отношения к рассматриваемому произведению: так, комментарий к стихотворению «Тиф» снабжен указанием на то, что сам Нарбут перенес тиф, а также и на смерть его брата и отца от этой болезни [8, с. 759]. Само стихотворение, между тем, никаких указаний на биографический подтекст не содержит, а от сыпного тифа в послереволюционной России (1917–1921), как сообщает нам «Википедия», погибло около 3 млн человек. Но уж если и устанавливать такую прямолинейную связь, то не худо бы вспомнить, что это стихотворение было опубликовано в январе 1919 г.¹², сам Нарбут заболел тифом осенью 1919 г. во время заключения в ростовской тюрьме; отец его Иван Яковлевич скончался не ранее марта–апреля 1919 г., а брат Георгий и вовсе в мае 1920 г. Вообще «семейные» комментарии местами поражают: за подробной (более подробной, нежели это необходимо) биографией революционера-анархиста, героя Гражданской войны Нестора Ивановича Махно следует замечание: «Мать поэта, Неонила Николаевна, в девичестве была Махнович. Ср. образы Махно в “Конармии” И. Бабеля и “Стране негодяев” С. Есенина» [8, с. 788]. Примечательно, что комментарий относится к следующей строке стихотворения «Плавание»: «Ахает папаха, как Махно» [8, с. 533]. А если бы Неонила Николаевна в девичестве была не Махнович, а Махно, что это должно здесь означать? И какие сведения о папаше Махно мы должны почерпнуть из Бабеля и Есенина? Словосочетание «сатана в сатине» из того же стихотворения поясняется так: «В юности у Нарбута было прозвище “Сатана”» [8, с. 787]; «сатану в сатине» в этом стихотворении разъяснил сам Нарбут: «И шофер в приплюснутой фуражке, — Сатана в сатине...»¹³. Стихотворение «В огне» («Овраг укачал деревню...») сопровождается отсылка к истории нападения на хутор Хохловка в начале января 1918 г., в результате которого Нарбут потерял руку [8, с. 769]. Следует заметить, что сюжет стихотворения основан на описании совершенно иных событий, к тому же происходящих летом («о теплая ночь июля»).

Еще пример: комментарий к пятой части стихотворного цикла «Большевик» — «Шепот темный и гулкой...». Составитель приводит сравнительный материал к строке «...и сам я шарж», отсылая читателя к дружескому шаржу на Нарбута авторства С. Зельцера, напечатанному в № 2 «Облавы» в августе 1920 г. [8, с. 767]. Но дело в том, что указанная часть стихотворения была в первый и последний раз опубликована в сборнике «В огненных столбах»,

¹² Известия. (Воронеж). 1919. 26 янв.

¹³ Об этом фрагменте стихотворения см.: [4, с. 62].

вышедшем из печати не позднее июля 1920 г. Что же это значит? Что С. Зельцер нарисовал шарж на Нарбута (а заодно и шаржи на С. Ингулова и А. Луначарского), прочитав соответствующую строку из «Большевика»? Кстати, шарж этот снабжен эпиграммой, в которой обыгрывается выход другой книги Нарбута — «Плоть».

Вообще, в «Примечаниях» читатель найдет самые невероятные сведения. Р. Кожухаров довольно часто игнорирует зависимость смысла комментируемого слова от контекста стихотворения. Иначе не объяснить появления таких перлов, как: *Чека — стержень* [8, с. 750] — пояснение к строкам «экая, скажите, недотрога! // Барыня из Киева! Чека!..», *Чемерка — ядовитое растение* [8, с. 769] — здесь: украинская народная мужская верхняя одежда, *Бульбой был бунчук богат... — Тарас Бульба, казацкий полковник, герой одноименной повести Гоголя...* [8, ч. 743] — речь идет о фигурном украшении гетманского бунчука, похожем на «бульбу», т. е. на шар, *Интернационал — III Интернационал (Коминтерн)* [8, с. 765], хотя в стихотворении «Семнадцатый» имеется в виду гимн трудящихся. Р. Кожухаров подробно рассказывает о том, кто такой «Зверь Апокалипсиса» [8, с. 745–746], но отчего-то упускает из виду необходимость объяснить, что он, собственно, делает в стихотворении «Бородино» («Свершилось! Сотня лет минула...»). Point здесь в том, что со зверем, о появлении которого было предсказано в Апокалипсисе, в народных представлениях отождествлялся Наполеон.

Иногда автор примечаний просто не понимает значения слов, которые он поясняет, и поэтому появляются: *по-кажаньи — как бешеная собака* [8, с. 780] (кажан — укр., летучая мышь), *услон — спуск или подъем с горы или в гору* [8, с. 749] (услон/ослон — скамейка), *брудастые — грязные, нечистые* [8, с. 759] — см. словарь М. Фасмера: «брудастый, обросший длинной, косматой шерстью» (о морде животного), в крайнем случае, можно обратиться к кинологическим заметкам Ноздрева.

Комментарий к слову «халява» из стихотворения «Мороз» отсылает к примечанию к стихотворению «Облава», где это слово объясняется как «голенище сапога» [8, с. 788]. Но что же выйдет, если мы воспользуемся этим толкованием? Строка «хлеб и в поту халява — под рубахой» будет означать, что лирический герой кладет за пазуху краюху хлеба и потное голенище сапога и с этими, необходимыми во всяком путешествии предметами, отправляется в путь. Поэзия Нарбута, особенно поздняя, может быть сложной, требующей расшифровки, но она не бывает бессмысленной. У Нарбута здесь

ассоциация по смежности: речь идет о так называемом «захалывном ноже», т. е. ноже, который носят за голенищем сапога.

Многочисленные небрежности, неточности, ошибки переполняют примечания: комментарий «*Церковные ведомости*» — еженедельное издание при святейшем правительствующем синоде [8, с. 804] без датировок не вполне внятны: складывается впечатление, что и Святейший Синод по-прежнему Правительствующий, и газета продолжает издаваться; пояснение *Ланжерон — одесский пляж* [8, с. 767] в отношении к контексту стихотворения создает комический эффект («Все та же дремота // В Петербурге и на Ланжероне»). Ланжерон здесь — это, прежде всего, метонимическая отсылка к г. Одессе, причем имеется в виду не пляж как таковой, а прибрежная часть города, получившая название от расположенной там дачи новороссийского генерал-губернатора графа Ланжерона (1763–1831); позднее тут находились большой увеселительный сад для «приличной публики», летние театры, дачи, купальни и пляж; *кошара — загон для выпаса <так!> скота* [8, с. 790], хотя, собственно говоря, кошара — это просто хлев; нередки комментарии типа «непонятное через непонятное»: *олеография — вид литографии* [8, с. 788], *архалук — поддевка* [8, с. 787], некоторые пояснения звучат несколько загадочно: *штрипки — тесемки под штаниной* [8, с. 796], *бурса — средневековое общежитие для бедных студентов богословия* [8, с. 785]; встречаются и пояснения к словам, вообще отсутствующим в текстах стихотворений: так, *медянка — змея из семейства ужеобразных* [8, с. 781] свила гнездо в примечании к пятой части поэмы «Александра Павловна», а стихотворение «Архиерей» снабжено кратким и мрачным комментарием *домовина — гроб* [8, с. 750]. Это пояснение могло бы быть полезным читателю, если бы только опубликованный вариант стихотворения содержал этот украинизм; слово «домовина» есть в другой редакции стихотворения, которая не включена ни в основной состав данной книги, ни в комментарии. В примечании к тому же «Архиерею» строки «[...] ладони // Прикурнула колдобина, кисть исковеркав» прокомментированы так: «*Прикурнула — вздремнула*» [8, с. 750]. Смысл этой фразы у Нарбута не слишком прозрачен, но он все же наличествует, а такое пояснение понятным его не делает.

«*Радионосное Завтра*» из стихотворения 1921 г. «Шахтеры» почему-то комментируется отсылкой к статье Нарбута «Радиофикация Украины» [8, с. 775–776], хотя эта фраза говорит скорее о вере Нарбута в будущий прогресс, нежели о проблемах радиофикации; «радионосный» в русском языке означает «содержащий радий», а не

«несущий радио», тема радия как химического элемента сказочных возможностей была популярна в то время; ср. также в других стихотворениях Нарбута: «Язычник я не верю, есть же радий» («Самоубийца»), или «Мы, бронзовые от закала, // Радионосно-алый сеем пыл...» («Октябрьское солнце»).

Совершенно нелепый комментарий дан к эпитафии из Нарезного к стихотворению «Клубника» [8, с. 750]: здесь мы узнаем немало интересного о романе «Российский Жилблаз», в частности о причинах его изъятия и т. п.; но о том, что эпитафия — это цитата из повести Нарезного «Мария», не сообщается. С эпитафией к первому изданию «Аллилуиа» возникла другая проблема: читателю он представлен в исправленном виде (у самого Нарбута там опечатка или намеренный пропуск), источник цитаты переведен с церковнославянского неправильно: вместо «каф.<изма> 20, псалом 148» указано: «Псалом 148, ст. 7–13» [8, с. 312].

Комментатор попытался указать и наиболее очевидные, на его взгляд, интертекстуальные связи поэзии Нарбута. Справился он с этой задачей посредственно. Некоторые догадки, как, например, отсылка к «Пиковой даме» в стихотворении «Сириус» [8, с. 761], кажутся остроумными, однако нуждаются в пояснении. Но какого рода сходство должен увидеть читатель между строками Нарбута «За белую, за сонной самкой, // Самец, гонись в трущобный лес!» и стихотворением Блока «В Дюнах» [8, с. 784]? Можем лишь предположить, что основанием для сравнения послужил поэтический сюжет: лирическое «Он» намеревается догнать (у Блока почти догнал) лирическое «Она» с целью достижения интимной близости. Тут не только Блок, тут и батюшковская «Вакханка» подойдет. Вообще-то говоря, это топос («общее место»). Что дает для понимания стихотворения «Гимназическое» предложение сравнить его с «Архиереем» [8, с. 778]? Отсылка стихотворения «Подкатил к селу осенний праздник...» к рассказу Нарбута «Пелагея Петровна» [8, с. 754] представляется также сомнительной: героиня стихотворения, робкая беременная попадья, полная предчувствий смерти, ничуть не похожа на остроумную бой-бабу Пелагею Петровну; правда, она тоже попадья, но тогда уж можно присовокупить сюда и попадью из стихотворения «Пьяницы». Поиск текстовых параллелей между поэзией и прозой Нарбута может быть вполне оправдан, однако требует критического отношения к отбираемому материалу.

Но и на фоне множества ошибок и невнятных примечаний составителя едва ли не более поражает количество необъясненных фактов, реалий, сложных аллюзий, встречающихся практически

постоянно в поэзии Нарбута, иногда даже ранней, начиная с «Аллилуиа», а уж «Казненный Серафим» и поздние стихи без подробного комментария просто непонятны.

Говорить об ошибках, допущенных Р. Кожухаровым в примечаниях, можно еще долго, материал для критики нами далеко не исчерпан. Но и сказанного, как кажется, достаточно, чтобы составить представление о новом издании Нарбута в этой части.

Отдельного внимания заслуживает раздел «Отрывки и черновые наброски 1920–1930-х годов». Печатать его в том виде, в котором его представил Р. Кожухаров, не было решительно никакого смысла. По сути дела, здесь дан материал, который было бы правильнее определить как «поэтическое хозяйство Нарбута», и этот материал требует тщательного текстологического анализа. Составитель использует некоторые принципы описания, похожие на работу текстолога, но таковой не являющейся, поскольку связи «отрывков» с корпусом текстов Нарбута не устанавливаются и не комментируются; более того, по сообщению Р. Кожухарова, им включены в этот раздел «наиболее яркие отрывки не сохранившихся полностью ст-ний и наброски отдельных строф и строк, находящиеся в разной степени проработки». На самом деле нам представлена смесь фрагментов, в которых случайные фразы, упражнения на рифмы и звуковые повторы (*не трать — тетрадь, ужасный уж*), палиндромы (*зелень — не лезь*), каламбуры (*глаз вопиющего в пустыне*) смешаны с отрывками и рабочим материалом стихотворений. Кроме того, этот раздел «украсил» отрывок «<И> пьяную он начинает речь...» [8, с. 603], на самом деле являющийся фрагментом стихотворения Эдуарда Багрицкого и Ивана Микитенко «Ночь в монастыре» (1923)¹⁴.

Обратимся далее к вступительной статье, автором которой также является Р. Кожухаров. В ней чуть больше ста страниц, т. е. это своего рода мини-монография, посвященная биографии и творчеству В.И. Нарбута. Статья в целом организована по хронологическому принципу, написана с привлечением мемуарных и архивных источников, и так же, как и примечания, содержит самые невероятные умозаключения. По типу представленного в статье материала ее можно разделить на три части. К первой из них относится множество свободных от какой-либо фактической основы утверждений, разного рода художественных обобщений, предлагающих читателю некое импрессионистическое описание жизни и поэзии Нарбута. Ни

¹⁴ Поэма Багрицкого и Микитенко «Ночь в монастыре» была напечатана в газете «Одесские Известия» от 25 декабря 1923 г., позднее перепечатана в № 11 журнала «Юность» за 1963 г.

спорить, ни соглашаться с ними невозможно: они по большей части основываются на том, что жизнь поэта была исполнена только лишь мрачного трагизма, что, конечно, неверно в отношении Нарбута-гимназиста, Нарбута-студента, Нарбута-странствующего издателя. Опираясь на многочисленные воспоминания современников, нетрудно заметить, что Владимир Иванович был человеком веселым, любившим шутки, часто не лишенные сарказма, и розыгрыши, не всегда добродушные. И человеком циничным, а нередко — добрым и сердечным. Жестким и жестоким, слабым и сильным. Но прежде всего он был поэтом, литератором, много работавшим над языком и стилем. Но в статье Р. Кожухарова Нарбут-поэт представлен такими «проникновенными» строками (анализ стихотворения «Одно влечение слышать гам...»):

Соразмерные шагу странника (который сливается с лирическим героем) удары его верной спутницы-клюки становятся созвучными ударам его сердца. Это соразмерное «проклевывание» (курча в переводе с украинского «цыпленок») ломает скорлупу статичного созерцания. Герой Нарбута, словно прорвав тугую пелену окутавших его в первом сборнике живописных холстов, смело и энергично устремляется в эту прореху <так!>, всячески проявляя свое присутствие, вочеловечиваясь и воплощаясь в бытие. [8, с. 93].

Ср. также:

Кульминационным итогом акмеистической поры 1911–1913 гг. в творческой судьбе Нарбута можно считать стремление быть в кругу единомышленников [...], — тех, с которыми Нарбуту суждено будет наполнить литературу своим, неповторимым содержанием. [8, с. 73].

В таком всеохватном объеме и проступает удивительный оксюморон: через трагедию и рок противоречий, через неотступное, экзистенциальное предощущение отчаявшейся жертвы — к цельному воплощению поэтической судьбы, ярко отразившей тектонические разломы, пожалуй, одной из самых трагически неразрешимых в своей сложности эпох нашей истории. [8, с. 23].

Как там у Пушкина?.. «Приходит в мысль: что, если это проза?»

Второе, о чем необходимо сказать, — это обилие материала об исследованиях, предшествующих статье. Опирается на сделанное предшественниками — вообще говоря, вещь полезная, но только тогда, когда она соотнесена с точкой зрения самого автора новейшего сочинения и имеет какой-то практический резон. Зачем поминать

статью Р.Д.Б. Томсона [16], опубликованную в 1981 г. и сегодня вполне устаревшую, не говоря уже о заметке Л. Страховского [15], написанной и вовсе в 1950-м... Это выглядит как ненужная формальность. Да и другие авторы часто упоминаются или цитируются без ясной цели: сообщая читателю о том, что Нарбут написал отрицательный отзыв о сборнике Вяч. Иванова «Сог Argdens» и что критика Иванова была частью акмеистической «смены веж», необязательно цитировать сразу и Р. Тименчика, и О. Лекманова, тем более что и тот, и другой всего лишь указывают на факт его публикации. Цитат иногда больше, нежели того требует содержание статьи и профессиональная корректность. С другой стороны, Р. Кожухаров вовсе не ссылается на републикацию заново отысканного А. Соболевым стихотворения Нарбута «Голод»¹⁵. Есть и другие «отсутствующие» ссылки.

Впрочем, иногда составитель прибегает не к прямому цитированию, а к пересказу, и лучше бы он этого не делал. Ср., например, пересказ фрагмента из предисловия Л. Черткова [7, с. 7] в комментарии Р. Кожухарова к стихотворению «Тетерева» [8, с. 744].

В-третьих, Р. Кожухаров делает попытки связать эволюцию творчества Нарбута с более широким культурным контекстом: от братьев Лимбургов до Иосифа Бродского, но говорить об этом всерьез невозможно. Одна из сквозных тем предисловия и примечаний — «Нарбут и Скворода». Тема, несомненно, заслуживающая внимания, тем более что по ее поводу написано не так много. Но она таит в себе по крайней мере один большой подводный камень: сравнение философской системы с поэтической требует четких критериев сопоставления. Иначе, как это получилось у Р. Кожухарова, мы прочитаем множество утверждений о «сквородианстве» Нарбута, но без опоры на труды самого Сквороды, вроде пояснения к следующей строке: «*Что можно лишь существовать, / закутываясь в плац дырявый* — скрытая полемика с учением Г. Сквороды» [8, с. 758]; ср. также: «Стоицизм Сенеки перекликается с учением Г. Сквороды» [8, с. 785]. Удивительное упрощение!

Вопреки печальной традиции, сложившейся в наши дни, когда автору отводится роль и рецензента, и редактора, и корректора, над рассматриваемым изданием работал целый коллектив: два рецензента, два редактора и корректор. Интересно, читали ли они то, под чем поставили свои имена? Читали и нашли сей труд вполне достойным опубликования? Впрочем, показательное суждение ответственного редактора сборника М. Амелина,

¹⁵ Соболев А. Малоизвестные стихотворения о голоде (Нарбут, Тиняков) / Пост от 21 мая 2011. URL: <https://lucas-v-leiden.livejournal.com/144183.html>.

охарактеризовавшего язык Нарбута (язык его поэзии, надо думать) как «южнорусский, условно говоря — разлива между Полтавщиной и Ростовом-на-Дону, такой специфический русский полусуржик» [2]. Поэтический язык Нарбута был создан им с опорой на межязыковую (русско-украинскую) омонимию и паронимию, диалектизмы и просторечия, тонко организован Нарбутом-филологом, языковой опыт которого больше основывался на печатных (прежде всего, лексикографических) источниках, нежели на речевом узусе. Его рукописи свидетельствуют о внимательном чтении словаря Даля, а студенческий реферат Нарбута, сохранившийся в архиве, содержит достаточно репрезентативную подборку источников по фольклористике¹⁶. Нарбут довольно точен в использовании лексики, связанной с народным бытом, миром природы и т. п. В ходе работы над его словарем нам удалось заметить лишь одну (!) фактическую неточность.

Так или иначе, все вышесказанное ставит под сомнение возможность обращения к этому изданию не только литературоведов и лингвистов, но и читателей, чей интерес к творчеству В. Нарбута выходит за пределы небольших подборок в разного рода поэтических антологиях. Учитывая нынешние средства распространения информации, нельзя не опасаться вхождения в научный и читательский обиход «смонтированных» стихотворений Нарбута вкупе с фантастическим вымыслом примечаний и не менее фантастическим домыслом из вступительной статьи, в которой поэт представлен, главным образом, идеологизированными пассажами и маловразумительными рассуждениями о «музе с совестью»¹⁷.

Завершим сказанное, опираясь на опыт самого Нарбута, который свои рецензии заключал отзывом об оформлении книги: выбор шрифта (PT Serif) для этого издания представляется случайным, поскольку шрифт этот вполне безликий (был разработан для оформления документов). Хорошая бумага, прочный переплет, обложка цвета засохшей крови, поверх которой «проступают» какие-то рукописные строки. Строки Нарбута? Нет, при ближайшем рассмотрении — просто каракули.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 519. Студенческое сочинение «Характеристика разных наций в пословицах и поговорках русского народа».

¹⁷ «Создавая в своих стихах новую реальность большевистского бытия, поэт черпал средства из дореволюционного, акмеистического багажа, тем самым обуславливая ситуацию, при которой и после тектонического разлома 1917 года соратники по строительству “весеннего терема” новой жизни связывали послереволюционные стихи поэта с акмеизмом» [8, с. 758].

Список литературы

1. *Беспрозванный В.* «Год творчества первый»: литературный дебют Владимира Нарбута. «Стихи» (1910) в оценке литературной критики. Статья 1 // Сборник Матице Српске за Славистику. № 85. Нови Сад, 2014. С. 69–83.
2. *Визель М.* «В издательстве «ОГИ» вышло самое полное на данный момент собрание сочинений поэта Владимира Нарбута» // Год Литературы. 2019, 12 марта. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/vozvvrashhennyu-narbut> (дата обращения 01.09.2020).
3. *Зенкевич С.* Слуга сложного слова. Рецензия на собрание сочинений В.И. Нарбута (ОГИ, 2018) // Южное сияние. 2019. № 2. URL: <http://ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie/9-zhurnal-yuzhnoe-siyanie/72-us-2-2019> (дата обращения 15.08.2020).
4. *Кихней Л.Г., Маер А.А.* Эсхатологический миф в творчестве позднего В. Нарбута // Вестник Костромского госуниверситета. 2009. № 2. С. 61–64.
5. *Миронов А.* Владимир Нарбут: вхождение в литературную жизнь (материалы к творческой биографии поэта) // Уральский филологический вестник. (Екатеринбург). 2012. Вып. 1. С. 36–47.
6. *Миронов А.В.* Неудачи Нарбута-поэта и Нарбута-редактора // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А.В. Подчиного и Т.А. Снигиревой. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. С. 24–47.
7. *Нарбут В.* Избранные стихи / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л. Черткова. Paris: La Presse Libre, 1983. 254 p.
8. *Нарбут В.И.* Собр. соч.: Стихи. Переводы. Проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Р.Р. Кожухарова. М.: ОГИ, 2018. 832 с.
9. *Нарбут В.И.* Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М.: Современник, 1990. 450 с.
10. *Нарбут Т.Р., Устиновский В.Н.* Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19 / сост. Н.А. Богомолов. М.: Худож. лит., 1990. С. 313–329.
11. МПоззия серебряного века: Антология / сост., ст. и примеч. М.М. Кралина. СПб.: Лениздат, 1996. 271 с.
12. Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. М.: Книжная палата, 1992. Т. 15. 559 с.
13. *Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным Книжкам» Ахматовой: Левый фланг акмеизма // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 152–174.
14. *Тименчик Р.* Нарбут // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. Т. 4. С. 227–229.
15. *Strakhovsky L.* Three Sojourners in the Acmeist Camp: Sergei Gorodetsky, Vladimir Narbut, Mikhail Zenkevich // The Russian Review. 1950. Vol. 9. No 2. P. 131–145.
16. *Thomson R.D.B.* The Vision of the Bog: The Poetry of Vladimir Narbut // Russian Literature. 1981. Vol. 10. No 4. P. 319–333.

*Статья поступила в редакцию: 05.04.2020
Одобрена после рецензирования: 28.07.2020
Дата публикации: 25.09.2020*

“The Big Book of Errors” (New Collected Works of Vladimir Narbut)

© 2020. Vadim G. Besprozvanny

University of Michigan,
Ann Arbor, USA

Abstract: This review of the newly published book “Vladimir Narbut. Poetry. Translations. Prose” (Roman Kozhukharov, ed., Moscow, 2018) evaluates the textual criticism methods applied to this collection, reflects on the quality of the commentaries and the preface essay, and reveals a remarkable number of flaws the new edition has: the altered structure of the poetic cycles, chronological and bibliographical errors, and issues with text variants. The editor demonstrates little regard for the textual accuracy, and employs a self-contradictory strategy for the versions and drafts of the poetic texts. The commentaries that supply the book lack merely a professional approach: some are too detailed (or too telegraphic), others disconnect from the context, and some are irrelevant or misguided. The latter is particularly true for the Russian-Ukrainian interlingual homographs and homonyms, and ethnographic realia. The long-winded preface essay provides a detailed overview of the poet’s life, and is full of debatable esoteric assumptions and preposterous conclusions.

Keywords: Vladimir Narbut, textual criticism, editions of the poet’s literary heritage, commentaries, reviews.

Information about the author: Vadim G. Besprozvanny, PhD, Lecturer IV in Information, School of Information, University of Michigan, 500 S State St, Ann Arbor, MI 48109, USA. ORCID ID: 0000-0002-5788-6557. E-mail: vbesproz@umich.edu.

For citation: Besprozvanny, V.G. “‘The Big Book of Errors’ (New Collected Works of Vladimir Narbut).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 366–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-366-386>

References

1. Besprozvannyi, V. “‘God tvorchestva pervyi’: literaturnyi debiut Vladimira Narbuta. ‘Stikhi’ (1910) v otsenke literaturnoi kritiki. Stat’ia 1” [“‘The First Year of Creative Work’: Vladimir Narbut’s Literary Debut. Literary Critics on ‘Poems’ (1910). Article 1”]. *Zbornik Matitse Srpske za Slavistiku*, no. 85. Novi Sad, 2014, pp. 69–83. (In Russ.)

2. Vizel', M. “V izdatel'stve ‘OGI’ vyshlo samoe polnoe na dannyi moment sobranie sochinenii poeta Vladimira Narbuta” [“The Publishing House ‘OGI’ Published the Most Complete Collection of Works of the Poet Vladimir Narbut”]. *God Literaturny*, March 12, 2019. Available at: <https://godliteraturny.ru/public-post/vozvrashenny-narbut> (Accessed 15 August 2020). (In Russ.)

3. Zenkevich, S. “Sluga slozhnogo slova. Retsenziia na sobranie sochinenii V.I. Narbuta (OGI, 2018)” [“The Servant of a Complicated Word. Review of the Collected Works by V.I. Narbut (OGI, 2018)”]. *Iuzhnoe siianie*, no. 2, 2019. Available at: <http://ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie/9-zhurnal-yuzhnoe-siyanie/72-us-2-2019> (Accessed 15 August 2020). (In Russ.)
4. Kikhnei, L., Maer, A. “Eskhatologicheskii mif v tvorchestve pozdnego V. Narbuta” [“Eschatological Myth in V. Narbut’s Late Works”]. *Vestnik Kostromskogo gosuniversiteta*, no. 2, 2009, pp. 61–64. (In Russ.)
5. Mironov, A. “Vladimir Narbut: vkhozhdenie v literaturnuiu zhizn' (materialy k tvorcheskoi biografii poeta)” [“Vladimir Narbut: Entering Literary Life (Materials for the Poet’s Biography)”]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, issue 1. Ekaterinburg, 2012, pp. 36–47. (In Russ.)
6. Mironov, A. “Neudachi Narbuta-poeta i Narbuta-redaktora” [“Failures of Narbut as a Poet and Editor”]. *Fenomen tvorcheskoi neudachi [Artistic Failure as a Phenomenon]*, ed. by A.V. Podchinyeni, T.A. Snigireva, 2nd ed. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2011, pp. 24–47. (In Russ.)
7. Narbut, V. *Izbrannye stikhi [Selected Poems]*, ed., introd., comm. by L. Chertkov. Paris, La Presse Libre Publ., 1983. 254 p. (In Russ.)
8. Narbut, V. *Sobranie sochinenii: Stikhi. Perevody. Proza [Collected Works: Poems, Translations, Prose]*, comp, ed., introd., comm. by R.R. Kozhukharov. Moscow, OGI Publ., 2018. 832 p. (In Russ.)
9. Narbut, V. *Stikhotvoreniia [Poems]*, introd, comp., comm. by N. Bialosinskaya and N. Panchenko. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 450 p. (In Russ.)
10. Narbut, T., Ustinovskii, V. “Vladimir Narbut” [“Vladimir Narbut”]. *Novo-Basmannaia, 19 [Novo-Basmannaia, 19]*, comp. by N.A. Bogomolov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 313–329. (In Russ.)
11. *Poeziia serebriannogo veka: Antologiiia [Poetry of the Silver Age: Anthology]*, comp., introd., comm. by M.M. Kralin. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 271 p. (In Russ.)
12. *Russkie sovetskie pisateli. Poety. Bibliograficheskii ukazatel' [Russian Soviet Writers. Poets. Bibliographic Index]*, vol. 15. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1992. 559 p. (In Russ.)
13. Timenchik, R. “Iz imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym Knizhkam’ Akhmatovoi: Levyi flang akmeizma” [“From the Index to Akhmatova’s ‘Notebooks’: Left Wing of Acmeism”]. *Acta Slavica Estonica VII. Blokovskii sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaia literatura Serebriannogo veka [Acta Slavica Estonica VII. Blok Collection XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]*. Tartu, 2015, pp. 152–174. (In Russ.)
14. Timenchik, R. “Narbut” [“Narbut”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers, 1800–1917. Biographical Dictionary]*, vol. 4. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1995, pp. 227–229. (In Russ.)
15. Strakhovsky, L. “Three Sojourners in the Acmeist Camp: Sergei Gorodetsky, Vladimir Narbut, Mikhail Zenkevich.” *The Russian Review*, vol. 9, no. 2, 1950, pp. 131–145. (In English)
16. Thomson, R.D.B. “The Vision of the Bog: The Poetry of Vladimir Narbut.” *Russian Literature*, vol. 10, no. 4, 1981, pp. 319–333. (In English)

The article was submitted: 05.04.2020

Approved after reviewing: 28.07.2020

Date of publication: 25.09.2020

IN MEMORIAM

Вячеслав Анатольевич Кошелев
(20 сентября 1950 – 16 июля 2020)

Professor Vyacheslav Koshelev, a scholar of Russian literary history, member of the Literary Fact editorial board.

В.А. Кошелев родился в Вологде. Его отец Анатолий Александрович, фронтовик-танкист, продолживший службу после окончания Великой Отечественной войны, считал филологию несерьезной наукой. Когда Вячеслав Анатольевич стал публиковаться, он так отозвался об одной из его работ в разговоре с тещей сына, Александрой Андреевной Братковой: «Все они пишут про одно и то же, только разными словами. Главное, чтобы выразиться по-красивее». Однако он не препятствовал развитию наклонностей сына, а мать Галина Александровна, долгие годы работавшая в Вологодской областной библиотеке, поддерживала сына книгами.

Исследовательский склад ума проявился еще в школе. Однажды Вячеслав Анатольевич пришел на урок литературы, посвященный «Войне и миру», с одним из прижизненных изданий эпопеи. Увидев, что текст, который рассматривался на уроке, и тот, что у него – разные, он обратился к учительнице. Та не нашлась, как это объяснить. Ученика заинтересовали эти разночтения, и он выяснил, что издание все-таки «правильное» (принесенная им книга – этап работы Льва Толстого над романом). Рассказав об этом на одном из следующих уроков, слишком любознательный школьник заслужил единственную четверку в аттестате – именно по литературе (закончив школу с серебряной, а не золотой медалью).

В 1967 году Вячеслав Анатольевич поступил на историко-филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. В это время определились его научные интересы – русская классическая литература, большую роль в его становлении сыграл Евгений Евгеньевич Соллертинский. После окончания института он был распределен в среднюю школу в небольшом городке Красавино (расположенном почти на границе Вологодской и Архангельской областей). Там он встретился со своей будущей женой Валентиной Александровной (в красавинской школе она работала учителем химии).

После года работы в школе (1971–1972) и службы в армии (1972–1973) Вячеслав Анатольевич женился, устроился в Череповецкий пединститут и поступил в заочную аспирантуру Пушкинского Дома.

После защиты в 1977 году диссертации о славянофилах Вячеслав Анатольевич начал продвигаться по служебной лестнице: в 1978 году он стал заведующим кафедрой русской литературы Череповецкого пединститута, а годом позже – проректором по научной работе. Служебная карьера его тяготила – проректорскую должность он оставил в 1986 году.

В начале 1980-х Вячеслав Анатольевич увлекся краеведением. С череповецким краем связаны имена трех известных деятелей культуры: поэтов К.Н. Батюшкова, Игоря-Северянина и художника В.В. Верещагина. О каждом из них у Вячеслава Анатольевича есть крупные работы. В 1987 году,

после публикации статьи «Пушкин и Хомяков», Вячеслав Анатольевич начал заниматься Пушкиным.

С 1994 года он стал заведовать кафедрой русской классической литературы Новгородского государственного университета. Заведование он оставил в 1997 году, а в 2016 году вынужден был уволиться и перейти на работу в Арзамасский филиал Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Там он проработал последние годы жизни.

Начало автобиографического очерка В.А. Кошелева впервые было издано в малотиражном новгородском сборнике (Дано и видеть и творить. Сборник стихов и прозы. Великий Новгород, 2016). В последние месяцы своей жизни Вячеслав Анатольевич переработал его, дополнив воспоминаниями о собственном вологодском детстве («Бабушка»). Последняя главка мемуаров («Освоение двора») осталась недописанной.

Анатолий Кошелев

В.А. Кошелев

Предисловие к Автобиографии

«Вологодская кровь»

Страшная повесть («эпопея») Ивана Шмелева «Солнце мертвых», ставшая реквиемом крымским обывателям, погибшим от «организованного» большевиками голода 1921 года, представляет собой серию жестоких сцен и ряд образов большевиков-чекистов, «что убивать ходят». В этой «галерее умертвий» контрастно выделяется одна, почти комическая, сценка.

Когда на многострадальный Крым налетели (весной 1919 г.) первые большевики и стали хватать «врагов народа», в число этих «врагов» попал и знаменитый столичный профессор Иван Михайлыч. Охраняют их революционные «матросы, дикари, и с ними гимназист из Ялты – командиром». Матросы всячески оскорбляют пленных – «дворянскую кость»:

«Не стерпел Иван Михайлыч обиды, схватил через дверь костлявой рукой матроса за синий воротник, – обомлел даже матрос от такой дерзости, крикнул только:

— Пу...сти... по-рвешь, черт!.. чего сдурел?..

— Как – чего? Да я сам вологодский, как ты... православный!

Как так?! Ужли и ты вологодский?! – обрадовался матрос, и его широкое, как кастрюля, дочерна загорелое лицо раздвинулось еще шире и заиграло зубами.

Как же не вологодский? Говору своего не чуешь? Смеются-то как про нас!.. “Ковшик менный упал на нно... оно хоть и досанно, ну да ланно – все онно!”

Ах, шут те дери... верно-прравильно! Ну, старик... наш, вологодской? Покажся мне... – радовался матрос, захватывая Ивана Михайлыча за плечи. – Правильный, наш! А... стой! Уезду?!

Чего там – стой... ну, Усть-Сысольскова уезду... ну?!

Ка-ак так?! И я тожа... Ус... сольскова? Н-ну... де-лааа...

Я сам земельку орал да в школу бегал... да вот и профессор стал, и книжки писал... и опять могу землю орать, не боюсь! А чего вы этого человека забрали, топить собираетесь?..

За-чем... мы его на расстрел присудили, за снисхождение...

Да вы, головы судачьи, глаза-то сперва мылом промойте...

Да ты чего лаешься-то, не боишься ничего, старый черт?!

Говорю – вологодской, весь в тебя! А чего мне бояться-то, милой? Я уж одной ногой давно во гробу стою... а вы вот, видно, сами себя боитесь, – мальчишку-молокососа себе за командира выбрали, стариков убивать! Да его еще за уши рвать нужно... я ему, такому, двойки недавно за диктовку ставил... Вы с него, сопляка, штаны-то попустите да поглядите: задница, небось, порота, не поджила!..

А тут еще подошли матросы. И уж что ни говорил им ялтинский гимназист, как ни взывал к революционному самосознанию и партийной дисциплине, вологодский матрос взял верх. Выпустил из сарая всех:

Ну вас к лешему!»

Ситуация действительно нестандартная. В разных в отношении к свершившейся революции лагерях оказались два земляка. Один – «дикарь», революционный матрос, руки которого по локоть в крови (ибо «безбашенные» матросы, отмечает Шмелев, отличались особенной бессмысленной жестокостью); другой – русский интеллигент. Как только они узнают о том, что оба «вологодские» (а узнать нетрудно – поговору!), так между ними рушатся социальные преграды. Как ни напоминай о «революционном самосознании и партийной дисциплине», «вологодское землячество» оказывается сильнее, и рядом с классовым сознанием становится провинциальное сознание, которое не позволяет давать в обиду того «своего», который вроде бы и не выглядит «своим».

Правда, Шмелев тут же оговаривается: «То было другое время, – другие большевики, первые. То были толпы российской крови, захмелевшей, дикой. Они пили, громили и убивали под бешеную руку. Но им могло вдруг открыться, путем неожиданным, через “пустяк”, быть может, даже через одно меткое слово, что-то такое, перед чем пустяками покажутся слова, лозунги и программы, требующие неумолимо крови. Были они свирепы, могли разорвать человека в клочья, но они неспособны были душиить по плану и равнодушно. На это у них не хватило бы “нервной силы” и “классовой морали”. Для этого нужны были нервы и принципы “мастеров крови” – *людей крови не вологодской...*»

Станным кажется то, что в своем произведении, посвященном трагедии далекого от Вологды Крыма, автор, вовсе не вологжанин по

рождению и происхождению (кажется, никогда на вологодчине и не бывал!), столь сочувственно выделяет «людей вологодской крови», которые по определению не могут быть холодными убийцами («мастерами крови»). И это как будто не просто метафора.

Младший современник Шмелева писатель Варлам Шаламов был по происхождению вологжанином (хотя в Вологде провел лишь детские годы). Он указывал, что «ни Ярославль, ни Архангельск, ни Самара, ни Саратов, ни Сибирь – Восточная и Западная – не имели такого особенного, нравственного акцента», как Вологда, и выделял целых «три Вологды». Та Вологда, из которой произошли персонажи «Солнца мертвых», – первая:

«Первая Вологда – это местные жители Сольвычегодска, Яренска, Усть-Сысольска, Великого Устюга, Тотьмы, говорящие на вологодском языке, одном из красивых русских диалектов, где вместо “красивый” говорят “баской”, а в слове “корова” не акают по-московски и не окают по-нижегородски, а оба “о” произносят как “у”, что и составляет фонетическую особенность чисто вологодского произношения. Не всякий приезжий столичный житель освоится сразу с вологодскими фонетическими неожиданностями». Именно эти «фонетические неожиданности» сближают двух земляков из разных общественных классов.

Но дело не только в «говоре». Определение «вологодский» издавна предполагало представление об особенном человеческом типе: не «быстрый разумом», основательный, крепко стоящий на ногах деревенский или городской «хозяин», наделенный неповторимым взглядом на мир и имеющий совершенно особенное представление об этом мире.

Поэтому автор, родившийся в Вологде от вологодских уроженцев, заинтересовался: что же это за «*вологодская кровь*», которая по временам кипит в нем?

«Вологодское качество»

Тот же Варлам Шаламов, определяя «коренное» отличие Вологды от других локусов, указывает две особенные черты вологжанина: «первая Вологда – это *деревенское стяжательство и верная служба режиму*». Но эти две черты проявляются нетрадиционно и совсем не так, как проявляются привычные скопидомство и верноподданничество:

«Стяжательство вологодских крестьян имело свои особенности. На вологодском рынке всегда продавалось молоко первосортное. Разрушен мир или нет – на жирности молока это не отражалось.

Торговки никогда не доливали молоко водой, что крайне удивляло театрального гастролера Бориса Сергеевича Глаголина. Привыкший ко всему петербургский желудок знаменитого русского актера испытывал неуверенность в честной, христороливой Вологде.

Речь здесь идет как раз о «послереволюционной» Вологде 1920-х годов. От этого времени сохранились первые карикатуры Кукрыниксов – о том, как московские торговки на рынке тут же разбавляют привезенное молоко водой прямо из водопроводного крана. В самом деле: простейший способ «стяжательства» – это продать литр молока как два! Вологодским торговкам этот способ в голову не мог прийти. Они могли заломить за молоко цену, вдвое превышавшую московские – но разбавлять молоко водой просто не умели.

Я могу подтвердить точность этого наблюдения, хотя и родился в Вологде почти на полвека позднее, чем Шаламов. И дело не в каком-то особенном «христороливии» вологодского торговца, а в особенном осознании ими своего профессионализма. Если молочница будет продавать на рынке разбавленное молоко, про это молоко пройдет нехороший слух среди «своих» покупателей. И кто же его будет у этой молочницы покупать в невеликой Вологде? Ведь молоко – это понятный «продукт», а разбавленное молоко – это какой-то другой «продукт», имеющий к настоящему лишь отдаленное отношение. Какая же она молочница, если не может предложить *настоящего* продукта? Это профессиональное сознание сохранилось доселе: не случайно молочные продукты из Вологды и по сей час особенно котируются. Причем не те, которые произведены по «вологодским» технологиям (как знаменитое «вологодское масло») – а именно те, которые сделаны вологодскими людьми.

«Вологодский конвой»

То же касается и второй «вологодской» особенности – «верной службы режиму». «Подобно тому, – пишет Шаламов, – как профессия дворника закреплена в Москве за татарами, подобно тому, как калужане – землекопы, а ярославцы – торгаши, конвойная служба от века и века в руках вологжан. Свое место в царской империи вологжане заняли, охраняя тюремные замки и защелкивая тюремные замки. Выражение – “*вологодский конвой шутить не любит*” – вошло в историю революционного движения, укрепилось в тюремной традиции и после революции дошло до наших дней, вписав надлежащие сведения в охрану концлагерей двадцатых, тридцатых, сороковых годов».

Вместе с тем, устойчивое представление о «вологодском конвое», которое вроде бы выглядит признаком «верной службы», тоже имеет существенное своеобразие: не таким уж «служакой» был вологодский конвоир, и его житейская ориентация в этом отношении была гораздо осмысленнее. Вологодский обыватель всегда несколько отстраненно относился к теперешним властям (ну, сидят там у себя в конторах – и пускай сидят!). Но всегда особенно уважал *силу*. Вот этот обыватель (некто Л.Д. Александров) вспоминает особенные «удовольствия вологжан» во второй половине XIX столетия:

«Вологжане были большими поклонниками *драки*, в особенности простонародье, т.е. большинство, и очень часто устраивали в разных частях города кулачные бои. Дрались и взрослые бородачи, и мелюзга, разные подростки, преимущественно учащиеся. <...> Мещане и ремесленники устраивали бои на реке Вологде, где и сходились стенка на стенку, преимущественно на масляной неделе в период усиленного катанья с гор, кои, по заведенному обычаю, устраивались в разных пунктах города. Мелкие стычки происходили постоянно и летом на всех площадях <...> Обыкновенно бой начинали подростки, затем приставали взрослые и, наконец, выступали бородачи в качестве главных сил. Иногда роль ручных гранат играли тухлые яйца, которые запускались в физиономию врага, дабы на время вывести его из строя».

Драки эти происходят отнюдь не по злобе – по традиции. Кулачный бой в средневековой Руси был давней *игрой* – «потехой», распространенной в старой Москве. Можно вспомнить лермонтовскую «Песню про... купца Калашникова»: «Как сходились, собирались / Удалые бойцы московские / На Москву-реку, на кулачный бой...». По свидетельству историка, эти игры были вовсе не безобидными: «Зимой народ также в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались в партии, таким образом составляли две враждебные стороны. По свисту обе стороны бросались друг на друга и бились жестоко, многие выходили из битвы изуродованными, других выносили мертвыми. Вступая в единоборство, кулачные бойцы предварительно обнимались и троекратно целовались» (М.И. Пыляев, «Старая Москва»). В этих «потехах» особенно ценились именно «удалые бойцы», по праву «красовавшиеся» перед толпою.

К концу XIX столетия в остальной России такие потехи ушли в прошлое – а в Вологде остались не только во времена Толстого и Достоевского (про которые и вспоминает автор), но и много позднее. Подобные ритуальные «драки» (один конец деревни – с другим) я сам наблюдал еще в свои студенческие времена (1960-е годы). В этих «ри-

сталищах» выявлялись и неформальные лидеры неформальных объединений, и основы того внутреннего «порядка» жизни, к следованию которому «вологодские люди» особенно тяготеют.

В этом «порядке» запросто устанавливались совсем не «христолюбивые» обыкновения. Тот же мемуарист указывает в качестве «характерной черты вологжан» – «своеобразное понятие о чужой собственности»: «Мелкое воровство было сильно развито и не считалось вовсе за порок, так как направлено было исключительно на съедобное. Украсть и не попасться считалось своего рода геройством». И далее рассказывается, как «шайки» молодых вологодских людей совершали бравады набеги на чужие огороды или фруктовые сады.

Но – обратим внимание – это «мелкое воровство», опирающееся на силу, имело свои пределы (только «на съедобное», отражающее понятную насущную потребность любого человека) и законы (не просто украсть – но при этом еще и «не попасться»)! На таких «локальных» представлениях формировались целые общественные группы – и когда приходила пора служить в армии (по традиции – конвоирами), эта группа представляла себя довольно оригинально. Воруют все. Общество воспринимается состоящим из двух частей. Те, кто «попался», становятся заключенными – а вершителями их судеб оказываются те, кто «не попался».

Все остальные – свободные – люди в этой «потехе» как будто не участвуют. К ситуации «игры» вологодские люди издавна относились очень серьезно. В игре нужно соблюдать «правила», много более серьезные, чем те, что прописаны в христовом учении. Они и соблюдали – со всей истовостью «удалых бойцов». И действительно: «шутить не любили». Подобные правила игры, например, не терпели людей «отмороженных» или «безбашенных». Но определяли опять-таки особенную логику поведения.

Варлам Шаламов припоминает случай с «вологодским конвоем», описанный в одной из статей П.Е. Щеголева из журнала «Былое» (1906. № 7). Эта статья в свое время много шумела в России; ее автора, известного историка, даже приговорили к двухмесячному тюремному заключению. А историк лишь опубликовал дело о революционной пропаганде среди караульной службы самой страшной тюрьмы империи – Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

Там содержался безмянным узником знаменитый «созидатель разрушения», автор «Катехизиса революционера» Сергей Нечаев. Его охрана, традиционно состоявшая из вологодских крестьян, была, казалось, абсолютно далека от всякой «революционной пропаганды» и не сочувствовала ни идеям свободы, ни царубийству, ни перемене

власти – ничему такому. Дело происходило на рубеже 1870–1880-х годов, в пору особенно активной «охоты на Александра II», предпринятой народовольцами: произошли взрывы царского поезда, покушение Соловьева на жизнь государя, взрыв в Зимнем дворце и т.п.

К сидевшему в одиночке Нечаеву пришел – с предложением оказать услуги полиции – сам шеф жандармов генерал Потапов (который для «вологодского конвоя» казался немыслимо большим «начальством», первым человеком после царя). И таинственный безымянный узник вдруг отвесил генералу пощечину – да такую, что у того пошла кровь носом и изо рта. Естественно, узника приказано было избить, посадить в цепи и т.д. – но «вологодский конвой» получил указание: не до смерти и без незаживающих увечий...

«Конвой» пришел в недоумение: страшный обидчик высокой персоны – продолжал жить! Кем же он мог быть? По меньшей мере, царев брат или близкий родственник другой важнейшей особы. Значит, его лучше не обижать: за ним сила! А лучше даже – с ним дружить... Словом, через полгода караульные солдаты уже принимали таинственного узника за лидера – и стали даже передавать письма от Нечаева к народовольцам, и участвовать в подготовке задуманного революционером побега... «Вологодский конвой» стал безропотно подчиняться узнику.

В романе Юрия Трифонова «Нетерпение» сконструирован ход мыслей охранника, который, передав записку, разговорился «и успел рассказать, что “наш орел” – так они зовут его между собой – всё про всех знает, про всё домашнее, деревенское, не хуже ведьмака. Сам-то в камере, а народом оттуда командует. Я, говорит, сказал, чтоб моя партия дворец взорвала? Так и вышло. Приказал в царя стрелять? Стреляли. А его и начальство рavelинское боится, потому что его никакой мор не берет: два года кандалы таскал, мясо гнить стало, а он – живой, нетленный. Вот и боится: потому что, неровен час, прикажет – к ногтю. Ему наследник престола подчиняется. А царя, говорит, я всё одно изведу, потому что он народную измену сделал...» Словом, конвой предстал во всей наивности, фатализме и безоглядной доверчивости к заключенному, «загадочному человеку» – и сильному лидеру.

Внешне этот «вологодский конвой», славный своей исполнительностью и твердостью, выглядел вполне «верноподданным». Но за этой внешностью скрывалось свое представление о мире. Мир в глазах вологодского мужика предстал очень нестойким и постоянно переменчивым, в котором неизменно сменялись самые разные «силы». Самый униженный заключенный – если он демонстрировал силу – мог быть вознесен в неведомые высоты. И его «конвою» надо не упустить шанса. Жизнь – игра; надо уметь поставить на нужную карту.

Солдаты, охранявшие узников Алексеевского рavelина, когда вскрылась история с «пропагандой», попали под суд и получили «каторжные» сроки. Но, кажется, восприняли их мужественно: в драке и «игре» надо уметь и проигрывать.

«Вологодская ссылка»

А историк Павел Щеголев, опубликовавший эти документы, сам недавно перед тем отбывал ссылку в Вологде – и знал, о ком и о чем писал. Дело в том, что пришедшая извне вологодская ссылка серьезно повлияла на формирование аборигенов, «людей крови вологодской» – Шаламов даже назвал ее «третьей Вологдой»: «Именно ссыльные вносили в климат Вологды категорию будущего времени, пусть утопическую, догматическую, но опровергавшую туман неопределенности во имя зари надежд».

Ссылка в Вологду была «нетяжелой»: с появлением железной дороги Вологда (ставшая крупным железнодорожным узлом) оказалась буквально рядом с обеими столицами Российской империи. И ссылали туда больше по традиции, зародившейся еще в «дожелезнодорожные» времена: тут побывали и поляки, осужденные за восстание 1830–1831 гг., и издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин, осужденный за публикацию «Философического письма» Чаадаева, и автор крамольной песенки «Русский император...» В.И. Соколовский. Многих ссыльных, правда, надлежало отправлять дальше на восток, в уездные вологодские города Тотьму, Усть-Сысольск, Яренск и пр. – но большинство сосланных (пользуясь любезностью либеральных губернаторов и столичными связями) умудрялись-таки оставаться в Вологде.

А поскольку ссылка была «нетяжелой», то и преступления сосланных были не уголовными – и не наказуемыми каторгой либо Сибирью. Чаще попадали в Вологду «за язык», «за сочувствие», «за пропаганду» или за другие мелкие политические проступки. Эти ссыльные легко входили в круг местной интеллигенции – и даже определяли его состав и направленность. Вот в 1868 г. в Вологду (на родину!) был выслан студент первого курса Петербургского военно-юридического училища Н.А. Иваницкий:

«Вологодское общество в то время, о котором я рассказываю, делилось на следующие кружки: знать, т.е. масса потомственных дворян: Дружинины, Левашовы, Волконские, Брянчаниновы, Волоцкие, Зубовы и проч., и проч.; чиновничество, к которому примыкало и купечество; поляки, так называемая польская партия, и, наконец, передовые. Это, впрочем, мое название. Сюда принадлежали все по-

литические сосланные, человек до шестидесяти, и множество лиц из разных сословий».

Стоит представить себе Вологду, небольшой губернский центр в 20–30 тысяч человек, из которого едва десятая часть входит в выделенные мемуаристом четыре «интеллигентных» кружка, – как сразу же удивляешься. Ведь два из четырех кружков – ссыльные. Большое землячество из ссыльных поляков (они находились «под покровительством губернатора Хоминского, которому удалось устроить в Вологде католический костел в особом для того купленном доме»). Да и собственно «передовые» (среди них Н.В. Шелгунов, П.Л. Лавров, Г.А. Лопатин, Л.Ф. Пантелеев и т.п. – но чаще просто «фразерствующие революционеры») – тоже не оставались без покровительства. Вот свидетельство вологодского учителя Н.Ф. Бунакова:

«Все это пестрое пришлое население “политических страдальцев” образовало один кружок, к которому приставала и местная молодежь. За этим кружком зорко наблюдал новый жандармский штабс-офицер, в это время приехавший в Вологду, полковник Н.Е. Зорин, очень толстой корпуленции, но очень тонкого ума и характера, притом несомненно умный, начитанный и даже симпатичный человек. Зато к этому кружку благосклонно относился вице-губернатор Иван Иванович Пейкер, а особенно его либеральная жена, Марья Григорьевна Пейкер. Это была живая миниатюрная барыня, блиставшая остроумием и способностью подчинять себе самых неукротимых людей – все делались послушными и мягкими исполнителями ее воли, когда она этого хотела: и князь Гагарин, чистокровный и пустопорожний аристократ, всю жизнь занимавшийся дебошами, и николаевский отставной генерал Н. Брусиллов, бывший несколько лет тому назад начальником вологодского ополчения, и поднадзорный учитель гимназии В.М. Пржибыльский, через несколько времени бывший крупным деятелем польского революционного правительства, и радикал хохол Бекман».

В последнем воспоминании перед нами как будто предстает вся «веселая компания» из «Бесов» Достоевского – только не в «романной», а в реальной жизни маленького губернского города. Естественно, общая обстановка «ссыльной вольницы» не могла не влиять даже и на далекого от городских «верхов» вологодского обывателя... В начале XX в. эта «вольница» неизмеримо расцвела. Вот в 1900 г. был сослан в Вологду будущий философ Николай Бердяев, позже писавший в «Самопознании»:

«Вологда была в это время центром ссылки, и на моих глазах через Вологду прошло огромное количество ссыльных, главным образом социал-демократов, изредка социалистов-революционеров. Ссыльные

большей частью направлялись в уездные города Вологодской губ., иногда в Архангельск, некоторые возвращались из ссылки через Вологду. Я мог делать много наблюдений. Все почти заходили ко мне, в гостиницу “Золотой якорь”, где я жил».

Заметим, что «Золотой якорь» был *лучшей* вологодской гостиницей – Бердяев действительно не испытывал неудобств и жил «баринном»: «...мне даже нравился этот старинный северный городок, очень своеобразный и для меня новый, так как я не знал великорусского севера». И – важное замечание:

«В Вологде я чувствовал себя очень свободно, в некоторых отношениях свободнее, чем в Киеве. Полиция нисколько не беспокоила меня».

И далее: «...в Вологде в те годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А.М. Ремизов, П.Е. Щеголев, Б.В. Савинков, Б.А. Кистяковский, приехавший за ссыльной женой, датчанин Маделунг, впоследствии ставший известным датским писателем, в то время представитель масляной фирмы, А. Богданов, марксистский философ, и А.В. Луначарский, приехавший немного позже меня. Я принадлежал к “аристократии” вместе с Ремизовым, Щеголевым, Савинковым, Маделунгом. А. Богданов и А. Луначарский возглавляли “демократию”». Ссылный «аристократ» Бердяев был «независим в своих суждениях», «свободен в своей жизни» и связан «с местным обществом», в котором выделял «чиновников, скорее либерального направления».

А.В. Амфитеатров, тоже не миновавший ссылки в Вологду, вспоминал потом, как она «сформировала» большевика Луначарского. Тот «был самую природою предназначен на то, чтобы в университете получить какую-либо гуманитарную приват-доцентуру и в качестве либерального лектора с неопределенно социалистическим душком сделаться любимцем студентов и студенток первых семестров». А «царское правительство совершило великую глупость тем, что пустопорожнею ссылкой в Вологду и Тотьму отвлекло Луначарского от его природного назначения, свело его там с революционерами действия и дало, таким образом, ему возможность вообразить самого себя деятельным и ужасно опасным революционером».

По закону парадокса, эта «пустопорожня» ссылка в Вологду, заставившая несостоявшихся «приват-доцентов» вообразить себя «опасными революционерами», нестандартно воздействовала и на вологодского обывателя, и на «вологодский конвой».

Сын вологодского крестьянина Иван Ермолаев (в будущем – «видный партийный и государственный деятель»), собиравшийся «выйти в люди», поступил в Вологодскую земскую фельдшерскую школу на

полный пансион – и сразу столкнулся с «большой волной ссыльных» (он, кроме упомянутых, называет еще много имен социалистов и будущих кадетов: «Саммер, Тучапский, Ауссем, Бляхер, Третьяковы, Бабкин, Шен, Струмилин, Фомин, Немцов, Камаринец, Квиткин и др.»). Он констатирует, что «имелся многочисленный слой распропагандированных рабочих, служащих и учащихся».

С легкой руки очередного «сочувствующего» губернатора (Ладыженского) в Вологде «началась эпоха докладов или, как это тогда чаще называлось, рефератов»: «Одним из первых выступил с рефератами А. Богданов на темы об энергетическом методе, о познании с исторической точки зрения и др. Выступали с докладами также Кистяковский, Бердяев, А. Суворов. Публики собиралось на эти доклады до 50–60 человек. Почти после каждого доклада бывали прения». Правда, крестьянин тут же замечает, «что большинство трактовавшихся тем было трудно для понимания даже той более или менее квалифицированной публики, которая бывала на собраниях...»

Но дело ведь не в понимании, а в том, что посещение «рефератов» сделалось престижным и модным – будто посещение театра... Сидевший там молодой вологодский фельдшер с удовольствием ощущал свою причастность к чему-то значимому и «высшему». Потом, в годы русско-японской войны, «эпоха докладов» сменилась «эпохой банкетов, где выступали как либералы, так и социалисты». И пошло, и пошло... Фельдшер потихоньку понял, что «не боги горшки обжигают» – и перебрался в Москву. В 1920 г. мы видим его уже на руководящем посту в Наркомате народного просвещения...

А «вологодский конвой», смотревший на эти «превращения» несколько сбоку, тоже не мог не ощущать перемен, происходивших в привычном мире. По существу, тот «порядок», который привык соблюдать вологодский человек, – на его глазах рушился. Но ведь и в «разрушенном» мире всегда есть, кого охранять и конвоировать – в этом деле важно не «заиграться» и не «задружиться» с тем, кого охраняешь (как «заигрались» охранники Нечаева). Единственная возможность человеческих отношений для «вологодского конвоя» сконцентрировалась в сознании «земляческой» близости к тому, кто вышел оттуда, откуда и ты.

«Вологодские болота»

Тем более, что и «земля вологодская» как будто не была особенно завидной или притягательной. Даже и к самому губернскому центру –

ее «визитной карточке» – отношение жителей было либо негативным, либо ироническим:

«Вологда построена на болотах, причем довольно топких, вследствие чего влаги здесь всегда избыток: после дождей всюду пестрят огромные лужи – на площадях, возле домов, в садах и огородах – на коих полощутся обывательские утки. Местами верхний тонкий слой почвы, искусственно укрепленный, лежит на массе жидкой грязи и при ходьбе по нем колыхается. Иногда он трескается или проламывается и грязь изливается наружу. Такие зыбучие места встречались здесь не только по окраинам города, но даже и в центре его». Так вологодский уроженец, любящий свой город, описывает его природную топографию.

Какова «болотистая» природа – таков и внешний облик: «Дома в городе в общей массе преобладали деревянные, небольшие, в один и два этажа, с балконами и верандами. Каменных было десятка три-четыре, и все они в большинстве случаев были заняты или присутственными местами, или же учебными и городскими учреждениями, частных – весьма мало. <...> Улицы города, довольно прямые, были плохо вымощены булыжником, но далеко не все, причем содержались очень небрежно. Отсутствие хороших сточных канав делало то, что в дожди грязь заливала сплошь улицы и обращала их в болота, а в жаркую погоду грязь обращалась в пыль и при сильных ветрах носилась по городу и обволакивала его своеобразным туманом. Большинство городских площадей вовсе не были вымощены и весной и осенью превращались в топкие болота, крайне неудобные для всякого рода передвижений».

И далее: «Характерной чертой Вологды являлись узкие деревянные мостки, взамен панелей, сохранившиеся в полной неприкосновенности и поныне. Ширина мостков была такова, что двое встречных пешеходов с трудом могли разойтись; кроме того, уровень мостков против каждого дома был разный, вследствие чего ходьба по ним ночью требовала особого навыка во избежание падения или вывиха, в особенности, если принять во внимание проломы и провалы, встречавшиеся на каждом шагу. Так как подпочвенной воды здесь всегда наблюдался избыток, то все канавы, непременная принадлежность каждого дома, всегда были полны грязной воды, которая в жары зацветала, гнила и издавала своеобразный аромат». Подобная картина городских улиц рождала своеобразную поэзию, зафиксированную, например, в «вологодском» стихотворении Константина Симонова: «В домотканом деревянном городке, / Где гармоникой по улицам мостки...»

Наружный облик города определял и бытие жителей, постоянно «обывавших» в Вологде: «Строго говоря, общественной жизни и об-

щих интересов у жителей Вологды и в помине не было; все сидели по своим углам и все интересы каждого заключались, главным образом, в изыскании способов для удовлетворения своих насущных потребностей; жили по поговорке: “День прошел, и слава Богу!” Если же обывателям иногда и приходила фантазия выбраться из своего угла, то они группировались в небольшие кружки, чуждавшиеся и злословившие друг о друге. Скука, сплетни и нелепые слухи царили невозбранно во всех слоях местного общества. Несмотря, однако же, на это, вологжане истари отличались редким гостеприимством и хлебосольством, хотя эти прекрасные качества и сводились преимущественно к чае- и винопитию и истреблению съестного в гоме-рических размерах».

Все эти нелестные и «нелюбезные» отзывы о Вологде принадлежат Леониду Александрову, сыну мелкого вологодского чиновника, в юности уехавшему в Петербург и ставшему там известным журналистом. И – странное дело! – этот вологодский «беглец» почему-то вспоминает собственные детские годы (окруженные вологодской грязью, зловонием, злословием, «нелепыми слухами» и «до одури однообразной жизнью») с необъяснимой ностальгией. Перед ним как будто возникает образ земли, воплощавшей «потерянный рай», заброшенный в глуши северных болот.

Вот он проговаривается о том, что «жизнь в Вологде была баснословно дешева»: многие чиновники умудрялись жить без долгов, получая жалованье 7-8 рублей в месяц, а жалованье в 25 рублей почиталось уделом людей обеспеченных. Он даже с тоской перечисляет, что сколько стоило: «Так, например, лучший сорт мяса продавался по 5-6 коп. фунт, телятина – 3-4 коп., русское масло – 18 коп., дичь: 30-35 коп. – глухарь, 20 коп. – тетерев и заяц, 20 коп. – пара рябчиков, утки летом: 10 коп. – кряковая, 5 коп. – чирок и т.д. Рыба, зелень, разные ягоды и грибы – очень дешевы. Молочные продукты были отличного качества, доставлялись на дом из подгородних деревень в оригинальных берестяных бураках по цене 5-6 коп. Конечно, о какой-либо фальсификации тогда и понятия не имели».

Вот он с ностальгией вспоминает «летние удовольствия вологжан»: пешеходные прогулки по городским садам, в подгородные села и в загородные леса, особенно прогулки на лодках по «быстростоячей Вологде» (эта городская река петербуржцами сравнивается с Фонтанкой), охоту и рыбалку: «ибо дичи и рыбы под Вологдой водилась масса». Особенно выделяет мемуарист «детскую свободу». Живя в спокойном, «сонном городе», «родители не обращали никакого внимания на воспитание детей, предоставляя им полнейшую свободу

в выборе удовольствий, вследствие чего среди юнцов была сильно развита уличная жизнь со всеми ее прелестями. Не чувствуя над собой родительской опеки, дети круглый год проводили под открытым небом и в летнее время по целым дням странствовали за городом...»

«Вологодский театр»

Но более всего удивляет петербургского журналиста странная внутренняя «театральность» вологодской жизни, которая кажется самой яркой приметой этого города, своего рода *genius loci*. Так, на святках в Вологде все городские жители очень активно занимались «ряжением»: передевались в разные костюмы – так, чтобы никто не узнал их обличий: «Из всех рождественских удовольствий самым излюбленным для вологжан считалось маскирование, которое выражалось в том, что молодежь обоего пола, разодетая в различные костюмы и маски, разъезжала по знакомым, интриговала их, а, главное, плясала до одури, лишь бы имелось хотя самое жалкое подобие музыки. Этими домашними маскарадами увлекались на святках решительно все, от мала до велика, и я мог бы привести десятки солидных, пожилых людей, которые сами если и стеснялись маскироваться, то принимали всегда самое живое участие в этом удовольствии жизнерадостной молодежи, устраивая вечеринки, добывая костюмы и пр. <...> Самые закоренелые бедняки, нередко многосемейные, являлись вместе с тем и самыми изобретательными людьми по части этих удовольствий, как бы оправдывая поговорку “голь на выдумки хитра”».

Это «маскирование» было ориентировано именно на театральное поведение: «интеллигентная молодежь, в особенности из т.н. аристократии, желая во что бы то ни стало не быть узнанной, нарочно рядилась в самые дешевые, простые костюмы (лапотника-мужичка и пр.) и старалась сообразно им держать себя и напропалую дурачиться, сбивая с толку хозяев и многочисленных гостей. <...> При этом, чтобы не быть узнанными, приходилось менять манеры, голос, походку, вообще употреблять все средства, чтобы ввести в заблуждение интригуемое лицо, не обнаруживая себя. В этом, собственно, и заключался смысл маскирования».

Странной святочной потехе вологжан мемуарист посвящает огромный очерк, детально описывая и сложную («тайную»!) подготовку к ней, и костюмы, в которые любили рядиться участники, и разные проделки, совершавшиеся ими в этих костюмах, и общий

восторг, когда какой-нибудь «играющий» умел остаться неузнанным в этом спектакле. В представлении столичного журналиста Вологда оказывалась городом внутренне «театральным».

При этом тот театр, который существовал в губернском городе издавна, сам Александров называет «довольно жалким». Это не совсем так.

Первые театральные представления проходили в Вологде еще в 1780-е годы. В первой половине XIX века был выстроен городской театр, который располагался в самом центре: между гимназией, семинарией и реальным училищем. Это был скромный деревянный двухэтажный «теремок», украшенный затейливой резьбой, – и поначалу очень привлекательный. Но к началу XX века он устарел, и один из проезжавших Вологду путников в 1907 г. помянул его разве что в связи с пожарной опасностью: «Упомянув о пожарной дружине, невольно вспомнишь и вологодский театр – большой костер грязных дров! Можно, впрочем, утешаться тем, что в настоящее время на бульваре, носящем имя Дворянского, строится прекрасный каменный Народный дом, и театр, может быть, упразднится мирно, без помощи огня и пожарной команды». В эти же годы в Вологде открыли шикарную – с колоннами – баню, и в ходу оказалось острое словечко: «В Вологде театр как баня, а баня – как театр!»

Этот неказистый театр и привлекал племя провинциальных актеров. Геннадий Несчастливцев в «Лесе» Островского пробирается «из Вологды в Керчь», почитая Вологду в числе самых «театральных» городов (рядом поминаются Полтава, Ставрополь, Тифлис, Кишинев, Кострома, Ярославль, Тверь...). «Именно в Вологде такой гастролер мог встретить и понимание, и помощь, и поддержку», – замечает по этому поводу В. Шаламов. И далее:

«В Вологде всегда подвизались профессиональные учителя жизни. Со сцены: Мамонт Дальский, Павел Орленев, Николай Россов. Антреприза городского театра держала курс именно на этих проповедников, пророков, носителей добра, а не красоты – передовых, прогрессивных гастролеров, а не на моду, вроде Художественного театра. Художественный театр признавался Вологдой, но только в ряду подальше, чем пьесы Шиллера, Гюго, Островского и Гоголя, принесенные скитающимися звездами – гастролерскими пророками столичной и провинциальной сцены».

Неказистое здание деревянного театра сгорело-таки в начале 1930-х годов. Я его не застал – и сам посещал помянутый выше Народный дом (куда Вологодский театр сразу после пожара переселился), а потом и специально выстроенное новое здание, выросшее на месте большой

городской лужи. Там, конечно, труппе было куда привольнее. Но почему-то и пятьдесят лет спустя вологодские старожилы с особенной тоской вспоминали тот самый, ничем не выдающийся, деревянный театр...

Дело, впрочем, не в театре как культурном заведении. Гораздо важнее для «вологодского» сознания оказывался тот «театр в себе и для себя», который испокон веку сопровождал их скучное северное, лишенное особенных удовольствий бытие. Этот «естественный» театр, становясь желаемой забавой, мог «разукрасить» действительную серенькую жизнь. Тот же Л. Александров, описывая вологодские святочные развлечения, отмечает: «...из мужских костюмов наичаще встречались: простого крестьянина – лапти, онучи, синяя посконная рубаха и шляпа-“гречишник” при кудельном парике, стариковский – при обычном платье белый кокосовый парик, борода и нос, Гамлета, Мефистофеля, Зибеля (студента из “Фауста”), еврея, турка, старинный польский, клоуна, домино, капуцина, гусарский и пр. <...> Костюм мужичка-лапотника обыкновенно надевали самые лучшие танцоры, удивлявшие публику своим поразительным искусством выделявать всевозможные фокусы в лаптях. Между дамскими костюмами преобладали: домино, цыганский, польский, чертенка, день и ночь, зима, феи, Офелии и т.п. Вообще по части костюмов вологжане пускали в ход всю силу фантазии и нередко сочиняли, что только взбредет в голову, лишь бы было пестро и забавно».

В. Шаламов, чье возмужание пришлось уже на «некалендарный XX век», изгнавший из быта людей «святочную» театральность, вспоминал уже иные формы вологодского «театра для себя»:

«Я хорошо помню февральскую революцию – как легко рухнул огромный чугунный орел, повязанный канатами и сорванный с фронтона мужской гимназии.

Помню и октябрьский переворот – в Вологде более будничней, чем свержение самодержавия, но в то же время и более значительный по разговорам взрослых, по тревоге общей...

Я хорошо помню Кедрова – командующего фронтом, помню его вагон. Помню латышей – в синих галифе, танцующих в городском саду без дам, друг с другом...

Едва кончив готовить уроки, я принимался за таинственную игру... щепками, спичечными коробками и разыгрывал про себя Гоголя, Пушкина и особенно Гюго и Александра Дюма...

Этот театрализованный пересказ всего прочитанного длился все детство». Вологодская «театрализация» (даже и деревенская!) основывалась на двух «театральных» психологических данностях, привнесенных в быт тихого города помянутыми гастролерами, «про-

фессиональными учителями жизни». Первая – из шекспировского «Гамлета» (в переводе Н.А. Полевого): *«Весь мир – театр, а люди в нем актеры»*.

В самом деле: «вологодский» человек очень рано приучился жить как будто не в настоящем мире, а в мире «большой сцены» – да еще и с открытой «четвертой стеной», из-за которой за тобой постоянно наблюдают и оценивают «соответственность» твоего поведения неким не вполне ясным «правилам». Поневоле приходится «актерствовать» и «маскироваться» – так, чтобы не быть узнанными. То есть – «менять манеры, голос, походку, вообще употреблять все средства, чтобы ввести в заблуждение интригуемое лицо, не обнаруживая себя». Что поделаться: хочешь жить – умей изобразить и Мефистофеля, и «мужичка-лапотника». Тем более, что изобразить последнего – куда как несложно, особенно если являешься «хорошим танцором». Кажется, именно это ощущение внутренней «театральности» помогло «людям крови вологодской» пережить в XX столетии ужасы ГУЛАГа. Тот же Шаламов все двадцать лет жизни посреди этих ужасов воображал себя в «театре»: то, что происходит – это не с тобой, а с тем, кого ты «играешь»; это не всерьез и ненадолго; всё это когда-нибудь кончится...

Другая житейская психологическая данность – из «Пиковой дамы» Чайковского: *«Что наша жизнь – игра!»*. Впрочем, знаменитую арию Германа лучше привести в более широком контексте:

Что наша жизнь – игра! Добро и зло – одни мечты!
Труд, честность – сказки для бабья;
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья?
Сегодня ты, А завтра я!
Так бросьте же борьбу! Ловите миг удачи,
Пусть неудачник, плача, Клянет свою судьбу...

В опере Чайковского эту арию исполняет герой, находящийся на грани безумия. «Человек крови вологодской», живущий в атмосфере «маскирования», не видит в подобных утверждениях ничего необычного. В «театральном» мире не может быть ни добра, ни зла, ни правды, ни неправды – всё это декорации, «мечты» или «сказки для бабья». В этой жизни ни к чему «бороться» или «петлять» в поисках лучшей доли – всё решает «удача», которая приходит по очереди: «сегодня ты, а завтра я». Такова житейская «игра», которую важно не проиграть.

Возвратимся к начальному эпизоду из «Солнца мертвых» Ивана Шмелева. В поведении двух вологодских людей, описанном там, проявилась прежде всего та же странная театральность. В необычных обстоятельствах 1919 года столкнулись два разделенных в общественном отношении земляка: революционный матрос из «вологодского конвоя» – и вышедший из глухой деревни столичный профессор, который волею судеб оказался в полной власти у этого «конвоя», готового поставить любого «эксплуататора» к стенке. Но оба, в сущности, находятся в положении «ряженных»: «актеров» того театра, каковым является «весь мир». Оба – из «мужичков-лапотников», попавших на разные роли из находящихся в глухом вологодском уезде соседних деревень. Просто костюмы на них сейчас разные.

Происходит узнавание и «срывание масок», знаменующее своеобразное «актерское братство». Кстати подходят и «зрители». Среди них есть как те, кто симпатизирует этому «вологодскому театру», так и ниспровергатели «театральности» – вроде ялтинского гимназиста, который взывает «к революционному самосознанию и партийной дисциплине», никаких «театров» не признающей. Наличие зрителей усиливает эффект «актерства» – и «вологодский конвой» переосмысливает драматическую коллизию, предлагая неожиданный финал: «выпустил из сарая всех». Главной «победительной» силой такого поступка оказывается именно «вологодская театральность», которая берет верх над всем остальным.

Это не просто сочувствие «земляку»: за ним стоит серьезная житейская философия. Поскольку для «театрального» человека «наша жизнь – игра», то он должен сознавать и «острые углы» этой самой игры. Любая «игра» основана не только на мастерстве, но и на житейском «везении»: «сегодня ты, а завтра я». И как-то спровоцировать или предсказать это везение – «играть наверняка» – невозможно. В нашем примере сначала «повезло» тому выходцу из крестьян, который «выбился» в профессору: сумел переменить жизнь, получать большое жалованье, приобрести дачу у теплого моря и т.п. Потом временное «везение» перешло к матросу, который на короткое время получил права командовать «врагами народа», безнаказанно грабить и убивать. А что – потом?

«Театральный» человек если не понимает, то нутром чувствует неустойчивость и «нестройность» той роли, которую играет. К тому же он всегда готов к театральному *порыву*, который всегда особенно ценился в актерской игре: «Ну вас к лешему!». И никогда не станет бездумным и холодным «палачом»: такое призвание с театром просто несовместимо.

Бабушка

Улица Подлесная

Я появился на свет 20 сентября 1950 года в Вологде, в родильном доме «на Свешниковской улице» – холодном трехэтажном здании, никак в моем сознании позже не запечатлевшемся. Тем более, что эта самая Свешниковская была совсем на другом конце невеликой Вологды.

А первые десять лет жизни я жил на улице, которая в год моего рождения еще носила романтическое название «Подлесная», хотя вроде бы никакого «леса» рядом и не было. Соседняя параллельная Подлесной улица называлась «Калашная» – тоже непонятно почему: знаменитая вологодская полицейская (а в мои времена – пожарная) каланча (упомянутая еще В.Г. Кололенко) была как раз на углу Подлесной, а не Калашной.

Та часть города, где располагались обе улицы, называлась Заречье – и находилась на левом берегу реки Вологды. Всё Заречье было невелико: оно завершалось улицей с еще более романтическим названием «Заболотная», а за нею как будто бы должны были начинаться болота... Впрочем, вся эта романтическая топонимия в мои сознательные времена уже не существовала: Подлесную переименовали в улицу Горького, Калашную – в Гоголя, а Заболотную – и вовсе в Карла Маркса...

Через Вологду-реку в Заречье были два моста: старинный деревянный мост (он, как водится, назывался «Красный мост»), блистательный памятник плотницкому искусству вологжан, служивший по назначению не меньше века. Этот мост был разобран в 1970 году – и сохранился разве что на двух-трех кадрах известного фильма «Достояние республики». Смотришь сейчас эти кадры – и не веришь, что ты действительно ходил по этому памятнику: ничего подобного нигде в России сейчас не увидишь.

Другой мост через Вологду назывался «Горбатый мост» и был основной транспортной артерией города: выходил из центра на улицу Чернышевского (перпендикулярную Подлесной и Калашной), за которой начинался большой Архангельский тракт на север. Он был сооружен тоже на месте какого-то старого моста в 30-е годы XX столетия; причем, ходили слухи, что строителей его расстреляли «за вредительство». Не знаю, в чем заключалось «вредительство», но этот мост без фундаментальной реконструкции выполняет свои функции и доньше.

Сразу за Заболотной улицей располагалась тюрьма – знаменитый Вологодский централ: за глухим кирпичным забором несколько

больших мрачных зданий красного кирпича со множеством маленьких окошек. Бабушка вспоминала, как давно, еще «до моей эпохи», на стене тюрьмы красовалась большая, едва ли не золотыми буквами, стихотворная надпись:

Эти стены воздвиг капитал.
При царе их попы освящали веками.
Коммунизм победит преступления тьму,
И фундамент сотрется годами.

В течение многих лет я потом наблюдал (слава Богу, снаружи!) этот замечательный централ, живо свидетельствовавший о том, что искомый всеспасительный «коммунизм» победит еще не скоро: количество мрачных зданий всё прибавлялось, а старые строения всё совершенствовались – то глухие окна появлялись, то новая – еще повыше – каменная стена с колючей проволокой. Наш сосед дядя Гена Сараев, здоровый добрый мужик с психологией «вологодского конвоя», служил в этой тюрьме надзирателем – и благополучно потом ушел на пенсию, а «фундамент» так до сих пор и не стерся.

Еще чуть дальше – и вовсе на окраине Вологды – располагались Красные казармы, строенные тоже еще «при царе» и потому очень прочные. Мне потом довелось проходить в этих казармах срочную службу – почему-то там сохранялось множество рудиментов прошлых лет: чуть перестроенные конюшни (превращенные в клуб и солдатскую столовую) и даже наружная коновязь возле плаца, хотя служил я совсем не в кавалерии, а, напротив, в дивизионе оперативно-тактических ракет...

А сразу же за Красными казармами заканчивался условный «город» и начиналась «деревня» – подгородный совхоз «Заречье». В нем я бывал единственный раз: в третьем классе нас в этот совхоз водили на экскурсию и демонстрировали поля и фермы, опытные участки и передовых доярок. Всё это куда-то очень быстро девалось: уже года через два на месте бывшего передового совхоза стали возводить другие – совсем городские – двухэтажные (деревянные) и пятиэтажные (кирпичные) типовые строения, демонстрируя таким образом «смычку города и деревни», о которой тогда много писали в газетах и говорили по радио.

Улицы Подлесная и Калашная находились совсем рядом с Вологодской-рекой, и прямо из нашего огорода открывался величественный вид

на Софийский Собор и колокольню – на то место, которое уважительно именовалось Кремль или Музей, или Центр. Стоило с нашего берега перейти на другой берег по недалекому Большому мосту (или лучше – переплыть на «перевозе», которых в те времена было несколько), как ты попадал уже в иную топографию. Кремль был, правда, весьма условным (просто – стены Архиерейского подворья), зато напротив красовалось действительно могучее здание под названием «Банк». Здесь, как мне объяснили, хранились деньги – и потому я сразу же преисполнился к Банку чувством отдаленного почтения.

А за Банком был Базар – там много людей торговало всякими вкусными и не очень вкусными штуками. И бабушка иногда ходила туда торговать; сопровождая ее, я очень стеснялся этого «непролетарского» занятия и всё спрашивал бабушку, почему она нынче будет продавать огурцы или крыжовник. Бабушка мудро и задумчиво отвечала:

— Базар цену скажет!

Этот базар располагался тоже возле какого-то храма (еще XVI столетия!), превращенного в мясной павильон. Ни купола, ни креста над храмом давно не было, а торговля мясом в храме Божиим воспринималась в ту атеистическую эпоху естественным делом. Торговцев было в 1950-е годы много: колхозники из окрестных деревень привозили и мясо, и молоко, и яйца, и грибы – в надежде получить живые деньги на свои непрехотливые нужды.

Другая церковь – тоже оплот вологодского Центра – стала важным культурным учреждением: собор Спаса Обыденного был превращен в кинотеатр, которому дали имя великого пролетарского писателя. Так и говорили в Вологде: кинотеатр Горький. Хороший был кинотеатр: два зала – большой и малый; последний, как водится, располагался в алтаре... Будучи совсем маленьким, я, помнится, задавался вопросом: почему кинотеатр – «горький»?

Между «мясным» и «киношным» древними храмами располагалась еще природная достопримечательность вологодского Центра: речка по имени Золотуха. И сама Вологда-река была невеликой и несудоходной, а Золотуха, ее приток, и вовсе напоминала ручеек. Через неё тоже было два моста: один каменный (сооруженный еще в XVIII столетии), и еще деревянный, воспетый в старом стихотворении Александра Яшина:

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,

Где водой проточной бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою...

Говорили, что Золотуха – это совсем даже и не река, а какой-то ров, вырытый неведомо зачем пленными татарами. В мое время в эту речку (или ров) сбрасывали всю вологодскую нечисть и прочие отбросы, и вода в ней была густой маслянисто-помойной консистенции и чудного рыжеватого цвета – потому-то и получила речка название детской болезни.

Обозначенное вологодское пространство я и осваивал в течение первых десяти лет своего бытия. Осваивал не сразу, а постепенно: по мере того, как научался воспринимать и познавать вологодский мир.

В. Кошелев – первоклассник.

Первые радости

Первая запомнившаяся радость: я сижу на отцовской голени, на черном блестящем хромовом сапоге, а отец, положивши ногу на ногу, раскачивает меня. Я подпрыгиваю, уткнувшись носом в кожу сапога – и повизгиваю от счастья. Помимо захватывающего ощущения полета, я испытываю удовольствие от непривычного запаха – то ли самой кожи, то ли дегтя, которым сапог надраен. Отец, молодой лейтенант в военной форме, тоже доволен – и все мы светимся от счастья в едином семейном порыве.

Отец недавно вернулся с войны (где был дважды ранен и дважды горел в своем танке ИС-2). Глядя на меня, он радуется жизни – и передает мне эту свою радость. Дома он бывает редко: служит где-то в воинской части (в тех же Красных казармах). А поскольку он бывший механик-водитель танка, разбирающийся в технике – то и служит «зампотехом»: вечно занят, вечно обременен починкой каких-то машин, строительством для этой «матчасти» каких-то «парков» или обучением неведомых водителей этих машин. Он уходит на службу, когда я еще сплю; приходит – когда я уже уснул; у него почти не бывает выходных... Поэтому видимся мы нечасто, и каждое свидание, дающее возможность попрыгать на его сапоге, воспринимается почти как счастье.

Маму я вижу чаще – хотя тоже не настолько часто, как хотелось бы. Когда отец воевал, она училась в своем Вологодском пединституте имени Молотова и получила диплом учителя русского языка и литературы. Пробовала работать в школе, – но не задалось; устроилась, как водится, в библиотеку и целыми днями выдает и принимает книжки... Я прыгаю на отцовском сапоге, а мама счастливо и тревожно наблюдает – как бы не навернулся. Я, кажется, еще не умею ходить.

А рядом со мной – бабушка. Она мудра и спокойна.

Еще одна радость. Я сижу на чужой печке. Рядом, на полатях, какие-то серые мешки. Любопытствуя, запускаю руку в один; там – черные сухари. А я уже большенький: начинаю даже говорить и понимать, что мне говорят. Достаяю сухарь – и с увлечением грызу своими молочными зубами.

Хозяйка дома, где я грызу сухари, – младшая сестра моей бабушки тетя Женя (бабушка зовет ее «Еня») и ее муж, дядя Митя Торгованов. Тетя Еня – неграмотная. По причине своей неграмотности она недавно попала в страшную историю. Сходивши раз в уборную, подтерла попу, как водится, газеткой. А в газетке был как раз портрет генералисси-

муса Сталина. Непонятно, где нашлись какие-то доброты (тетя Еня грешила на соседку), которые донесли куда следует, да еще и приложили к своему доносу – в качестве вещественного доказательства – тот самый использованный не по назначению портрет. Тетю Еню сразу увезли и полгода держали в кутузке как «врага народа»: 58-я статья. Ее дочке Зине, заканчивавшей тогда школу, пришлось даже подписать бумагу, где она отказывалась от «несоветской» мамы. Но пронесло: через полгода тетю Еню выпустили, и она вернулась домой, сильно похудевшая, но зато приобретшая житейского опыта...

Муж ее дядя Митя был очень важным человеком – проводником на железной дороге. Он почти постоянно был в дорогах и чаще всего ездил в Мурманск, откуда, бывало, привозил какую-то ценную рыбу под названием «палтус». За этим самым палтусом и пришла к Торгоновым бабушка, прихватив и меня.

И вот я сижу на печке и грызу сухарь. Мне радостно, хочется поделиться этой радостью с остальными. Я откусываю особенно хрустящий кусок и удивленно произношу: «Тр-трещит!»

— Это в голове у тебя трещит! – откликается дядя Митя.

Я лихорадочно соображаю: хорошо это или плохо, когда «в голове трещит». И прихожу к выводу, что – хорошо: трещит – значит действует...

Еще одну – вдохновенную – радость испытал я в больнице, куда попал в возрасте трех лет: необходимо было вырезать аденоиды, и мама каким-то образом договорилась на проведение этой операции с ведущим вологодским хирургом по фамилии Мышалов (или, как почтительно все говорили, Докторымышалов). Для этого меня положили (одного – без мамы!) на пару дней во «взрослую» больницу, в палату, где, кроме меня, лежало еще десяток больных мужиков. Самой операции я не помню (кажется, Докторымышалов засунул мне в рот какую-то кривую железяку, после чего я выплюнул из этого рта что-то красное). Зато потом меня кормили мороженым и давали еще какое-то невиданное желе ядовито-красного цвета – совсем как те аденоиды, которые выплюнул.

А радость случилась тогда, когда я (не помню уж, до операции или после), сидя на жесткой больничной кровати, стал вслух читать взятые в больницу книги. Читать я, конечно же, не умел (едва говорить научился), но со слуха быстро запоминал то, что мне прочитают. А со мной были именно те, многократно «читанные», книжки. О чем там писалось – не помню: кажется, про каких-то белых медведей и полярников. Но это были хорошо запоминающиеся «складные» стихи, да еще снабженные цветными картинками.

Вот я сижу, читаю, страницы переворачиваю. Вдруг мужик с соседней кровати, приглядевшись, восклицает:

— Смотрите, а сопля ведь на самом деле читает: страницы, где надо, переворачивает!

Другой мужик – не поверил: тоже подошел: «Точно!» А я вдохновился. Прочитал одну книжку, другую... И всё под восторги соседей по палате, озверевших от больничного безделья мужчин. Пошли крики: «Какой молодец!» А в конце я удостоился аплодисментов – для завершения восторга артиста.

Потом я стал тянуться к этим восторгам: еще до школы с удовольствием выступал в «дворовой самодеятельности», потом в школе. И даже после школы собирался поступать учиться «на артиста», и действительно, кажется, неплохо читал. Но такой вдохновенной радости, как в первый раз во «взрослой» больнице, не довелось испытать больше никогда.

Освоение двора

Наш дом по улице Подлесной (потом – Горького), 12. Типичный «мещанский» вологодский домик, который когда-то, еще до моего рождения, приобрел мой дед по матери Александр Васильевич Судачков. Деда этого (как, впрочем, и второго) я никогда не видел: он на войне умер.

Не погиб, а именно умер: в 1942 году его (уже 47-летнего) призвали на фронт и повезли куда-то под Сталинград. По дороге он заболел и умер где-то в эшелоне, так и не доехав до фронта.

А вообще-то дед был «подгородным крестьянином», жившим до времен коллективизации в деревне Долгово, в 23-х верстах от Вологды. Мужиком был справным, в колхоз записываться не захотел, и, как единоличник, был обложен в конце 1920-х годов «твердым заданием». Одно «твердое задание» выполнил – тут же получил второе. И предпочел собраться и идти из своего Долгова восвояси. Забрал с собой мою мать (которой тогда едва пять лет исполнилось), ушел в Вологду – и устроился с ней где-то в домике у своей сестры Шуры, которая в Вологде вдовствовала. Бабушка сначала с мужем не поехала...

А дед, Александр Васильевич, так и не вернулся в Долгово. Домику его сестры Шуры, можно сказать, повезло: он не только сохранился, но теперь, оказавшись едва ли не в центре города, олицетворяет былую красоту деревянной Вологды. Дело в том, что в соседнем (двухэтажном) доме когда-то проживала сосланная в Вологду сестра

В.И. Ленина Мария Ильинична Ульянова. И весь деревянный квартал решили сохранить и «музеефицировать» как свидетельство «деятельности большевиков в Вологодской ссылке». Для моей же семьи дом, где приютился вовремя бежавший от раскулачивания дед с маленькой матерью, – на самом деле красивый! – это свидетельство выживания русского мужика в самых экстремальных условиях. Где-то уже через месяц дед «натурализовался» в городе: стал железнодорожником («составителем» поездов) и «натурализовал» и маму мою, и, естественно, бабушку.

Начал он эту деятельность, кажется, чуточку раньше «года великого перелома»: очень вовремя – потому и удалось! Устроившись в Вологде, он еще умудрился (не знаю уж, на какие деньги) обрести свой (а не сестрин) уголок: сначала купил полдома на улице Багровской, но скоро продал: участок затапливался при весеннем половодье реки Вологды (тогда она еще серьезной рекой была!). А потом успокоился, обрета треть большого мещанского дома на Подлесной – которую я, собственно, и осваивал...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2020 № 3 (17)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 30.03.2020
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 26,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №